

Л.А. Молчанов

ГАЗЕТНАЯ
ПРЕССА
РОССИИ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Л.А. Молчанов

**ГАЗЕТНАЯ
ПРЕССА РОССИИ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(окт.1917 – 1920 г.г.)**

Москва
2002

ББК 76.01
М 78

Рецензенты:

*доктор исторических наук, профессор В.Н. Тарасова,
кандидат исторических наук, доцент В.Ж. Цветков.*

М 78

Л.А. Молчанов: Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт.1917 – 1920 г.г.). — М., Издатпрофпресс, 2002., 272 с.

ISBN 5-85405-0133-7

Монография посвящена истории развития российской газетной прессы в годы революции и гражданской войны. В ней рассматриваются вопросы, связанные с функционированием газетной периодики, деятельностью информационных агентств в России, работой цензурных органов и учреждений по распространению прессы. Значительное место уделено анализу содержания российских газет окт. 1917-1920 гг.

Книга предназначена для студентов исторических факультетов и факультетов журналистики вузов, преподавателей и всех тех, кто интересуется историей газетной печати России.

ББК 76.01

ISBN 5-85405-0133-7

© Л.А. Молчанов, 2002
© Издатпрофпресс, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ

1. Условия деятельности
и динамика газетной печати 14
2. Типологическая структура
и количественные показатели газетных изданий 28
3. Штаты редакционных коллективов
и авторский актив газет 53
4. Библиографирование и собирание газетной прессы. 68

ГЛАВА 2

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГАЗЕТНЫХ ИЗДАНИЙ

1. Формирование сети российских информационных
агентств и учреждений по распространению прессы 78
2. Работа иностранных
информационных агентств в России. 95
3. Производство и передача новостей. 97
4. Кадровый состав российской
идеологической бюрократии 124

5. Содержание сообщений информационных агентств	127
6. Распространение газетной периодики	132

ГЛАВА 3

ЦЕНЗУРА ГАЗЕТ

1. Создание системы цензурного контроля над прессой	142
2. Цензурные запреты и особенности осуществления надзора за прессой	160
3. Влияние цензурных запретов на содержание газет	168

ГЛАВА 4

СОСТАВ И СОДЕРЖАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПЕЧАТИ

1. Состав материалов газетной периодики	177
2. Мифотворчество и информационный потенциал газетной прессы	184
3. История Октябрьской революции и советской власти на страницах газет	199
4. Газеты об антибольшевистском движении	213

ПРИМЕЧАНИЯ	236
------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Среди письменных памятников культуры, позволяющих полнее представить исторический процесс, объяснить закономерности происходящих исторических событий, выделяется газетная пресса, в которой сосредоточены буквально все виды информации — от просто сообщающей до аналитической, "убеждающей" и даже "внушающей".

В годы революции и Гражданской войны, как и сейчас, газетная периодическая печать была одним из центральных элементов в пропагандистских системах России. Без всестороннего изучения печати того периода, ее места и роли в идейной борьбе, невозможно понять историю России революционных лет.

За годы советской власти создана значительная литература, которая в целом отражала процесс становления и развития большевистской и про-большевистской газетной прессы. Советская историография газетной периодики революции и Гражданской войны, как и вся советская историческая наука, была приспособлена к обслуживанию идеологических потребностей тоталитарного государства.

Исследование партийно-советской периодической печати началось сразу после окончания Гражданской войны. По подсчетам А.Л. Мишуриса, в 20-ые годы было опубликовано свыше 80 брошюр, статей и сборников по данной проблематике/1/. Авторами первых работ во многих случаях выступали активные участники революционного движения, организаторы советской печати, газетные работники, партийные публицисты и журналисты. Особенно выделялись работы: В.А. Антонова-Овсеенко, В.Белова, В.А. Быстрянского (Вотина), А.С.Бубнова, И.Вардина, Н.К. Крупской, Д. Лебедева, А.В. Луначарского, В.И. Невского, М.С. Ольминского, С.Б. Урицкого, Е.М. Ярославского и др./2/. В своих исследованиях они давали краткий очерк зарождения советской печати, показывали борьбу новых органов власти с небольшевистскими газетами, делали попытки изучения белой прессы. Авторы излагали точку зрения победивших в гражданской войне большевиков. Они комментировали ленинские положения о большевистской периодике, рассказы-

вали о методах борьбы советского государства с оппозиционной публицистикой. Содержание этих работ носило вульгарно-социологический характер. Авторы считали, что антибольшевистская периодика "сеяла... ненависть и презрение ко всему советскому, и ее содержание носило клеветнический характер"/3/. Эти работы во многом публицистичны, так как их авторы опирались, в основном, на личные воспоминания.

Отличительной особенностью исследований российской прессы в 1920-х годах был известный плюрализм мнений в рамках усиливающихся претензий на монополизм со стороны большевиков. В 30-х — начале 50-х гг. историография по истории печати в годы революции и Гражданской войны не получила сколько-нибудь значительного развития. После известного письма Сталина в журнал "Пролетарская революция" (1931 г.) и публикации "Краткого курса истории ВКП (б)", историки вынуждены были строго придерживаться сталинской трактовки истории 1917-1920 гг. В это время резко упало количество работ, посвященных роли периодики в идейно-политической борьбе за массы со стороны различных партий и организаций того периода. Из исторической литературы и специальных работ о политических партиях тема истории буржуазной и социал-реформистской печати практически исчезла. Исследователи изучали только историю партии большевиков и ее печати. Причем, изучали односторонне, умалчивая о тех сторонах деятельности, которые упоминать было нежелательно для имиджа ВКП(б) /КПСС/. В монографиях и статьях Т.И. Антропова, Б.В. Глазова, Г. Костомарова, Т.Е. Крылова, Н. Лернера, П.А. Сатюкова, Е. Сутоцкого и др. освещались только победы большевистской прессы над периодикой политических противников. В этих работах употреблялись трафаретные фразы о роли большевистских газет в борьбе коммунистической партии за победу в гражданской войне. Однако научное изучение газетной прессы полностью не прекратилось, шло накопление материала. Оригинальное исследование провели С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин, которые составили хронику событий 1917-1922 гг., построенную на сообщениях периодической печати. В ней собран и богатый иллюстративный материал/4/. Шаг вперед в изучении печати на Дальнем Востоке был сделан Г.Е. Рейхбергом/5/.

Очищение темы Октябрьской революции от деформаций сталинизма, начавшееся в связи с критикой культа личности Сталина во второй половине 50-х гг., сказалось на изучении газетной прессы анализируемого периода. Начался постепенный, хотя и зигзагообразный отход от догм "Краткого курса". Это нашло выражение в углубленном изучении большевистской периодики, в пробуждении интереса к истории меньшевистской повременной печати.

Но традиции "сталинской" историографии прерваны не были. Бюрок-

ратические методы руководства, догматизм, и некомпетентное вмешательство в работу историков остались. Деятельность исследователей была затруднена и регламентирована цензурными ограничениями и установками ЦК КПСС. Политическое руководство СССР видело в исторической науке, прежде всего, средство идеологического воздействия на массы, а не инструмент познания прошлого. С усилением застойных явлений в жизни общества эти тенденции нарастали. Подлинно научный подход к изучению общественных явлений в большинстве случаев подменялся так называемой актуальностью. Идеологические установки во многом определяли принципы отбора источников и влияли на интерпретацию фактического материала. Очень часто принципы объективности и научности жестко подменялись принципом коммунистической партийности. Искажался и подход к принципу историзма. Под разными предлогами регламентировались правила работы над архивными источниками. Исследователи вынуждены были отказываться от поиска новых идей и подходов. Подавляющее большинство работ стали практически идентичными. Тиражирование одних и тех же идей и выводов стало характерной чертой монографий, диссертаций и статей о печати.

Но, несмотря на все сложности, работать стало безопасней и проще. Результатом работы ученых явился целый ряд обобщающих монографий, диссертаций и статей, посвященных истории отдельных видов прессы, деятельности партийных публицистов и литераторов, функционированию конкретных изданий. Изучались вопросы борьбы советов с меньшевистскими газетами, выявлялась роль, удельный вес и влияние отдельных групп газет.

Среди исследований, специально посвященных советским газетам, следует отметить работы А.А. Гончарова, в которых собран богатый статистическо-библиографический материал о советских газетах октября 1917-1920 гг./6/. Значительный интерес представляли работы А.Ф. Бережного, Б.И. Варецкого, А.А. Круглова, А.С. Мишурина, Б.М. Морозова, Р.П. Овсепяна, И.С. Смирнова и др./7/.

В это же время появились работы, посвященные отдельным типам газет. Особое внимание историков привлекали советские военные газеты. В диссертациях, монографиях и статьях давалась общая характеристика военных газетных изданий, исследовалась деятельность политкомиссаров Красной армии по руководству прессой/8/. В исследованиях уделялось особое внимание рассмотрению форм и методов руководства военных, советских и партийных органов различными типами газетной печати/9/.

С конца 50-х до середины 80-х годов было создано значительное количество работ по истории региональной советской прессы, в которых рассматривалась газетная периодика. В этих исследованиях поднимались вопросы типологической структуры региональных газет, их кадрового состава

ва, эффективности их агитационного воздействия на общество. В число данных работ входят диссертации и монографии Г.В. Антохина, К.К. Куликова, И.В. Кузнецова, Э.И. Кузнецовой, Е.А. Корнилова, Н.Ф. Ракотушина, В.П. Шишко, А.В. Шумакова и др./10/. В исследованиях И.Е. Автайкина, А.Н. Боровика, Т.М. Насырова, К.К. Петрова, П.Ф. Потапова, А.С. Романова, Т.М. Сергеева, В.Ф. Солдатенко и др. рассматривались формы и методы работы советских газет в национальных районах РСФСР/11/. Однако хронологические рамки большинства исследований выходили далеко за период 1917-1920 гг., и проблемы развития газетной прессы в годы революции и Гражданской войны рассматривались в них бегло и схематично.

Изучению процесса подавления советской властью небольшевистской прессы посвящены исследования В.П. Будникова, Б.П. Балуева, А.З. Окорокова, В.А. Приставкина, А.И. Юрко и др./12/.

С семидесятых годов начинается достаточно обстоятельное изучение газет антисоветских политических режимов. Особую активность в этом проявляли сибиряки. В исследованиях А.П. Волгина, Е.Н. Косых, А.Н. Никитина, Н.М. Семенов и др. было введено в научный оборот значительное количество газетных изданий, выявлены особенности сибирской прессы, определено место сибирских газет среди других источников того периода. Эти исследования дают достаточно полное представление о положении сибирских газетных изданий. В них разработаны вопросы истории идеологической подготовки буржуазными газетами Сибири захвата власти Колчаком и роли сибирской небольшевистской газетной периодики как средства мобилизации антисоветских сил/13/.

С конца 80-х и, особенно с начала 90-х годов, после коренных изменений в политической системе российского общества и отмены цензуры, отечественная историография значительно расширила поле видения. Были сняты запреты с целого ряда документов, стал преодолевать схематизм, изучение прошлого становилось целостнее, глубже. Все эти процессы благотворно отразились на изучении газетной периодики России октября 1917-1920 гг. Однако этот процесс шел трудно. Сначала, во время перестройки (1985-1991 гг.), исследователи пытались соединить новые подходы и прежние партийно-классовые принципы, что было характерным не только для исторической науки, но и для всей общественной жизни СССР тех лет. Некоторые из опубликованных работ показывают, что исследователи зачастую производили "косметический ремонт" своих старых публикаций, чтобы они звучали в соответствии с новыми требованиями, и для комплексного анализа газетной прессы у них не хватало фактического материала. Среди обобщающих работ, в которых освещалась история газетных изданий за 1917-1920 гг., следует выделить учебное пособие известного исследователя печати Р.П. Овсепяна

"История новейшей отечественной журналистики"/14/, охватывающий период с февраля 1917 года по начало 1990-х годов. Часть первой главы этого пособия занимает история прессы с октября 1917 года по 1920 год. Автор попытался показать развитие не только советской прессы, но и периодики антибольшевистских государственных образований на территории России. Но успеха не достиг.

Книга в основном рассказывает о советской прессе. Причем, многие положения автор взял из своих более ранних работ, убрав упоминания о "руководящей роли партии", "контрреволюционной деятельности меньшевиков и эсеров", "преимуществах социалистического строя" и другие дефиниции, которые присутствовали в его более ранних работах. Автор дал краткий обзор развития советских газет, состава и содержания материалов на их страницах. Упоминается в пособии и белогвардейская пресса. Но это делается буквально вскользь. В работе нет анализа белой прессы, отсутствует даже приблизительная тематика ее материалов. В качестве примеров приводятся второстепенные газетные издания, которые не определяли характера антибольшевистской периодики.

О том, что у известного автора отсутствуют комплексные знания по истории антибольшевистской газетной прессы, свидетельствуют и неверные количественные показатели белой газетной периодики. Овсепян пишет, что "вместе с центральными изданиями белое движение располагало сетью местной и региональной печати... Всего около 30 изданий"/15/. Это неверно: антибольшевистских газетных изданий было гораздо больше. Кроме того, при упоминании о белой прессе в работе обойдена вниманием газетная периодика Северо-западной области России, контролируемой войсками Юденича.

Благоприятная общественная обстановка привела к тому, что в 90-х годах стали выходить книги, в которых названная проблематика начала анализироваться достаточно обстоятельно. Особенно выделяется здесь диссертация Е.Н. Косых/16/. В ней автор стремится воссоздать подлинную картину развития русскоязычной сибирской периодики, выявить ее роль в идейно-политической борьбе.

Кандидатская диссертация А.В. Криворотова/17/ представляет собой серьезную комплексную работу, в которой предпринята попытка изучить место и роль буржуазной повременной печати всего сибирского региона в событиях 1917 г.

Новые политические условия в России способствовали постановке таких сюжетов функционирования газетной прессы октября 1917-1920 гг., которые раньше в исследованиях не затрагивались. В советской историографии не поднимались вопросы, связанные с влиянием на прессу политической цензуры. В постперестроечное время такие работы появились/18/. Однако

эти исследования касались только советской цензуры, и, кроме того, они слабо раскрывали влияние цензуры на содержание российских газет. При освещении истории цензуры авторы нередко исходили из неверных исходных предположений. Так, в статье Горяевой говорилось, что при изучении советской прессы "практически не затрагивались вопросы, связанные с влиянием политической ситуации в стране на средства массовой информации... не учитывались сложности ее функционирования в общественной жизни"/19/.

Это не совсем верно. В исследованиях о советской периодике освещалось влияние политических условий на формы деятельности газет и журналов, показывались сложности функционирования прессы. Другое дело, что все это преподносилось тенденциозно и однобоко. Неверные исходные предположения и отсутствие в работах комплексного исследования работы цензурных органов приводило авторов к ошибочным выводам. Так, в статье Горяевой отмечалось, что "наиболее решительным актом в процессе становления официальной советской цензуры явилось учреждение 23 декабря 1918 г. по указанию ЦК РКП(б) отдела цензуры в структуре Реввоенсовета"/20/. Нельзя утверждать, что данный указ являлся "наиболее решительным актом" в становлении советской цензуры того времени. Летом 1918 г. и в 1919 г. принимались ничуть не менее решительные цензурные нормативно-правовые документы, которых автор даже не упоминает. При этом цензурные установления 1919 г. наделяли органы военного контроля гораздо более широкими функциями по контролю над печатью, чем декабрьские правила 1918 г. Неверные утверждения свидетельствуют о том, что тема взаимоотношений прессы и цензуры требует дальнейшего изучения.

В современных исследованиях по истории революции и Гражданской войны газетная периодика используется достаточно часто/21/. Исследователи подчеркивают высокую информационную насыщенность тогдашней газетной прессы "по самым различным вопросам политической и общественной действительности"/22/. Они отмечают особенность этого вида источников, где помимо "лавинобразного характера информации... немалое значение имеет партийность"/23/. Однако современные авторы делают нередко достаточно поверхностные выводы о функционировании газетной периодики. Так, в обстоятельном исследовании В.Д. Зиминной о белом движении и белой государственности деятельность информационно-агитационных органов белых государственных образований и учреждений цензуры практически не рассматривается. А между тем, они являлись очень существенными структурами в системе белой государственности. Выводы о роли и значении белой прессы, сделанные автором, вызывают значительные возражения. Так автор утверждает, что на территории антибольшевистских режимов определенные демократические свободы, "контролируемый плюрализм в политическом мышлении" проявлялись "не только в

декларировании "свободы печати", но и в повседневном ее существовании"/24/. При этом она ссылается на слова начальника отдела печати врангелевского правительства о том, что власти ценят печать как "культурную силу". Однако никак нельзя говорить о "повседневном" существовании свободы печати на территории белых режимов, так как вся белая печать была поставлена под цензурный контроль, а оппозиционные газеты и журналы преследовались. В белом Крыму 1920 г., пресса также находилась под строгим цензурным контролем. Кроме того, исследователь утверждает, что антисоветская пресса "выступала в качестве своеобразного эксперта всех политических и социально-экономических действий белых правительств"/25/. В роли эксперта антисоветская пресса выступать не могла из-за полной материальной и информационной зависимости от властей и строгих цензурных запретов.

Нередко в современных работах о времени революции и Гражданской войны история прессы и освещение в ней событий данного периода выделяются в отдельные разделы. Однако рассмотрение газетных сообщений носит в основном описательный характер и не соответствует современным требованиям исторической науки. В ряде современных исследований отечественных авторов газетная пресса используется поверхностно. Авторы заявляют о ее привлечении в качестве источника, но из их работ неясно, как именно они ею пользовались и пользовались ли вообще. Так, в монографии В.В. Рыбникова и В.П. Слободина отмечалось, что для анализа использовались материалы прессы/26/. Однако авторы не указывают, какие это материалы, где были опубликованы.

Русская эмигрантская историография недостаточно использовала газетную прессу в качестве источника для изучения революции и Гражданской войны. Н.Н. Головин, П.Н. Миллюков и другие историки газетные материалы почти не использовали/27/. Их работы в основном основывались на мемуаристике, нормативно-правовых актах, делопроизводственных документах.

Среди историков русского зарубежья активно работал с прессой С.П. Мельгунов. Он трудился в библиотеке Русского зарубежного архива в Праге и изучил большое количество советской и антисоветской газетной прессы. Кроме того, он собрал и вывез из советской России значительное количество газетного материала. В его работах: "Как большевики захватили власть", "Красный террор" в России", "Трагедия генерала Колчака" на основе газетно-журнальных сообщений восстанавливалась фактическая канва событий/28/. Ему в заслугу можно отнести попытку взглянуть на события этого периода с позиций историка, а не политика или публициста. "Я хотел бы, прежде всего, восстановить реальное изображение и прошлого, и настоящего, которое так искажается... в субъективной оценке современного практического политика", — писал он/29/.

Из наших современных соотечественников-историков, работающих за рубежом, достаточно активно российскую газетную прессу октября 1917-1920 гг. использует Ю. Фельштинский/30/. Однако в его работах отсутствует источниковедческий анализ газетной прессы, свидетельства газет не перепроверяются.

Зарубежные исследователи при подготовке своих трудов по истории революции и Гражданской войны использовали газетную периодику. Хотя на первом месте у них стояли мемуары Д. Дейси, Э. Карр, П. Кенез, Р. Лаккет, Б. Линкольн, Э. Моудсли, А. Рабинович, Р. Такер и другие использовали газетную прессу для иллюстрации отдельных положений своих исследований, уточнения отдельных фактов/31/. Из печати брались статьи и выступления руководителей политических режимов и лидеров общественных объединений, тексты законодательных актов, сводки боевых действий, факты политической борьбы и т.п. Но в работах отсутствует собственно анализ газет.

Оценивая состояние изучения газетных изданий, приходится констатировать следующее. Сейчас написаны крупные монографии по отдельным вопросам функционирования газетной прессы в годы революции и Гражданской войны, в научный оборот вовлечен, систематизирован и обобщен большой фактический материал по использованию в идейно-политической борьбе большевистской периодики. Но в отечественной историографии до сих пор нет ни одной обобщающей работы, в которой с достаточной полнотой получили бы освещение проблемы, связанные с деятельностью всего комплекса газетной периодики. Русская эмигрантская историография также не проводила обстоятельного изучения российской газетной периодики за анализируемый период. Назрела необходимость в создании комплексного монографического исследования газетной прессы октября 1917-1920 гг. в масштабах России.

Целью работы является комплексное изучение русскоязычной газетной прессы России октября 1917-1920 гг. как явления культуры. Внимание в исследовании сосредоточено на малоизученных или совсем неисследованных вопросах функционирования всей системы российской газетной печати. В книге получили освещение проблемы, от которых в первую очередь зависел характер отображения газетной периодикой событий революции и Гражданской войны, а также степень ее влияния на общество: информационное обеспечение, распространение газет, деятельность цензуры. В монографии рассматривается опыт газетной печати по выполнению ею политико-идеологической, информационной и просветительской функций.

Исследование написано с привлечением широкого круга источников. Главными из них являются русскоязычные газеты наиболее крупных государственных образований, функционировавших в то время в России: РСФСР,

Дальневосточной республики, Северной области, Северо-западной области России, Комуча, Украинской народной республики, врангелевского Крыма, регионов, подконтрольных Временному сибирскому правительству, Всероссийскому Временному правительству, Российскому правительству, Особому совещанию при Главнокомандующем всеми вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) и др. Нами было изучено около 2000 газет.

Кроме этого, в основу исследования были положены архивные материалы, многие из которых впервые вводились в научный оборот. Было использовано более 100 архивных фондов. Для разрешения поставленных в исследовании задач большую роль сыграли архивы высших законодательных и исполнительных органов власти и управления, военных частей и учреждений. Среди них особую важность представляли фонды ВЦИК, управления делами Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, СНК, Временного правительства Северной области, Министерства внутренних дел Российского правительства, Совещания по делам печати при управлении делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства, правительства Северо-западной области России, Политуправления реввоенсовета Республики (РВСР), Управления делами Народно-революционной армии ДВР, Военного министерства Российского правительства, управления командующего войсками Северной области, штаба Добровольческой армии, Главного управления Генерального штаба "Народной армии" Комуча и др./32/. Огромное значение для исследования имели фонды информационных учреждений: РОСТА, Отдела пропаганды Особого совещания, Русского общества печатного дела, Архангельского бюро печати и др./33/. При изучении советской периодики нельзя было пройти мимо фонда ЦК КПСС в РГАСПИ, где отложились документы по руководству прессой большевистским руководством/34/.

Большую помощь при написании монографии оказала личностная документация. Наиболее ценными являются мемуары глав правительств и крупных чиновников российских политических режимов, руководителей информационных и цензурных органов, журналистов: Н.Н. Алексеева, Л.В. Арнольдова, А.А. Валентинова, П.Н. Врангеля, А. Гана, Г.К. Гинса, А.И. Деникина, И.М. Калинина, Н.А. Лебедева, О.С. Литовского, Г.В. Немировича-Данченко, В. Оболенского, К.Н. Соколова, С. Штерна и др./35/. Дневники и переписка, сохранившиеся в личных фондах государственных деятелей, публицистов и литераторов, существенно расширили наши представления о функционировании газетной прессы. Нами были использованы фонды: Ал. Алтаева, М.Д. Артамонова, Д. Бедного, Н.К. Вержбицкого, В.Л. Бурцева, И.Ф. Наживина, М.С. Маргулиса, С.П. Подъячева, А.С. Серафимовича, М.Г. Сивачева, А.А. Яблоновского и др./36/.

ГЛАВА 1 ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ

1. Условия деятельности и динамика газетной печати

Период революции и Гражданской войны в России с октября 1917 по 1920 гг. характеризуется большим количеством газетных изданий. По нашим подсчетам, за это время выходило около 3000 наименований газет. Главной причиной появления такого количества изданий является то, что в условиях жесткого обострения социальных противоречий в обществе каждому политическому режиму, каждому мало-мальски серьезному общественному объединению для победы необходимо было разворачивать широкомасштабную агитационно-пропагандистскую работу в целях привлечения на свою сторону населения России. От того, каким политическим силам поверит большинство, и зависел, в конечном итоге, успех в борьбе. Именно поэтому все политические и общественные силы стремились, как можно больше развивать газетную прессу, т.к. она являлась в то время самым массовым средством пропаганды.

Из всех государственных образований, созданных на территории России в 1917-1920 гг., больше всего газет выпускалось на территории РСФСР. Большевики нуждались в целенаправленном манипулировании общественным мнением для упрочения своего положения. Созданная ими широкая сеть газетных изданий способствовала закреплению их идейного влияния в российском обществе. Основу газетной печати советской республики в октябре 1917-1920 гг. составляли издания советов и комитетов РКП(б). Широкая сеть центральных, губернских и уездных газет большевистских комитетов и советов была создана в советской России к весне 1918 г. В феврале 1918 г. в РСФСР одновременно выходило 293 газеты, из них 60 большевистских, 1

большевистско-советская и 232 печатных органа советов. По масштабу изданий они распределялись следующим образом: 13 из них были центральные, 90 — губернские и областные и 190 — уездные и городские. Издавались они в 68 губерниях и 216 городах РСФСР. В ряде уездов советской России выпускалось 2 и более газет/1/.

Всего с октября 1917 по 1920 гг. было выпущено 2042 издания, многие из которых выходили только несколько месяцев/2/. Самую немногочисленную группу газет представляли центральные издания. Их количество постоянно сокращалось. Если в 1918 г. выходило 44 центральных газеты, то в 1919 г. — 36, а в 1920 г. — только 23. По сравнению с декабрем 1918 г. к декабрю 1920 г. количество центральных газет сократилось с 27 до 17 единиц. Сокращение вызывалось экономическим кризисом и острой нехваткой бумаги/3/.

В целях усиления действенности большевистской агитации советское правительство не жалело средств на выпуск региональных и местных газет, что способствовало более эффективному внедрению в сознание людей большевистских стереотипов. Региональная пресса губернского и областного уровня развивалась по мере расширения территории, подконтрольной советскому правительству. Количество газетных изданий областного и губернского уровня увеличилось за три года Гражданской войны на 128 единиц. С октября 1917 г. по 1920 гг. вышло 1394 уездных и городских газеты, издававшиеся партийными органами большевиков и советами. Их сокращение наблюдалось только в 1919 г. в связи с наступлением белых армий. Так, если в 1918 г. выпускалось 209 республиканских, областных и губернских газет, то в 1919 г. их было лишь 136, а из 599 уездных и городских газетных изданий, выпускавшихся в 1919 г., к декабрю сохранилось только 186/4/.

Лучше всего газетами был обеспечен Центральный промышленный район и Урал, где было много издательских мощностей и положение советской власти было достаточно прочным. В этом регионе с октября 1917 г. по декабрь 1920 г. выпускалось 1007 советских и большевистских газет. На втором месте по обеспеченности населения советскими газетами была Украина с ее хорошими, хотя и сильно пострадавшими во время Гражданской войны полиграфическими мощностями. На территории Украины за то же время выходило 378 газет большевистских советов и комитетов РКП(б)/5/.

Несколько хуже были обеспечены советскими газетами Северо-западный регион, Белоруссия и Прибалтика, а также Кавказ. В Белоруссии и Прибалтике было издано 146 газетных изданий. На Северо-западе России с октября 1917 г. по декабрь 1920 г. вышло 139 советских и большевистских газет, на Кавказе — 135. Хуже всего обстояло дело с выпуском советских газет в Казахстане, Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. В Казах-

стане и Средней Азии, самых отсталых регионах России, в то время было издано 96 газет. В Сибири и на Дальнем Востоке было выпущено 138 большевистских газет. Столь небольшое количество большевистских газет в этом крупном регионе, во многом, объяснялось тем, что советская власть была там прочно установлена только в конце 1919 г., да и то не на всей территории.

Статистика газет по регионам показывает, что в 1920 г. выпуск газет советами и комитетами РКП(б) стал сокращаться. Если в центре и на Урале в 1919 г. было издано 503 газет, то в 1920 — 436. В основном, это объяснялось дефицитом бумаги, имеющиеся запасы которой перераспределялись в пользу регионов, недавно отвоеванных у белых/6/.

Идеологические руководители большевиков сумели приблизить пропаганду к населению. Основную часть советской газетной печати составляли уездные издания. Это позволяло лучше укладывать пропагандистский материал в привычную для аудитории систему ценностей и убеждений. По подсчетам А.А.Гончарова, всего на конец 1920 г. в советской России насчитывалось 497 газет. Большинство из них (305) было уездного уровня. Республиканских, губернских и областных газетных изданий было 175 наименований. Центральных газет, как уже говорилось, было только 17/7/. По сведениям организационно-инструкторского сектора ЦентрОСТА, собранным в конце 1920 г., в РСФСР выходило 580 обыкновенных и 276 стенных газет. Преобладающая часть газет были уездными изданиями. Их насчитывалось 531 единица. Губернских газет было 327. Больше всего газет издавалось в промышленно-развитых губерниях Юга России, Урала, а также в Донецкой (21 наименование), Екатеринославской (22), Черноморско-Кубанской (29), Терской (20), Тамбовской (23), Вятской (27), Пермской (22), Екатеринбургской (21) губерний. Больше всего газет выходило в Смоленской губернии. В Сибири и на Дальнем Востоке печаталось 60 газет. В Средней Азии — 48/8/.

После свержения летом 1918 г. советской власти в Сибири, на Дальнем Востоке и Урале в целях укрепления власти антибольшевистских политических сил стала воссоздаваться сеть антисоветских газетных изданий. Началась денационализация типографий, восстановили свою деятельность печатные товарищества, кооперативы. По подсчетам известного сибирского журналиста кадета А.В. Адрианова, из 100 печатных изданий, о времени возникновения которых в 1918 г. у него были точные сведения, половина из них появилась в июне (21 газета), августе (19) и декабре (10)/9/. По подсчетам Н.В. Семеновой, на территории Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской и Томской губерний с лета по конец осени 1918 г. выходило 95 газет/10/. После прихода к власти Колчака количество газетной прессы стало увеличиваться. Согласно "Списку изданий, выходящих на территории, освобожденной

от большевиков к 1 апреля 1919 г.", в белой Сибири выпускалось 122 газеты/11/. Одним из крупнейших газетных центров на территории, подконтрольной омскому Российскому правительству, был Дальний Восток. В 1919 г. там легально выпускалось около 50 газет/12/.

При белых практически в каждом сибирском городе издавалось не менее 2-3 газет, а в некоторых губернских и областных центрах их было около десятка. Особенно много газет выходило в Омске, столице белой Сибири, и старом культурном сибирском центре — Томске. В этих городах в начале 1920 г. выпускалось по 10 наименований/13/. На завершающем этапе Гражданской войны на первое место по численности периодических изданий выдвинулся Иркутск. Количество газет в Иркутске заметно возросло после вынужденного переезда сюда из Омска правительства Колчака в начале ноября 1919 г. Крупным издательским центром белого Востока России являлся Владивосток. В 1919 г. там печаталось 15 русских газет/14/.

С падением власти Колчака, на Дальнем Востоке стали создаваться официальные издания центральных и местных органов власти Дальневосточной республики, земств, воинских частей, профсоюзов, политических партий всех направлений — от монархического до большевистского и анархистского. Во Владивостоке печатными органами правого направления являлись газеты "Блоха", "Владиво-Ниппо", "Голос крестьянства", "Русская мысль на Дальнем Востоке" и "Слово". Газетами общедемократического и социалистического направления были: "Вечер", "Голос Родины", "Голос студента", "Дальневосточное обозрение", "Меркурий", "Рассвет" и др. Среди коммунистических и прокоммунистических газет выделялись "Красное знамя", "Крестьянская правда", "Уссурийский гудок", "Юный коммунист" и др. Был возобновлен выпуск газеты анархистов "Черное знамя"/15/. В каждом крупном центре ДВР выходило 2-3 газетных издания.

Властные структуры деникинского режима также стремились к развитию газетной прессы. По нашим подсчетам, в регионе выпускалось около 150 газет. Такое значительное распространение прессы в крае во многом объяснялось сложившимися традициями издательского дела. До Октябрьской революции Юг России обладал широкой сетью периодических изданий. По подсчетам Е.Е. Вороновой, в 1900-1917 гг. в регионе издавалось 470 газет, журналов, бюллетеней, сборников. Из них 185 — в Донской обл., 116 — в Кубанской, 120 — в Терской и Дагестанской, 49 — в Ставропольской губ./16/.

На белом Юге России было два крупных центра газетной издательской деятельности: Донская и Кубанская области. В Екатеринодаре выходило около 20 газет. Среди них "Воля Кубани" — печатный орган Кубанского краевого правительства, "Вестник Верховного круга", "Голос кубанца", "Казак", "Кубанская земля", "Кубанское слово", "Утро Юга" (издавал Союз воз-

рождения), военная газета "Сын Отечества" и др. Издательскими центрами Донской области являлись Новочеркасск и Ростов-н/Дону. Самой крупной из новочеркасских газет были "Донские ведомости".

В Ростове-н/Д. выпускалось около 20 газет. Из них выделяются: "Благовест", "Великая Россия", "Донская речь", "Жизнь", "Заря России", "Донская волна", "Народная газета", "Народная мысль", "Огни", "Парус", "Призыв", "Южный край". Одной из самых старых и известных газет этого региона был "Приазовский край". Среди других издательских центров региона следует отметить Киев, Одессу и Харьков, где выходило по 10-15 газет.

На территории, контролируемой войсками Врангеля, газеты выходили во всех крупных городах Крыма и Таврии. Журналист С. Оболенский считал, что их было около двадцати. "Газеты росли как грибы", — вспоминал он/17/. Крупнейшим издательским центром на врангелевской территории был Севастополь. Там выпускалось 9 газет: "Великая Россия", "Вечернее слово", "Военный голос", "Заря России", "Крымский вестник", "Русский вестник", "Царь-колокол" и др. Вторым центром являлся Симферополь, где издавались: "Вечерний курьер", "Время", "Земля", "Крестьянский путь", "Таврический голос" и др.

Северная область была бедна газетными изданиями. Фактически единственным издательским центром области являлся Архангельск, где, по нашим подсчетам, выпускалось 11 газет. Не очень широкое развитие получила газетная пресса в Северо-западной области России и в приволжских губерниях, контролируемых Комучем. Крупнейшим издательским центром на белом Северо-западе являлся Псков, у Комуча — Самара, где издавалось 5-7 газет.

В годы Гражданской войны массами можно было достаточно легко манипулировать. Множество людей в те годы очутилось в условиях неустойчивого и ненадежного существования, а потому испытывали острую потребность в новых эффективных идеях, в новых харизматических лидерах. Одно из главных направлений деятельности политических режимов России того времени заключалось в монополизации газетного дела. Эта монополизация и являлась основой манипулирования социальным поведением людей. Правительственные органы ставили газетные издания под свой контроль, материально поддерживали газетную прессу, пропагандирующую их программу и деятельность, снабжали ее бумагой, обеспечивали типографиями и оборудованием.

Центральный комитет РКП(б) внимательно следил за положением печатных органов большевистских комитетов и активно финансировал издания большевистских газет. В мае-июне 1918 г. секретариат ЦК РКП(б) разослал 218 партийным организациям анкету с вопросами о выпуске ими газет-

ных изданий/18/. В январе 1918 г. на заседании ЦК РСДРП(б) для издания в Москве газеты "Правда" в связи с предстоящим переездом туда советского правительства было выделено 200 тыс. руб./19/. Значительную помощь оказывал ЦК региональной партийной прессе. В письме Таврическому губернскому комитету РСДРП(б) от 10 декабря 1917 г. он сообщал, что на издание печатного органа губкома — газеты "Таврическая правда" отпущено 800 руб./20/.

ВЦИК и СНК проявляли постоянную заботу о развитии и совершенствовании советской прессы. Они постоянно оказывали материальную помощь советским большевистским газетам. Так, в ноябре 1917 г. Совнарком выделил газете "Деревенская беднота" ссуду в размере 250000 руб./21/. А в июле 1918 г. было принято постановление об отпуске в распоряжение Наркомзема 350 тыс. рублей на издание ежедневной газеты и еженедельного журнала/22/.

Местные советы повсеместно оказывали материальную помощь советским газетам. В марте 1918 г. исполком Ковровского совета постановил ежемесячно выделять по 2000 руб. местной советской газете "Рабочий и крестьянин" и по 1500 руб. на распространение иногородних газет по фабрикам и заводам. Президиум исполкома Нижегородского совета 10 марта 1918 г. постановил выдать типографии газеты "Красное знамя" субсидию в размере 10000 руб./23/.

Временное сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство и Российское правительство выделяли значительные средства для поддержания официальных и проправительственных газетных изданий. Деятельность официальных газет белой Сибири осуществлялась за казенный счет по смете МВД/24/. Совещание по делам печати регулярно выделяло средства для МВД на ведение агитационной работы и выпуск газет. В июне 1919 г. МВД перечислило управляющему Иркутской губернии 50000 руб. на превращение "Иркутских губернских ведомостей" в еженедельный орган и на увеличение его тиража/25/. В том же месяце Совещание по делам печати отпустило в распоряжение МВД 30000 руб. на поддержку газеты "Амурское утро"/26/. В следующем месяце было выделено 300000 руб. для расширения дела агитации и пропаганды в Енисейской губернии и на помощь газете "Енисейский вестник"/27/.

Правительственные структуры подыскивали для официальной газетной прессы полиграфические возможности, снабжали ее бумагой. В середине 1919 г. МВД удалось добиться того, что из железнодорожного состава с газетной бумагой, следующего из Владивостока, на нужды официальных газет стали отпускать по одному вагону в Иркутске, Красноярске, Томске, Семипалатинске, Барнауле и Новониколаевске/28/. Общественные организации, на-

лаживающие выпуск местных проправительственных газет, также поддерживались казенными средствами. В октябре 1919 г. Совещание по делам печати постановило ежемесячно выделять просветительскому обществу в Красноярске 20000 руб. на издание газет в уездах Енисейской губернии/29/. Даже в последние месяцы колчаковского режима официальным газетным изданиям продолжала оказываться достаточно солидная финансовая помощь. 24 сентября 1919 г. Совещание по делам печати выделило на помощь газетам 589040 руб./30/.

Под постоянным контролем держали выпуск газетных изданий власти на белом Юге России. Свобода деятельности газет здесь была сильно ограничена, хотя формально и не запрещена. Деникинское правительство оказывало сильное давление на редакции газет, заставляя их придерживаться определенного политического направления в духе главных задач Особого совещания. Оно финансировало официальные и проправительственные издания и обеспечивало их бумагой. Последняя поступала в распоряжение правительственного отдела пропаганды, и тот распределял ее по изданиям "только в достаточной мере послушным"/31/. Такая политика ставила остальные газеты в крайне невыгодное положение. И они вынуждены были следовать идеологическим установкам Особого совещания и "входить с ним в те или иные договорные отношения в целях получения бумаги, либо покупать таковую... втридорога", — отмечал в 1920 г. "Таврический голос"/32/.

Врангелевский режим также стремился превратить газеты в послушное оружие пропаганды своей политики. Используя финансовую зависимость и бумажный голод, правительство белого Крыма подчиняло себе газетную периодику. У редакций выбора практически не оставалось, т.к. из-за дороговизны они с трудом сводили концы с концами. Только цена бумаги в Крыму за три года революции и Гражданской войны поднялась с 3 руб. до 80000 руб. за пуд/33/. Правительство поддерживало газеты правого монархического направления. Это соответствовало его политической линии. "Конечно, преобладание правых газет среди субсидировавшихся правительством не было простой случайностью, — отмечал крымский журналист Оболенский. — Ибо если еще можно допустить, что "правые" руки могли творить левую (практическую) политику, то правая голова не могла говорить левые слова"/34/.

Большинство изданий Крыма были послушным идейным оружием в руках военной верхушки. Характеризуя врангелевские газеты, руководитель правительственного Отдела печати Г.В. Немирович-Данченко отмечал: "...3/4 крымской печати носило официозный характер... большая часть газет вынуждена была пользоваться субсидиями правительства, чтобы как-нибудь свести концы с концами"/35/. Без казенных субсидий и льготного получения бумаги обходились всего несколько изданий. Оболенский называет газеты: "Южные

ведомости", и "Ялтинский вестник". Кроме них, более или менее независимую позицию занимали еще севастопольский "Юг России" и симферопольские "Известия крестьянского союза"/36/.

На территории Северо-западной области России разрешения на издания давались тем газетам, которые поддерживали политику правительства. Так, командующий псковским районом полковник С.Н. Булак-Балахович разрешил выпуск газет "Возрождение" и "Новая Россия освобождаемая", за то, что они раздували его "мнимые доблести" и замалчивали "все безобразия". Другим газетным изданиям подобное разрешение было получить крайне трудно, а зачастую невозможно. Закрытая советской властью газета псковской интеллигенции "Псковская жизнь" так и не смогла возобновить свою деятельность при власти Временного правительства Северо-западной области России/37/. В Северной области правительство в первую очередь материально поддерживало "Вестник ВПСО", освобождало от службы в армии сотрудников его редакции. Когда, к примеру, потребовалось освободить от призыва сотрудника газеты А.И. Попова, правительство в качестве исключения пошло на это /38/.

Осуществление политики монополизации газетного дела приводило к тому, что газетные издания, проводя на своих страницах политику правительства и ведущих политических сил, слабо выражали общественное мнение. Так, известный журналист Г. Раковский, характеризуя состояние печати врангелевского Крыма, отмечал: "Нерв общественной и политической жизни в Крыму — печать — был парализован"/39/.

Газетная пресса в годы революции и Гражданской войны создавалась и функционировала в условиях идеологизации всех сторон жизни российского общества. Идеологизация как наиболее экспансивная и навязчивая система агрессивно проникала в политику, нередко в формах идеологического экстремизма. Руководство российских политических режимов преследовало оппозиционную прессу, закрывало газеты политических противников, стремилось подорвать их материальную базу. Только позиция Временного правительства Северной области позволяла выпускать газеты разной политической ориентации за исключением большевистской. Правительство Дальневосточной республики разрешило выпуск на своей территории газет различных политических сил. Закрыты были лишь колчаковские официозные издания.

Такую политику властей по отношению к оппозиционной прессе часто разделяло общественное мнение и выражали газетные издания. Можно сказать, что такая политика соответствовала менталитету определенной, и отнюдь не только большевистской, части российского общества. Екатеринбургская газета "Отечественные ведомости" считала необходимым и естественным закрывать газетные издания, открыто враждебные колчаковской власти.

К ним, по мнению редакции, власти "вправе применить прямолинейный и решительный закон войны, т.е. уничтожить их без всякой предварительной цензуры"/40/.

При этом речь шла не только о большевиках, хотя в первую очередь имелись в виду именно они, но и обо всех тех, кто был открыто враждебен "собирающей Россию власти". В принципе под это определение можно было подвести прессу любой политической силы, оппозиционной колчаковскому правительству и его союзникам. Газета считала в принципе правильной политику большевистского правительства по подавлению оппозиционной прессы. Редакция "Отечественных ведомостей" считала ее вполне обоснованной, т.к. "после большевистского захвата власти нелепо было бы со стороны правительствующего Совнаркома наряжать предварительную цензуру, например, над "Русскими ведомостями"... Потому что и здесь были все те же два абсолютно непримиримых открыто враждующих стана, и ни о каких церемониях и "конвесах" с той и другой стороны не могло быть и речи"/41/. Причину такой политики по отношению к прессе редакция газеты обосновывала условиями Гражданской войны. Публицисты газеты считали, что в военных условиях все решается силой, и для достижения военного успеха необходимо уничтожать противника, чтобы он не уничтожил тебя. "Гражданская война есть тоже: война... Смешно говорить о "предварительной цензуре" в применении к прямому врагу или прямому его пособнику", — говорилось в газете/42/.

Большевики начали осуществление этой политики сразу после октябрьского переворота. Эта политика была принципиальным положением большевистской программы действий. "Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки, — говорил Ленин на заседании ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. — Терпеть существование этих газет, значит, перестать быть социалистом"/43/. Были намечены направления борьбы с меньшевистской прессой: закрытие газет, конфискация их полиграфической базы и т.д. Сразу после победы большевистского восстания в Петрограде были закрыты газетные издания кадетов: "Речь", "Новое время", "Вечернее время", "Русская воля", "Биржевые ведомости", "Современное слово", "Новая Русь" и др. Большинство из них было закрыто за публикацию воззвания свергнутого Временного правительства. 26 октября 1917 г. Петроградским ВРК было отдано "Общее распоряжение по занятым типографиям", которое запрещало публикацию материалов без разрешения ВРК/44/. Решительные действия Петроградского ВРК были закреплены декретом СНК о печати/45/.

По мере установления советской власти на местах начиналась борьба с меньшевистской прессой. Ее стали ликвидировать. В далеком Туркестане

в декабре 1917 г. постановлением СНК Туркестанского края были закрыты меньшевистские газеты, выходившие в этом регионе: "Туркестанский вестник" и "Туркестанский курьер". По данным А.А. Гончарова, с октября 1917 г. по июнь 1918 г. советской властью были закрыты 471 газета. Причем факт закрытия доказан в 291-м случае, а в 180-ти документы об их закрытии не обнаружены. Больше всего газет было закрыто в ноябре 1917 г., когда только что взявшая власть партия большевиков была еще очень слаба и пропаганда антибольшевистской печати была для нее особенно опасна/46/.

В первую очередь советская власть закрывала газеты, выражающие интересы крупного капитала и его политических партий. По подсчетам А.З. О कोरोкова, за период с октября 1917 г. по март 1918 г. было закрыто 216 газет. Из них 128 были изданиями буржуазно-помещичьих кругов. По мере обострения противоречий между большевиками и партиями социалистической ориентации советская власть начала закрывать газеты меньшевистского и эсеровского направления. За апрель-июль 1918 г. из 234 закрытых газет 142 были меньшевистскими и эсеровскими/47/. В марте-мае 1918 г. на территории советской республики прекратили свое существование издания городских дум и земств/48/.

В начале июля 1918 г. после мятежа левых эсеров участь оставшихся меньшевистских газет была предreshена. 9 июля "Правда" и "Известия ВЦИК" опубликовали постановление отдела печати при Моссовете, согласно которому объявлялись недействительными все удостоверения о регистрации периодических изданий, выданные до 6 июля 1918 г. включительно. Впредь до особого распоряжения прекращалась выдача удостоверений на право печатания повременных изданий. За нарушение данного постановления предусматривались наказания "по всей строгости военного положения". Настоящее постановление не распространилось на периодические издания РКП(б) и советских учреждений, а также органы периодической печати "чисто профессионального и научного характера"/49/.

С этого времени советская власть перешла к окончательной ликвидации меньшевистских газет. Они стали повсеместно закрываться. Только в Москве было закрыто 150 меньшевистских изданий/50/. К концу 1918 г. на территории советской России практически перестали существовать газеты предпринимательских кругов, кадетского, меньшевистского и эсеровского направлений.

Наряду с закрытием изданий, советская власть стремилась подорвать материально-финансовую базу меньшевистских газет, так как последние имели в своем распоряжении хорошо оборудованные типографии, запасы бумаги и квалифицированные кадры. Это было их серьезным преимуществом перед большевистской прессой.

Сначала было решено лишить небольшевистские газеты доходов, которые они получали от публикации частных объявлений. 8 ноября 1917 г. был издан декрет "О введении государственной монополии на объявления", согласно которому печатать последние могли только "издания Временного рабочего и крестьянского правительства в Петрограде и издания местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов"/51/. Эта мера сильно подрывала экономическую базу небольшевистских газет.

Для постепенной ликвидации материально-технической базы буржуазных и мелкобуржуазных газет советской властью применялись секвестр, реквизиции, конфискации типографий и оборудования. В первые же недели советской власти небольшевистские газеты начали лишаться своих типографий. Власти закрыли крупнейшие типографии, где печатались газеты "Речь", "Новое время", "Биржевые ведомости", "Русская воля", "Петроградский листок", "Новая Русь", "Живое слово", "Копейка" и др. В Москве у владельцев были изъяты типографии газет "Русское слово", "Русские ведомости", "Раннее утро", "Московский листок" и др. Советские органы конфисковывали типографии в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Одессе, Харькове и др. городах. Однако необходимо отметить, что декрет о монополизации объявлений оказался менее действенным, чем ожидалось. Небольшевистские газеты нередко продолжали их печатать.

Широкое огосударствление типографий и других предприятий полиграфической промышленности начало происходить со второй половины 1918 г. В этот период в Петрограде было отчуждено 26 типографий, в 1919 г. — 54, в 1920 г. — 48/52/. К концу 1917 г. более 30 полиграфических предприятий поступило в распоряжение советской власти. К концу июля 1918 г. эта цифра превысила 70, а к концу года — 90 /53/. К октябрю 1919 г. советская власть национализировала 125 предприятий полиграфической и бумажной промышленности/54/. Все они становились базой для развития советской и большевистской периодической печати.

Как политика советской власти отражалась на региональной небольшевистской газетной прессе, можно судить по ее развитию в Сибири в ходе установления там большевистского правления в октябре 1917 — мае 1918 гг. С декабря 1917 по май 1918 гг. в этом регионе было закрыто 53 буржуазные и социал-демократические газеты. В результате большевистской политики общее количество буржуазно-кадетских газет в Сибири сократилось с 17 в ноябре 1917 г. до 5 в апреле-мае 1918 г., эсерово-меньшевистских — с 26 до 6, правозесеровских — с 20 до 9, народно-социалистических с 5 до 0/55/. Прекратили издание наиболее известные в регионе газеты, такие как: "Иркутская жизнь", "Свободная Сибирь" /Красноярск/, "Сибирская торговая газета" /Тюмень/, "Единение" /Иркутск/ и т.д. К лету 1918 г. от буржуазно-

кадетских газет остались только малоизвестные "Курганская свободная мысль" и "Забайкальская новь" /Чита/, недавно появившийся "Иркутский вечер" и др.

К февралю 1918 г. большевистская периодика начинает на равных конкурировать с прессой своих политических оппонентов. В феврале 1918 г. в Сибири на 330 номеров 20 большевистских газет (общий тираж 1 млн. 300 тыс. экз.) насчитывалось 186 номеров 12 буржуазно-кадетских газет и 247 номеров 33 социалистических газет (общий тираж соответственно 560 и 750 тыс. экз.)/56/. В конце весны 1918 г. в крупных промышленных центрах Сибири сложились стабильные комплексы большевистских газетных изданий. В Томске выходили "Знамя революции", в Иркутске — "Власть труда", в Омске — "Известия Западносибирского и Омского областных исполнительных комитетов советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов" и др./57/.

Антибольшевистские политические режимы в своем большинстве также проводили жесткую политику по отношению к оппозиционной газетной печати. Власти Комуча преследовали как пробольшевистские газеты, так и издания кадетского толка. Известный журналист А. Гутман вспоминал: "В эсеровской печати велась демагогическая травля всех инакомыслящих. Она внушала чехам и населению, что все те, кто не с эсерами, монархисты и реакционеры, опасны для революции, как и большевики"/58/.

Сибирские антибольшевистские правительства параллельно с поддержкой официальных и проправительственных газет, начали подавлять оппозиционную прессу. Прежде всего, после свержения советской власти были ликвидированы советские большевистские газеты. Этот процесс растянулся до августа 1918 г. В связи с поправлением политики Временного сибирского правительства стали усиливаться преследования органов печати социал-реформистского направления. К ним относились органы партийных комитетов меньшевиков, эсеров, профсоюзных и кооперативных организаций. Эта же линия была продолжена при Временном Всероссийском правительстве. В ноябре 1918 г. на всей территории востока России, где была свергнута советская власть, по официальным данным насчитывалось лишь 9 эсеровских и 4 меньшевистских издания/59/.

После прихода к власти Колчака гонение на меньшевистскую и эсеровскую печать усилилось. Особая "заслуга" в этом деле, несомненно, принадлежала В.Н. Пепеляеву. Став в декабре 1918 г. товарищем министра внутренних дел, он разработал программу основных направлений деятельности министерства, в которой, по свидетельству его соратников, "преобладала полицейская точка зрения"/60/. В итоге контроль над прессой еще больше усилился. Управляющие губерниями должны были за своей подписью направлять в отдел печати министерства еженедельные отчеты о повременных

изданиях, выходивших на их территории. Требовалось указать тираж издания, издательство, издателя, типографию, данные о партийности каждого органа печати. Собирались также сведения о партийной принадлежности редакторов, месте их жительства. Для обследования прессы на места посылались чиновники. В результате репрессивных мер по отношению к прессе в начале 1919 г. было закрыто 16 профсоюзных газет и газет эсеровского направления.

После падения Колчака, на территории Дальневосточной республики были закрыты официозные правительственные газеты. Во Владивостоке, Петропавловске-Камчатском, Хабаровске, Чите и др. городах края перестали выходить "Восточная окраина", "Забайкальская новь", "Казачье эхо", "Камчатский вестник", "Крестьянская газета", "Приамурье", "Приамурская жизнь", "Русская мысль" и др.

На территориях Северо-западной и Северной областей России были закрыты все советские газеты и газеты РКП(б). Правительства этих регионов также стремились держать под своим контролем газетные издания, однако политическая позиция Временного правительства Северной области позволяла достаточно свободно выпускать на территории области газеты правой, либеральной, и социал-реформистской ориентации. Архангельскую газету "За Родину" издавал Объединенный комитет архангельских общественных организаций. Другие архангельские газеты "Отечество" и "Русский Север" являлись органами правых, политическими центрами которых были "Союз национального возрождения" и офицеры, группирующиеся вокруг славяно-британского легиона. Газета "Возрождение Севера" выступала сторонницей демократического центра и популяризировала идею объединения всех демократических сил, которую выдвинуло совещание кооперативных организаций Архангельской губернии.

Однако особенность развития газетной периодики России в годы революции и Гражданской войны заключалась в том, что, несмотря на репрессии властей, осуществить монополизацию газетного дела в полной мере не удавалось, и оппозиционные газеты продолжали выходить. Этому, прежде всего, способствовало сопротивление журналистов. Редакторы возобновляли издания под другими названиями, пользовались искусным подбором информации и всякого рода оговорками и недомолвками. Издания переводились с дневных выпусков на вечерние, менялась периодичность выхода газет. Со страниц газетной прессы убиралось указание на принадлежность к политическому направлению. Газеты называли себя "народными", "демократическими". На территории советской России официальный орган кадетов, газета "Речь", неоднократно меняла название и продолжала выходить. Она называлась: "Наша речь", "Свободная речь", "Век", "Наш век", "Новая речь". Часто

менял название орган правых эсеров "Дело". Он назывался и "Дело народное", и "Дело народов" и др. А центральный орган ЦК РСДРП(объединенной) "Рабочая газета" с 21 по 30 ноября 1917 г. выходил под названиями: "Луч", "Заря", "Клич", "Пламя", "Факел". Газета "День", выражающая взгляды крайне правых групп меньшевиков-оборонцев, с октября 1917 г. по май 1918 г. имела несколько названий. "Новый день", "Ночь", "Полночь", "Грядущий день", "В глухую ночь".

На территории антибольшевистских политических режимов журналисты применяли те же методы. Адрианов писал, что закрытие газет в белой Сибири как правило сопровождалось "легким ... переименованием. Так, например, на месте закрытого в Омске "Дела Сибири" последовательно появились "Пути Сибири", "Понедельник", "Дело труда"; вместо тюменской "Рабочей жизни" — "Рабочее знамя", "Рабочий день", вместо барнаульского "Алтайского луча" — "Свободный луч", и вместо "Нашего пути" — "Новый путь", вместо иркутских "Сибири" и "Дела" — "Новая Сибирь" и "Наше дело", вместо благовещенского "Голоса труда", "Рабочая газета", "Наш голос", "Наши дни" и т.д."/61/. Большевистская владивостокская газета "Красное знамя" с падением советской власти в 1918 г. меняла название около 10 раз и продолжала издаваться.

Несмотря на наращивание репрессий против сибирских газет социалистического направления, они продолжали существовать, а в ряде случаев их количество даже увеличивалось. Сотрудники меньшевистских партийных изданий, закрывавшихся по требованию МВД, переходили на работу в газеты, работающие под эгидой профсоюзов. Журналисты закрытых эсеровских газет становились сотрудниками изданий, выпускавшихся земствами и кооперацией. Значительная часть этих изданий формально были беспартийными, но на деле с их страниц велась пропаганда взглядов меньшевиков и эсеров. В конце марта 1919 г. правительственные чиновники констатировали: "Наиболее многочисленными и распространенными являются периодические издания социалистического направления и посвященные вопросам кооперации"/62/. В 1919 г. в белой Сибири, несмотря на все преследования властей, появлялись новые профсоюзные органы печати.

Даже большевистским журналистам после закрытия советских изданий удавалось устроиться в эсеровские, меньшевистские, кооперативные и профсоюзные сибирские газеты и вести с их страниц большевистскую пропаганду. "Только типичные советские газеты сошли со сцены в Сибири по мере освобождения ее территории от большевиков и их засилья. Дух большевиков и /витает/ еще на многих из собратьев из стана эсеров и эсдеков, а также из среды профессиональных и кооперативных союзов, издающих и теперь в Сибири газеты большевистского уклона", — отмечал сибирский журналист

А.В.Адрианов/63/. Только на Дальнем Востоке в 1919 г. большевики сотрудничали в 32 газетах/64/.

Репрессии властей приводили к частой смене политической ориентации газетных изданий. Ради сохранения изданий и в угоду политической конъюнктуре, журналисты нередко жертвовали принципиальностью и профессиональной честностью. В особенности такое положение было характерно для газет белого Юга России, где наблюдалась частая смена власти. Журналист С. Штерн, как яркий пример подобной беспринципности, приводил киевскую газету "Последние новости". "При том же фактическом редакторе и при том же составе сотрудников, писал он, — эта киевская газета горячо и пылко германофильствовала во время немецкой оккупации, поддержала Антанту (при появлении французского флота в Черном море), поддерживала добровольцев (когда Добровольная армия укреплялась в киевском районе), и славославила украинских самостийников (при захвате Киева петлюровцами)/65/.

2. Типологическая структура и количественные показатели газетных изданий

Газетная периодика в годы революции и Гражданской войны в значительной степени способствовала формированию общественных стандартов в оценках происходящих политических процессов. Это положение газет в идейной борьбе того времени во многом определило типологическую структуру газетной прессы. Наиболее многочисленными группами газетной периодики являлись издания, которые представляли ведущие политические и социальные силы общества. Среди них главными были: официальные издания, военные газеты, газетные издания российских информационных учреждений, печатные органы политических партий и газеты для крестьян.

Издателями газет являлись центральные и региональные органы власти и органы местного самоуправления, агитационно-пропагандистские учреждения, армейские политорганы, информационные агентства и учреждения экспедирования и распространения прессы. Среди них выделялись: Агитационный культурно-просветительный отдел Комуча, Архангельское бюро печати, Донской отдел осведомления, Госиздат, Кубанский отдел пропаганды, Отдел агитации и пропаганды при Совете министров правительства Северо-западной области России, Отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, Российское телеграфное агентство (Омск), РОСТА, "Русское общество печатного дела" (Омск), Центропечать и др. Издавали свою газетную прессу центральные и региональные комитеты российских политических партий (РКП(б), кадеты, меньшевики, эсеры, ле-

вые эсеры, анархисты и т.д.), а также общественные организации (профсоюзные, крестьянские, молодежные, церковные и др.), партизанские отряды и кооперация

Достаточно многочисленную и важную часть газетной прессы России октября 1917-1920 гг. составляют официальные издания органов власти. Именно они вели пропаганду правительственных программ. Они являлись основными источниками информации о деятельности центральных и местных органов власти и учреждений, созданных российскими политическими режимами. Финансировались перечисленные издания за казенный счет.

В РСФСР официальными газетными изданиями являлись печатные органы советов всех уровней во главе с "Известиями ВЦИК". В основном, это были многочисленные "Известия" губернских, областных, уездных, городских, волостных, станичных, советов рабочих, солдатских, казачьих, красноармейских депутатов. Всего с октября 1917 по конец 1920 г. было издано 1004 газеты советов, поддерживающих политику РКП(б)/66/. Рост числа официальных советских газет продолжался до июня 1918 г., когда их количество достигло 278 наименований и увеличилось по сравнению с декабрем 1917 г. на 151 единицу/67/.

В дальнейшем количество газет, издававшихся советами, стало сокращаться. В конце 1918 г. их выходило 232, в декабре 1919 г. — 110, а в декабре 1920 г. — 112. Одновременно с этим в 1918-1920 гг. растет число газет, являвшихся совместными печатными органами комитетов РКП(б) и советов. По Центральному и Уральскому районам издание таких газет увеличивается на 58 единиц, а на Украине более, чем в 3,5 раза/68/. Этот процесс был вызван во многом переходом власти от советов к комитетам РКП(б), в результате чего советы теряли самостоятельность, и издание совместных партийно-советских печатных органов в условиях всеобщего дефицита бумаги становилось единственно возможным решением.

На территории белой Сибири центральным официальным печатным органом являлся "Сибирский вестник", орган Сибирского временного правительства, выходивший в Омске с августа по ноябрь 1918 г. Официальным органом пришедшей к власти Директории был "Вестник Временного Всероссийского правительства". Он издавался с 6 по 17 ноября 1918 г. Сразу после колчаковского переворота стал издаваться новый официальный печатный орган — "Правительственный вестник". Его издание продолжалось до падения Омска в ноябре 1919 г. На белом Юге России Правление Всевеликого войска Донского выпускало "Донские ведомости", Кубанское краевое правительство — "Вольную Кубань", Органом Кубанского казачьего круга являлась газета "Кубанец". Официальным изданием Временного правительства Северной области была газета "Вестник Временного правительства Северной обла-

сти". Комитет членов Учредительного Собрания издавал свой "Вестник". В апреле 1920 г. начала выходить газета "Дальневосточная республика", официальное издание правительства ДВР и т.д.

Особую группу средств массовой информации небольшевистских государственных образований России составляли издания органов региональной власти: губернских и уездных комиссариатов. Они являлись проводниками правительственных решений. В Сибири официальная региональная печать сформировалась в основном в августе 1918 г. В Тобольске стали выходить "Ведомости Тобольского губернского комиссариата", а в Омске возобновилось издание "Асмолинских областных ведомостей". В Томске появились "Известия губернского комиссариата", ставшие затем "Вестником Томской губернии", в Барнауле — "Алтайские губернские известия", в Красноярске — сначала "Воля Сибири", затем "Енисейский вестник", в Иркутске — "Иркутские губернские ведомости". На белом Юге России издавались "Губернские Черноморские ведомости", "Таврические губернские ведомости" и др. По своему составу и содержанию эти газеты мало отличались от центральных правительственных официозов.

Свои печатные органы имели уездные комиссариаты и городские органы власти. Например, в Сибири в Ачинске издавались "Бюллетени уездного комиссариата" в Нижнеудинске — "Нижнеудинские бюллетени". Органы власти омского Российского правительства уделяли большое внимание созданию официальных уездных газет, как изданий, наиболее близко стоящих к населению. А там, где их издание было налажено, правительство стремилось максимально увеличить их тираж/69/. Даже в конце 1919 г., когда положение колчаковского режима было очень тяжелым, продолжали выделяться средства на поддержку уездной официальной прессы. Так, в сентябре 1919 г. Совецание по делам печати отпустило управляющему Тобольской губернии средства на организацию "уездных вестников"/70/. На белом Юге России в 1919-1920 гг. также выпускались официальные газетные издания городских органов власти ("Ведомости Грозненского градоначальничества", "Ведомости Керчь-Еникальского градоначальства" и т.д.). Официальные газеты формально выступали как беспартийные, стоящие на защите интересов государства и всех слоев общества. Однако на практике они придерживались той политики, которую проводили издававшие их учреждения.

Специальную группу официальных газетных изданий образовывала пресса органов местного самоуправления — земств и городских дум, которые восстановили свою деятельность в ряде регионов России после свержения советской власти. Этот процесс особенно активно проходил в Сибири. Там возникали губернские, областные, уездные земства, городские думы, которые начали издавать свои газеты. Тобольская губернская земская упра-

ва выпускала газету "Сибирская земская деревня". Енисейская земская управа — газету "Новое земское дело". Якутское областное земство издавало газету "Якутское земство". Земские управы Бодайбинского и Ачинского уездов наладили выпуск газет "Ленский край" и "Путь деревни". Канское городское самоуправление выпустило газету "Барабинская степь", а Канское земство — "Канский земский голос". Возникший в сентябре 1918 г. Сибирский союз земств и городов — Сибземгор приступил в январе 1919 г. к изданию в Омске "Известий всесибирского союза земств и городов" и "Бюллетеней Сибземгора".

В других регионах России изданий земств и городских дум было меньше. На территории РСФСР эти печатные органы выходили до января 1918 г., затем их издание было прекращено в связи с ликвидацией советской властью земств и городских дум. Некоторое количество газет местных органов самоуправления выходило на территории Особого совещания, Комуча, Северной и Северо-западной областей России ("Вестник Одесского земства", "Терское эхо" (Грозненское городское самоуправление) и т.д.).

Самое непосредственное участие в постановке органов печати местных самоуправлений принимали представители социалистических партий. Они же определяли общественно-политическую направленность указанных изданий. Такое положение во многом объяснялось тем, что партии меньшевиков и эсеров в своих программах отводили ключевую роль местному самоуправлению, как инструменту преобразования России. Они рассматривали его как оплот подлинного демократизма и считали самоуправление главным завоеванием Февральской революции. Земская и думская газетная печать охотно пропагандировала эти положения, стремилась освещать происходившие в России события и процессы через призму интересов местного самоуправления. Финансировались издания земств и городских дум, в основном, за счет дополнительных налогов и спонсоров.

Одним из самых распространенных типов газетной прессы революции и Гражданской войны являлись военные газеты. Именно через эту прессу осуществлялось манипулирование мнением красноармейцев и солдат антибольшевистских армий. К октябрьскому вооруженному восстанию большевистская военная печать была представлена 15 солдатскими газетами. 7 из них выходило на фронтах империалистической войны: "Волна", "Голос правды", "Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих", "Известия совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Аландской укрепленной позиции", "Окопная правда" (12 армия на Северном фронте), "Красное знамя" (8 армия Юго-Западного фронта) и др./71/.

Небольшевистская военная пресса к этому времени, по неполным данным, насчитывала 172 наименования газет/72/. Из них 87 издавалось на

фронтах/73/. Это были, главным образом, фронтовые, армейские, корпусные, полковые газеты и газеты военных школ. По своему политическому направлению основная масса фронтовых газет носила эсеро-меньшевистский характер. Среди наиболее крупных изданий следует назвать: "Армия и флот свободной России" (орган военного министерства Временного правительства); "Армейский вестник" (газета штаба и исполкома Юго-западного фронта), "Голос окопа" (издание ЦИК солдатских депутатов румынского фронта), "Наш вестник" (газета штаба Западного фронта), "Кавказский воин" (орган армейского комитета Кавказской армии), "Голос солдата" и "Свободная армия" (издания Петросовета), "Солдат-гражданин" (издание Московского совета солдатских депутатов) и др.

Захватив власть, большевики начали активно создавать военную печать. С октября 1917 по конец 1920 гг. по подсчетам А.А. Гончарова, на территории РСФСР было издано 422 советские военные газеты. Из них 77 выпускалось штабами совместно с партийными комитетами и органами советской власти. 356 газет выпускалось на русском языке, 47 — на языках народов России, 19 — на иностранных языках/74/.

Советская военная газета сложилась в период с конца 1917 до середины 1918 гг. Издателями советских военных газет являлись политические органы Красной армии. ПУР РККА, политотделы РВС фронтов, губернские и окружные военные комиссариаты. Усиление редакционно-издательского аппарата воинских соединений происходило через слияние армейского издательского аппарата с аппаратом местных советских и партийных газет. В начале советского военного строительства периодика была представлена центральными печатными органами. Первой советской военной газетой была газета "Армия и флот рабочей и крестьянской России", которая появилась 21 ноября (4 декабря) 1917 г. С 18 (31) января 1918 г. она стала выходить под новым названием "Рабоче-крестьянская Красная армия и флот". После переезда ЦК РКП(б) и советского правительства в Москву в новой столице начали издаваться "Известия комиссариата по военным делам", "Вооруженный народ", орган центрального отдела Всеобщего, и ежедневная военная газета "Красная армия" (издание ВЦИК). Революционный штаб московского военного округа в феврале 1918 г. выпустил "Московскую газету Красной армии".

Летом 1918 г. одновременно с возникновением фронтов стали создаваться фронтовые и армейские советские газеты. Первым был образован Восточный фронт, где были созданы фронтовая газета "Восточный фронт" и армейские: "Набат революции", "Известия 2-й армии", "Красный набат", "Революционная армия" и "Гражданская война". В Царицыне в июле 1918 г. издавались "Известия Северокавказского военного округа", а в августе 1918 г. вышел

"Солдат революции", вначале как орган Реввоенсовета округа, затем как газета 10-й армии. Всего в 1918 г. выходило 94 советские военные газеты, из них 15 совместно с партийными и советскими органами/75/.

Основная масса советских военных газет была создана в 1919 г. Всего 178 единиц. Из них 30 были созданы совместно с партийными и советскими организациями. В это время на всех фронтах и во всех действующих советских армиях функционировали газетные издания. В 1920 г. в связи с победами Красной армии количество военных газет увеличивается и достигает цифры 216 наименований, 43 из которых выпускались совместно с советскими и партийными органами/76/.

Наиболее стабильной в Красной армии была газетная пресса армий, групп войск и флотилий. Было выпущено 171 наименование этого типа газет. Практически каждая армия имела свою газету: 1-я армия — "Набат революции", 3-я армия — "Красный набат", 4-я армия — "Красный боец", 5-я армия — "Красный стрелок", 6-я армия — "Наша война", 7-я армия — "Боевая правда", 8-я армия — "Звезда красноармейца", 9-я армия — "Красноармеец", 10-я армия — "Солдат революции", 11-я армия — "Красный воин", 12-я армия — "Красная армия", 13-я армия — "Красный воин", 14-я армия — "Ружье", 15-я армия — "Красная армия", 16-я армия — "Красноармеец". Имели свои газеты Балтийский флот, а также отдельные флотилии.

Число центральных военных газет в Красной армии за годы Гражданской войны несколько сократилось. В 1918 г. выходило 13 центральных военных газет, в 1919 г. их число сократилось до 3. По сравнению с 1919 г. сократилось также количество газетных изданий фронтов, групп войск и флотов. Если в 1919 г. выпускалось 28 наименований газет этого уровня, то в 1920 г. было выпущено 23 наименования/77/. Бумага и средства шли на фронт для армейской прессы.

После решения У111 съезда РКП(б) о перенесении центра тяжести агитационной работы в армии и дивизии к середине 1919 г. достаточно широкое распространение получили дивизионные газеты. В 1919 г. их было сорок одна. А всего за годы Гражданской войны вышло 123 дивизионные и бригадные газеты. Слабее была поставлена полковая и батальонная пресса. За октябрь 1917-1920 гг. удалось издать только 8 газет. Боевая обстановка и общая нехватка кадров не позволяли добиться большего/78/.

Советские бригадные и полковые газетные издания выпускались военными комиссарами и партийными комитетами полков и бригад. Уровень подготовки этих изданий был невысокий. Немногие из них были похожи на настоящие газеты. Основная масса этих газет представляли собой небольшого размера листки машинописного или печатного текста, размноженные на шاپирографе. На Восточном фронте в 1918-1919 гг. издавалось свыше 20

полковых и бригадных газет/79/. Издания военных комиссариатов в общем, количестве красноармейских газет составляли небольшой процент. Всего за Гражданскую войну на территории РСФСР военкоматами было издано 46 газет, из них 6 совместно с партийными и советскими учреждениями/80/.

Политорганы Красной армии издавали газеты, предназначенные для контрпропаганды в войсках противника. Так, в 1919 г. на Восточном фронте для солдат антибольшевистских армий издавалась 1 фронтовая, 3 армейских, 2 дивизионных газеты/81/. Так, в середине 1919 г. политотдел первой армии для контрпропаганды в рядах противника начал издавать газету "Сибирский коммунар"/82/. О размахе этой работы в Красной армии можно судить по следующему факту. Военный комиссар полевого управления авиации и воздухоплавания 10-й армии в своем письме в политотдел армии просил заготовить 50 пудов агитационной литературы для разбрасывания с аэропланов/83/.

Сначала руководство издательской работой в Красной армии концентрировалось в нескольких издательствах, самым крупным из которых был Военный отдел издательства ВЦИК. Кроме него, этой работой занимались издательства Гувуза, Всевобуча, Вселавштаба, издательская секция при культурно-просветительном отделе Всероссийского бюро военных комиссаров. Для консолидации издательской деятельности в Красной армии весной 1919 г. при политуправлении РВСР был учрежден литературно-издательский отдел. Одной из его обязанностей было руководство военной прессой и издание военных газет. В его ведение было передано 50% всей находившейся на складах Главбума бумаги/84/.

Военные газеты издавались всеми антисоветскими политическими режимами. Непосредственно изданием газет в белых армиях занимались бюро печати и осведомительные отделы штабов. В тыловых районах наиболее крупными издателями газет являлись информационные отделы штабов главнокомандующих войсками, окружных управлений казачьих войск, а также информационные отделы при начальниках военных районов. Наиболее разветвленной сетью военных газет обладали правительства белой Сибири. Первые военные издания стали появляться там сразу после падения советской власти летом 1918 г. Так, с августа по сентябрь в Иркутске выходили "Известия войск Восточного фронта". Возобновился выпуск газеты "Иртыш" — органа Сибирского казачьего войска. Активнее военные газеты стали издаваться после колчаковского переворота. Наибольшее количество военных газет в белой Сибири появилось в 1919 г. Практически все они носили монархический характер. Ведущим печатным органом военных кругов была газета информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего "Русская армия". Газета выходила в Омске с ноября 1918 г. по сентябрь 1919 г. В конце сентября 1919 г. в связи с эвакуацией Омска из-за наступления Красной

армии газета переезжает в Томск, где издается под названием "Великая Россия". В 1919 г. на базе газеты "Русская армия" выпускалась еще и еженедельная газета "Русский воин".

Военные газеты белых армий на территории Урала и Сибири, можно, условно, разделить на три группы: издания, выходившие на фронте, в прифронтовой полосе и тылу. К первой группе относились газеты, издававшиеся штабами колчаковских армий: "Голос армии" (издание Осведомительного отдела 2-й армии), "Голос Сибирской армии" (издание информационного отдела штаба Сибирской армии в Екатеринбурге), "За Родину" (газета 3-й армии), "Сибирские стрелки" (орган штаба 1-й армии), "Сибирский стрелок" (издание штаба Западной армии в Челябинске), "3-я армия" (издание Осведомительного отдела 3-ей армии), "Уфимец" (орган бюро печати Уфимской группы войск).

Кроме штабов армий, к издательской деятельности привлекались также корпусные и дивизионные звенья колчаковских войск. Так, штаб 1-й Сибирской стрелковой дивизии выпускал газету "На страже свободы". Штаб 2-го отдельного Степного сибирского корпуса в июне 1919 г. приступил к изданию военно-общественной и литературной газеты "За Родину". Штаб 18 Сибирской стрелковой дивизии выпускал газету "Наша газета", а "Голос сибиряка" издавался штабом 7-й Уральской дивизии горных стрелков.

В тылу 1-е управление Оренбургского казачьего войска совместно с городским самоуправлением выпускало "Уральский маяк". Осведомительный отдел штаба Иркутского военного округа выпускал газету "Великая Русь", информационные отделы при начальниках Барнаульского, Змеиногорского военных районов и гарнизона Якутска издавали бюллетени и "Телеграммы информационного отдела Верховного главнокомандующего". "Военные ведомости" издавались начальником Новониколаевского гарнизона. В Омске незадолго до занятия его Красной армией появилась газета "Казак" — орган Сибирского казачьего войска. Наряду с изданиями военных газет в тылу белых армий появились органы печати, ставившие своей задачей оказание моральной и организационной поддержки армии. Одним из таких изданий являлась газета "Возрождающаяся армия". Ее издавал "Союз возрождения армии", созданный в Иркутске местными кадетами.

На белом Юге России выпускались армейские, дивизионные и полковые газеты. Среди них: "Заря России" (Армавир), "Ведомости Белозерского пехотного полка" (Чернигов), "Военный голос" (Новороссийск), "Военный листок" (Ростов-н/Дону), "Заря России" (Ст. Торговая), "Наши сведения" (Конотоп), "Неделимая Россия" (Царицын), "Вестник Добровольческой армии", "Вестник Донской армии" и др. Выпускались газеты казачьих войск: "Вестник Астраханского казачьего войска", "Терский казак" (Терское казачье войско) и др.

В Северо-Западной области России выходили "Вестник Северо-западной армии" (Нарва), "Освобождаемая Россия" (Псков), "Приневский край" (Гатчина, Нарва) и др. В Дальневосточной республике одной из первых газет стала выходить "Русская армия" орган Дальневосточной армии.

К официальным газетным изданиям относились газеты информационно-агитационных служб российских политических режимов, которые являлись крупными издательскими центрами. Эти издания имели большие возможности для манипулирования фактами и часто являлись источниками мифологии для остальной газетной прессы. Наиболее разветвленной сетью газетных изданий обладало советское РОСТА. В годы Гражданской войны агентство выпускало стенные газеты, информационные периодические издания, газетную прессу агитпароходов и поездов ВЦИК и т.д. Издания РОСТА давали местной печати оперативные сообщения о текущих событиях, расширенные комментарии по актуальным проблемам политики советской власти. Особым видом изданий РОСТА были стенные газеты. Они печатались на одной стороне листа для развешивания на улицах. Первая стенная газета вышла в Москве 28 октября 1918 г. Сначала она выходила один раз в неделю, но с лета 1919 г. ее периодичность увеличивается до 2 раз в неделю, позднее она стала выходить ежедневно. По примеру московской газеты стенные газетные издания начали выпускаться и в регионах. К концу 1920 г. выходило уже более 200 стенных газет на 60 языках народов России/85/.

Другим видом изданий РОСТА являлись газеты, выпускавшиеся в качестве источника информации для местной газетной прессы. Они носили названия "ЛитагитРОСТА" или "АгитРОСТА". Верстка этих газет осуществлялась таким образом, чтобы любой материал можно было легко вырезать и отдать в набор. Эти газеты содержали все жанры газетной публицистики: статьи, репортажи, заметки, очерки, военные сводки, фельетоны, художественные сочинения. Издания, подобные "АгитРОСТА" выпускали некоторые губернские отделения агентства. Осенью 1920 г. начали выходить газеты "АгитДонКавРОСТА" и "СибagitлитРоста".

Одним из крупнейших издателей газет России в годы революции и Гражданской войны был деникинский правительственный информационный орган — Отдел пропаганды. По свидетельству помощника управляющего отделом Б. Энгельгардта, во время наиболее широкого распространения деникинской власти на подконтрольной ей территории было открыто свыше 80 газет/86/. Практически все они были созданы при участии отдела, но это направление своей деятельности отдел старался не афишировать. В качестве его печатных органов выпускалось немного периодических изданий. Это были информационные листки региональных отделений отдела, такие как: "Голос Руси" (Царицын), "Закаспийский бюллетень" (Красноводск) и др.

Большая часть газет, основанных отделом пропаганды, не подчеркивала свою беспартийность. Но практически все они существовали на средства отдела и проводили его линию. О том, как это происходило, можно показать на примере крупного одесского издательства "Русская культура". В 1919 г. руководителям отдела удалось привлечь к работе известного одесского журналиста Н.К. Клименко, основателя и одного из руководителей этого издательства. Его сделали начальником литературно-издательской частью отдела по новороссийской области. После назначения Клименко издательство "Русская культура" получило возможность значительно расшириться. Оно выпускало в Одессе 3 газеты на русском языке ("Южное слово", "Сын Отечества" и "Крестьянское дело") и 2 газеты на английском языке.

Размах издательской деятельности информационных агентств остальных антибольшевистских политических режимов России был меньше. Архангельское бюро печати Временного правительства Северной области издавало газету "За Россию". Осведомительные службы Сибири выпускали "Нашу газету". Донской отдел осведомления и его местные органы выпускали газеты: "Донской огонек", "За неделю", "Север Дона" и др.

Одну из самых важных групп газетных изданий октября 1917-1920 гг. представляли печатные органы российских общественных объединений. Среди них на одном из ведущих мест стоит периодика политических партий, которая является важным источником для понимания истории политической борьбы в России того периода. Самой многочисленной газетной прессой данного типа являлась периодика РКП(б). С октября 1917 г. по июль 1918 г. в Петрограде и Москве издавалось 14 партийных газетных изданий (из них 7 — центральных), 61 — в губернских городах, 29 — в уездных/87/. Наибольшее количество губернских партийных газет выходило на Северо-западе страны, в Московской губернии, Центрально-промышленном районе. Наиболее слабо партийная печать была развита в Закавказье, Средней Азии, Казахстане и на Севере. В целом из 80 губерний и областей в первый год советской власти губернские партийные газеты издавались в 39, а уездные — в 15 городах/88/.

С осени 1918 г. началось увеличение числа совместных советско-партийных газетных изданий и сокращение периодики комитетов РКП(б). Однако газетная периодика большевистских комитетов до конца Гражданской войны являлась одной из самых стабильных групп прессы. Даже, несмотря на сокращение темпов роста, она все равно количественно увеличивалась и, если к декабрю 1919 г. насчитывалось 59 газет большевистских комитетов, то через год их было 94/89/. В общем, с октября 1917 г. по конец 1920 г. вышло 470 партийных газет. Больше всего газет издавалось в Центральном промышленном районе, на Урале и Украине, где насчитывалось 270 наименований/90/.

Достаточно большой была большевистская легальная печать на территории Дальневосточной республики. 8 февраля 1920 г. вышел первый после падения колчаковского режима легальный номер "Красного знамени", который со следующего месяца стал органом Дальневосточного краевого и Приморского областного комитетов РКП(б). Летом 1920 г. дальневосточные большевики начали издавать массовую крестьянскую газету "Крестьянская правда". В Чите в апреле 1920 г. начал издаваться орган Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревкома, газета "Дальневосточная правда". В Хабаровске с 20 февраля начинает выходить газета "Коммунист" — орган хабаровского районного и городского комитетов РКП(б). Партийная организация г. Имани стала издавать газету "Рабоче-крестьянская правда". В начале марта в Верхнеудинске стала выпускаться газета "Рабочий и крестьянин Прибайкалья". В январе 1920 г. началось издание большевистской газеты на Сахалине — "Вестник острова Сахалин". Газета выходила вплоть до оккупации острова японцами в апреле 1920 г.

К печатным органам РКП(б) тесно примыкает пресса комсомольских организаций. Она находилась под пристальным контролем большевистских организаций и пропагандировала их политику. Зарождение комсомольской газетной прессы относится к 1918 г. Но ее становление как самостоятельного вида приходится на 1920 г. В это время было издано 162 наименования комсомольских газет. Основным типом комсомольских газет были республиканские, губернские и областные издания. Их количество достигало 92 наименований. До начала 1921 г. было выпущено 180 наименований комсомольских газет/91/.

В связи с тем, что комсомольским организациям было очень трудно организовать выпуск собственных газет, в центральных и региональных большевистских газетах были организованы странички "Красная молодежь" для публикации материалов о комсомоле и молодежи. Большинство уездных и городских комсомольских органов имели свои "странички" в советских и большевистских газетах. Странички готовились комсомольскими комитетами при помощи и под контролем комитетов РКП(б). В 1920 г. такие странички появились и в большевистских газетах Дальневосточной Республики. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) обязало редколлегии партийных газет еженедельно предоставлять место для этих рубрик. Кроме газет РКП(б), странички начали печататься в газетных изданиях народно-революционных комитетов ДВР: "Амурская правда" (Благовещенск), "Голос трудящихся" (Хабаровск) и др.

Лидирующую роль среди газетных изданий политических партий на территории антибольшевистской России играли органы печати кадетов. Значительная часть кадетских изданий выходила в белой Сибири, на Урале и

Дальнем Востоке. Кадеты в период от февраля к октябрю имели в Сибири 36 изданий/92/. После установления советской власти они были закрыты. Летом 1918 г. они возродились. Практически во всех городах Сибири выходили газеты партии народной свободы. Однако очень немногие кадетские газеты открыто указывали свою партийную принадлежность.

Официальным органом сибирских кадетов была газета "Наша мысль". Она выходила как печатный орган областного комитета партии народной свободы. Третья конференция сибирских кадетов в августе 1918 г. объявила "Нашу мысль" руководящим партийным изданием всех сибирских комитетов партии. Но общесибирской газета не стала. Ее информация касалась только деятельности Томского губернского комитета партии кадетов. Общесибирским кадетским органом, вокруг которого группировались сибирские либералы, стала газета "Сибирская жизнь" /Томск/. Она являлась выразителем наиболее правого направления сибирского областничества. Газета была одним из наиболее информированных изданий. Количество ее сотрудников превышало 200 человек. Собственные корреспонденты этого органа печати имелись не только в крупных городах, но даже и в некоторых волостных центрах. Рупором сибирских кадетов, стоящих на самых правых позициях, являлась газета "Сибирская речь". Газета издавалась омским комитетом партии народной свободы и участвовала в формировании "большой" политики правительств белой Сибири. Газета получала значительные денежные суммы от колчаковских властей.

Кроме Омска, органы печати кадетов и примыкавших к ним политических организаций выходили также в Тобольске — "Сибирская речь", в Барнауле — "Народная свобода", в Семипалатинске — "Свободная речь", Бийске — "Алтай", Новониколаевске — "Русская речь", Петропавловске — "Приишимье", Томске — "Наша мысль", Красноярске — "Свободная Сибирь", Иркутске — "Свободный край", "Сибирский курьер".

Газеты кадетского направления составляли основу газетной прессы белого Юга России. В число этих изданий входили многие газеты, организованные журналистами и политическими деятелями, бежавшими из советской России. Среди них выделялись "Великая Россия", "Маяк", "Новое время", "Русское время" и т.д. Характеризуя направленность данных изданий, Энгельгардт писал: "Свободная речь", прямая наследница былой милликовской "Речи", была органом Национального центра. "Россия", в дальнейшем переименованная в "Великую Россию", отражала воззрения умеренных монархистов. Руководил ею Н.Н. Львов, одно время сотрудничал в ней Шульгин, с нею были связаны деятели Совета государственного объединения. Газета поддерживала Добармию, позволяла себе легкий монархический уклон... "Вечернее время", наследница суворинской газеты того же названия, под

редакцией сотрудника "Нового времени" Ксюнина, придерживалась, как и ее прародительница, правительственной линии. Тот же характер носили "Маяк", "Русское время", "Черноморская газета"/93/.

В регионах, контролируемых другими небольшевистскими политическими силами, кадетская пресса получила меньшее развитие. В РСФСР она была запрещена в первую очередь.

Одним из самых многочисленных отрядов партийной газетной периодики являлись издания мелкобуржуазных партий и, прежде всего, меньшевиков и эсеров. Больше всего эсеровских и меньшевистских газет издавалось на территории белой Сибири в 1918 г. после свержения там советской власти и до колчаковского переворота, когда меньшевики и эсеры были лидирующими политическими силами белого Востока России. Пресса мелкобуржуазных партий была не только самой многочисленной, но и самой противоречивой, отражавшей существование разных направлений и течений в среде мелкобуржуазных политических организаций. Сначала власти не преследовали эсеровские и меньшевистские издания. Позднее печать меньшевиков и эсеров попала в жесткие цензурные рамки и зачастую вынуждена была скрывать свое политическое лицо под маской беспартийности.

Органом Всероссийского комитета эсеров была газета "Голос народа". В качестве официальных губернских органов партии эсеров издавались в Иркутске — "Борьба", в Красноярске — "Знамя труда", в Тобольске — "Земля и воля", в Томске — "Наш голос", в Барнауле — "Наш путь", в Омске — "Дело Сибири". Омская газета "Дело Сибири" в 1918 г. выходила под названием "Дело труда", "Понедельник", "Путь Сибири". Эсеры имели сеть своих газет в городах и уездах. Такими газетами являлись в Минусинске — "Знамя труда", в Бийске — "Думы Алтая", в Тюмени — "Народовластие", в Енисейске — "Новый путь" и др. На крайне правых позициях стояли эсеровские газеты "Понедельник" (Томск) и "Труд" (Минусинск).

Центральным изданием сибирских меньшевиков считалась газета "Заря", издававшаяся Бюро сибирских организаций РСДРП в Томске. Решение об издании общепартийной краевой газеты было принято на Всесибирской конференции социал-демократических организаций, состоявшейся во второй половине августа в г. Томске/94/. Органы печати РСДРП издавались также в Тобольске — "Тобольский рабочий", в Тюмени — "Рабочая жизнь", в Барнауле — "Алтайский луч", в Красноярске — "Дело рабочего", в Иркутске — "Дни" и т.д. Некоторые из них, как, например, красноярская газета "Дело рабочего" являлись совместными изданиями губернского и городского комитетов партии.

Источники финансирования эсеровских и меньшевистских газет составляли членские взносы, средства кооперативов, профсоюзов и земств.

Эти издания были менее богатые, чем кадетские. Иногда усилия и средства местных партийных комитетов почти полностью уходили на выпуск органа печати. Так, например, на совещании представителей организаций эсеров Енисейской губернии, состоявшемся 15-17 июля 1918 г., делегат из Минусинска сетовал, что на издание газеты "Знамя труда" уходят почти все партийные деньги/95/.

На территории Сибири выходили коалиционные издания эсеров и меньшевиков. Как правило, они выпускались на средства сибирской кооперации. Эта газеты называли себя либо независимыми, либо изданиями "объединенных социалистов". Данная группа представлена газетами: "Сибирь" (Иркутск), "Дело" (Иркутск), "Народная Сибирь" (Новониколаевск), "Заря" (Омск), "Тобольское народное слово" и др. Органы печати ПСР и РСДРП наиболее последовательно и полно выражали позицию сибирских социалистов по основным вопросам политики того периода, активно выступали за демократию, Учредительное собрание, за созыв областной думы, усиленно пропагандировали идею народовластия.

Свободно издавались эсеровские и меньшевистские газеты на территории Комуца. В Самаре и Уфе выходили: "Голос рабочего" (Уфа), "За свободу" (Самара), "Народная жизнь" (Уфа). На территории, контролируемой денikinскими армиями, эсеровская и меньшевистская пресса преследовалась и была слабой и немногочисленной. В число наиболее крупных газет этой ориентации входили: "Знамя" (Харьков), "Парус" (Ростов-н/Дону), орган севастопольского и крымского областного комитета РСДРП "Прибой"; газета главного комитета РСДРП на Украине "Путь рабочего" (Киев) и т.д.

В РСФСР печатные органы меньшевиков и эсеров выпускались в 1917 — первой половине 1918 г. В Москве и Петрограде выходили: центральные эсеровские газеты "Дело" (Москва) и "Воля народа" (Петроград), "Рабочая газета" — орган Организационного комитета и Петроградской организации меньшевиков, "Вперед" — орган Московского комитета и ЦК РСДРП, "Искра" — орган меньшевиков-интернационалистов, "Новая жизнь" — издание группы социал-демократов интернационалистов, объединившимися вокруг журнала М. Горького "Летопись". Среди региональных меньшевистских и эсеровских газет РСФСР выделялись: "Наш голос" (Харьков) — орган главного комитета РСДРП на Украине, "Знамя труда" — орган Киевской областной и городской организаций РСДРП, "Рабочая жизнь" — орган Киевского комитета и Киевского областного комитета РСДРП (О), "Рабочее дело" (Ростов-н/Дону) — орган Донского областного центра и Донского комитета РСДРП, "Воля и земля" — издание Самарского комитета эсеров, "Воля народа" — печатный орган Костромского губкома эсеров, "Воля" — газета Сарапулского /Пермская губ./ эсеровского комитета).

До левозеро́вского мятежа в РСФСР выходили газетные издания левых эсеров. Так, в Минусинске издавалась газета "Земля и воля", В Иркутске — газета "Трудовой народ". Последняя являлась печатным органом иркутской левозеро́вской группы и фракции этой партии при Центросибири. С июня 1918 г. там стала выходить газета "Свободное слово".

После свержения власти Колчака, на территории Дальневосточной республики появилось большое количество мелкобуржуазной газетной прессы, представляющей партии эсеров, левых эсеров, меньшевиков, анархистов и т.п. Особенно много было левозеро́вской прессы. В городах Дальнего Востока выходили: "Слово" (Владивосток), "Голос Родины" (Владивосток), "Уссурийская жизнь" (Владивосток), "Свет" (Харбин), "Родной голос" (Харбин). Среди эсеровских газет этого региона выделялись: "Дело народа", "Наше слово" (Хабаровская организация эсеров), "Воля", "Крестьянская воля", "Народное дело", "Труд", "Знамя максималиста", "Наш голос", "Знамя труда", "Свободная мысль", "Волна" (Хабаровск), "Народная газета" (Никольск-Уссурийск), "Крестьянский труд" (Верхнеудинск), "Вольная мысль" (Чита) и др.

Газетные издания других партий (народных социалистов, анархистов и т.д.) были очень немногочисленными и не оказывали заметного влияния на общественную жизнь России.

Небольшой процент российской газетной прессы представляют издания неполитических общественных организаций. Среди них выделяется пресса профсоюзов, молодежных объединений и русской православной церкви. В советской России функционировало небольшое количество профсоюзных газетных изданий. К пяти профсоюзным газетам, начавшим выходить еще до революции, в первые восемь месяцев после установления большевистской власти прибавилось 28 газет. Всего в первой половине 1918 г. профсоюзы имели 30 газет/96/. Из 18 профсоюзов, местные организации которых выпускали периодику, 11 вели издательскую деятельность вне Москвы и Петрограда. Ими издавалось 18 газет. Однако позднее в связи с военными действиями и усилившимся бумажным голодом началось сокращение профсоюзных изданий, пик которого пришелся на второе полугодие 1919 г., когда выходило всего 48 профсоюзных газет и журналов/97/. С 1920 г. число профсоюзных периодических изданий в РСФСР снова начинает расти. Это объяснялось восстановлением профессиональных союзов на занятой Красной армией территории. По подсчетам В.А. Федоренко, во втором полугодии 1920 г. профсоюзы располагали 136 газетами и журналами/98/. Центральная профсоюзная печать (издание ВЦСПС и ЦК союзов) имела в своем составе 5 газет/99/.

Местная профсоюзная печать была представлена областными, республиканскими, губернскими, межсоюзными и отраслевыми изданиями. Самостоятельно в конце 1920 г. советами профсоюзов издавалось 14 газет.

Газеты были в основном еженедельными, а 2 — двухнедельными/100/. Наибольшее количество газетных изданий имели губотделы профсоюзов железнодорожников и водников. Они издавали 3 ежедневных газеты (В Петрограде, Саратове и Киеве), одну, выходившую 2 раза в неделю (Омск), 7 еженедельных (в Курске, Самаре, Киеве, Ростове-н/Дону, Томске, Одессе и Баку) и др./101/.

В РСФСР издавались также профсоюзные газеты, находящиеся под влиянием меньшевиков. Среди подобных изданий выделялась газетная периодика профсоюза печатников. В 1918 г. в Москве и Петрограде выходили газеты, имевшие подзаголовок: "орган Московского профсоюза рабочих печатного дела" и "орган Петроградского союза рабочих печатного дела". Это были издания "Утро Москвы" и "Вечер Москвы", "Утро Петрограда" и "Вечер Петрограда". Несколько позднее в Москве дважды в неделю выходила "Газета печатников", являвшаяся органом Московского профсоюза рабочих печатного дела. Эти издания существовали недолго, поскольку советская власть их закрывала.

Профсоюзные газеты выходили и на территории небольшевистских режимов. Особенно много таких газет выпускалось в белой Сибири. По неполным данным, во второй половине 1918 — 1919 гг. в Сибири выходило 10 газет, принадлежащих профсоюзам. Профессиональная пресса Сибири была представлена в основном газетами меньшевистского толка. К сибирским профсоюзным меньшевистским газетам относились: "Железнодорожник (орган рабочих и служащих Томской железной дороги)", "Сибирский судоходец" (орган Союза судоходных служащих и рабочих речных районов Западной Сибири), "Рабочее знамя" (Томск), "Рабочий путь" (Омск) и др. В ряде профессиональных газет белой Сибири большую роль играли социал-демократы интернационалисты, и даже большевики. Наиболее заметна роль большевиков была в газете "Рабочее знамя", выходящей с 26 июня по 4 авг. 1918 г. Газета являлась печатным органом Томского городского совета профсоюзов. Она довольно резко критиковала политику сибирских правительств. Профсоюзные газеты находились в чрезвычайно тяжелом положении. Примерно через 2-3 месяца после выхода первого номера они закрывались властями/102/.

Церковная печать в период революции и Гражданской войны насчитывала сравнительно небольшое число газет: советская власть активно закрывала церковные издания. Из изданий, выходивших при антибольшевистских режимах, лучше других была представлена церковная пресса белой Сибири. За время с июля 1918 по конец 1919 гг. ее представляли "Известия Омской епархии" — официальный орган Омской епархии, "Енисейские епархиальные ведомости", "Тобольские епархиальные ведомости" и др. В Барнауле издавал-

ся "Сибирский старообрядец", в Иркутске — газета "Голос церкви". В Красноярске выпускались: орган "общественной христианской мысли" газета "Общее дело" и газета "Енисейские епархиальные ведомости". Наряду с церковными проблемами в этих газетах публиковались статьи по вопросам текущей политики, как правило, монархической ориентации. Общественную позицию отличную от других церковных газет занимало "Общее дело". Оно заявило себя как орган общественно-христианской мысли и выражала откровенные симпатии социалистической идее.

Отдельную группу российской газетной прессы представляли кооперативные издания. Они выходили в РСФСР, на белом Юге России, в пределах Северной и Северо-западной областей России. Особенно много кооперативных газет издавалось в Сибири после свержения там советской власти. Данное положение объясняется широким развитием кооперации в этом регионе. В начале 1919 г. в условиях Гражданской войны кооперация продолжала охватывать 62,5% всех крестьянских хозяйств и 50,6% всего населения края/103/. Кооперативная газетная пресса региона была представлена органами печати общесибирских, губернских, и местных союзов. Сибирская кооперация располагала собственной полиграфической базой, запасом бумаги, краски и всем необходимым для выпуска повременных изданий. Например, сибирская закупбкооперация имела большую типографию — 8 печатающих машин и 150 человек обслуживающего персонала. В число сибирских кооперативных газет входили: "Единство" (Петропавловск), "Алтайская мысль" (Барнаул), "Алтайский край" (Бийск), "Каменская мысль" (Каменск), "Народное дело" (Красноярск), "Наша деревня" (Минусинск), "Известия Семипалатинского союза кооператоров" (Семипалатинск), "Северосоюз" (Усть-Иртыш), "Томский кооператор" (Томск)/104/. Почти все российские кооперативные газеты носили экономический, общественно-политический и литературный характер.

Особое место среди газетных изданий в Гражданскую войну занимали газеты партизан. Наиболее значительную группу данных изданий представляют собой газеты Сибири и Дальнего Востока. Практически в каждом повстанческо-партизанском районе Сибири выходили газеты. Из известных партизанских газет более половины готовились на пишущих машинках или гектографах. Печатались они в землянках, подвалах и везде, где позволяли условия. Бумагу доставали через подпольщиков из городских типографий и со складов. По подсчетам исследователя Н.С. Ларькова, в Сибири выходило 12 партизанских изданий/105/. Среди них: "Вестник партизан", "Забайкальский клич", "Известия штаба 3-го корпуса" (Камень), "Известия Шиткинского и Тасеевского военно-революционных штабов, преобразованные в "Военные известия" Армейского совета Северо-Канского фронта, "Знамя борьбы и труда" (4-ый Крестьянский корпус алтайских партизан), "Красная армия" (Во-

енно-сибирская партизанская армия), "Красный клич" "Крестьянская правда", "Соха и молот" и др. Возникали они, как правило, на базе советских и большевистских газет, эвакуированных в тайгу после свержения советской власти. Продолжительность существования партизанских газет была различной. Если "Знамя борьбы и труда" и "Красная армия" выходили всего 1-1,5 месяца, то такие газеты, как "Известия" Шиткинского и Тасеевского военно-революционных штабов вместе с "Военными известиями" Армейского совета Северо-Канского фронта, издавались практически в течение всего 1919 г.

Одной из самых интересных групп газетных изданий в годы Гражданской войны были крестьянские газеты. Они сыграли важную роль в истории России этого периода. Через них властные структуры политических режимов стремились оказывать воздействие на настроения самой многочисленной части населения России — крестьянства и завоевывать его доверие. Крестьянские газеты издавали практически все политические режимы. В советской России такие газеты издавались повсеместно и на всех уровнях (в столице, губерниях и уездах) и под разными названиями: "Крестьянин-бедняк", "Крестьянин-коммунист", "Крестьянская беднота", "Крестьянская газета", "Крестьянская жизнь", "Крестьянская правда" и т.д. Наиболее крупными советскими крестьянскими газетами были два центральных издания: "Беднота" и "Голос трудового крестьянства", а самой известной крестьянской газетой в годы Гражданской войны была, пожалуй, газета ЦК РКП(б) "Беднота".

Крестьянские газеты печатались повсеместно и на территориях, занятых белыми армиями. Они выходили под однообразными названиями: "Крестьянская воля", "Крестьянская газета", "Крестьянская жизнь", "Крестьянский вестник", "Крестьянский путь", "Крестьянское дело" и т.п. География белогвардейской крестьянской прессы обширна: на севере и востоке это — Омск, Иркутск, Владивосток, Челябинск, Красноярск, Новониколаевск, Уфа, Татарск, Орск, Чита, Тобольск; на юге и западе — Симферополь, Чернигов, Ростов-н/Дону, Харьков, Мелитополь, Одесса, Новороссийск. Часть газет являлись органами сельскохозяйственной кооперации, другая часть — органами земских управ и крестьянского союза России. Третьи выпускались партией эсеров. Интересны лозунги, под которыми издавались газеты. Они являлись, как бы, программой действий их издателей: "Нам нужна национальная крестьянская Россия", "Крестьянство — основа России", "Крестьянство — оплот порядка", "Вся власть Учредительному собранию", "Вся власть, вся земля всему народу".

Большое внимание изданию крестьянских газет уделяли в белой Сибири. Временное сибирское, Временное Всероссийское и Российское правительства много работали над тем, чтобы охватить агитацией сельские районы. Дело информирования деревни считалось настолько важным, что весной

1919 г. Совещание по делам печати поддержало предложение МВД о реорганизации работы губернских и областных ведомостей в целях лучшей пропаганды среди сельского населения. Но при этом Совещание выдвинуло следующие условия: информирование сельского населения должно производиться изданием в виде особого номера газеты, выходящего примерно 3 раза в неделю "доступного и интересного для сельского среднего читателя". Эти издания должны состоять из: распоряжений правительства, которых "необходимо знать сельскому люду", агентских телеграмм, официальных сообщений с фронта, известий из политической и общественной жизни иностранных государств "в сжатой, но доступной форме", статей информационного характера, сведений, касающиеся местной жизни и другого материала, "чтение которого может заинтересовать сельского читателя"/106/.

Антибольшевистские правительства Сибири стремились создать печатный орган специально для крестьян. В циркуляре МВД управляющим губерниями и областями от 12 апреля 1919 года говорилось о намерении министерства создать в регионах издания ежедневных бюллетеней, "где должны помещаться агентские телеграммы и важнейшие распоряжения правительства, касающиеся деревни"/107/. Создаваемую крестьянскую периодику правительственные структуры поддерживали казенными средствами. В справке начальника отделения по делам печати Департамента общих дел МВД управляющему министерства подчеркивалась настоятельная потребность материально поддержать красноярскую газету "Сельская жизнь" "т.к. издание ее наряду с официальным изданием "Енисейского вестника" будет преследовать одни и те же цели, но уже под флагом общественности"/108/.

Однако надо отметить, что успехи в создании крестьянских газет у небольшевистских правительств были менее убедительными, чем у большевиков. Такое положение означало, что белые правительства оказывали менее интенсивное идеологическое воздействие на крестьянство и не могли активно манипулировать его поведением в антибольшевистском духе.

По характеру подачи материала все российские газеты можно разделить на две группы: руководящие и популярные издания. Последние создавались всеми политическими режимами России для более эффективного ведения пропагандистской работы среди основной массы населения России, отличавшейся низким уровнем культуры и образованности. Особенно большая работа в этом направлении была проведена в РСФСР. Состав и характер подачи материалов придавали массовой прессе неповторимый колорит. В конце 1920 г. 40% газет РСФСР по форме были популярными изданиями/109/.

Руководил организацией массовых советских газет ЦК РКП(б). Большевики понимали, что одним террором добиться победы в гражданской войне

нельзя. Необходима еще и доходчивая пропаганда, являющаяся базой для идеологических мистификаций. Весной 1918 г. в Москве была создана уже упоминавшаяся центральная популярная газета ЦК большевиков "Беднота", рассчитанная, прежде всего, на крестьянство. Для расширения агитационной работы среди крестьян летом 1918 г. "Правда" рекомендовала губкомам РКП(б) создавать в каждой губернии газету типа "Бедноты". 30 апреля 1919 г. СНК в условиях острого бумажного кризиса поручил специальной комиссии по распределению бумаги и подготовить доклад о расширении на периферии выпуска газетных изданий по типу московской "Бедноты"/110/.

Вопросы создания и функционирования массовых крестьянских газет были в центре внимания большевистского руководства в течение всей Гражданской войны. На 2-м Всероссийском совещании по работе в деревне, работавшем в Москве 10-15 июня 1920 г., местным партийным работникам снова было рекомендовано взять за образец массового печатного органа московскую "Бедноту". Местные руководящие большевистские органы также ориентировали редакции на опыт "Бедноты". На местах стали создаваться массовые газеты, в названии которых присутствовало слово "беднота": "Борьба бедноты" (Великий Устюг), "Деревенская беднота" (Царицын), "Елецкая беднота", "Астраханская беднота" и др.

Российские военные газеты также носили, в основном, массовый характер. Армейские, дивизионные, бригадные и полковые газеты в своем большинстве были популярными. Согласно инструкции ГлавПУРА советская армейская газета должна была быть простой и доходчивой. "Статьи должны быть кратки, фразы тоже, телеграммы переработаны, снабжены агитационными заготовками. Бесконечные рассуждения, вступления, подходы и заключения следует заменить изложением самой сути и фактов, непосредственно вызывающих у читателей выводы и заключения", — подчеркивалось в инструкции/111/.

Создавались популярные издания и для проведения успешной агитационной работы среди рабочих. В Советской России наиболее известными были два центральных газетных издания: "Коммунар" и "Гудок". Создание "Коммунара" было первой попыткой организации центральной популярной газеты ЦК РКП(б) для рабочих. Первый ее номер вышел 9 ноября 1918 года. "Коммунар" был создан на базе "Бедноты", по ее образу и подобию. Формат газеты, распределение материала на полосах полностью соответствовало нормам "Бедноты". Печатался "Коммунар" в той же типографии, что и "Беднота". Состав редакционной коллегии "Коммунара" мало, чем отличался от редакционной коллегии "Бедноты". Редакция и контора "Коммунара" находились в том же здании, что и "Беднота". Лишь в феврале 1919 г. редакция "Коммунара" переехала в Леонтьевский переулок, но контора и ночная ре-

дакция оставались на прежнем месте. Редакция "Коммунара" и "Бедноты" черпали материалы для печати, практически, из одного источника. Нередко наиболее важные материалы печатались в обеих газетах. Просуществовал "Коммунар" семь месяцев, и 31 мая 1919 г. по решению ЦК был слит с "Беднотой".

Среди профсоюзной массовой прессы выделялась газета наркомата путей сообщения и профсоюза железнодорожников, знаменитый "Гудок". Начали издавать газету Главное политическое управление НКПС и ЦК Всероссийского союза железнодорожников. Позднее "Гудок" стал агитационно-информационным органом Главполитпути и Главполитвода, ЦК Всероссийского профсоюза железнодорожников и ЦК Всероссийского профсоюза работников водного транспорта. Первыми ответственными редакторами "Гудка" были основатели "Бедноты". Формат газеты, расположение материала на газетной полосе и способы его подачи, размеры статей и заметок во многом напоминали эту газету.

Антибольшевистские политические режимы пытались создать популярные газеты, хотя их успехи были значительно более скромными, чем у большевиков. Так, в сентябре 1919 г. МВД Российского правительства вместе с управляющими губерниями прорабатывало вопрос об организации "информационного органа, с популярным изложением ... материала в доступной для малоразвитого читателя форме"/112/. Однако практического значения данный вопрос иметь не мог, так как дни колчаковского режима были сочтены. Провал белыми режимами работы по созданию сети популярных газет показывал идейный и политический разрыв между властными структурами этих режимов и народными массами и означал, что идеологические стереотипы господствующих политических сил не могут укорениться в общественном сознании.

Научное исследование прессы невозможно без изучения количественных показателей объема, тиража изданий и периодичности выхода. Эти параметры, в конечном счете, определяют степень воздействия печатной агитации, эффективность и интенсивность манипулирования общественным мнением, так как только массированная агитация и пропаганда обеспечивают порождение и распространение политических мифов. В годы Гражданской войны тиражи газет определялись не действительной потребностью, а состоянием запасов бумаги и полиграфическими возможностями. Советское правительство делало все, чтобы увеличить тиражи большевистских газет. Если к октябрю 1917 г. тираж всех газет РСДРП (б) был около 600 тыс. экз. в день/113/, то уже к январю 1918 г. только тираж "Правды" составлял 58 тыс. экз., а в декабре — 155 тыс. С 25 октября 1917 г. по июль 1918 г. постоянно увеличивались тиражи губернских газет РКП(б). В первой половине 1918 г.

они составляли 5-10 тыс. экз. В крупных промышленных городах они были больше. Минская "Звезда" выходила тиражом 25 тыс. экз., калужский "Коммунист" — 30 тыс. экз./114/. Тираж уездных партийных газет составлял 1000-2500 экз. Тираж органов губернских советов в начале 1918 г. колебался в пределах 2-6 тыс. экз., а тираж уездных — от 500 до 2000 экз./115/.

Советские власти много делали для того, чтобы в условиях острого бумажного дефицита увеличить тиражи ведущих советских газет. Весной 1919 г. в связи с обострением бумажного кризиса СНК постановил всю имеющуюся в наличии бумагу использовать для увеличения "тиража популярной литературы (типа "Беднота", "Коммунар"), изданий Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков), доведя их тираж до 800000 экземпляров в день". "Экономическая жизнь" должна была выходить ежедневным тиражом не свыше 30000 экз., а "Вечерние известия могли иметь тираж не свыше 60000 экз. в день. "Голос трудового крестьянства" мог издаваться самостоятельно тиражом не свыше 30000 экз./116/.

Отдельно следует выделить тиражи советских военных газет. Они колебались от 8 до 70 тыс. экз. и зависели от боевой обстановки и снабжения редакций бумагой и оборудованием. В октябре 1919 г. газета "Красная армия", орган 12-й армии, печатался в количестве 8-10 тыс. экз. Печатный орган 3-й армии "Красный набат" в марте 1919 г. издавался в количестве 16-18 тыс. экз./117/. Газета "Красный кавалерист" выходила тиражом до 15 тыс. экз. Один из авторитетных военных печатных изданий, газета "Красная армия", орган Наркомвоена Украины, выходила тиражом от 30 до 70 тыс. экз./118/. За первую половину ноября 1919 г. ежедневно печаталось 210 тыс. экз. газет/119/. В целом, издательства Красной армии ежедневно выпускали не менее 300000-400000 экз. газет/120/. Тираж советских военных газет, предназначенных для солдат противника, составлял несколько десятков тысяч экземпляров. Так, в 1919 г. газеты Восточного фронта "Призыв" (5-ая армия) и "Красная правда" (3-я армия) выпускались тиражом от 10 до 75 тыс. экз./121/.

Достаточно большие тиражи были у советских профсоюзных газет. По подсчетам В.А. Федоренко, центральная профсоюзная печать (издание ВЦСПС и ЦК союзов) была представлена 5 газетами с разовым тиражом в 370 тыс. экз./122/. Массовая профсоюзная газета "Гудок" имела тираж 250 тыс. экз./123/. Тиражи партизанских сибирских газет были, как правило, небольшие и порой достигали нескольких десятков экземпляров/124/. В то же время тираж сибирской партизанской "Сохи и молота", издававшейся типографским способом, достигал 500 экз.

Тиражи газет, издававшихся на территориях антибольшевистских политических режимов, сильно уступали тиражам советских изданий. Это сни-

жало возможности белых правительств воздействовать на социальное поведение людей и во многом предопределило поражение белых. Даже в белой Сибири с ее достаточно развитой сетью газетных изданий и немалой финансовой поддержкой газет со стороны властей, кооперации и общественных организаций тиражи центральных и региональных газет были ниже, чем в РСФСР. В 1918 г. после свержения советской власти тиражи сибирских газет колебались от 500 до 6000 экз./125/.

В 1919 г. тиражи официальных центральных и губернских газет белой Сибири находились, в основном, в пределах от 300 до 4500 экз. Только тираж центральной правительственной газеты "Правительственный вестник" достигал 7500 экз./126/. Тираж газет губернских органов власти составлял: "Камчатский вестник" (Петропавловск-Камчатский) — 300 экз., "Акмолинские областные ведомости" (Омск) — 400 экз., "Вестник Томской губернии" — 650-800 экз., "Алтайские губернские ведомости" (Барнаул) — 1000 экз. и лишь "Енисейский вестник" (Красноярск) — 4500 экз. Примерно тем же тиражом издавались колчаковские военные газеты. Газеты Военного министерства — "Русская армия" и "Русский воин" — выходили тиражами соответственно 4500 и 7000 экз./127/. Штаб 2-го Отдельного степного сибирского корпуса выпускал газету "За Родину" тиражом 2700-2800 экз./128/. "Военный бюллетень Барнаульского военного района" выходил тиражом в 700 экз./129/. Большие различия в тираже наблюдались среди земских газет. Если печатный орган Енисейского губернского земства, "Новое земское дело", выходил тиражом 2500 экз., то газета Якутского областного земства — только 500 экз., меньше, чем газета уездной земской управы Бодайбо "Ленский край", которая имела тираж 800 экз./130/.

Газеты политических партий белой Сибири имели больший тираж, нежели официальная газетная пресса. Кадетские газеты выходили двух-, пяти-, семи- и даже десятитысячными тиражами. Семипалатинская "Свободная речь" имела тираж 1800-2000 экз., омская "Сибирская речь" — 5000 экз., иркутская "Свободный край" — 7000 экз., томская "Свободная жизнь" — 10000 экз./131/. Немало газет социал-реформистской ориентации имели приблизительно такой же тираж. Барнаульские газеты "Наш путь" и "Алтайский луч" издавались тиражом, соответственно, в 3000-3500 и 9000 экз., а владивостокская газета "Голос крестьянства" имела тираж 8000 экз./132/. Наиболее стабильный и достаточно большой тираж имели сибирские кооперативные газеты. Иркутские газеты "Наше дело", "Наша деревня" и "Кооперативное дело" выпускались тиражом соответственно 6500, 2500 и 1200 экз., а "Известия Семипалатинского центрального кредитного союза" и "Известия Семипалатинского союза кооперативов" — соответственно 460 и 1000 экз. и т.д./133/.

Профсоюзные сибирские газеты имели тираж 800-2500 экз. Томские профсоюзные газеты "Наша жизнь" и "Железнодорожник" печатались по 1000 экз., столько же, сколько и ачинский "Енисейский учитель". Несколько меньший тираж имела томская газета "Сибирский печатник" — 800 экз. Достаточно большой тираж имел орган совета профсоюзов Иркутской губернии, газета "Сибирский рабочий". Он доходил до 2500 экз./134/.

Очень маленькими тиражами выходили церковные газеты. Так, газета "Известия по Омской епархии" издавалась тиражом 400 экз., "Енисейские епархиальные ведомости" (Красноярск) — 380 экз., барнаульская церковная газета "К свету" выходила в 500 экз. и т.д./135/.

В других частях России, контролируемых белыми правительствами, тираж газет был значительно меньше. Так, крымские газеты 1920 г. писали, что тираж газет "упал до смешных цифр, и газеты проникают теперь в очень тонкий слой читателей"/136/. Маленькие тиражи газетных изданий сильно затрудняли возможности манипулирования общественным мнением.

На тиражи газетных изданий накладывала отпечаток политика правительств по отношению к оппозиционной прессе. Репрессивные меры властей приводили к резкому сокращению тиражей. Так, в советской Сибири с ноября 1917 по май 1918 гг. тиражи кадетско-буржуазных газет сократились в 10 раз. В ноябре 1917 г. в регионе было тиражировано 2 млн. 900 тыс. экз., в январе 1918 г. — 700 тыс., в марте — 190 тыс., а в мае — только 285 тыс. В 10 раз меньше по сравнению с ноябрем 1917 г./137/. Аналогичные тенденции коснулись и мелкобуржуазной прессы. Если в ноябре 1917 г. издавалось 840-850 тыс. экз. правозэсеровских газет, то в мае 1918 г. только 200 тыс. экз./138/. За тот же период тираж объединенных эсеров-меньшевистских газет также снизился более чем в 2,5 раза со 190 тыс. до 71 тыс. экз./139/.

За годы Гражданской войны, несмотря на предпринимаемые усилия властей и руководства политических партий, тиражи газет постоянно сокращались. Советское правительство ввело строжайшую экономию бумаги, и вынуждено было ограничивать тиражи газет. 19 ноября 1918 г. декретом СНК было установлено, что ежемесячный расход ролевой бумаги может составлять 120 тыс. пудов, из которых на московские издания может быть использовано до 70 тыс. пудов. В Москве ролевой бумагой могли пользоваться только "Известия ВЦИК", "Правда", "Беднота" и "Коммунар", вечерний выпуск "Известий московского совета рабочих и крестьянских депутатов", "Экономическая жизнь" и "Голос трудового крестьянства". Ежедневный тираж "Известий ВЦИК" не мог превышать 400000 экз. "Правды" — не более 150000 экз. "Известий Московского совета" — не более 60000 тыс. экз., "Экономической жизни" не более 20000 экз. Общий тираж "Бедноты" и "Коммунара" ежедневно не должен был превышать 300000 тыс. экз./140/.

В 1919 г. сокращение тиражей газет коснулось, прежде всего, антибольшевистских режимов. По мере военных поражений тиражи газетной прессы резко падали.

В 1920 в связи с хозяйственной разрухой стали сильно сокращаться тиражи центральных и местных советских газет. Если в 1919 г. ежедневный тираж "Известий ВЦИК" составлял 400 тыс. экз., то к марту 1920 г. он снизился до 275 тыс. А тираж газеты "Бедноты", достигавший в январе 1920 г. 750 тыс. экз. к декабрю 1920 г. сократился до 350 тыс. В конце 1920 г. тираж 65% губернских газет составлял от 5000 до свыше 10000 экз. Около 70% уездных газет имели тираж 3000 экз./141/.

Объем газет в годы революции и Гражданской войны колебался от 2 до 12 страниц большого, среднего и малого размера. Самой большой газетой были советские "Известия ВЦИК". В 1918 г. их объем достигал 12 страниц. Подавляющее большинство центральных и губернских газет всех политических режимов России выходили на 4 полосах, уездных — на 2. Объем газет политических партий, общественных организаций и кооперации колебался в достаточно больших пределах. Он зависел от силы и материальных возможностей общественных организаций, от их поддержки властями. Так, в 1918 г. буржуазные сибирские газеты выходили объемом от 4 до 8 страниц. Объем мелкобуржуазных изданий колебался от 2 до 8 страниц/142/. Многие крупные газеты имели тематические приложения. "Известия ВЦИК" в 1918 г. имели приложения "Вопросы экономической жизни" и "Народное просвещение". В омской газете "Сибирская речь" публиковалось приложение "Литературный еженедельник газеты "Сибирская речь".

В ходе Гражданской войны объем газет постоянно сокращался по мере усиления хозяйственной разрухи и бумажного голода. В первую очередь сокращение также коснулось газетные издания антибольшевистских государственных образований, терпящих поражения от большевиков. Сокращение объема газетных изданий небольшевистских политических режимов сильно повлияло на размах агитационной работы и осложнило манипулирование общественным мнением, что в конечном итоге ускорило их крах. В условиях военного разгрома и экономической разрухи газетные издания этих политических режимов были сокращены с 4 до 2 страниц. Осенью 1919 г. Совет министров Российского правительства был вынужден пойти на сокращение объема газетных изданий. С 1-го октября газеты должны были печататься в одном листе размером не более 682 квадратных дюймов. Издания, выпускаемые до 20 сентября объемом меньше указанного, не могли быть увеличены/143/.

С 1920 г. усилившийся хозяйственный кризис и бумажный дефицит привели к сильному сокращению объемов газетных изданий РСФСР. К концу

1920 г. большинство советских газет издавалось на двух полосах. Таких изданий насчитывалось 65%. Четырехполосных газет насчитывалось примерно 30%. 80% газет имели от 500 до 2000 строк/144/.

Периодичность выхода российских газет колебалась от ежедневного издания до еженедельного. Основная масса газет выходила 3 раза в неделю. Ежедневных газет было немного. Так, к концу 1920 г. только четверть советских газет выходила каждый день. Ежедневный выпуск был, в основном, у центральной газетной периодики. При этом военные условия часто приводили к тому, что периодичность выхода, особенно региональных изданий, часто нарушалась.

Из-за бумажного голода российские газеты периода революции и Гражданской войны нередко печатались на серой, фиолетовой, кремовой, желтой бумаге. В 1918 г. в Сибири на желтой и цветной бумаге печаталось 45 газет, а на белой 87. Однако были и исключения. Так, владивостокские газеты почти все печатались на белой бумаге/145/.

Одна из особенностей газет небольшевистских политических режимов России заключалась в использовании как новой, так и старой орфографии. При этом переход к новой или наоборот возвращение к старой орфографии сопровождалось определенными трудностями. Характеризуя сибирские газеты, А.В.Адрианов подчеркивал: "Мода ли вообще, большевистский ли уклон или просто безоглядное обезьянничанье привело их редакции к этому, я не знаю, но знаю, что введением этой орфографии они создали затруднения не только для типографий, но и, что главное, для читателя, в прямой ему ущерб. Мера целесообразная в смысле увеличения газетного материала — исключение твердого знака, усвоена в 31 газете"/146/.

3. Штаты редакционных коллективов и авторский актив газет

Газеты в годы революции и Гражданской войны являлись мощным оружием повсеместного и непрерывного воздействия на общество. Степень этого воздействия зависела в первую очередь от профессионализма сотрудников газетной периодики.

Активное участие в газетной журналистике принимали руководители российских государственных образований, лидеры и идеологи политических партий и общественных движений. Им это было необходимо для пропаганды своих идеологических платформ и формирования в обществе выгодного им мифологического мироощущения.

В кадетской газетной прессе участвовали видные политические деятели и публицисты партии кадетов. Так, в сибирских кадетских газетах печата-

лись известные кадетские лидеры: В.А. Жардецкий, М.Н. Костюрина, В.Н. Пепеляев, П.В. Тихомиров, и др. Член Учредительного собрания, кадет Л.Л. Кроль являлся одним из редакторов газеты "Вечер", а затем сотрудником газеты "Голос Родины"/147/.

Ответственными редакторами и сотрудниками центральных эсеровских и меньшевистских газет, издававшихся в Москве и Петрограде, ("Вперед", "Воля народа", "Дело народа", "День", "Единство", "Искра". "Новая жизнь", "Простая газета социалистов-революционеров", "Рабочая газета") являлись руководители и идеологи этих партий: Л.А. Аксельрод, Г.А. Алексинский, А.А. Аргунов, И. Астров, В.А. Базаров, Е.К. Брешко-Брешковская, Н.В. Васильев, В. Вольский, Э. Вулих, Ф. Дан, Л.Г. Дейч, В.А. Десницкий-Строев, С.Загорский, В.И. Засулич, Н.И. Иорданский, В. Канторович, М. Либер, Л. Мартов, А. Мартынов, Б. Николаевский, Г.В. Плеханов, А. Потресов, С.П. Постников. А. Потресов, М. Скобелев, П.А. Сорокин, Е.А. Сталинский, Н.Н. Суханов, А.В. Турба, И. Церетели, Н. Череванин, В.М. Чернов, Н. Чхеидзе, Г. Эрлих и др.

Член ЦК партии эсеров Л. Коган-Бернштейн печатался в самарском "Свободном слове"/148/. В газетах сибирских эсеров сотрудничали такие видные члены партии, как М. Омельков, Б. Лайко, С. Рождественский, Н. Фомин, Е. Колосов, И. Гольдберг и др. Член Всесибирского краевого комитета партии эсеров М. Фельдман редактировал центральный орган сибирских эсеров - томскую газету "Голос народа".

В редакционную коллегию центрального печатного органа меньшевиков Сибири газеты "Заря" (Томск) входили такие видные члены этой партии как А.А. Богданов, В. Денисов, Д. Розенберг, И.С. Неслуховский и др. Член Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы Н.Я. Быховский параллельно со своей общественной деятельностью редактировал эсеровский печатный орган, газету "Голос народа"/149/.

Наиболее интенсивно использовали прессу руководители РКП(б) и советского государства. Организаторами, редакторами и сотрудниками советских газет являлись руководящие работники правительственных учреждений РСФСР и региональных советов, центрального и местного аппарата РКП(б), комиссары Красной армии. В своем подавляющем большинстве они были коммунистами. Строгий подбор кадров являлся одним из методов проведения монополизации газетного дела со стороны руководства большевиков. Через кадровую политику большевистские лидеры контролировали всю советскую газетную периодику. Практически все политическое руководство РСФСР во главе с Лениным печаталось в газетах. Особое значение большевики придавали военной прессе. Организаторами военных газет РСФСР являлись старый большевик К.С. Еремеев, опытный правдист Н.Н. Лебедев, активный деятель Пролеткульта П.И. Лебедев-Полянский, участница русского револю-

ционного и международного женского движения Л.Н. Сталь, известный большевистский пропагандист Н.Г. Толмачев, а также советские, партийные и военные руководители: А.С. Бубнов, С.И. Гусев, В.В. Куйбышев, С.М. Киров, И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе, М.Н. Тухачевский и многие другие.

Еремеев был инициатором создания газет: "Армия и флот", "Армия и флот рабочей и крестьянской России", "Красная армия", "Рабочая и крестьянская Красная армия и флот". За шесть месяцев редакторской деятельности в газете "Армия и флот рабочей и крестьянской России" он опубликовал за своей подписью 30 статей, очерков, корреспонденций, репортажей. Но, как считает исследователь Кучирь, перу Еремеева принадлежит еще более 80 неподписанных материалов/150/. Лебедева направили редактировать газету "К оружию". Лебедев-Полянский редактировал газету Южного фронта "Красная звезда" Сталь в годы войны также занималась редактированием многих военных советских газет: "Борьба" (12-ая армия), "Кронштадтская правда", "Солдатская правда" и т.д. Инициатором создания газеты политотдела 3-й армии Восточного фронта "Красный набат" являлся Толмачев/151/.

В газете Восточного фронта "Окопная правда" сотрудничали политкомиссары: В.К. Путна и В.В. Сорокин, начальник политотдела И.М. Гордиенко, работники политотдела С.С. Гончаровская и Б.М. Гурович. Газету "Красная армия" — орган Пензенского губернского комитета по военным делам и прифронтовой полосы редактировал А.Г. Фридлянд, одновременно исполняющий должность инструктора по агитационным делам Всероссийского бюро военных комиссаров. В красноармейской газете "Революционный призыв" печатался И.М. Варейкис, руководитель симбирских большевиков.

На местах советской прессой и газетными изданиями РКП(б) руководили региональные большевистские лидеры. В советских газетных изданиях на Волге, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке сотрудничали партийные деятели, участники революционного движения, опытные большевистские руководители: Я.Е. Боград, А.М. Буйко, А.И. Окулов, Г.И. Окулова-Теодорович, А.В. Померанцева, В.А. Радус-Зенькович, В. Чужак-Насимович, В.Н. Яковлев, Н.Н. Яковлев и др. Радус-Зенькович редактировал "Известия" Саратовского губисполкома/152/. Чужак-Насимович — ряд восточносибирских и дальневосточных газет: "Красное знамя" (Владивосток), "Дальневосточный путь" (Чита), "Власть советов" (Иркутск) и др./153/.

Руководители камчатской партийной организации — И.Е. Ларин, М.И. Савченко-Славский и Н.П. Фролов — сотрудничали в печатном органе областного революционного комитета, газете "Известия"/154/. Большинство сибирских большевистских журналистов были связаны с газетами сибирского крупного промышленного и административного центра — Красноярска, где издавались "Известия Красноярского совета", "Красноярский рабочий" и "Сибир-

ская правда". В этих газетах сотрудничали Боград, Окулов, Померанцева, В.Н. Яковлев, Н.Н. Яковлев и др.

В число наиболее активных редакторов и сотрудников северных большевистских советских газет также входили многие местные партийные, советские и военно-политические работники. Они были организаторами и сотрудниками всех ведущих газетных изданий и сыграли заметную роль в развитии и совершенствовании советской прессы этого края. Среди них были: А.А. Алешин, И.В. Боговой, Л.М. Быстрова, М.К. Ветошкин, Ф.Е. Глушенко, С.С. Горбунов, М.А. Гридасов, Н.В. Елизаров, Д.А. Ершов, С.И. Заболотных, Г.А. Закс, М.С. Кедров, Н.Н. Кузьмин, А.М. Ларионов, А.В. Мальцев, И.К. Марков, А.Д. Метелев, И.К. Наумов, Д.П. Наратович, А.М. Орехов, Н.Ф. Пластилин, В.А. Савин, Н.Е. Сапрыгин, Я.Я. Спрингис-Шипов, В.И. Суздальцева, Б.В. Сурконт, Я.А. Тимме, Ф.С. Чумбаров-Лучинский и др. Кузьмин был участником первой русской революции, членом редколлегии центральных партийных газет в 1917 г. В ноябре 1917 г. он был назначен членом РВС 6-ой армии, действовавшей на Северном фронте. Наумов принимал участие в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. Он также был членом РВС 6-ой армии. М.С. Кедров в 1917 г. являлся членом Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), редактором газет "Солдатская правда" и "Рабочий и солдат".

У руководства многих газетных изданий ДВР в 1920 г. стояли руководители государственных учреждений республики и органов РКП(б) края, такие как: В.Г. Антонов, М. Губельман, С.Г. Лазо, А.Я. Нейбут, П.М. Никифоров, В. Сибирцев, К. Суханов, К.А. Харский и др.

Повышению профессионального уровня советских газет способствовало участие в них опытных пропагандистов, старых большевиков, участников русского революционного, международного рабочего и социал-демократического движения. Среди них выделялись: И.Ф. Арманд, Н.И. Бухарин, С.М. Киров, А.М. Коллонтай, Г.И. Ломов (Оппок), М.С. Ольминский, Е.А. Преображенский, К.Н. Самойлова, Л.С. Сосновский и др. Они имели большой опыт работы в большевистских подпольных изданиях, в первую очередь "Искры" и "Правды", российских легальных профсоюзных и кооперативных газетах и журналах, иностранной прессе левого толка. Большинство из них были опытными пропагандистами, страстными агитаторами. Они привнесли в советскую прессу фанатичную большевистскую убежденность и достаточно высокий профессионализм.

Эти люди становились руководителями и активными участниками центральных и ведущих региональных большевистских и советских газетных изданий: "Бедноты", "Известий ВЦИК", "Петроградской правды", "Правды" и т.д. Организаторами, руководителями и авторами большевистских советских га-

зет юга России и Украины были известные большевики Артем (псевд. — наст. имя Ф.А. Сергеев), А.С. Бубнов, С.М. Киров и др. Агент "Искры", деятельный участник революции 1917 г. на Украине, создатель русской эмигрантской рабочей прессы Австралии Артем был организатором и сотрудником газет: "Донецкий пролетарий", "Известиях Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и Харьковского совета рабочих депутатов", "Известиях Донецкого губернского исполнительного комитета и губернского комитета КП(б)У, "Донецкой коммуны" и др./155/. Старый большевик и журналист Бубнов во время оккупации Украины в 1918 г. был членом редакции нелегальной газеты "Киевский Коммунист", а через год — редакции "Известий Совобороны"/156/. Большое внимание газетам уделял Киров. Он участвовал в создании и работе советских газет Астрахани, Владикавказ, Пятигорска, Ростова-н/Дону/157/.

В целях активизации эмоционального воздействия газетной агитации к работе в советских большевистских газетах активно привлекались большевистские литераторы, рабочие и крестьянские поэты и прозаики. После победы большевиков ряды советских газетчиков пополнили: Н.И. Анов (псевд. — настоящее имя Иванов), М.Д. Артамонов, А.А. Вермишелев, П. Герасимов, С. Заревой (псевд. — наст. имя С.Н. Кошкар), В.Т. Кириллов, Леонтий Котомка (псевд. — наст. имя В.Н. Зеленский), А.Е. Ноздрин, Д.Н. Семеновский, А.С. Серафимович, Н.С. Трофимов, Павел Уральский (псевд. — наст. имя П.И. Заякин).

Одни из них были уже достаточно известными литераторами и прошли школу дореволюционной большевистской прессы, легальных газетных и журнальных изданий. Другие только начинали свой творческий путь. Из старых литераторов-правдивых в годы Гражданской войны много печатались Артамонов, Демьян Бедный, Герасимов, Заревой, Кириллов, Леонтий Котомка и др. Заревой являлся военным корреспондентом "Бедноты". Кроме того, его стихи появлялись во многих центральных газетах/158/. Серафимович был военным корреспондентом "Правды"/159/. Леонтий Котомка редактировал ряд большевистских газет, таких как: "Беднота", "Голос трудового крестьянства", "Правда" и др./160/. Бессалько редактировал газету Южного фронта "Красный воин"/161/. Редактором многих красноармейских газет являлся рабочий литератор А.С. Ноздрин/162/. Много печатались в советской периодике такие поэты и прозаики как: П. Арский (наст. имя — П.А. Афанасьев), В. Кириллов, И. Логинов, Н. Н. Ляшко, К. Носов, С. Обрадович, Н. Полетаев, А. Поморский, Самобытник (наст. имя — А. Маширов), Г. Санников, А. Соколов и др./163/. Писатель-самоучка Павел Уральский редактировал оренбургскую газету "Коммунар"/164/.

Серьезным препятствием для успешного воздействия газетной агита-

ции большевиков на массовое сознание являлся во многих случаях слабый кадровый состав советских газетных работников на местах. Одна из главных причин такого положения заключалась в том, что большинство старых газетных работников отказались сотрудничать с большевиками и перешли к белым. Лишь небольшое количество старых журналистов осталось работать с советской властью. В "Правде" работал репортером сын известного публициста, сотрудника нескольких дореволюционных газет Л.Н. Ядринцев. Он часто готовил отчеты о ленинских выступлениях/165/. В "Известиях ВЦИК" сотрудничали журналисты закрытого советской властью "Русского слова": редактор Л.И. Ануфриев, член редколлегии И.И. Старобогатов и заведующий отделом московской жизни К.М. Данилевский. Достаточно активно участвовали в советской прессе бывшие сотрудники "Биржевых ведомостей" и "России" В.А. Ретинин и А.И. Гессен, а также бывший редактор "Газеты для всех" И.К. Вержицкий/166/. Журналисты закрытых "Нового времени", "Новой жизни", "Русского слова", "Речи" и др. газет Н. Ежов, М.Ю. Левидов, А.И. Тиняков также начали работать в советских газетах.

В ряде случаев слабый кадровый состав советских газет объяснялся тем, что местные партийные комитеты и органы советской власти посылали на газетную работу совершенно не знакомых с журналистикой людей. Еремеев на 1-ом съезде работников РОСТА отмечал, что "на печать часто обращают не совсем должное внимание и назначают работников совершенно не знакомых с печатным делом"/167/. Третья причина слабой работы сотрудников советских газет состояла в том, что многие из них совмещали работу в газете с работой в партийных комитетах и советах. Так Н.С. Абельман, редактор газет "Ковровский рабочий" и "Рабочий и крестьянин", одновременно являлся председателем Ковровского комитета РКП(б), а затем председателем Ковровского совета, а основателем и редактором тульской газеты "Пролетарская правда" был руководитель Тульского губкома РКП(б) Г.Н. Каминский/168/. Совместительство не позволяло этим деятелям уделять газетной работе должного внимания.

Особенность кадрового состава газет антибольшевистских политических режимов заключалась в том, что, хотя и они испытывали дефицит опытных работников, среди их сотрудников было больше интеллигентных профессионально подготовленных людей. Помимо государственных и военных руководителей, лидеров политических партий и движений, в газетах антибольшевистской России принимали участие известные российские журналисты и литераторы, многие из которых бежали от преследований большевиков в регионы, контролируемые белыми армиями. Спасаясь от красного террора, журналисты и литераторы Москвы и Петрограда уезжали на периферию, где вместе с местными журналистами, писателями и учеными сотрудничали в

газетах. Они обогащали газетную работу культурными и профессиональными традициями.

Подавляющее большинство журналистов и литераторов бежали на юг России и Украину, где продолжали свою профессиональную деятельность. Журналисты одной из крупнейших газет России "Русское слово": С.И. Варшавский, А.А. Койнаровский, А.Г. Кугель, К.В. Орлов, А.А. Поляков, В.Е. Турок, продолжали работать в севастопольской газете "Юг России", одесском "Нашем слове", "Киевской мысли" и других изданиях Газеты Киева 1918 г., когда от наступления большевиков город защищали немецкие войска, и положение там было более или менее устойчивым, собрали таких столичных журналистов и литераторов, как: М.Н. Бялковский /"Новое время"/, И.М. Василевский /псевд. — Не-Буква/, Б.С. Мирский /"Вечерний час", "Новый час" и др./, Б.С. Оречкин /"Биржевые ведомости"/, А.С. Оскотский /"День", "Речь"/, А.Н.Толстой, Тэффи, А.П. Шполянский /псевд. — Дон-Аминадо/.

В одесских, ростовских и харьковских газетах в 1918-1919 гг. работали: А. Аверченко, И.Н. Брусиловский /"Биржевые ведомости"/, И.А. Бунин, С.Я. Елпатьевский /"Русские ведомости"/, В.А. Канторович /"День"/, Л.И. Ксюнин /"Новое время"/, Л.Г. Мунштейн /"Рампа и жизнь"/, Л.В. Пешехонов /"Русское богатство"/, Чазов /"Новое время"/ и др. В состав сотрудников крупнейшей газеты Крыма "Юг России" (Севастополь) влились: И.С. Лукаш ("Речь")/169/; Н.И. Марков ("Новое время")/170/; А.А. Поляков ("Русское слово")/171/.

Редакторами и сотрудниками врангелевских газет являлись многие известные русские журналисты и литераторы: А. Аверченко, В.А. Амфитеатов, С.Ф. Бельский, А.А. Буракин, А.А. Валентинов, Н. Верховский, Н.А. Евдокимов, Н. Залесский, Н.П. Измайлов, В.М. Левицкий, В. Оболенский, Г. Раковский, Б.В. Ратимов, В.А. Руднев, И. Соколов-Микитов, Б.А. Суворин, В.Я. Уланов, Н.Н. Чебышев, Е.Н. Чириков, И. Шмелев и др.

Спасаясь от большевиков, журналисты и литераторы уезжали из центральной России в Сибирь, на Урал и Дальний Восток, где сотрудничали в местных газетах. Бывший редактор-издатель крупных повременных изданий "Коммерческого телеграфа" (Москва), "Биржевого курьера" (Петроград) и "Эпохи" приват-доцент А.Я. Гутман (псевд. — Анатолий Ган) летом 1918 г. бежал из Москвы, перешел Казанский фронт и пробрался в мятежный Ижевск. Вместе с отступающими участниками антисоветского восстания на Ижевских и Воткинских заводах он уехал сначала в Уфу, затем в Екатеринбург, а потом перебрался в Омск. Весной 1919 г. он переехал во Владивосток. В ходе своего путешествия он редактировал или сотрудничал в местных газетных изданиях: "Воткинская жизнь", "Заря" (Омск), "Уральская жизнь" (Екатеринбург), "Русская армия" (Омск), "Отечественные ведомости" (Екатеринбург,

Уфа). Во Владивостоке он основал газету "Русский экономист"/172/. Туда же судьба забросила московского журналиста В.А. Чиликина, сотрудника ряда южнорусских газет А.Е. Ходорова и бывшего работника "Новой жизни" (Москва) В.Е. Ландсберга. Все они принимали активное участие во владивостокских газетах. Ходоров редактировал "Далекую окраину", а Чиликин сотрудничал в ней и в "Голосе Приморья". Ландсберг работал в "Дальневосточном обозрении"/173/.

Другие достаточно известные газетные издания Владивостока "Эхо" и "Моя Москва" издавались известным литературным критиком, бывшим сотрудником газеты "День" Б.П. Лопатиным (псевд. — Б. Шуйский). Левые взгляды и критика колчаковского правительства навлекли на него гнев официальных властей и преследования сторонников атамана Калмыкова. Он был арестован и, хотя позднее отпущен, вынужден был отойти от журналистской работы/174/. Бывший корреспондент "Русских ведомостей" А.С. Белоруссов бежал на Урал, где с лета 1918 г. начал издавать газету "Отечественные ведомости" с критикой Комуча. В связи с наступлением Красной армии издание было перенесено в Екатеринбург, а позднее закрыто за критику политики Колчака /175/.

Так же как и на белом Юге России, в дальневосточных, сибирских и уральских газетах активно сотрудничали приезжие литераторы. В Троицкой газете "Слово" работала поэтесса Л. Мурашева. В Омске был известен как один из руководителей газеты "Сибирская речь", редактор и газетный публицист московский поэт С. Ауслендер/176/. Часто печатался в газетах Владивостока хорошо известный в Москве поэт Ал. Журин.

Журналисты бежали и на территорию Северной области. В газетах Архангельска в годы Гражданской войны печатался московский поэт и фельетонист А.П. Андреев (псевд. — Шуба)/177/. Печатался в архангельских газетах и московский журналист Г.Я. Виллиам/178/. В газете "Возрождение" работал петроградский критик и публицист А.С. Долинин/179/. В прессе Юденича сотрудничали известные журналисты и писатели, не принявшие советскую власть. "Мою газету" в Пскове редактировал бывший секретарь "Нашей старины" и финский корреспондент "Утра России" и "Русской воли" Н.Г. Бережанский/180/. Известный писатель А.И. Куприн редактировал большую ежедневную газету "Приневский край", издававшуюся при Северо-западной армии/181/.

Наравне с приезжими в газетах белой России активно участвовали местные журналисты и литераторы. На белом Юге России екатеринбургские, киевские, одесские, ростовские, ставропольские, пятигорские и др. журналисты и писатели много сделали, чтобы местные газеты, несмотря на тяжелую военно-политическую обстановку, выходили и были интересны читателям. В

числе этих журналистов были М.А. Адамов, З.Ю. Арбатов, М.Ю. Бенедиктов, В.В. Клоповский, А.К. Полянский, Г.М. Римский, В.Е. Татаринов и др. Особо плодотворно работали донские литераторы. Ведущие газеты Дона редактировали и в них сотрудничали известные донские писатели и журналисты: Ф. Крюков, С.Г. Сватиков, В. Севский и др.

На белом Востоке России использовали газеты для популяризации своего творчества такие сибирские литераторы, как: Ю. Галич, П. Далецкий, А. Несмелов и др./182/. В сибирских газетах много печатался известный сибирский поэт екатеринбуржец Д.Виленский. В Екатеринбурге был известен критик С. Виноградов, сотрудничавший в местной газете "Уральская жизнь". Принимали участие в сибирской кооперативной прессе писатели Г.А. Вяткин, А.С. Новиков-Прибой, Н.Л. Янчевский. В газетных изданиях Владивостока и Харбина, двух культурных центров Дальнего Востока, особое место занимала "железная когорта" футуристов, куда входили известные поэты Н. Асеев, С. Третьяков и др. По свидетельству Д. Бурлюка, который в то время много публиковался в сибирской и дальневосточной прессе, в 1920-1921 гг. "все значительные газеты Владивостока и Харбина жили творчеством поэтов, входивших в "когорту"/183/.

На формы работы журналистов, на степень информированности белых газет, на полноту и достоверность освещения в них политических событий влияла относительно большая мобильность журналистов, существовавшая между антисоветскими областями. Так, в белую Сибирь и на Дальний Восток журналисты приезжали с территорий, занятых Деникиным и казачьими правительствами, и привозили с собой свежие новости. Связь и обмен информацией между белым Югом и Востоком России поддерживалась через Каспийское море. Известный сибирский кадет Арнольдов в воспоминаниях упоминает о подготовке двух интервью с колчаковскими министрами Лебедевым и Михайловым, которые предназначались для газет Юга России и должны были быть переправлены туда курьерами/184/. Сотрудник екатеринославской газеты "Южная заря" Н.К. Новицкий переехал на Дальний Восток и сотрудничал в "Дальневосточном обозрении". Были случаи, когда журналисты перебирались от Деникина к Колчаку через фронт, по территории РСФСР. Известный журналист "Русского слова" М.С. Лембич приехал с юга России в Омск в июне 1919 г. Он прибыл как посланец Деникина и представитель Кубанского войска. Кроме этого, он представлял "чуть ли не с полдюжины южно-российских газет"/185/. В Омске он основал газету "Русь". Пользуясь своей популярностью и расположением к нему Колчака, Лембич добился от последнего согласия освободить его газету от цензуры. Он также установил тесные контакты с руководителями колчаковских информационных служб, и одним из первых получал от них информацию.

Расширение пропагандистских возможностей белой прессы достигалось за счет участия в газетной работе профессуры российских вузов, членов биржевых комитетов, представителей торгово-промышленных кругов и кооперации. Занимались газетной работой ученые Сибири и профессура сибирских вузов. Приват-доцент Томского университета А.М. Гневушев редактировал газету "Енисейский вестник"/186/. Преподаватель Пермского университета В.Н. Иванов редактировал газету "Сибирские стрелки" и "Нашу газету"/187/. Профессор Иркутского и Томского университетов П.П. Маслов сотрудничал во многих сибирских газетах. Ведущим сотрудником газеты "Сибирская жизнь" являлся профессор, и.о. декана юридического факультета Томского университета Аносов, который в 1918-1919 гг. только в "Сибирской жизни" опубликовал 160 статей, 229 передовиц и 41 заметку. Кроме этого, он сотрудничал еще в изданиях "Великая Россия", "Русская речь", "Русский голос"/188/.

В сибирских газетах кадетского толка активное участие принимали члены биржевых комитетов, представители торгово-промышленных кругов и кооперации. В их число входили А. Коновалов, П.И. Кусков, Д.Е. Лаппо, Н. Лавров и др. В состав редакций сибирских кооперативных органов печати входили такие известные политические фигуры, как председатель правления Совета Всесибирских кооперативных съездов правый эсер А.В. Сазонов, который редактировал газету "Народная Сибирь". Редакции сибирских газет привлекали к сотрудничеству специалистов разных отраслей знаний: сельского хозяйства, медицины, экономики.

В газетах белого Юга России работали многие профессора и доценты московских и петроградских вузов. Много печатался в газетах профессор Московского университета П.И. Новгородцев/189/ и профессор уголовного права петроградских Высших женских курсов В.Д. Набоков/190/. "Ялтинский курьер" имел успех во многом благодаря участию в нем профессора Археологической комиссии, известного искусствоведа Г.К. Лукомского/191/.

Одесские газеты "Южное слово", "Современное слово", "Одесские новости" и др. издавались под руководством и при участии академика литературоведа Овсяннико-Куликовского/192/, доктора церковной истории Н.П. Кондакова/193/, приват-доцента Петроградского университета С.О. Загорского/194/ и т.д. Вместе с ними участие в газетах Юга России принимали преподаватели местных университетов. Профессор харьковского университета А.Л. Погодин редактировал местную газету "Русская жизнь"/195/. Его коллеги, профессор В.Х. Даватц и С.М. Кульбакин помещали свои статьи во многих южнорусских газетах/196/. Целый ряд газет печатал статьи и обзоры профессора одесского университета П.М. Бицилли/197/. А одесская газета "Единая Русь" издавалась при участии киевского профессора П.М.

Богаевского/198/. Редактором газеты "Донские ведомости" являлся проф. Н.П. Асеев, возглавлявший одновременно отдел печати Донского правительства. Среди сотрудников газеты "Жизнь" (Ростов-н/Дону) можно выделить проф. А.А. Алексеева.

Специфика деятельности сотрудников газет, издававшихся на территории антибольшевистских правительств, заключалась в том, что многие из них продолжали заниматься научной и преподавательской деятельностью. Это находило отражение в тематике их публицистических работ, аргументации основных положений в статьях и заметках. Частично результаты своих научных изысканий журналисты публиковали в газетах. Данные материалы вносили неповторимое своеобразие в содержание газетных агитационных образов, делали их более интеллектуальными, хотя и не всегда доходчивыми для широких народных полуграмотных рабоче-крестьянских масс. Лингвист Кульбакин выпустил книгу "Украинский язык. Краткий очерк истории, фонетики и морфологии"/199/. Литераторы Д.Н. Вергун, М.А. Струве и А.М. Федоров опубликовали сборники стихотворений и прозы/200/. Известный донской журналист и историк Сватиков издал книгу "Русский политический сыск за границей. По данным парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции" и часть исследования о государственно-правовом положении Дона в ХУ1-ХХ веках. Профессор Н.Н. Алексеев выпустил исследование "Общее учение о праве"/201/.

Некоторые журналисты белых газет, как и их советские коллеги, параллельно с газетной деятельностью занимались совместительством, работали в государственных учреждениях, преподавали в вузах. Так, журналист А.И. Линьков был официальным историографом при атамане Семенове/202/. Журналист и писатель А. Сорокин служил в Омске в управлении железных дорог/203/. Сватиков читал лекции по истории России в Ростовском народном университете, делал доклады на заседаниях донских научных обществ по краеведению, руководил историческими и художественными курсами для рабочих. Алексеев преподавал в Таврическом университете и Юридическом институте в Севастополе. Но в принципе совместительство не было характерно для деятелей белой журналистики.

Особенность кадрового состава газет белой России заключалась в том, что во многих случаях в них сотрудничали люди самых разных политических убеждений. Как уже говорилось, в газетах белой Сибири могли вместе сотрудничать эсеры, областники, меньшевики и даже большевики. В деникинской газетной прессе одновременно выступали сторонники Особого совещания и казачьих правительств. Это, с одной стороны, делало газетную пропаганду более объективной, но с другой — снижало ее целенаправленность.

Еще одна особенность кадрового состава белых газет заключалась в том, что среди журналистов было немало тех, которые ради денег и в угоду политической конъюнктуре готовы были искажать в своих материалах смысл происходящих явлений, передергивать факты, фальсифицировать события. Особенно много таких журналистов было на белом Юге России. Немирович-Данченко, характеризуя врангелевских журналистов, отмечал, что, по сути, они были "продажными писаками", которые ради денег и положения писали все, что нужно было властям. Он называл их газетными мародерами, которые, не брезгуя раболепством, "обивали пороги влиятельных лиц и присутственных мест, выклянчивая субсидии и шантажируя откровенными угрозами"/204/.

Успешное манипулирование массовым сознанием осуществляется на основе хорошо узнаваемых, взятых из жизни фактов. В этом случае пропагандистский материал укладывается в привычную для читательской аудитории систему ценностей и вызывает действия, запланированные газетными агитаторами. Такая фактическая база мифотворчества создает наиболее гармоничное соединение реальности с вымыслом и эффективно обеспечивает естественное и мало заметное для людей внедрение в круг их идейных представлений партийных установок. Однако газеты окт. 1917-1920 гг. испытывали большой недостаток в информации с мест, так как старый дореволюционный корреспондентский аппарат в основном распался, а у вновь создаваемых газет его еще не было. Редакции газет заново создавали сеть внештатных корреспондентов на местах. Созданием сети военных корреспондентов занимались редакции военных газет, формированию круга сельских корреспондентов уделяли внимание редакции крестьянских газетных изданий, газеты, ориентированные на рабочую аудиторию, стремились создать штат рабочих корреспондентов.

Наибольших успехов в этой работе добились центральные советские газеты. Во многом именно поэтому их пропаганда была более действенной, и они могли более успешно манипулировать сознанием читателей. Большую заинтересованность в этой работе проявляло большевистское руководство. Ленин неоднократно интересовался содержанием корреспондентской почты советских газет. Он внимательно читал статьи сотрудников редакции "Правды", написанные на основании сельских и военковских заметок. Эти материалы он нередко использовал в своих выступлениях. В речи на митинге в Сокольниковском клубе Москвы 21 июня 1918 г. по поводу работы продотрядов, он сказал: "Когда я читаю сообщение, что в Усманском уезде Тамбовской губернии продовольственный отряд из реквизированных 6 пудов хлеба 3 тысячи отдает беднейшему крестьянству, я говорю: если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что советская власть свое дело делает"/205/. Эту информацию глава советского правительства почерпнул из статьи редактора "Бедноты" Л. Сосновского "О

борьбе с голодом и "крестовом походе", опубликованной в "Правде"/206/. Одна из задач редакции газеты "Беднота" заключалась в том, чтобы регулярно доставлять Ленину подборки крестьянских писем из редакционной почты. Редактор газеты В.А. Карпинский часто приходил к Ленину с такими подборками /207/. В журнале входящих бумаг Совнаркома за 1918 г. неоднократно встречается пометка "от конторы "Бедноты"/208/.

Сотрудник редакции газеты Верхбицкий вспоминал о своем разговоре с редактором "Бедноты" Карпинским в середине 1919 г. Тогда он вернулся из очередной поездке на агитпоезде "Октябрьская революция", где представлял редакцию газеты. Он принес Карпинскому жалобы крестьян, полученные им во время работы на поезде. Узнав о цели его прихода, Карпинский сказал ему: "Вам будет полезно поговорить с Владимиром Ильичем по поводу Ваших поездок и редакционной работы на поезде... Вот Вам пакет с отобранными для него крестьянскими письмами. Отнесите их в Кремль"/209/.

Работу с рабкорами в центре и на местах держали под контролем газеты РКП(б), которые в первую очередь и получали от них материалы. Этой работе большое внимание уделяли большевистские партийные комитеты, которые понимали, что одним террором укрепить свою власть нельзя. Необходима доходчивая, понятная массам пропаганда. В Петрограде и Москве при помощи и под контролем райкомов партии стали создаваться литературные коллегии, которые должны были помогать рабочим в подготовке заметок для газет и контролировать их политическую направленность.

17 февраля 1919 г. на собрании представителей московских рабочих в редакции "Правды" было решено организовать в каждом районе города литературную коллегию. В целях усиления идеологической направленности их работы и контроля над ними в литколлегии выбирались представители от райкомов партии и комсомола, представители от профсоюзных организаций крупных предприятий. В ряде райкомов Москвы были созданы участковые литературные рабкорские коллегии.

В Петрограде организацией и работой литколлегий руководила "Петроградская правда". На основе опыта рабкоров Москвы и Петрограда литколлегии стали возникать во многих других городах, где устанавливалась советская власть. Их работа давала редакциям местных газет оригинальный дополнительный материал. Так, деятельность витебской литколлегии способствовала тому, что отдел "Рабочей жизни" областной газеты в сентябре 1919 г. получил 55 заметок, а в ноябре — 136/210/.

В октябре-ноябре 1920 г. для упорядочения руководства работой литколлегий было образовано Центральное московское бюро литколлегий, куда вошли М.И. Ульянова, Ив. Ломский, В. Дивильковский и другие сотрудники редакции газеты "Правда"/211/. Районные литколлегии, согласно инструкции,

опубликованной в декабре 1920 г., должны были составляться из выбранных представителей от большевистских, комсомольских, ячеек и фабрично-заводских комитетов. К работе привлекались не только члены партии, но и беспартийные активисты. Литколлегии должны были собранный ими материал отсылать в редакции, ограничиваясь небольшими стилистическими и грамматическими исправлениями/212/.

Главную трудность представляло создание корреспондентской сети в селе. Без ее создания бороться за идеологическое влияние на крестьян было трудно. Работу с сельскими корреспондентами в РСФСР возглавила московская большевистская газета "Беднота". Редакция вела большую организаторскую работу с селькорами, оказывала им методическую помощь, собирала на совещания. Никакая другая российская газета не опубликовала такого количества читательских писем, сколько было напечатано на страницах большевистской "Бедноты", что свидетельствовало о достаточно тесных (насколько это, возможно, было в то время) связях редакции с читательской массой. Много внимания этой работе уделял секретарь редакции "Беднота" М.С. Грандов. Основным мероприятием в работе с селькорами в те годы стало совещание, организованное редакцией газеты осенью 1918 г.

Оно в советской литературе получило название совещание представителей комитетов бедноты центральных губерний. На самом деле "Беднота" собирала своих корреспондентов, и правильнее было бы назвать этот съезд собранием корреспондентов газеты. Но в то время слово селькор только зарождалось и не вошло еще широко в журналистскую лексику. А так как в те годы основная масса сельских корреспондентов газеты были либо членами комитетов бедноты, либо коммунарами, то газета и обратилась к ним с приглашением прислать делегатов на совещание. Оно было приурочено к первой годовщине Октябрьской революции. 1, 2 и 3 ноября в газете было помещено воззвание "Всем комитетам бедноты и коммунарам". В нем содержался призыв редакции "прислать в Москву к 6-му ноября... представителей от каждого комитета и каждой коммуны"/213/. Цель совещания, вспоминал Грандов, состояла в том, "чтобы как следует поговорить о задачах газеты, о деревенской политике, договориться здешним работникам "Бедноты" с крестьянами-корреспондентами"/214/. На совещании выступил Ленин. Активное участие в совещании принимала Н.К. Крупская. В целом, поездка в Москву, встреча в редакции "Бедноты" дали селькорам большой материал для агитационно-пропагандистской работы на местах.

Созданием корреспондентской сети в Красной армии советские газеты обеспечивали получение информации о военной жизни. Красноармейские письма и корреспонденции давали возможность газетам иметь оригинальный материал об армии. Военкоры либо назначались политотделами, либо избирались парти-

ейками, армейскими культпросветкомиссиями или собраниями красноармейцев. Обычно на дивизию избирался один военкор. В его обязанности входила организация солдат для информирования газет. Политотделам фронтов и армий было дано указание о выделении должности корреспондента с предоставлением ему возможности свободно передвигаться по линии фронта. Кроме того, редакциям газет рекомендовалось проводить специальные красноармейские курсы для подготовки военкоров. В инструкции для редакций красноармейских газет подчеркивалась необходимость устройства "красноармейских курсов, съездов или совещаний для красноармейцев, желающих сотрудничать в газете"/215/. Военные газеты проводили достаточно большую работу по привлечению красноармейцев к сотрудничеству в газетах. Для оказания им методической помощи при редакциях красноармейских газет создавались литературные комиссии, на страницах газет публиковались специальные памятки.

Особое место в деятельности большевистских газет занимала работа с начинающими литераторами. Публикация в газетах стихотворений и прозаических произведений делали пропаганду более разнообразной. Для начинающих литераторов редакции советских газет организовывали конкурсы и публиковали наиболее удачные работы. На страницах газет редакции давали советы начинающим литераторам, стремилась приобщить их к сотрудничеству, тактично указать на недостатки, имеющиеся в их работах.

Работая с селькорами, редакция "Бедноты" много делала для воспитания в их среде народных талантов. Осенью 1919 г. сотрудники редакции участвовали в конкурсе, организованном Госиздатом. В список тем, которые должны были быть освещены в литературных произведениях участников, включались следующие вопросы: "что такое классовая борьба, почему некоторые крестьяне идут против советской власти и в чем их ошибка? Что делать рабочим, чтобы удержать фабрики и заводы? Нужна ли рабочим и крестьянам своя армия, и для чего нужна? Когда у крестьян будут сельскохозяйственные орудия, гвозди, керосин, сахар, ситец и пр.? Кому выгода коммуна и кто ее боится? Для чего советской республике нужны советские фабрики и заводы, для чего советской республике нужны советские хозяйства, вредят ли они интересам крестьян? Кто такие контрреволюционеры и почему им помогают иностранные буржуа?"/216/. В конкурсное жюри входили ответственные работники "Бедноты" М.С. Грандов, В.А. Карпинский, С. Смирнов. Сотрудники редакции читали конкурсные сочинения и давали на них рецензии. Наиболее талантливых участников конкурса приглашали на работу в Москву/217/.

В целом создание рабкоровского корпуса по РСФСР шло туго. Эффективному использованию корреспонденций и беллетристических сочинений мешали недостатки в формировании корпуса внештатных корреспондентов советских большевистских газет. Партийные, комсомольские, профсоюзные, жен-

ские ячейки предприятий были бедны грамотными рабочими. Положение усложнялось тем, что рабочие активисты обычно забирались на советскую и партийную работу. Поэтому состав литколлегий был текущим, а штат рабкоров слабо подготовленным. Литколлегии могли объединять 5-10 рабочих, но фактически активно работали в них 1-2 человека. Были случаи, когда литколлегия состояла из одного человека, который получал из райкомов или с заводов протоколы и резолюции партийных или профсоюзных собраний и отсылал их в редакцию партийной газеты. Вспоминая о своей работе по организации рабкоров, писатель А.С.Серафимович писал: "Я да еще один товарищ приезжаем в райком. Смотрю, сидят человек 25-30 рабочих, смотрят угрюмо, видно, голодные, усталые, измученные... У нас было определенное задание, пришлось их всячески убеждать, что, мол, рабочим нужно писать. Они сидели молча, слушали, но на изнеможенных лицах их было написано: "Да, когда же, наконец, вы нас отпустите"/218/.

Основная причина слабой работы военкоров заключалась в том, что военные корреспонденты, как правило, были заняты делами армейской службы, и им не хватало времени на журналистскую работу. Не удалось создать эффективно действующего корреспондентского аппарата, "который мог бы взять на себя инициативу вести это дело"/219/. Кроме того, военные власти привыкли смотреть на корреспондентов, "как на элемент лишний и чуждый им"/220/. В результате многие корпункты Красной армии бездействовали и не выполняли тех функций, которые на них были возложены. "Нет материалов, нет постоянных сведений, которые давали бы возможность судить, какое настроение существует в Красной армии", — отмечали представители военных организаций РОСТА/221/.

Но, несмотря на указанные сложности, работа по созданию внештатного актива советских газет была поставлена гораздо лучше, чем у печати антибольшевистских режимов. Газетные издания последних не смогли создать сколько-нибудь широкой сети внештатных корреспондентов среди рабочих и крестьянства. Это было наглядным показателем слабой связи властных структур этих режимов с широкими слоями общества, что явилось предвестником их военного поражения от советской власти.

4. Библиографирование и собирание газетной прессы

Несмотря на Гражданскую войну, российская интеллигенция активно боролась за сохранение памятников современной культуры, так как переживаемое время, по ее глубокому убеждению, требовало "всесторонней внимательнейшей регистрации"/222/. Среди этих памятников на одно из первых

мест общественность ставила прессу. "И вот пресса и... в общем, печать, являются единственными выразителями того, что творит наше время: скрижали печати вместе с тем, памятники этого времени во всех его деяниях и отзвуках последних", — писали российские газеты /223/.

Руководители враждующих политических режимов понимали значение произведений печати для политического и культурного развития страны и немало делали для их сохранения. Советское правительство в феврале 1918 г. декретом Наркомпроса, в ведении которого находилась Петроградская книжная палата, обязало московские и петроградские типографии доставлять по 8 экз. всех выпускаемых изданий в Книжную палату и ее московское отделение. На регионах это количество экземпляров должно было доставляться в местные советские органы, в обязанности которых входила их пересылка в Москву и Петроград/224/.

На территории Комуча регистрация и собирание произведений печати было поставлено на твердую юридическую основу. Был подготовлен текст постановления управляющих ведомствами внутренних дел и народного просвещения об охране памятников старины и революции от 10 августа 1918 г./225/.

В белой Сибири 25 июня Западносибирским комиссариатом Сибирского временного правительства было издано постановление о печати. Оно подтверждало постановление о печати Временного правительства от 27 апреля 1917 г. со всеми правилами, присвоенными в нем Книжной палате/226/. Согласно этому постановлению типографии должны были предоставлять по 8 экз. всех вышедших за последние сутки произведений тиснения. В июльских постановлениях 1918 г. МВД потребовало от губернских и областных комиссаров точного выполнения постановления о печати/227/.

Главной особенностью собирательской деятельности печатных произведений было то, что государственные учреждения и общественные организации, как правило, собирали прессу и произведения тиснения вне зависимости от их политической направленности, в том числе и издания своих политических противников. Так, на территории Северной области Бюро печати организовало систематическую регистрацию печатных материалов, относящихся к периоду существования в регионе советской власти, и обратилось ко всем учреждениям и жителям области с убедительной просьбой присылать все материалы, освещающие "злодеяния большевиков, комиссаров и учреждений советской власти".

Основную работу по собиранию и регистрации газетных изданий проводили Петроградская книжная палата и ее отделения. Созданная весной 1917 г., она проводила огромную работу по учету и сохранению прессы. Это было одним из основных направлений ее деятельности. Непосредственно

данной работой занимался отдел регистрации и описания периодических изданий, во главе которого стоял вице-президент русского библиографического общества, известный литературовед и краевед Л.К. Ильинский. Руководитель Книжной палаты, выдающийся отечественный библиограф и литературовед, С.А. Венгеров с особой любовью относился к библиографированию периодических изданий и делал все от него зависящее, чтобы эта работа была поставлена на должном уровне.

Петроградская книжная палата создавала на местах свои отделения, которые следили за доставкой провинциальными типографиями литературы советам и отправкой ее в центр. К осени 1920 г. отделения Книжной палаты имелись в 19 городах северной и центральной России, на Волге и в Белоруссии.

Для этих же целей руководство Петроградской книжной палаты посылало на места своих сотрудников для собирания недостающих изданий, в том числе газет. И хотя недостаток финансирования не позволял организовать эти поездки широко и планомерно, но за 1918-1920 гг. членам палаты удалось совершить 37 командировок, в ходе которых было спасено от забвения и уничтожения большое количество печатных изданий. Особенно важными были командировки на разоренную Украину. В апреле-мае 1920 г. в результате поездки сотрудника Книжной палаты А.Л. Бема был составлен список книг и периодических изданий, выходивших на Украине в 1917-1920 гг. В июле-ноябре 1920 г. на Украине работали представители Петроградской книжной палаты Е.Г. Кислицын и Н.В. Яковлев. Они собрали для палаты 200 пудов произведений печати/228/.

Необходимость сохранения периодических и непериодических изданий осознавалась в самых дальних уголках бывшей Российской империи. В далеком Туркестане в декабре 1919 г. ТуркЦИК выпустил приказ о доставке в Народную библиотеку обязательного экземпляра. А осенью 1920 г. в Туркестане была организована Книжная палата/229/.

Основные справочники, изданные в эти годы Петроградской книжной палатой, были также посвящены периодическим изданиям. Были выпущены "Список повременных изданий за 1917 г." и "Еврейская периодическая печать в 1917 и 1918г.г."/230/.

Гражданская война внесла коррективы в работу по библиографированию печатной продукции и регистрации произведений газетной прессы. На территории антибольшевистских режимов были созданы свои книжные палаты, которые рассматривали себя в качестве отделений Петроградской палаты и работали по плану, который был составлен Венгеровым еще в 1917 г. Их сотрудники верили, что после окончания войны восстановится единая российская государственность, и собранные памятники письменной культуры

будут ценными источниками по истории страны. Хотя по понятным причинам в то время они вынуждены были работать самостоятельно. Наибольшее значение в этом плане имела деятельность Самарской и Омской книжных палат в 1918-1919 гг.

Организация регистрации и собирания газетной и иной печатной продукции в Поволжье, Сибири на Дальнем Востоке и Урале в это время тесно была связана с именами известного отечественного краеведа и библиографа Н.В. Здобнова и активного сотрудника Петроградской книжной палаты, работника Пушкинского дома, сподвижника Венгерова, крупного советского литературоведа Н.В. Яковлева. Последний прибыл из Петрограда в Самару в марте 1918 г. Правда, цель его визита не была связана с собиранием произведений печати. Он был приглашен как представитель центральных архивных учреждений в комиссию по охране архива Самарского губернского правления и Самарского губернского присутствия, который местные органы советской власти решили продать на бумагу/231/.

Поездка Яковлева на Волге была использована руководством Петроградской книжной палаты для создания там своего регионального отделения. После свержения советов и перехода власти к Комучу в его составе была организована Книжная палата, участие в организации и деятельности которой принимал Яковлев. Палате удалось собрать обширный печатный, в том числе и газетный, материал.

В результате поражения войск Комуча и в связи с началом эвакуации Самары, Яковлев 3 октября 1918 г. был командирован в управление делами Временного всероссийского правительства для организации отделения Книжной палаты. "Третьего сего октября я, в виду предстоящей ликвидации учреждений Комитета членов Всероссийского учредительного собрания был командирован в управление делами Всероссийского правительства на предмет выяснения положения отдела Книжной палаты", — писал он в заявлении управляющему делами Временного всероссийского правительства Г.Г. Тельбергу/232/.

По прибытию в Омск Яковлев в служебной записке в управление делами правительства изложил свой план собирания печатного материала на территории, подконтрольной Всероссийскому временному правительству. Реализация этого плана должна была способствовать наиболее полному сохранению произведений тиснения, в том числе и газет. В своем плане Яковлев стремился реализовать идеи, заложенные Венгеровым при создании Петроградской книжной палаты. Он предлагал создать Книжную палату в составе отдела печати управления делами правительства. По его замыслам, отдел печати должен был включать в себя Бюро печати, телеграфное агентство, официальный печатный орган, газету "Вестник..." и Книжную палату. "Не

достает лишь четвертого учреждения — Книжной палаты, — подчеркивал он, — для того, чтобы организуемый отдел печати явился точным воспроизведением того положения, которое существовало при Временном российском правительстве в 1917 г."/233/.

По мнению Яковлева, дело собирания и сохранения печатных произведений должно было быть децентрализовано. В каждом областном или губернском центре планировалось создать отделение палаты, которое занималось бы собиранием произведений печати. Их функции должны были на себя взять научные и учебные учреждения. Территорию, подконтрольную Всероссийскому временному правительству, Яковлев ориентировочно разбил на пять крупных регионов. На Урале предполагалось открыть отделения в Екатеринбурге, Оренбурге и Уфе. Их функции должны были выполнять ученые архивные комиссии. В Западной Сибири такими центрами становились Западносибирский отдел Русского географического общества и Томский университет.

В Восточной Сибири функции отделений Книжной палаты надлежало выполнять красноярскому музею, восточносибирскому отделу русского географического общества в Иркутске и ученой архивной комиссии в Чите. Для Дальнего Востока предполагалось создать отделения во Владивостоке на базе местного университета и в Благовещенске. "Примененная схема, — писал Яковлев, — предусматривает возможность соединения двух административных единиц в одну в случае нахождения в какой-либо из них достаточно компетентного учреждения для того, чтобы принять на себя функции отделения Книжной палаты. Например: Омск — не только для Акмолинской области, но и для Тобольской губернии; Иркутск — не только для Иркутской губернии, но и для Якутской области"/234/.

Первоначально омская Книжная палата была создана в конце ноября 1918 г. в качестве отделения в составе Департамента общих дел МВД и широко развернула свою деятельность. На места было разослано циркулярное обращение Петроградской книжной палаты от 1 июня 1917 г. "Губернским и уездным комиссарам Временного правительства и заменяющим их должностным лицам и установлениям". В нем содержалась подробная инструкция, облегчающую работу по собиранию произведений печати. В регионах началось составление списков периодических изданий, издательств и типографий/235/.

Кроме работы с официальными учреждениями, руководство Книжной палатой составило и разослало обращения к кооператорам, органам местного самоуправления, библиотекам и т.п. В них содержалась просьба помочь палате в осуществлении ее культурных задач и доставлять ей сведения о типографиях, издательствах, изданиях и сами издания помимо того, что они обязаны предоставлять в комиссариаты/236/.

Сохранению газет и других периодических изданий интервенционистских войск способствовало обращение Омской Книжной палаты к командованию интервентов и чехословацкому Национальному совету с призывом присылать имеющиеся у них печатные издания. Это обращение нашло понимание у союзников Колчака, и они начали доставку в палату своей литературы/237/.

Помимо учета и сохранения текущих произведений печати, Книжная палата собирала печатные материалы, относящиеся ко времени, предшествовавшему возникновению отделения. Палатой были получены материалы министерства внутренних дел, отдела печати Всероссийского временного правительства и Сибирского информационного агентства. В результате этой работы был сформирован солидный фонд газетного материала/238/.

Идеи Яковлева получили наибольшее воплощение в постановлении совета министров Российского правительства от 15 мая 1919 г. "Об учреждении Временного бюро Книжной палаты и краевых ее отделений"/239/. Согласно его положениям, Книжная палата выделялась из МВД и реорганизовывалась в самостоятельное Временное бюро. Оно входило в состав управления делами Верховного правителя и Совета министров. Региональные отделения-хранилища создавались во Владивостоке, Иркутске, Казани, Перми, Самаре, и Саратове. На управляющих губерниями и уездами возлагалась обязанность по доставке произведений печати в эти отделения.

После разгрома Колчака и установления в Сибири советской власти, работа Яковлева по собиранию и регистрации книжных изданий и прессы продолжалась. Он был назначен заведующим подотделом архива отдела народного образования Сибревкома. При его участии было подготовлено обращение ревкома от 3 декабря 1919 г. об открытии Сибирского отделения Книжной палаты. Вскоре Яковлев уехал в Петроград, а летом 1920 г. туда стали прибывать собранные им материалы, среди которых было много газетных изданий/240/.

Упорядочение работы по учету и собиранию произведений печати на территории Северной области привело к созданию в Архангельске Временного бюро Книжной палаты, по примеру омского. Эта проблема была решена в последние дни существования Временного правительства Северной области.

5 февраля 1920 г. правительство приняло постановление "Об учреждении в Северной области Временного бюро Книжной палаты"/241/. В его основе лежало постановление Совета министров Российского правительства о создании Временного бюро Книжной палаты в Омске. Реального значения для учета и собирания произведений печати в Северной области данное решение иметь не могло, так как в феврале-марте 1920 г. ее территория была занята Красной армией.

Стремилось наладить работу по регистрации и собиранию печатной продукции правительство Северо-западной области России, контролируемой войсками Юденича. Эта деятельность в последний период существования области завершилась принятием решения о создании Книжной палаты. Разработка проекта постановления была поручена отделу пропаганды при Совете министров области. В подготовленном проекте отдел предлагал в целях экономии средств возложить исполнение этих обязанностей на него. Данное предложение было обосновано тем, что работа по регистрации и собиранию произведений печати будет помогать выполнению агитационных функций отдела. Деятельность отдела по собиранию и хранению печатной продукции должна была носить временный характер, до тех пор пока не будет возможности для передачи "Государственной публичной библиотеке всех произведений печати, издающихся на территориях, подчиненных русским властям", то есть до победы над большевиками.

Цели, которые преследовали создатели проекта, говоря о библиографировании произведений тиснения вообще и газетной прессы в частности, были несколько иными, чем в других регионах белой России. Произведения печати собирались и регистрировались не только как памятники культуры, но и как улики для будущих судебных разбирательств над политическими противниками режима Юденича. "В виду важности сохранения для потомства материалов по истории освобождения России... — отмечалось в докладе, — представляется желательным организовать орган, на который была бы возложена обязанность собирать, регистрировать и хранить произведения печати до передачи их при первой возможности в Государственную публичную библиотеку и предоставлять в надлежащих случаях экземпляры таковых судебным властям для возбуждения преследования"/242/.

Проект постановления был утвержден на заседании совета министров правительства Северо-западной области России от 10 ноября 1919 г. Книжная палата создавалась в составе Министерства народного просвещения. Ее основная задача заключалась в "охране от бесследного исчезновения произведений печати, издаваемых в настоящее время на территории Северо-западной области и Эстонии на русском языке". Министр Северо-западной области России В. Горн высоко оценивал факт создания Книжной палаты. В своих воспоминаниях он подчеркивал: "В числе общекультурных задач, которые ставило тогда министерство Ф.А. Эрн (министр просвещения правительства Северо-западной области России. — М.Л.) отмечу еще учреждение так называемой Книжной палаты. В ней предполагалось сосредоточить хранение всех произведений русской печати, выходивших на территории, отвоеванной у большевиков, и в соседних с областью новых республиках... Ф.А. Эрн хотел сберечь хотя бы часть этих сокровищ"/243/. Однако приступить к работе палата не успела.

Специфика собирания газетной прессы в годы Гражданской войны заключалась в том, что этой работой активно занимались не только книжные палаты, но и правительственные информационно-агитационные учреждения. Так, на белом Юге России и территории Северной и Северо-западных областей России информационно-агитационные учреждения выполняли основную работу по собиранию и регистрации газетной периодики. Попытки создания там книжных палат носили запоздалый характер, а в ряде случаев таких попыток и не предпринималось. То, что собиранием печатных изданий занимались идеологические учреждения, накладывало отпечаток на цели и характер этой работы.

На Юге России, занятом денikinскими войсками, собиранием газет, занималась военно-историческая комиссия. Она была создана 1 июня 1918 г. в Одессе для разбора архивных документов первой мировой войны по Юго-западному и Румынскому фронтам. 1 июля 1919 г. комиссия была присоединена к отделу пропаганды/244/. Фактически она входила в состав отдела с 23 февраля 1919 г. 3 июля была объединена с Трофейной комиссией отдела и переименована в комиссию для сбора военно-исторических материалов освободительной войны против большевиков. Ее возглавлял Колобов/245/. Собирание газетного материала входило в задачи литературно-документально-исторического отдела комиссии/246/.

На территории Северной области регистрацией и собиранием газет занималось Архангельское бюро печати, которое выполняло функции Книжной палаты. В конце августа 1918 г. Временное управление Северной области через "Вестник" обратилось к издательствам с просьбой присылать все выходившие газеты и другие печатные издания в бюро печати в количестве 5 экземпляров/247/. В отчете бюро за

1918 г. говорилось, что оно вело "регистрацию всех произведений печати, выходящих в Архангельской губернии. И все они имеются в архиве бюро" /248/.

В РСФСР для учета и собирания газет много сделал библиотечный отдел РОСТА. Его основной задачей являлось создание "исчерпывающего материала по периодической печати". В течение полутора лет существования библиотечного отдела было собрано 527 комплектов газет, выходивших в советской России. Недостатком этого материала являлось то, что комплекты газет были недостаточно полными/249/.

Собиранием газетной прессы в годы Гражданской войны занимались политические партии. Они собирали периодические издания своих организаций и близких им по духу общественных объединений. Наибольшим размахом в этом деле отличалась партия большевиков, так как у нее было больше возможностей. После захвата власти большевиками этой деятельности уделя-

лось значительное внимание. С наступлением мирной передышки весной 1918 г. большевистский ЦК активизировал шаги в этом направлении. В мае 1918 г. в обращении к местным партийным организациям он предложил "всем организациям партии присылать 3-5 экземпляров выходящих изданий: газет, брошюр, листовок, воззваний"/250/. В мае-июле 1918 г. ЦК РКП(б) разослал 218 партийным организациям анкету. В ней содержались вопросы об издании газет, их тираже, наличии партийных типографий и др./251/. Подобные вопросы были поставлены в инструкции ЦК РКП(б), направленной в середине ноября 1918 г. губернским и уездным партийным комитетам/252/.

Собирание и регистрация газет осуществлялась армейскими политорганами. Самую активную деятельность развернули политорганы Красной армии. Редакции военных газет обязаны были иметь комплекты выпускаемых изданий. Эти издания в трех экземплярах, а также перехваченные белогвардейские газеты должны были направляться в ГлавПУР Красной Армии/253/.

Собирание газетной прессы, как и печатной продукции, в целом, стало возможным благодаря подвижнической деятельности российской интеллигенции, энтузиазму литераторов, краеведов, публицистов, ученых. На них делали ставку книжные палаты. Так, Яковлев считал, что к работе по регистрации и собиранию печати следовало привлечь научные, учебные и культурные силы Сибири и Дальнего Востока (музеи, университеты, ученые архивные комиссии, библиотеки, отделы Русского географического общества и т.п.). Правительственным комиссарам и чиновникам МВД следовало поручить только контроль над передачей типографиями печатных изданий в региональные отделения, а губернским и уездным властям — собирать печатный материал и пересылать его в губернские или областные отделения Книжной палаты. Возлагать на государственных чиновников всю работу по собиранию и регистрации печатных изданий Яковлев считал нецелесообразным. Как показал опыт 1917 г., они с данной работой справляются плохо. "По глубокому убеждению руководителей Книжной палаты, — указывал Яковлев, — дело ее может делаться только любящими руками, не за страх, а за совесть"/254/.

Активное участие в собирании и регистрации произведений тиснения принимали преподаватели и сотрудники Томского университета. На его базе было открыто местное отделение омской Книжной палаты. В циркулярной телеграмме заместителя главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров указывалось на незамедлительность высылки отделению всех произведений печати. "Прошу исполнять распоряжения Томского отделения /о/ высылке произведений печати, сведений /о/ периодических изданиях, типографиях, библиотеках, книжных магазинах, тираже", — подчеркивалось в ней/255/. Газеты Дальнего Востока собирало созданное в 1919 г. владивостокское отделение омской Книжной палаты, возглавляемое препода-

вателем Восточного университета, магистром истории Востока Н.В. Кюнером, автором работ по истории Дальнего Востока и Китая/256/.

Собирание газетных изданий в белой Сибири связано с именами редактора одной из крупнейших томских газет "Сибирская жизнь", известного публициста, крупного сибирского кадета В. Адрианова и известного отечественного краеведа, библиографа, издательского и торгового деятеля Г.И. Поршнева. Последний в годы Гражданской войны, помимо собирательской деятельности, занимался административной и журналистской работой. В начале 1919 г. он был назначен заведующим информационным отделом при управляющем Иркутской губернией. Одновременно с этим он редактировал неофициальную часть "Иркутских губернских ведомостей". Все это помогало ему в его библиографической и собирательской деятельности. Поршнев организовал в Иркутске отделение книжной палаты еще летом 1917 г. За 1917-1919 гг. ему удалось собрать от 70 до 85% местных изданий, в первую очередь газетных/257/. Адрианов регистрировал и собирал газетную прессу Сибири, подготовил и выпустил брошюру о сибирских газетах/258/.

Архивисты, музейные работники, краеведы стояли во главе отделений Книжной палаты в РСФСР. Как правило, это были большие энтузиасты и подлинники знатоки своего дела/259/. Право на получение обязательных экземпляров для Книжной палаты по Казанской губернии при Комуче было также передано научному учреждению — Казанскому обществу истории, археологии и этнографии/260/.

На территории Кубанского казачества в 1919 г. "Кубанским комитетом помощи воинам Великой войны и в частности бывшим военнопленным из русских войск" организовывалась выставка "Война и печать (1914-1919 гг.)", на которой широко должна была быть представлена газетная пресса. Комитет обратился к населению с просьбой "не отказать сообщить... краткие перечни сохранившихся у них печатных произведений: книг брошюр, листов, нот, картин, рисунков, журналов, газет, манифестов, прокламаций, приказов, объявлений и т.д., за время с половины 1914 года по настоящее время, всякого рода по содержанию, независимо от места издания, в полном или неполном виде, хотя бы в экземплярах попорченных, надорванных и пр."/261/.

Таким образом, основным полем идеологической борьбы в годы революции и Гражданской войны стали газетные издания. Они были одним из важнейших средств политики и власти. С их страниц политическая элита российского общества вела борьбу за влияние на общество.

ГЛАВА 2

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГАЗЕТНЫХ ИЗДАНИЙ

1. Формирование сети российских информационных агентств и учреждений по распространению прессы

Анализ газетных изданий в годы революции и Гражданской войны не будет комплексным без освещения специфики их информационного обеспечения, а также форм и методов распространения газетной информации. Основную работу по информационному обеспечению газетных изданий выполняли информационно-пропагандистские учреждения, как российских государственных образований, так и иностранных держав. Как показывает изучение материалов прессы, от 60 до 100% информационных и аналитических материалов газеты получали от российских осведомительных агентств. Распространение газетной информации, в значительной степени, осуществлялось также через них.

Эти агентства являлись институциональным оформлением идеологизации политики и общественной жизни. Они были основой для глобального манипулирования общественным мнением со стороны властных структур или ведущих политических сил. Через них правительственные органы осуществляли монополию на получение, отбор, препарирование, комментирование и распространение информации. Наиболее крупными из этих информационных органов были: Американское бюро печати, Архангельское (Северное) бюро печати, Дальневосточное телеграфное агентство (ДАЛЬТА), Донской отдел осведомления, отдел пропаганды Кубанского краевого правительства, Информационное бюро Временного сибирского правительства, отдел печати Российского правительства,

отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, Петроградское телеграфное агентство (ПТА), Российское телеграфное агентство (РОСТА), "Русское общество печатного дела" (РОПД) и др.

Больше всего внимания манипулированию общественным мнением уделялось в большевистской России. Сразу после захвата большевиками власти стала создаваться новая советская партийно-государственная система информационно-пропагандистских органов в целях идеологического обеспечения политики большевистского руководства. В эту систему входили государственные, партийные и профсоюзные органы. Они работали под общим контролем руководящих структур РКП(б) и осуществляли монополию на информационное обеспечение советского общества.

Основные функции по мифологизации общественного сознания в РСФСР выполняло Российское телеграфное агентство при ВЦИК, которое являлось крупнейшим российским информационным учреждением тех лет. Основной литературный и информационный материал газеты РСФСР получали через него. Оно было создано на основе слияния Бюро печати при СНК и Петроградского телеграфного агентства. Последнее функционировало с 1904 г., и к 1917 г. являлось одним из ведущих информационных органов Российской империи. Корреспондентами ПТА в России и за рубежом были известные российские журналисты. Большевистская власть начала создавать систему тотального информационного обслуживания общества с подчинения себе этого агентства. Вскоре после Октябрьского переворота комиссар Петроградского ВРК, бывший редактор газеты "Волна" Л.Н. Старк с отрядом моряков Второго балтийского экипажа занял здание агентства и поставил его под большевистский контроль. Необходимость иметь полную информацию о текущих событиях заставила советское правительство декретом от 1 декабря 1917 г. возложить на ПТА функции центрального информационного учреждения при СНК. Все советские газеты по декрету обязаны были печатать информационные телеграммы агентства. Официальные правительственные сообщения газеты получали от Бюро печати СНК, которое к июню 1918 г. обслуживало более 150 газет/1/.

Однако налаживание работы советских информационных структур проходило трудно. Это, главным образом, объяснялось саботажем старых кадров ПТА, не желавших сотрудничать с советским режимом. Одни из них прекращали передачу телеграмм, другие меняли гражданство и переходили на службу к иностранным государствам. Именно так поступил стоковский корреспондент ПТА, бывший секретарь Московского художественного театра М.Ф. Ликиардопуло, который в 1918 г. перестал сотрудничать с советской властью и перешел на греческую службу. Он стал заведовать отделами печати и пропаганды в греческих миссиях в Стокгольме и Лондоне /2/.

Отказался от сотрудничества с советской властью и один из старейших сотрудников ПТА, корреспондент по Китаю и Японии И.А. Добровольский/3/.

Коренные изменения в информационном обеспечении советского общества и газетной прессы произошли во второй половине 1918 г., когда большевики завоевали монополию на власть и стали единственной правительственной партией. Первая попытка реорганизовать информационное обслуживание газет была предпринята летом 1918 г., когда Бюро печати и ПТА были переподчинены ВЦИК.

Коренную реформу информационных учреждений советское правительство предприняло осенью 1918 г. В это время положение большевиков значительно ухудшилось в ходе повсеместного свержения советской власти на востоке, севере и юге России. В целях проведения в газетах широких агитационных кампаний и своевременного осведомления руководства республики 7 сентября 1918 г. декретом ВЦИК было создано Российское телеграфное агентство при ВЦИК (РОСТА). В его ведение переходили все информационные организации на территории РСФСР. Центральный аппарат агентства состоял из 10 отделов, которые выполняли основные функции по сбору, переработке и распространению информации. В их число входили: литературно-агитационный, телеграфный, инструкторский отделы, бюро газетных вырезок и др. Во главе РОСТА в годы войны стояли известные большевистские журналисты М.Н. Керженцев и Л.С. Сосновский. 12 декабря 1920 г. РОСТА было подчинено Главполитпросвету. До конца Гражданской войны агентство являлось основным источником информации для газет РСФСР.

Большую работу по информационному обеспечению газетной прессы выполнял литературно-издательский отдел политического управления Реввоенсовета Республики под руководством В.Полонского, созданный в октябре 1919 г. Все издательства, обслуживающие нужды армии: Наркомвоен, Всевобуч, Гау, Гвиу, Гувуз, "Военное дело" и др. подчинялись его руководству/4/.

Центральный комитет РКП(б) с первых дней победы Октябрьского восстания начал работу по массовой пропаганде партийной политики. В этих целях Центральный комитет стремился обеспечить газеты местных большевистских организаций новостями, пропагандирующими руководящие партийные установки. Для этого Центральный комитет начал издавать "Бюллетени ЦК РСДРП(б)". Их первый номер, напечатанный на гектографе 29 октября 1917 г., был разослан в 535 организаций /5/. В нем сообщалось о победе Октябрьского вооруженного восстания. После 9 ноября 1917 г., когда была восстановлена железнодорожная и телеграфная связь Петрограда с другими городами, издание бюллетеней было прекращено. Для информирования центральных газет о политике новой власти ЦК РКП(б) ежедневно к 3-4 часам дня собирал в Смольном редакторов петроградских газет.

Информационным обеспечением газетной прессы занимались советские профсоюзы, которые были вовлечены в процесс манипулирования общественным мнением. Весной 1920 г. на основании решений 3-его Всероссийского съезда профсоюзов в аппарате союзов начали создаваться информационные отделы. В их состав входили бюро печати, бюро справок и бюро сношений, задачами которых являлись сбор, обработка и распространение информации. Информотдел ВЦСПС ежедневно, не позднее 15 часов, выпускал бюллетени, которые направлялись в центральную и местную печать, а также в центральные советские и профсоюзные учреждения, в Коминтерн и т.д.

Антибольшевистские политические режимы также уделяли большое внимание формированию идеологического обеспечения своей политики и монополизации дела информационного обеспечения общества. Для этого они создавали сеть информационно-пропагандистских учреждений. После ликвидации советов на Дальнем Востоке, Урале и в Сибири газеты этого региона получали сведения от информационного бюро при управлении делами Западно-Сибирского комиссариата, созданного в начале июня 1918 г./6/. Первым руководителем информационного бюро был Г.Н. Бутаков. Его сменил журналист А.И. Манкевич и затем поэт Г.А. Вяткин. Штат бюро был очень небольшим и состоял из 9 человек/7/. Из-за своей малочисленности и общей неустойчивой политической ситуации в регионе бюро не могло давать на места достаточной информации. В основном, эта информация представляла собой телеграфные сообщения о деятельности комиссариата.

Работа по монополизации информационной политики была усилена с образованием Временного сибирского правительства. Была осуществлена реорганизация информационного бюро, расширена его деятельность. Руководителями бюро остались А.И. Манкевич и Г.А. Вяткин, вступившие в должность 10 июля. Манкевич стал управляющим бюро, а Вяткин — его помощником. По согласованию с управлением делами, бюро было отнесено к канцелярии Совета министров в качестве 4-го отделения. За ним было оставлено право автономной работы и самостоятельного внутреннего распорядка/8/.

В конце июля 1918 г. работа по информационному обеспечению газет получила достаточно прочную законодательную базу. 24 июля Временное сибирское правительство утвердило временные правила об организации информационного бюро при канцелярии Совета министров и положение о Сибирском телеграфном агентстве (СТА). Согласно этим правилам, информационное бюро являлось официальным учреждением Сибирского правительства, "имеющим целью... своевременное и достоверное осведомление печати, правительственных учреждений, общественных организаций и населения"/9/.

Улучшению информационного обслуживания газет способствовали указания положения, согласно которым информационному бюро надлежало организовать корреспондентскую сеть на местах, составлять обзоры газет Европейской России и Сибири, приступить к изданию правительственной газеты. Во главе агентства стали опытные журналисты и литераторы. Управляющим информационным бюро был оставлен А.И. Манкевич, его помощником - Г.А. Вяткин. Секретарем стал журналист Н.А. Вадзинский. Они понимали смысл информационной работы "не только как осведомление, но и как уяснение, толкование и популяризацию правительственных идей, заданий и мероприятий"/10/. Таким образом, осведомление газет сразу приняло тенденциозный, пропагандистский характер.

После образования в сентябре 1918 г. Временного Всероссийского правительства процесс усиления монополизации информационного обеспечения общества был продолжен. Газеты востока России стали снабжаться информацией его отдела печати. Отдел состоял из бюро печати, Всероссийского телеграфного агентства, бюро по обзору печати и редакции "Правительственного вестника". Управляющим отделом печати являлся А.А. Минин, его помощником был И.К. Кунин. Бюро печати возглавлял М.Л. Сапер, телеграфное агентство — С.В. Гонтарев. В.И. Брандо руководил бюро по обзору печати/11/. Бюро печати собирало и редактировало все сведения, исходящие от правительственных учреждений и местных корреспондентов. Эти сведения передавались членам правительства и по телеграфу сообщались газетам.

Монополия властных структур на информацию в белой Сибири достигла своего апогея после колчаковского переворота и организации Российского правительства, которое произвело реорганизацию своего осведомительного аппарата. В составе управления делами Верховного правителя и Совета министров был создан отдел печати, который сконцентрировал у себя работу по обеспечению редакций газет и правительственных структур информационным материалом. Циркуляром управляющего отделом печати при управлении делами Верховного правителя и Совета министров от 30 ноября 1918 г. до сведения редакций газет была доведена информация о слиянии Всероссийского телеграфного и Сибирского телеграфного агентств и об образовании Русского телеграфного агентства/12/.

Кроме правительственных осведомительных органов, на территории белой Сибири монополию властных структур на информацию обеспечивали военные информационные учреждения. Среди них выделялись Осведверх, Осведвосток, Осведомительный отдел Сибирского казачества и различные фронтовые учреждения/13/. Их работе придавалось большое значение. В июле 1919 г. в Екатеринбурге под председательством профессора Лондонского университета Пэrsa было проведено совещание о постановке

информационного и просветительного дела в действующей армии. Совещание приняло рекомендации о дальнейшей централизации осведомительной работы и объединении усилий различных ведомств по постановке дела агитации и пропаганды в армии. Совещание сочло целесообразным создать Центральный информационный штаб, подчиненный непосредственно Колчаку. Ему должны были подчиняться армейские особые информационные штабы или канцелярии. Для непосредственной работы в войсках планировалось создать особые полевые штабы/14/.

Для активизации военно-агитационной работы летом 1919 года отдел печати Главного штаба и Особая канцелярия штаба Верховного главнокомандующего были соединены в один осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего (Осведверх). Он начал рассылку военной и военно-политической информации всем управляющим губерниями и начальникам уездов/15/. Правительственные органы Колчака уделяли большое внимание деятельности этого отдела. Согласно циркуляру МВД от 19 июня 1919 г., управляющим губерниями и областями весь присылаемый Осведверхом материал необходимо было сообщать редакциям местных газет и расклеивать по городу/16/. Кроме того, военные информационные органы постоянно уделяли большое внимание распространению военных и патриотических газет. Так, штабом Иркутского военного округа с 23 августа по 15 декабря 1919 г. было распространено 15300 экз. газеты "Великая Русь"/17/.

Вопросам монополизации информационного дела большое внимание уделяли правительственные структуры на белом Юге России. О монопольном обеспечении информацией газетных изданий правительство Деникина стало задумываться сразу после своего создания. Информационная политика деникинского руководства осуществлялась через отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Данное учреждение было создано одним из первых среди других гражданских ведомств Добровольческой армии и первоначально получило название осведомительное отделение дипломатического отдела Особого совещания. В политическом обиходе того времени, а затем в мемуарной и исторической литературе за ним прочно закрепилось название Осваг. В конце сентября 1918 г. отделение было переподчинено непосредственно председателю Особого совещания. В таком положении оно должно было оставаться вплоть до образования при политической канцелярии Особого совещания, в состав которой оно должно было войти./18/.

На заседаниях Особого совещания много внимания уделялось вопросам постановке пропагандистской и газетной работы. 11 декабря 1918 г. было признано считать постановку агитационной работы в Добровольческой армии вопросом первостепенной важности. Для разработки проблем, связан-

ных с развитием агитации и пропаганды, было решено организовать Особый комитет при Добровольческой армии под руководством М.М. Федорова. В его состав вошли представители штаба главнокомандующего и отдела финансов Особого совещания. Кроме них в комитет входили протопросвитель военного и морского духовенства Г. Шавельский, С.С. Чахотин, Н.Э. Парамонов и др./19/.

Особое совещание признало, что расширение деятельности осведомительного отделения требует переименования его в осведомительное бюро/20/. Необходимость совершенствования информационной работы и урегулирования отношений с прессой привели в начале 1919 г. к реорганизации осведомительного бюро в отдел пропаганды, который обладал всеми функциями информационно-агитационного учреждения.

Отдел пропаганды сконцентрировал в своих руках все дело по манипулированию общественным мнением на белом Юге России. В круг ведения отдела входили все дела, касающиеся собирания, переработки и распространения информации о положении в России и за рубежом. Для передачи информации отделу надлежало организовать телеграфное агентство. В его распоряжение поступило все имущество бывшего телеграфного агентства на юге России и его заграничной агентуры. Для распространения информации отделу были даны также права создания своих печатных органов, устройства типографий, издания и редактирования книжной продукции.

Центральный аппарат отдела пропаганды с начала 1919 г. был переведен из Екатеринодара в Ростов-н/Дону и окончательно сложился летом 1919 г. Отдел состоял из 12 отделений численностью в 255 чел./21/. Сбором, обработкой и распространением информации в отделе занимались: агитационная, инспекторская, информационная, литературная, художественная и особая часть, комиссия для сбора военно-исторических материалов освободительной войны от большевиков. Одним из последних в отделе оформилось пресс-бюро, которое представляло собой "нечто вроде Российского телеграфного агентства"/22/. Его возглавлял проф. Н.А. Ленский.

На качество работы отдела пропаганды накладывала отпечаток деятельность акционерного общества телеграфных и телефонных линий Руссаген, с которым у него был заключен договор на распространение информации. Возглавлял общество бывший редактор газет "Утро Москвы" и "Пласт народа" С.С. Раецкий /23/. Правительственные чиновники негативно оценивали работу этого телеграфного агентства. Начальник политической канцелярии Особого совещания полковник Д.Л. Чайковский характеризовал его как неудачное/24/.

О характере этого учреждения, в значительной степени, можно судить по функционированию его Одесского отделения. Во главе последнего

стоял известный петроградский книгоиздатель, журналист и предприниматель Г.Е. Грюнберг. До революции он был совладельцем издательств "Искусство", "Пламя" и "Свободное искусство", а также возглавлял акционерное общество "Дом печати". В период правления Деникина он был одним из организаторов и руководителей кооперативных и частных издательств "Освобождение труда", "Омфалос" и "Русская культура", а также книжного магазина "Э. Бернт"/25/. Став директором отделения, Грюнберг объединил под своим началом средства Руссагена и капиталы издательств. Таким образом, Руссаген был достаточно сильным информационно-издательским предприятием. Он функционировал на частные средства и активно занимался коммерцией, что, видимо, нередко шло в ущерб основному делу.

Направления и принципы работы отдела пропаганды во многом зависели от личности руководителя данного учреждения. Смена руководства влекла за собой большие изменения. Первоначально Осваг возглавлял проф. С.С. Чахотин. Он был хорошо образованным трудолюбивым человеком, но мало подходил для этой работы. Ему не удалось добиться тесного сотрудничества агентства с другими правительственными учреждениями юга России и поставить работу учреждения на должный уровень.

15 января 1919 г. его сменил Н.Е. Парамонов, являвшийся известным общественным деятелем Области войска Донского, одним из лидеров оппозиции атаману Краснову. Он был миллионером, владельцем издательства "Донская речь", имел богатый опыт редакторской работы. В свое время он издавал популярный журнал "Былое". Кроме этого, как купец и предприниматель, он обладал обширными связями. Парамонов стремился изменить курс проводимой Освагом агитации. Он понимал, что никакие реорганизации не помогут пропагандистской работе, если командование Добровольческой армии не изменит своей политики. Необходимость пропаганды лозунга "единой и неделимой России" и политики "непредрешенчества" ограничивали возможности агитационно-информационной деятельности отдела. Парамонов выступил с инициативой проводить более гибкую пропаганду, провозгласить принципы автономии, выборности, социального реформаторства.

Однако его инициативы были неприемлемы для руководства ВСЮР. И в начале марта 1919 г. Парамонов ушел в отставку. Его сменил член ЦК кадетской партии, бывший редактор кадетской "Речи" профессор К.Н. Соколов, являвшийся одновременно управляющим отделом законов Особого совещания. Изучив работу отдела, он пришел к выводу о целесообразности его закрытия в связи с тем, что работа отдела поставлена плохо. По его мнению, отдел надо было расформировать и создать совершенно новое учреждение. Но на это требовалось время. А оставлять деникинский режим без идеологического обеспечения было нельзя. Поэтому Особое совещание зап-

ретило закрывать отдел. Соколову пришлось реорганизовывать работу отдела в ходе его деятельности. Хотя он и предупредил Особое совещание, что реорганизация отдела ни к чему не приведет. Дальнейший ход событий подтвердил его выводы. Деятельность отдела так и не смогла достичь того уровня, который от него ожидали деникинские власти. Провести эффективную работу по тотальному манипулированию общественным сознанием ему не удалось.

Заместителями Соколова были назначены полковник Б.А. Энгельгардт, являвшийся в марте 1917 г. комендантом Петрограда, и бывший ректор Петроградского университета Э.Д. Гримм. Энгельгардт заведовал кадровыми назначениями, координировал работу региональных учреждений отдела, местной пропагандой и организацией агитпоездов. Гримм занимался прессой и изданием агитационной литературы, ведал театральной и киноагитацией.

У Гримма был свой взгляд на место отдела пропаганды в политической системе российского общества. В отличие от Соколова, который видел в нем временное учреждение, он считал, что отдел должен стать постоянным государственным органом России в деле идеологического воспитания масс. Такой взгляд во многом совпадал с позицией советского руководства на место и значение государственных осведомительных учреждений.

Формированием мировоззрения солдат на белом Юге России занимался военно-политический отдел штаба главнокомандующего. Для координации идеологической работы и установления связи между политотделом штаба и отделом пропаганды в составе последнего была сформирована особая часть. Однако координировать работу с военно-пропагандистскими органами отдел пропаганды не смог. Он стремился монополизировать эту сферу деятельности, в то время как в среде военных часто раздавались голоса в пользу подчинения гражданской пропаганды военной. По мнению офицеров, агитация должна была находиться в руках командного состава, особенно в прифронтовой полосе. В связи с этим много говорилось о необходимости поставить во главе отдела генерала, т.к. "общественные деятели, взявшись за это дело, лукавят, ведут партийную, политическую, а не государственную работу"/26/.

Отдел пропаганды просуществовал как самостоятельное учреждение до середины декабря 1919 г. Военные поражения Деникина и расстройство тыла заставили Особое совещание в конце 1919 г. сократить на 75% штаты отдела. Соколов подал в отставку, и эвакуация отдела целиком легла на Энгельгардта. Энгельгардт с частью сотрудников оставался в Ростове-н/Дону до захвата города красными. По приезду в Новороссийск он ушел с должности. Все работники отдела, желающие выехать за границу, получили визы и эмигрировали.

23 февраля 1920 г., после формирования Южно-русского правительства во главе с Н.М. Мельниковым, отдел пропаганды был переименован в отдел политического образования и подчинен Н.В. Чайковскому. Само правительство просуществовало недолго и было упразднено 16 марта 1920 г. Отдел политического воспитания себя никак не проявил, да в такой политической обстановке проявить себя не мог.

Целенаправленной деятельности по монополизации информационного обеспечения российского общества на Юге России препятствовали противоречия между командованием Добровольческой армии и казачьими правительствами, которые нашли свое выражение в создании правительственных осведомительных учреждений на территории Донского и Кубанского краевых правительств. На Юге России, помимо отдела пропаганды, активно занимался манипулированием общественным мнением и снабжением газет информацией Донской отдел осведомления при правительстве Области Всеволоцкого Войска Донского. Он был создан в апреле 1919 г. Среди его руководителей были проф. С.С. Чахотин и крупнейший донской писатель Ф. Крюков, которые одно время работали в отделе пропаганды. С приходом в отдел Соколова оба сразу оставили службу и перешли в отдел осведомления. Центральный аппарат отдела осведомления делился на части: информационную, агитационную, инспекторскую, организационную и общую. Наиболее важными для работы газет были информационная и агитационная. Донской отдел осведомления работал в тесном контакте с Донским телеграфным агентством (ДОНТА).

В условиях острых политических и идеологических противоречий с Особым совещанием Кубанское краевое правительство также создало у себя информационную структуру — отдел пропаганды краевого правительства. Его заведующим был назначен А. Гончар/27/. Необходимость создания отдела пропаганды казацье правительство Кубани объясняло требованиями населения Кубанского края. "Народ просит правительство: уберите "осваг", дайте нам такое, которому мы верим, чтобы мы знали, что это новое — наше родное", — объясняла причины создания отдела официальный печатный орган правительства, газета "Вольная Кубань"/28/. Однако развернуть свою деятельность отдел фактически так и не смог.

Информационная деятельность врангелевского правительства в 1920 г. по обеспечению информационной власти над обществом претерпела сложные реорганизации от ликвидации этой монополии до ее воссоздания в наиболее жесткой форме. Это говорило о том, что без информационной монополии политические режимы России в тех условиях существовать не могли. Сразу после эвакуации в Крым остатков деникинской армии и учреждений деникинского правительства информированием общества и осведомлением газет занималось крымское "пресс-бюро" (отделение) отдела пропаган-

ды. Но отдел пропаганды оставил о себе очень плохую память, и руководство белыми армиями считало, что он со своими обязанностями не справился. Поэтому приказом Врангеля все оставшиеся структуры отдела были упразднены.

В результате роспуска отдела пропаганды дело монополизации информационного обеспечения общества было нарушено. Информационным обеспечением газет стали заниматься небольшие вновь созданные информационные учреждения. По существу данные учреждения представляли собой маленьких "осважнят", впитавших самые худшие черты отдела пропаганды. На имя главнокомандующего подавалась масса заявлений и смет для выделения средств на эти осведомительные организации. Этим во многих случаях занимались политические авантюристы, члены бывшего Особого совещания, прежние работники отдела пропаганды, оказавшиеся без средств к существованию, нуждающиеся репортеры центральных и местных газет. Вновь основанные осведомительные учреждения назывались: пресс-бюро, редаготы, инфоты, осоготы, политотделы, телеграфные агентства и др. Затраты на пропаганду грозили достичь необоснованно больших размеров и финансовые органы ограничили выдачу средств. Между указанными учреждениями началась борьба за получение дополнительных казенных субсидий. Попытки закрыть эти учреждения или осуществить кадровые перестановки успеха не имели. На месте упраздненных учреждений появлялись новые, которые, по сути, являлись старыми, но под новыми вывесками. "Был упразднен "Осваг"... но вместо его одного расплодилось чуть ли не дюжина маленьких "осважнят", представляющих в подавляющем большинстве случаев скверную креатуру своего родоначальника", — писал крымский журналист А.А. Валентинов /29/

Вести успешную идеологическую работу стало невозможно. Не добившись успеха в упорядочении работы учреждений пропаганды, Врангель решил упразднить их вообще, считая, что население должно судить о власти по ее делам. Все учреждения пропаганды были заменены отделом печати при начальнике гражданского управления. Во главе отдела сначала был поставлен полковник А. Мариушкин, а затем молодой петербургский чиновник Г.В.Немирович-Данченко, приглашенный на эту должность в начале июня 1920 г. В сентябре 1920 г. он был снят и его место занял приват-доцент Таврического университета В.Г. Бернадский.

Целью создания отдела являлось ужесточение монополизации дела информационного обеспечения общества. Это подтверждают обстоятельства снятия Немировича-Данченко с должности. Его отстранение от работы произошло при следующих обстоятельствах. В августе 1920 г. в газетах Крыма началась кампания по снабжению армии теплой одеждой и обувью. В начале сентября Немирович-Данченко в беседе с уполномоченным управления тор-

говли и промышленности в Константинополе С.Н. Гербером услышал от последнего, что имущество армии Колчака, оставшееся на кораблях в дальневосточных портах, не перевозится в Севастополь. Немирович-Данченко передал эту информацию в одну из севастопольских газет, где она была опубликована. В сентябре 1920 г., когда последний находился на докладе у Врангеля, главнокомандующий поинтересовался, откуда в газету попали данные сведения? Немирович-Данченко объяснил.

Реакция Врангеля была недоброжелательной. "Этого не надо было делать, раздраженно сказал главнокомандующий: фронт и так недоволен тылом. Это ухудшает и без того неважные отношения между военными и гражданскими властями", — сказал он. Через два дня после этой беседы Немирович-Данченко получил от начальника гражданского управления С.Д. Тверского предложение взять отпуск, чтобы в дальнейшем не возвращаться на прежнюю должность. А.В. Кривошеин сказал ему, что это инициатива Врангеля. Официально было объявлено, что Немирович-Данченко уволен с поста согласно его прошению. Ходили слухи, что он был снят после беседы Врангеля с А. Аверченко, когда последний пожаловался на закрытие отделом печати газеты "Юг России". Но Немирович-Данченко в своих воспоминаниях опровергает эти сведения. Он пишет, что газета была закрыта не по распоряжению отдела печати, а по решению Тверского. И после заступничества французской миссии это запрещение А.В. Кривошеиным было снято/30/. Возможна и та, и другая версия этого события. Но и в обоих случаях видно, что правительство Врангеля хотело видеть в отделе печати идеологическое учреждение, строго проводящее правительственную политику.

Эту оценку подтверждают мемуары профессора Н.Н. Алексева, которому в июне 1920 г. было предложено занять пост начальника отдела печати. Он подал Кривошеину докладную записку, в которой изложил свои взгляды на деятельность отдела. Он видел в отделе печати учреждение, которое аккумулирует внутреннюю и внешнюю информацию, но не выполняет идеологических задач. Однако этот план полностью расходился с взглядами Кривошеина, который, как пишет Алексеев, "хотел организовать в Крыму нечто вроде старого нашего Главного управления по делам печати, которое с одной стороны должно было исполнять функции цензурного комитета, а с другой стороны, призвано было сконцентрировать все печатные средства, бумагу, шрифт, типографии и денежные суммы для субсидирования газет"/31/.

Алексееву подобная организация осведомительного агентства напоминала организацию информационного дела в советской России, в чем он был прав. Назначение Алексева не состоялось. Отдел печати функционировал до разгрома войск Врангеля и являлся основным источником информации для крымских газет.

При собирании и распространении информации отдел печати опирался на Южно-русское телеграфное агентство. В июле 1920 г. оно было разделено между отделом печати и управлением иностранных сношений, которое возглавлял П.Б. Струве. Вся заграничная информация находилась в его ведении /32/.

На европейском Севере после ликвидации советов и установления власти Верховного управления Северной Области (ВУСО), переименованного затем во Временное правительство Северной области (ВПСО), информационным обеспечением и распространением газет занимался правительственный информационно-агитационный орган — Бюро печати ВУСО (ВПСО). Оно еще называлось Архангельское и ли Северное бюро печати. В его состав входила и редакция официальной правительственной газеты Северной области "Вестника Временного правительства Северной области"/33/. Заведующим бюро и редактором "Вестника" был эсер Е.Ф. Дацкевич.

Сначала бюро в газетах сокращенно называлось "БП" или "Севбюро". 23 сентября 1918 г. руководство бюро приняло решение сокращенно именоваться Арбюро. Согласно этому решению, весь информационный материал, полученный газетами из бюро или взятый из "Вестника бюро печати" и газеты "Вестник ВУСО" необходимо было отмечать при печати этим сокращенным названием/34/.

Для усиления агитационно-пропагандистской деятельности бюро в декабре 1918 г. была проведена реорганизация этого учреждения. Активное участие в ней принял известный деятель администрации ВПСО С.Н. Мацкевич. Он подал в ВПСО записку с предложениями по реформированию работы бюро. Главную задачу бюро он видел в необходимости значительного усиления уровня его идеологической работы. По его мнению, бюро должно было незамедлительно начать готовиться к проведению агитации и пропаганды в районах, освобождаемых от большевиков. "Чем шире Бюро будет распространять свои сведения, тем больше сведений будет поступать к нему. Создать мощный аппарат такого взаимного обмена — задача Бюро печати. Нити такого аппарата должны вытягиваться по мере распространения влияния северного правительства вглубь страны, не отставая от фронта", — писал он/35/.

Главная задача бюро должна была заключаться в широкой пропаганде политики ВПСО. Для успешного выполнения этой задачи Мацкевич считал необходимым максимально приблизить бюро к правительству, сделать его частью секретариата и все правительственные акты для опубликования пропускать через него. Мацкевич также предлагал сделать бюро печати монополистом в получении информации от правительственного секретариата. Он считал, что сотрудники последнего должны знакомить со своими материала-

ми только работников бюро печати. "Это ввело бы бюро в курс правительственной политики, заставило бы его подтянуться и меньше ошибаться в процессе своей деятельности"/36/. В целях улучшения работы Мацкевич предлагал отделить бюро от редакции "Вестника ВПСО". Эти предложения были учтены правительством Северной области, и 10 декабря 1918 г. постановлением ВПСО бюро печати было отделено от редакции "Вестника ВПСО". Однако оба они являлись частью секретариата правительства и все материалы ВПСО, подлежащие опубликованию, проходили через бюро. В тот же день появилось постановление секретариата правительства о назначении Мацкевича заведующим бюро/37/.

Дальнейшие реорганизации бюро ставили целью усиление идеологического влияния правительства на общество. 18 января 1919 г. постановлением ВПСО бюро было передано в ведение отдела внутренних дел правительства/38/. Руководить им стали Л.А. Витлин и подполковник Л.Е. Драшусов/39/.

Последняя реформа Архангельского бюро печати была проведена в начале 1920 г. 24 января было утверждено новое "Временное положение о Северном правительственном Бюро печати". Согласно этому положению, бюро передавалось в ведение председателя правительства. При этом оно в полной мере сохраняло свои информационно-пропагандистские функции. На него возлагалось "наиболее широкое осведомление населения Северной области... и осведомление общественного мнения за границей о событиях, происходящих в Северной области и центральной России"/40/.

Для выполнения своей основной задачи Бюро печати должно было получать необходимую информацию "из всех доступных источников". Оно имело право с разрешения председателя правительства запрашивать необходимые сведения у всех правительственных и общественных учреждений. Оно могло через телеграф и радио распространять новости по Северной области и за границу, издавать газеты, листовки, плакаты и другую агитационную литературу. Центральные учреждения бюро располагались в Архангельске/41/. Трудно сказать, насколько новые изменения были осуществлены на практике, т.к. меньше, чем через месяц члены Временного правительства Северной области бежали за границу, а Архангельск был занят Красной армией. Но до конца существования ВПСО Бюро печати являлось основным источником осведомления и распространения газет в области.

Политика монополизации информационного обеспечения российского общества и идеологизация общественной жизни вызывали недоверие российской и международной общественности к распространяемым правительственными осведомительными учреждениями сведениям. Стремлением укрепить доверие общества к распространяемой информации и повысить эффектив-

ность работы по манипулированию общественным мнением объясняются попытки руководства белых политических режимов придать видимость независимости распространяемой информации. Самая крупная реформа в этом направлении была осуществлена весной 1919 г. в белой Сибири. Она была связана с созданием акционерного предприятия "Русское общество печатного дела" (РОПД) и передачей ему всех центральных правительственных информационных структур. История этого учреждения представляет собой, пожалуй, единственную попытку создать на территории России, разорванной фронтами Гражданской войны, крупное неправительственное информационное агентство. РОПД было образовано 2 мая 1919 г. на учредительном собрании акционеров/42/.

Целью создания РОПД, как об этом говорилось в правительственном обращении, являлось стремление правящих кругов колчаковского режима придать большую объективность информационному обеспечению общества и тем самым повысить доверие общественности к распространяемой информации. Но на самом деле цели у правительства были другими. Оно стремилось создать в глазах международного общественного мнения имидж демократического органа власти. Но под вывеской независимости информации власти стремились сохранить влияние на прессу и контроль над информационным осведомлением общества.

Для этого предполагалось сохранить контрольный пакет акций РОПД за правительственными структурами. В этих целях чиновникам колчаковской администрации выделялись средства, на которые они приобретали акции. Приказом управления делами Российского правительства от 2 октября 1919 г. товарищу главноуправляющего Верховного правителя и Совета министров Т.В. Бутову, вице-директору общей канцелярии Н.М. Горяинову, вице-директору канцелярии совета министров А.Г. Прорвичу и чиновнику особых поручений А.Н. Самойлову выделялось 1000000 руб. на приобретение временных свидетельств (акций) РОПД дополнительного выпуска. Купленные акции должны были быть переданы в распоряжение правительства. "Приобретенные временные свидетельства должны быть переданы означенными лицами в собственность управления делами Российского правительства", — говорилось в приказе/43/.

Акционерами общества являлись крупные чиновники колчаковской администрации. На первое собрание явилось 12 учредителей, паевые взносы которых составляли следующие суммы. Т.В. Бутов внес в казну общества 500000 руб. Н.В. Устрялов, С.Б. Сверженский, Н.М. Горяинов, А.Г. Прорвич, В.Г. Владыкин внесли по 300000 руб. От омского Центрального военно-промышленного комитета средства внесли: Н.С. Лопухин (300000 руб.) и Д.С. Каргалов (200000 руб.) От Союза маслodelных артелей средства Обществу

выделили: А.А. Балакшин (300000 руб.), И.В. Майоров (200000 руб.), Н.Д. Буяновский и А.И. Коробов (по 1000 руб.) /44/. Основной капитал общества составлял 30002000 руб.

Позднее было решено увеличить акционерный капитал до 5000000 руб. путем дополнительного выпуска акций на сумму 2000000 руб. На эти средства предполагалось приобрести типографию и бумагу. Таким образом, на территории колчаковского правительства была создана финансово сильная информационная служба формально независимая от правительства.

В состав правления общества были избраны А.А. Балакшин, Т.В. Бутов, Н.Д. Буяновский, А.И. Коробов, Н.В. Устрялов и Н.М. Горяинов. Председателем правления стал Н.С. Лопухин. Членами ревизионной комиссии были избраны Д.С. Каргалов, В.Г. Владыкин и А.Г. Прорвич/45/. О том большом значении, которое придавалось информационной работе в правительстве Колчака, свидетельствуют высокие оклады сотрудников РОПД. Председателю и членам правления, "несущим по обществу техническую работу", были установлены оклады в 3000 руб., а "членам правления, работ не несущих" — 1500 руб./46/.

Собрание постановило учредить должность директора-распорядителя с окладом в 4000 руб. и пригласить занять этот пост кадета А.А. Клафтона. Правление получило также задание начать организацию Русского общественного информационного бюро в составе телеграфного агентства, которое первоначально планировалось назвать "Русь", заграничного информационного отдела и пресс-бюро с издательством "Русское дело"/47/. Директору-распорядителю было поручено представить правительству докладную записку о передаче РОПД имеющихся в отделе печати пресс-бюро, РТА и бюро иностранной информации/48/.

Руководящий кадровый состав РОПД был кадетским, что соответствовало политическому курсу правительства Колчака. Один из руководителей общества Л.В. Арнольдов назвал его "гнездом активного кадетства". В состав его руководства входили видные кадетские деятели: А.К. Клафтон (директор), профессор Н.В. Устрялов (заместитель директора), доцент С.Б. Сверженский (директор РТА), А.И. Коробов (управляющий делами РОПД), Н.В. Лопухин (член правления РОПД), И.И. Кудрявцев (главный редактор "Правительственного вестника")/49/.

6 мая 1919 г. между Советом министров и правлением РОПД было заключено соглашение о передаче во временное пользование общества правительственных пресс-бюро, телеграфного агентства и отдела заграничной информации, состоявших в отделе печати управления делами Верховного правителя и Совета министров. Согласно договору, указанные информационные правительственные структуры передавались РОПД с инвентарем, шта-

том служащих, местными отделениями, корреспондентами и обязательствами/50/. С 1 июня 1919 г. все правительственные информационные службы перешли в ведение РОПД.

При этом правительственные структуры получили преимущества в передаче информации по каналам РОПД. Телеграфное агентство должно было без промедления публиковать все сведения, поступающие официально от управления делами Верховного правителя и Совета министров. РОПД обязывалось также вести обзоры иностранной прессы "для ознакомления членов правительства с заграничным общественным мнением"/51/. Расходы по оплате заграничных агентов, передаче и приему иностранной информации в течение первых шести месяцев оплачивались правительством/52/. РОПД были предоставлены льготы, установленные для Сибирского телеграфного агентства. Общество обязывалось издавать бюллетени на французском языке для осведомления иностранных представителей в Омске о деятельности правительства/53/.

24 мая в РОПД для общего руководства деятельностью по собиранию, переработке и распространению информации было создано Редакционное бюро. Оно вошло в правление с представлением об объединении всех основных подразделений общества под общим названием — "Русское бюро печати" (РБП). Также предлагалось присвоить телеграфному агентству наименования "Русское телеграфное агентство". 30 мая это представление было утверждено правлением/54/.

К началу осени 1919 г. структура центрального ведомства РБП была следующей. Во главе его стоял Клафтон. Его помощниками по отделу иностранной информации был Устрялов, а по отделу внутренней информации Д.В. Болдырев. Внутренней информацией занимался издательский отдел или пресс-бюро во главе с В.М. Ивановым, экспедиционный отдел, возглавляемый Б.А. Завалишиным, а также агитационный, руководимый А.Г. Соболевым. При пресс-бюро издавалась "Наша газета", редактируемая В.М. Ивановым, и существовал художественный подотдел во главе с Н.Н. Андреевым. Директорами отдела иностранной информации являлись Л.В. Арнольдов (до 1 авг.) и Г.В. Гейнц (после 1 авг.)/55/. Особое положение в РБП имело Русское телеграфное агентство, которое занималось и внутренней и иностранной информацией. Оно было подчинено непосредственно директору-распорядителю и возглавлялось Сверженским/56/. Газеты белой Сибири и Дальнего Востока получали всю основную информацию через РОПД, которое функционировало вплоть до падения колчаковского режима.

Однако ввести в заблуждение общество и прессу колчаковские власти не смогли. Журналисты разгадали намерения правительства. Реакция газет на создание РОПД была неоднозначной. С одной стороны, представители

прессы понимали, что создание неправительственного информационного учреждения может сделать более объективной поставляемую газетам информацию. "Правительство осуществило стародавнее домогательство русской журналистики, отказавшись от казенной монополии в области информации", — писала омская газета "Заря"/57/. С другой стороны, узнав, что самую активную роль в создании общества играло правительство, и руководящие посты в нем занимали кадеты, газетчики поняли, что политическая направленность информации остается прежней — кадетской. Та же газета "Заря" писала: "Мы видим, что ни финансовая, ни общественная, ни даже персональная сторона предприятия ничуть не изменились большую часть денег по-прежнему дает правительство, "общественность" же осталась представленной все теми же знакомыми лицами"/58/. Создание РОПД не принесло колчаковской пропаганде больших выгод.

После падения колчаковской власти и создания Дальневосточной республики, 16 апреля 1920 г. было образовано Дальневосточное телеграфное агентство (ДАЛЬТА), снабжавшее новостями газеты ДВР/59/. Работа агентства была менее идеологизирована. Агентство получало информацию от своих местных отделений, сформированных во всех городах республики. В ДАЛЬТА приходили сведения от РОСТА и советского представителя в Пекине/60/. Агентство получало советские и иностранные газеты. Оно выпускало бюллетени, которые распространялись по всей территории ДВР. Несколько позднее, в начале 1921 г., отделение агентства появилось в Токио. Силами ДАЛЬТА было организовано Монгольское телеграфное агентство (МОНТА). В январе 1921 г. при ДАЛЬТА был создан отдел Дальцентропечать, который занимался распространением прессы ДВР. После занятия территории республики советскими войсками, в декабре 1922 г. ДАЛЬТА было реорганизовано в Дальневосточное отделение РОСТА/61/.

2. Работа иностранных информационных агентств в России

Одним из сильнейших средств идеологического воздействия на политическое поведение российского общества и одним из важнейших источников информирования российских газет являлись сообщения иностранных информационных агентств, функционировавших в России. В их число входили: Американское бюро печати, французское информационное агентство "Эклер", Чехословацкое телеграфное агентство, японское осведомительное бюро и др. Крупнейшей иностранной информационной службой, функционирующей на территории России, являлось Американское бюро печати /АБП/.

Данное бюро было отделением Комитета общественной информации,

официального пропагандистского учреждения правительства США. Комитет был создан 14 апреля 1917 г., через неделю после вступления США в первую мировую войну. В его руководство входили высшие правительственные чиновники США: госсекретарь Р. Лансинг, военный министр Н. Бейкер и морской министр Д. Даниельс. Председателем комитета стал известный американский журналист Д. Крил.

Первые центры АБП в России были созданы в конце 1917 - начале 1918 гг. в Петрограде и Москве. Их руководителем являлись Э. Сиссон, которого в марте 1918 г. сменил Д. Буллард. Центры просуществовали до сентября 1918 г., когда их деятельность была запрещена советской властью. С лета 1918 г. еще один крупный центр АБП был создан во Владивостоке с отделениями в Екатеринбурге, Иркутске, Омске, Харбине и Чите. В течение длительного времени его директором был тот же Буллард. На территории Северной области в Архангельске активно действовали сотрудники комитета Г. Инмэн и Р. Левис при поддержке посла США Д. Френсиса. АБП функционировало до 15 марта 1919 г., когда его сотрудники были отозваны из России.

Источниками информации для отделений АБП, действовавших на территории РСФСР, были телеграфные сообщения из-за рубежа. Использовать московские и петроградские радиостанции они не могли. Отделения, действовавшие на Европейском Севере, Дальнем Востоке и Сибири, получали основную информацию с радиостанций военных кораблей интервентов. Во Владивостоке информационное обеспечение сотрудников АБП осуществлялось радиостанцией американского крейсера "Бруклин", которая могла принимать сигналы с неограниченного расстояния и распространять их в радиусе 300 км./62/.

Поступившие материалы переводились на русский язык и в виде телеграфных бюллетеней, брошюр и листовок распространялись по редакциям газет, профсоюзным, кооперативным и др. организациям и учреждениям. Основными печатными изданиями АБП были "Американские бюллетени", издававшиеся в Москве и Петрограде, владивостокский журнал "Дружеское слово" и архангельская газета "Американский часовой".

"Американские бюллетени" представляли собой 16-24 страничное издание книжного формата. Всего вышло 27 номеров. В бюллетенях печатались информационные телеграммы, полученные из Америки, переводы статей из американских газет и журналов, корреспонденции, специально написанные для бюллетеня. Бюллетени имели широкое распространение, что позволяло американцам оказывать большое влияние на общественное мнение советской России. Их получали все советские правительственные учреждения, профсоюзы, 800 кооперативных обществ, более 1000 других организаций./63/.

Кроме бюллетеней, московское и петроградское отделения АБП издавали большое количество другой печатной продукции. О размахе их деятельности свидетельствует объем распространяемой ими литературы. Только с середины июля по середину августа 1918 г. Московское отделение распространило 479300 экз. пропагандистской литературы. Из них 10112 экз. было распространено на митингах и собраниях, 51000 — на вокзалах Москвы. 55951 экз. было роздано на фабриках, в рабочих коммунах и профсоюзах, 38007 экз. — в кооперативных обществах и магазинах Москвы. 167950 экз. ушли через курьеров в провинцию /64/. "Американские бюллетени" и другая пропагандистская литература АБП являлись ценным источником информирования не большевистских газет, выходивших в РСФСР.

Деятельность АБП оказывало огромное воздействие на общественное мнение белой Сибири и Северной области. В этих регионах агитационно-информационная литература АБП распространялась очень широко. В число ее распространителей входили учителя, студенты, железнодорожники, кооператоры, работники земств, сотрудники американского красного Креста и члены Христианского союза молодых людей. Последних только в Сибири насчитывалось около 300 чел./65/.

Среди агитационно-информационных материалов АБП особенно широкое распространение на Урале, Дальнем Востоке и в Сибири имел журнал "Дружеское слово", начавший выходить с 1 ноября 1918 г. Всего вышло 14 номеров. Последний номер датирован 14 марта 1919 г. Журнал представлял собой 16-24 страничный иллюстрированный еженедельник, рассчитанный на массового читателя. Особое место в журнале занимали статьи на международные темы, а также статьи научно-популярного характера. Практически все газеты этих регионов печатали информацию АБП. "Дальневосточные газеты почти целиком печатают весь предлагаемый им АБП материал", — отмечалось в документах Владивостокского отделения Информационного бюро Временного сибирского правительства/66/.

Деятельность других иностранных информационных служб на территории России была существенно меньше и не оказывала большого влияния на российское общество.

3. Производство и передача новостей

Качество манипулирования общественным мнением со стороны властных структур определялось в первую очередь полнотой и качеством информации, собираемой правительственными информационными агентствами. Основными источниками информации для осведомительных учреждений слу-

жили: 1/телеграфные сообщения и корреспонденции местных и зарубежных отделений осведомительных учреждений, их агитаторов, репортеров и корреспондентов, 2/материалы радиосообщений, 3/печатные издания и документы.

Главными источниками сообщений о событиях местной жизни для информационных ведомств являлись сообщения их региональных отделений и корреспондентов. Эффективность работы информационных агентств по идеологическому обеспечению политики правительств напрямую зависела от интенсивности их работы. Сеть своих местных отделений и корреспондентов агентства начинали формировать сразу после создания. Больше всего региональных отделений и самый многочисленный штат сотрудников внутри страны был у информационных служб РСФСР. Это давало им возможность иметь в своем распоряжении свежий материал, который служил ценным агитационным оружием, так как для читателей газет был хорошо узнаваем, близок и понятен. Наиболее разветвленную сеть местных отделений и корреспондентов имело РОСТА. По мере наступления Красной Армии вся территория РСФСР покрывалась густой сетью отделений и корпунктов агентства. Первым региональным отделением РОСТА стало Петроградское бюро, созданное на базе упраздненного ПТА. В один из самых сложных периодов советской власти во время Гражданской войны, летом 1919 г., у РОСТА насчитывалось 6 региональных отделений/67/. К декабрю 1919 г. имелось 42 иногородних отделения. В мае 1920 г. было уже 68 губернских, 6 областных и 50 уездных отделений/68/.

Для более эффективного манипулирования общественным мнением по постановлению 1-го Всероссийского съезда работников РОСТА губернские отделения были реорганизованы в единые организационно-пропагандистские, информационно-агитационные и административно-хозяйственные учреждения. Структура местных отделений РОСТА включала информационный, инструкторско-иногородний, справочный, агитационно-художественный и библиотечный отделы. Информационные отделы состояли из редакций, информационных подотделов, выпускающих вестники новостей для губернских и уездных газет и занимающихся организацией иногородних отделений агентства агитповозок и агитвагонов. Подотделы хроники заведовали всей корреспондентской сетью и систематизировали полученные от хроникеров сведения. Справочные отделы занимались разъяснением и толкованием декретов, распоряжений и постановлений органов советской власти. Значительную часть корреспондентов агентства составляли сотрудники органов РКП/б/ и работники советов.

Одна из важнейших задач информационных учреждений РСФСР заключалась в манипулировании политическим поведением красноармейцев. В

этих целях в Красной армии и прифронтовой полосе была создана широкая сеть отделений РОСТА, ГлавПУРА и политотделов. При литературно-издательских отделениях политотделов армий и фронтов создавались отделения РОСТА. В их обязанности входило снабжение центра фронтовыми информационными сведениями, обеспечение фронтовых, армейских и гражданских изданий информационным, аналитическим и литературным материалом. Создавая сеть отделений и военных корреспондентов в воинских частях, они получали возможность информировать ЦентрОРОСТА о положении в армии и давать военным и прифронтовым газетам интересный дополнительный материал. Одним из наиболее активных фронтовых отделений РОСТА было отделение, созданное в январе 1920 г. при литиздате политотдела Западного фронта (ЗапфронтОРОСТА) "как вспомогательный информационный аппарат, объединенный в своем руководящем, персональном составе и технически с литиздатом"/69/.

В целях создания сети военных корреспондентов и руководства их работой в региональных отделениях РОСТА формировались военные отделы. В их задачи входило освещение действий Красной армии, жизни красноармейцев и прифронтового населения. Для получения информации они стремились поддерживать тесные связи с различными военными организациями: разведывательными отделениями, оперативными отделами, штабами, информационными отделами при политотделах, особыми отделами, губернскими и уездными исполкомами, редакциями газет. В состав отделов входили разъездные агенты-корреспонденты, инструкторы и разъездные курьеры. Военные отделы финансировались и контролировались теми отделениями РОСТА, при которых они функционировали. Упорядочение работы местных отделений и корпунктов РОСТА вело к более полному информированию центрального аппарата агентства. Если в ноябре 1919 г. он получал 1031 телеграмму, то весной 1920 г. уже 4193/70/.

В сборе информации для газет, партийных и советских органов принимали активное участие местные отделения и корреспонденты литературно-издательского отдела ГлавПУРА. В составе политотделов фронтов и армий формировались литературно-издательские секции. Их работа протекала в тяжелых условиях почти полного отсутствия подготовленных сотрудников, технических средств и острого дефицита бумаги. Однако даже в таких условиях им удавалось немало сделать для информационного обеспечения газетных изданий. Очень интенсивно работал литиздат политотдела Западного фронта. Было решено приступить к изданию особых информационных листов о деятельности военных и гражданских учреждений, которые должны были печататься в прифронтовых газетах, а также посылаться в ЦентрОРОСТА. Для осуществления этого замысла командующий фронтом В. Гиттис и член

РВС фронта И. Уншлихт подписали приказ, обязывающий регулярно присылать в политотдел сводки, отчеты, приказы, где отражена "деятельность учреждений и частей, а также материал о фронтовой и зарубежной жизни, поступающий в учреждения и части извне, могущий быть использованным для целей информации"/71/.

Корреспондентская сеть литиздата ГлавПУРа создавалась при политотделах армий, фронтов, флотов, политических управлений военных округов. Корреспонденты назначались начальниками политотделов и политпросветов из числа "вполне ответственных сотрудников" При ревкомах, создаваемых на территориях, отвоеванных Красной армией у белых, ГлавПУР создавал специальную корреспондентскую сеть. Эти корреспонденты также подчинялись непосредственно литературно-издательским отделам фронтов и армий, в адрес которых они направляли собранный материал. Они освобождались от всякой другой службы и занимались только корреспондентской деятельностью. Эта работа была хорошо поставлена также на Западном фронте, где в июне 1920 года при всех ревкомах на освобожденной от поляков территории были учреждены корреспонденты "по обслуживанию литиздата и ЗапфронтРОСТА, политотдела и отдела ревкомов реввоенсовета Западного фронта"/72/.

Политотделы фронтов, армий и дивизий создавали свои органы информации и корреспондентскую сеть. При них образовывались отделения информации со штатом корреспондентов. Они обязаны были для "систематической концентрации сведений о состоянии и положении фронта" устанавливать тесные связи со всеми воинскими соединениями, советскими и партийными органами прифронтовой полосы/73/. Кроме того, они должны были выпускать ежедневные обзоры газет, выходящих на данном участке фронта/74/.

Региональные сети местных учреждений и корреспондентов удалось создать всем правительственным информационным агентствам крупных антибольшевистских российских режимов. Однако их размеры были намного меньше, и работали они менее интенсивно, чем осведомительно-пропагандистские учреждения РСФСР. Такое положение сужало возможности информационного господства белых властей над обществом.

На территории белой Сибири завершить создание региональных отделений информационной службы удалось только к середине 1919 г. Это были отделения РОПД. Они были созданы во Владивостоке, Иркутске, Красноярске, Новониколаевске и Томске. Одной из важнейших задач РБП являлось формирование Владивостокского отдела с теми же правами и полномочиями, что и центральное ведомство РОПД. Особое положение Владивостокского отделения определялось его местоположением. Оно находилось в единственном крупном морском порту на востоке России и в наиболее мощном промышленном центре на Дальнем Востоке. Во Владивостоке располагались

штабы войск интервентов, иностранные дипломатические и торговые представительства. Все это давало возможность Владивостокскому отделению РБП собирать и передавать в Омск ценную информацию. Кроме этого, большая удаленность этого региона от Омска давала отделению преимущество перед центральными учреждениями РОПД в снабжении информацией редакций газет и распространении газетных изданий.

На первом заседании редакционного бюро РОПД было решено предоставить Владивостокскому отделу самостоятельность 11 августа 1919 г. постановлением Совета министров Российского правительства Владивостокскому отделу и его корреспондентам в районах Дальнего Востока и восточной Сибири до Иркутска включительно были предоставлены исключительные права. В составе отдела образовывались те же самые структуры, что и в центральном ведомстве РБП в Омске. Он получал приоритетные права в собирании и распространении информации для дальневосточных и восточносибирских газет. Отделение и его корреспонденты получили льготы, предусмотренные ст.7 положения о РТА /СТА/, что давало возможность сконцентрировать весь информационный материал названных районов во Владивостоке. Отделение выпускало свои информационные бюллетени, распространяло их по редакциям дальневосточных и восточносибирских газет. Копии бюллетеней передавались в Омск и уже оттуда поступали в газетные издания Западной Сибири/75/. В редакционное бюро Владивостокского отдела входили: В.В. Солдатов (председатель), М.Н. Борисов, Л.А. Зандер и В.И. Тугаринов.

На территории, контролируемой колчаковским правительством, формировались местные отделения пресс-бюро РОПД. Они были созданы в Барнауле, Бийске, Владивостоке, Новониколаевске, Семипалатинске. В этих населенных пунктах переиздавались материалы пресс-бюро, устанавливались связи с лицами, которые могли на местах проводить организационную работу. Пресс-бюро стремилось подчинить своему влиянию местные газеты. Представитель пресс-бюро в Новониколаевске оказывал влияние на 27 газет. В систему местных учреждений колчаковских информационных агентств входили корпункты РТА /СТА/. К середине 1919 г. агентство располагало 66 корпунктами в 48 городах Дальнего Востока, Урала, Сибири, на острове Сахалин и на фронте/76/.

К середине 1919 г. РТА имело 75 корреспондентов. Они находились во всех значительных политических и хозяйственных центрах востока России: Акмолинск, Алапаевск, Александровск-на-Сахалине, Атбасар, Бийск, Благовещенск, Бодайбо, Владивосток, Екатеринбург, Златоуст, Иркутск, Красноярск, Миасс, Минусинск, Павлодар, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Семипалатинск, Славгород, Тобольск, Томск, Уфа, Хайлар, Чита, Якутск и др. По регионам корреспонденты распределялись следующим образом: в Акмо-

линской обл. и Енисейской губ. РТА имел по 5 корреспондентов. В Иркутской и Тобольской губ., а также в Семипалатинской обл. — по 6 корреспондентов, в Забайкальской обл. — 5 корреспондентов. Меньше всего их было в Якутской обл. и на Сахалине — по 1 чел./77/.

В идеологическом обеспечении политики правительственных структур принимали активное участие информационные бюро и отделы, созданные при управляющих губерниями и выполняющие функции агентов РТА. В их обязанности входило информирование через печать население губернии о деятельности центральной и местной власти и осведомление центральной власти о положении губернии. Одним из эффективно действующих отделов являлся отдел в Иркутской губернии, который был создан при активной поддержке губернатора А.Д. Яковлева/78/.

На Юге России сбор и распространение информации осуществляли региональные и местные учреждения отдела пропаганды. Местная агитационно-информационная сеть отдела пропаганды состояла из отделений, пунктов, подпунктов, ячеек особого назначения, лекторов, добровольных осведомителей, гласных и негласных агентов. В конце лета 1919 г. было создано 17 региональных отделений: Астраханское, Воронежское, Донское, Екатеринославское, Закаспийское, Кавказское, Крымское, Кубанское, Курское, Одесское, Полтавское, Саратовское, Ставропольское, Степное, Таганрогско-Юзовское, Терское, Черноморское/79/.

В отделения информация с мест приходила из пунктов, которые возглавляли осведомительно-пропагандистскую работу на местах. В зависимости от величины района, курируемого пунктом, он делился на еще более мелкие участки, где информационной работой занимались подпункты. В августе 1919 г. насчитывалось 126 пунктов и 106 подпунктов. Самыми многочисленными отделениями являлись Донское и Харьковское. На Дону было создано 80 пунктов и подпунктов с 395 служащими. Харьковское отделение насчитывало 28 пунктов и подпунктов с 437 сотрудниками. Самым немногочисленным было Закаспийское отделение с 2 пунктами и 11 сотрудниками/80/.

Отдел пропаганды располагал своими отделениями в армии. Отделения были сформированы при штабах Добровольческой, Донской, Кавказской, Терско-Дагестанской, Черноморской армий и при штабе 3-его Отдельного корпуса. Информация в отделения приходила из полевых пунктов и от, так называемых, "скрытых групп". Кроме этого, создавались информационные пункты для сбора информации о противнике и настроениях населения в прифронтовой полосе.

На территории Области Всевеликого Войска Донского вместе с отделениями отдела пропаганды собирали информацию региональные учреждения донского отдела осведомления. В августе 1919 г. в области работало 9 окру-

ных отделений, 60 пунктов и 200 подпунктов, они собирали сведения по станицам, хуторам и таборам/81/. Отделения издавали свои газеты. В Усть-Медведицком округе выходила газета "Север Дона", в Константиновском — "Донской огонек", в Таганроге — "Наша мысль"/82/.

Архангельскому бюро печати также удалось создать информационно-агитационную сеть, что позволило ему выполнять свои задачи по обеспечению монополии на информацию. Бюро имело свои отделения в Александровском (Мурманское побережье), Архангельском, Мезенском, Пинежском, Онежском, Холмогорском и др. уездах Северной области/83/. Вся работа местных отделений бюро должна была строиться на основе принципов демократизма и возрождения российской государственности против большевиков и их идеологии. "Основное условие здоровой деятельности отделения, — говорилось в письме Архангельского бюро печати в Пинежское отделение от 25 января 1920 г., — это отсутствие какой бы то ни было партийной политической тенденции. Основная идея, которой должна направляться его деятельность, — это идея национально-демократическая в противовес интернациональной и антидемократической идее большевизма"/84/.

Районные отделения выполняли три основные задачи. Во-первых, необходимо было собирать материал о текущих событиях в регионе. Во-вторых, заниматься сбором информации о положении в советской России. И, в-третьих, вести агитационно-пропагандистскую работу среди населения. По приезду на место заведующий отделением должен был организовать избу-читальню, войти в контакт с местным населением и начинать собирать информацию. В задачи отделений входило редактирование телеграмм Северного (Архангельского) бюро печати "языком, понятным населению"/85/, их перепечатка, размножение и рассылка местным агентам в села и воинские части/86/. В функции региональных структур бюро входила также задача объединения всех антисоветски настроенных сил общества. Это должно было укрепить позиции ВПСО и усилить сопротивление Красной армии. Следует объединить "все мало-мальски культурные и проникнутые сознанием необходимости борьбы с большевизмом силы на местах", — подчеркивалось в письме Северного бюро печати/87/.

Помимо региональных отделений и местных корреспондентов, источниками осведомления информационных агентств являлись репортеры, агитаторы и пропагандисты. Их сообщения являлись исходным материалом для мифотворческой работы агентств. Самую многочисленную группу агитаторов имел РОСТА. На каждом агитпароходе или агитпоезде ВЦИК был оборудован корпункт РОСТА, который собирал жалобы населения, местную прессу, интервью с высшими государственными деятелями, сопровождавшими, практически, каждый агитпоезд или агитпароход. Агитаторы РОСТА входили в со-

став многочисленных "красных" агитобозов и агитповозок, которые вели пропаганду политики советской власти во всех уголках РСФСР.

Репортерский корпус на территории белой Сибири был создан в составе РОПД и начал функционировать с августа 1919 г. В его задачу входил сбор сведений о деятельности центральных государственных учреждений колчаковского правительства. Работа репортеров была успешной. Им удавалось добывать достаточно полные сведения о деятельности центральных правительственных учреждений, региональных органов власти и общественных организаций. Местные газеты активно печатали данный материал, т.к. репортеры опережали корреспондентов местных газет в сборе материала. "В течение второй половины августа, — отмечалось в отчете РТА, — это /деятельность репортеров РТА — Л.М./ позволило вполне наладить информацию /о/ ведомственной деятельности правительства, жизни земств и городов, кооперации и пр. ...ежедневно местные газеты стали пользоваться сведениями РТА о местной правительственной и общественной жизни"/88/.

Снабжением РБП сведениями занимались также агитаторы и пропагандисты отдела устной агитации и пропаганды. Отдел окончательно оформился в двадцатых числах августа 1919 г. Для ведения агитации и пропаганды создавались губернские и уездные бюро. Они получали от своих штатных и внештатных сотрудников отчеты об отношении населения к политике колчаковского правительства. Заведующий губернским бюро сводил эти отчеты в общую сводку и направлял ее в Омск. "Заведующий уездным бюро представляет сводки отчетов от своих сотрудников заведующему губернским бюро, который... составляет общий отчет и направляет его в отдел", — говорилось в правилах деятельности отдела устной агитации и пропаганды/89/. Отдел имел в своем распоряжении 30 агитаторов/90/.

Отдел пропаганды и его местные учреждения содержали многочисленный штат репортеров, агитаторов и пропагандистов. Центральный аппарат отдела формировал агитационные отряды, которые вели пропагандистскую деятельность на всей территории, занятой деникинскими войсками. У отдела был особый штат агитаторов, состоящий из выходцев из Прибалтики и Северного Кавказа, общей численностью до 50 чел. В распоряжении отдела находились четыре агитпоезда и два агитпарохода/91/. Агитаторы в ходе поездок собирали материал и распространяли газеты, пропагандирующие политику Деникина.

Для сбора информации в структурах Особого совещания, в государственных учреждениях, у лиц, приезжающих с периферии и из-за рубежа, в штат отдела пропаганды были введены агенты-интервьюеры. Они должны были после интервьюирования обобщать ход беседы на опросном листе. В листе обязательно должны были быть указаны: "дата... фамилия лица, от

которого были получены сведения, категория в смысле достоверности данных сведений: слух, факт, документ; рубрика по территориальному признаку (Дон, Кубань, советская Россия...), место действия (город, село)"/92/ и приведен текст интервью. Эти опросные листы передавались в информационную часть отдела и включались в бюллетени. Сведения, присылаемые из Особого совещания в отдел, должны были быть заверены начальником политической канцелярии правительства.

В мифотворческой работе российских информационных служб большую роль играли сообщения их иностранных корреспондентов. Эти сообщения служили основой для составления газетных легенд о международном положении российских режимов. Самой разветвленной сетью зарубежных корреспондентов обладало колчаковское "Русского общество печатного дела". Создание зарубежной корреспондентской сети предусматривалось еще правилами по организации Информационного бюро Временного сибирского правительства/93/. Но на практике складывание сети зарубежных корреспондентов проходило трудно и долго.

В 1918 г. основная часть международной информации поступала в осведомительные службы антибольшевистских правительств Сибири от иностранных дипломатических миссий и иностранных информационных агентств, действовавших на территории востока России. Для обсуждения вопросов улучшения информационных контактов с заграницей в конце 1918 г. было создано совместное заседание представителей отдела печати при Совете министров и МИД под представительством товарища министра иностранных дел Г.К. Гинса. Было решено войти с ходатайством в правительство об утверждении должностей официальных корреспондентов за границей. Доклад был подготовлен управляющим отделом печати А.И. Манкевичем. В нем предлагалось создать за границей сеть корпунктов, которые будут снабжать Омск информацией о международных событиях и пропагандировать политику Колчака за границей. "Необходимо немедленно организовать информационный аппарат за границей в виде особо уполномоченных лиц, которым будет поручено защищать русские интересы в иностранной прессе с одной стороны, а с другой — они должны будут широко поставить осведомление Омска обо всем", — писал Манкевич/94/.

В докладе он рекомендовал организовать в Париже при агентстве Гавас отделение Российского телеграфного агентства в лице находившихся там В.Л. Бурцева, А.П. Извольского и А.И. Коновалова. В его задачи входило информирование Италии и Балканских стран. По идее автора, корреспондентом правительства Колчака в Лондоне должно было стать агентство Рейтер и известный русский публицист Дионео. В Нью-Йорке корреспондентом РТА планировалось сделать агентство "Ассошиейтед пресс" и пригласить к сотруд-

ничеству директора американского Русского информационного бюро А. Зака. Сотрудником РТА в Японии должен был стать проф. Теодорович. По замыслу автора доклада, информационную работу в Китае следовало поручить редактору харбинской газеты "Вестник Манчжурии" и бывшему помощнику редактора англоязычной китайской газеты "Юаньдунь-Бао" И.А. Добровольскому.

В начале 1919 г. положение стало постепенно налаживаться. В феврале было полностью сформировано и приступило к работе Бюро иностранной информации отдела печати. Утрата бюро официального статуса и передача его РОПД благоприятно отразилось на отношении к нему иностранной прессы. Возросло доверие к передаваемым через бюро сведениям. Были увеличены ассигнования на иностранную осведомительную и агитационную работу, оживилась работа иностранных корпунктов. "С момента перехода бюро иностранной информации к Русскому бюро печати его деятельность получила возможность развиваться и усовершенствоваться", — говорилось в отчете бюро/95/.

Возглавлял бюро с июня по начало августа 1919 г. Арнольдов, а после его ухода Гейнц. Курировал работу бюро вице-директор РБП Устрялов/96/. Оно имело своих корреспондентов в Европе, Азии и Америки. В Европе РБП имело три корпункта: в Лондоне, Париже и Стокгольме. Из материалов РБП видно, что планировалась организация корпунктов в других европейских центрах. На третьем заседании Редакционного бюро РОПД от 11 июня 1919 г. было решено открыть агентства в Белграде, Константинополе и Праге/97/. Особое значение придавалось организации отделений в Праге и Белграде, славянских центрах. Однако эти решения провести в жизнь не удалось. Ни в одном из указанных городов агентства не были открыты. Этому помешало, прежде всего, отсутствие средств. "Предприняты шаги к организации отделения в Праге и Белграде в целях организовать связь со славянским миром, — отмечалось в отчете Бюро иностранной информации РБП. — Но окончательное разрешение этих вопросов отложено по финансовым соображениям"/98/. Кроме того, сказалась острая нехватка кадров. Так, при попытках создания Белградского отделения выяснилось, что известные русские общественные деятели Белграда много сил тратят на политическую деятельность, и у них нет времени заниматься журналистской работой. "Серьезные деятели не решаются взять представительство РТА, будучи заняты своей политической работой", — отмечал в октябре 1919 г. русский посланник в Белграде в секретной телеграмме/99/.

Самым крупным отделением РБП являлось парижское. Его функции выполнялись эмигрантским русским телеграфным агентством УНИОН во главе с Л.В. Бурцевым. В нем работали также бывший член социал-демократической группы "Единство" Г.А. Алексинский, профессор Харьковского универ-

ситета А.В. Маклецов, киевский журналист Н.М. Могилянский и др./100/. Агентство имело своих корреспондентов в Берлине, Гельсингфорсе, Праге и Стокгольме. С 1 мая по 1 декабря 1919 г. в Омске из Парижа было получено 86 информационных телеграмм. РОПД очень дорожило своим Парижским отделением и выделяло на его существование большие суммы. За май-декабрь 1919 г. агентству было переведено 500 тыс. франков/101/.

Роль агентства УНИОН была настолько значительна, что князь Львов предложил создать на его базе общий центр зарубежного информационно-агитационного осведомления всех небольшевистских государственных образований на территории России. "Князь Львов просил передать, — отмечалось в телеграмме российского посла в Париже, — русская делегация /на Парижском совещании — Л.М./ признает крайне необходимым развитие патриотической пропаганды за границей. Ввиду сего делегация ходатайствует о решении организации пропаганды, поручить дело Савинкову на следующих основаниях: в Париже помещается Управление и главный отдел, прочие отделы: Нью-Йорк, Лондон, Стокгольм, Рим, Лозанна, Прага, Белград, Берлин"/102/.

Руководство РОПД выступило против такой реформы. Оно считало, что вынесение центра международной информации за пределы России не позволит информационно-агитационной работе русских осведомительных агентств за рубежом придерживаться нужной для колчаковских правительственных структур ориентации. Кроме этого, на работу подобного центра будет оказываться иностранное влияние. "Отделение информационного и агитационного центра от центра национального могло бы... повлечь за собой непоправимые ошибки в определении самого содержания и направления, как информации, так и пропаганды", — писало руководство Бюро иностранной информации. — Помимо того, русскому центру в Париже едва ли была бы гарантирована независимость и свобода от непосредственно союзных и в частности французских влияний"/103/.

Корреспондентские функции РБП в Лондоне выполнял Комитет освобождения России, созданный в 1918 г. В руководство комитета входили: П.Н. Милюков, П.Б. Струве, А.В. Тыркова, литератор Дионео и др. видные члены партии кадетов/104/. С 1 июня по 1 декабря 1919 г. из Лондона в белую Сибирь поступило 43 информационных телеграммы. Кроме того, в конце 1919 г. от Комитета стали поступать обзоры английской жизни, составленные Дионео. Комитет служил также связующим звеном в передаче информации между Колчаком и другими антибольшевистскими режимами России. Бюллетени Комитета переправлялись в Гельсингфорс и Ростов-на-Дону, где использовались в информационной работе осведомительными учреждениями Деникина и Юденича. В целом работа Лондонского отделения РБП положительно

оценивалась руководством РОПД. "Несмотря на слабое распространение наших телеграмм в английской прессе, надо признать работу русского комитета освобождения в Лондоне крайне полезной...", — говорилось в отчете РБП/105/. На функционирование отделения выделялись значительные средства. С 1 июля 1919 г. по 1 января 1920 г. Ему было перечислено 33 тыс. дол./106/.

Стокгольмский корпункт РБП был организован поздно и работал не очень эффективно. Начало его деятельности относится к октября 1919 г. По рекомендации российского посланника в Швеции Гулькевича, стокгольмским корреспондентом РБП был назначен опытный журналист, бывший корреспондент петроградской "Речи" Шутяков. Перед ним была поставлена задача информировать Омск о положении в Скандинавских странах, Финляндии и Германии, а также о ситуации на Петроградском фронте. В Скандинавских странах Шутяков должен был распространять информационные телеграммы РБП. В 1919 г. ему было послано 8 тыс. дол. За весь год от него получено 8 сообщений о ситуации в Прибалтике и на Северо-западном фронте/107/. О качестве работы стокгольмского корреспондента руководство РБП судить в полном объеме не могло, т.к. располагало скудными сведениями о нем "Как и где распространяются наши телеграммы... Русскому бюро печати неизвестно, т.к. на наш запрос по этому поводу ответа еще не получено, или же этот ответ был получен в Омске уже после 7 ноября, т.е. после эвакуации РБП", — подчеркивалось в отчете РБП/108/.

Особую роль в информационной политике колчаковского правительства играли контакты с двумя ближайшими государствами этого региона — Китаем и Японией. Отделения РБП были созданы в Токио и Шанхае. Шанхайский корпункт был основан в июле 1919 г. Для этой цели туда был командирован Л.Л. Давыдов. Шанхай был выбран местом пребывания корпункта РБП, так как он являлся крупнейшим промышленным, политическим и культурным центром Китая. Начать работу Давыдов смог только с конца сентября 1919 г., т.к. до этого денег он не получал. За 1919 г. РБП получило из Шанхая 32 информационных телеграммы. В них была представлена полная сводка телеграмм, полученных в Шанхае агентством Рейтер. Помимо телеграфной информации, Давыдов присылал в Омск статьи из иностранной прессы, выходившей в Китае, и составленные им самим обзоры китайской печати/109/. РОПД было довольно работой своего шанхайского корреспондента. "Из всех телеграмм заграничных корреспондентов телеграммы Давыдова являются наиболее ценными для РТА", — говорил в отчете РБП/110/. На содержание отделения выделялись достаточно большие суммы. За вторую половину 1919 г. Давыдову было переведено 8600 дол./111/.

Сбором информации о положении в Японии и распространением телеграмм РБП в Стране Восходящего Солнца занималось Токийское отделение,

созданное в июне 1919 г. Руководил его работой Н.А. Митаревский. До конца 1919 г. из Токио было получено 57 информационных телеграмм и 10 обзоров японской прессы по вопросам внутренней и внешней политики Японии, ее экономической жизни и японского рабочего движения. В эти же обзоры входили переводы статей из японских газет/112/. Отделению было переведено за вторую половину 1919 г. 15 тыс. дол. и 100 тыс. руб./113/.

На американском континенте РБП имело только одно — нью-йоркское отделение. Его агентом являлось Русское информационное бюро во главе с А.И. Заком. За 1919 г. от Зака было получено 72 информационных телеграммы. Содержание их вполне устраивало РТА/114/. Руководство РБП давало неудовлетворительную оценку работе Русского информационного бюро по распространению своих информационных телеграмм и стремилось создать другую организацию, которая занялась бы этим делом. По предложению РБП в начале октября 1919 г. в Нью-Йорке был сформирован Русский комитет освобождения. Им были заключены соглашения с агентствами Ассошиейтед пресс, Гавас, Рейтер, УНИОН. Но комитет не смог добиться от американских властей льготного пресс-тарифа, что делало пересылку телеграмм очень дорогой. Поэтому до конца 1919 г. все информационные контакты шли через Русское информационное бюро. Во второй половине 1919 г. ему было переведено 28 тыс. дол./115/.

РБП не имело информационных контактов с Южной Америкой. Поэтому газеты Сибири мало печатали информации об этом континенте. "Абсолютно ничего не знаем о положении дел в Южной Америке", — подчеркивалось в телеграмме РБП Заку/116/.

Несмотря на указанные недостатки в деятельности заграничных отделений РОПД, Российское правительство ценило их работу. В период развала колчаковского режима, в конце декабря 1919 г., Совещание по делам печати постановило продолжать информационную работу нью-йоркского, лондонского, парижского и токийского отделений РБП. Для продолжения работы Комитету освобождения в Нью-Йорке было выделено 60000 дол., а Заку 10000 дол., российскому послу в Токио для токийского отделения — 18000 дол. Лондонский комитет освобождения России получил 36000 дол. Директору УНИОН Бурцеву было перечислено 60000 франков. "Ввиду исключительной важности осведомительной работы за границей, — отмечалось в решениях этого учреждения, — Совещание по делам печати... не нашло возможным сокращать ассигнования ниже названных сумм"/117/.

Помимо зарубежных корреспондентов, иностранную информацию поставляло в Омск владивостокское отделение информационных учреждений белой Сибири. Его работа в этом направлении была достаточно плодотворной. В начале 1919 г. заведующий отделом Перлин получил право ежедневно

на выгодных условиях пользоваться телеграфными бюллетенями Рейтер Информация, присылаемая из Владивостока, была столь объемной, что отдел печати посчитал нецелесообразным заключать договор об обмене информации с этим иностранным агентством/118/. С лета 1918 г. международную информацию в виде переводов с китайской и японской прессы передавало владивостокское бюро японо-китайской печати, руководимое проф. Спальвиным/119/.

Практически вся информация, предназначенная для границы, направлялась из Омска во Владивосток и далее шла по кабелям, принадлежащим большому Северному телеграфному обществу/120/. Сотрудники отдела по телеграфу передавали в РБП все интересные сообщения. Кроме того, они делали переводы из иностранных газет и также по телеграфу передавали их в Омск/121/. "Особенное внимание... обращено на Владивосток, — подчеркивалось в объяснительной записке отдела печати Совету министров летом 1918 г. — это единственное пока окно в Европу и Америку, где наш официальный голос должен звучать наиболее сильно и выразительно"/122/.

На белом Юге России основные информационные контакты с границей осуществлял отдел пропаганды. Он снабжал газеты зарубежной информацией. Согласно "Временному учреждению отдела пропаганды", последний мог создавать за границей свои отделения и органы печати/123/. У руководства отдела были замыслы создать бюро и иметь своих агентов в крупнейших городах Европы и Северной Америки. В первую очередь намечалось создать бюро в Берне, Лондоне, Нью-Йорке /или Вашингтоне/ и Париже. Агенты отдела должны были находиться также в Афинах, Белграде, Бухаресте, Голландии, Копенгагене, Норвегии, Стокгольме.

Для руководства заграничной агентурой в Западную Европу должны были направить ответственного сотрудника отдела. Местом его пребывания определялся Париж. Представителей отдела за границей планировалось наделить широкими полномочиями. Они должны были быть независимыми от дипломатических представительств деникинского правительства, но работать "в соприкосновении и согласии с ними"/124/.

В действительности отделу пропаганды из-за дефицита валюты не удалось создать разветвленную сеть зарубежной агентуры. Основная масса корпунктов были созданы на Балканском полуострове и в Закавказье. Наиболее крупным отделением было Константинопольское. Другие отделения функционировали в Болгарии, Греции, Грузии, Румынии, Сербии и Салониках. В Западной Европе у отдела пропаганды существовал только один корпункт. Он действовал в Париже и возглавлялся Бурцевым. В сентябре 1919 г. ему было переведено 1050000 руб./125/. Одно время функционировало галицийское отделение, на содержание которого в августе 1919 г. было выделено 11,5

тыс. франков/126/. Но его деятельность была быстро свернута. Большинство заграничных отделений руководили военные. Константинопольское отделение возглавлял полковник Бехтер и поручик Курлов, начальником греческого отделения являлся полковник Пандазидис, отделением в Салониках руководил генерал Величковский/127/.

Заграничные корпункты отдела пропаганды одновременно являлись заграничными корреспондентами Русского телеграфного агентства /РУСТА/, созданного на юге России осенью 1918 г. Внешняя ориентация РУСТА была также направлена на Балканы. Его основатель А.Ю. Геровский писал помощнику Деникина генералу А.М. Драгомирову: "Благодаря моим связям во всех славянских землях, а также в Румынии и Венгрии, мне будет нетрудно покрыть в самом непродолжительном времени, как только это позволит военно-политическая обстановка, сетью корреспондентов всю территорию будущей славянской федерации"/128/. Отдел пропаганды заключил с РУСТА договор на передачу информационных телеграмм.

Северное (Архангельское) бюро печати смогло создать сеть зарубежных корреспондентов, но она была не столь разветвленной, как у информационных служб Колчака и Деникина. Одним из первых зарубежных корреспондентов Арбюр стал директор Русского бюро печати в Риме К. Китов. 18 августа 1918 г. он прислал в Архангельск телеграмму с предложением возобновить корреспондентскую работу/129/. Ему удалось получить от итальянского правительства финансовые льготы на отправку информационных телеграмм. Он предлагал присылать в Архангельск бюллетени итальянского бюро пропаганды/130/. В середине июля 1919 г. руководство Арбюр смогло уговорить Бурцева стать корреспондентом бюро в Париже с расчетом на передачу приблизительно 10 тыс. слов в месяц и с гонораром в 2000 франков/131/. Но главным корреспондентом Арбюр был русский военный агент в Дании С.Н. Потоцкий, который регулярно снабжал Северное бюро печати иностранной информацией. Кроме того, много зарубежных новостей содержалось в воззваниях, обращениях, письмах и др. документах, доставляемых в Арбюр из иностранных миссий в Архангельске, "а равно учреждений и частных лиц союзных... стран"/132/.

Самая слабая корреспондентская сеть за рубежом была у советского РОСТА. Зарубежной информацией этого агентства ведал его иностранный отдел — Ино-РОСТА, основная задача которого заключалась в информировании всей советской прессы "о мировых событиях в области международных, социально-политических и экономических отношений"/133/. Главными источниками информации Ино-РОСТА были сообщения НКВД. Кроме этого, отдел старался использовать самые разнообразные источники, извлекая из них все, что в той или иной степени способствовало освещению международ-

ных событий. Международные сообщения брались из информационных бюллетеней петроградского отделения НКВД, сообщений "Кав-РОСТА", "Турк-РОСТА" и "Юг-РОСТА", прифронтовых корреспондентов РОСТА, из сводок Реввоенсовета. Зарубежные газеты также являлись источниками иностранной информации для РОСТА.

Согласно постановлению Президиума ВЦИК от 5 декабря 1918 г., отдел пропаганды ВЦИК должен был начать организовывать заграничные отделения РОСТА/134/. Но наладить корреспондентскую сеть за рубежом не удалось. В условиях блокады, непризнания советской власти со стороны ведущих капиталистических держав, Гражданской войны в России, правительства зарубежных государств не хотели видеть у себя корреспондентов информационных служб советской власти. Они арестовывали их, высылали, а корпункты закрывали. Постоянно работало только ревельское бюро печати. Но, несмотря на такое положение, Ино-РОСТА работало достаточно интенсивно. Количество выпускаемого для печати материала, особенно в период подъема революционного движения, хватало для половины, а то и 2/3 номеров столичных газет. Количество бюллетеней Ино-РОСТА в эти периоды достигало 17-20 штук/135/.

Другие российские государственные образования заграничной сети корреспондентов не создали.

Характер информации, собираемой региональными отделениями, корреспондентами, агитаторами, репортерами российских осведомительных агентств, позволяют определить инструкции, положения и другие нормативные документы осведомительных учреждений. В нашем распоряжении имеются: общие указания по информации пунктам сети отдела пропаганды от 16 мая 1919 г./136/, инструкция для информационной части местных отделений отдела пропаганды от 19 августа 1919 г./137/, дополнения к инструкции по информационной части отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России/138/, инструкция корреспондентам РТА/139/, инструкция и условия оплаты корреспондентов РТА/140/, общая инструкция корреспондентам РТА/141/, инструкция корреспондентам литературно-издательского отдела политического управления Революционного Военного Совета Республики от 14 октября 1920 г./143/, инструкция для корреспондентов при ревкомах 7 июня 1920 г./144/, инструкция военным корреспондентам Западного фронта от 2 февраля 1920 г./145/.

Анализ их содержания показывает, что руководство российских информационных учреждений требовало от своих сотрудников полного и всестороннего освещения жизненных явлений. Включению в информационные телеграммы подлежали только общественнозначимые факты. Малозначительные события, сведения о мелких интригах, спорах, местных сплетнях могли

отражаться в информационных сводках корреспондентов только тогда, когда они влекли "за собой события более широкого масштаба"/146/.

Корреспонденты и репортеры должны были освещать в телеграммах все существенные обстоятельства дела, без которых читатели не могли составить себе ясного представления о случившемся. Советские корреспонденты должны были включать в свои донесения сведения обо всех более или менее крупных мероприятиях органов советской власти в области снабжения населения продовольствием, по вопросам землеустройства, работы предприятий, ликвидации буржуазных порядков, охраны труда и т.д./147/. В общих указаниях по информации пунктам сети отдела пропаганды подчеркивалось, что "вся жизнь должна быть уловлена представителем отдела информации на местах и представлена кратко, выпукло и рельефно"/148/. Руководство РТА выделило 12 крупных проблем, о которых в первую очередь должны были сообщать корреспонденты: развитие сельского хозяйства, положение промышленности и торговли, трудовые конфликты и стачки, кооперативное движение и его роль в борьбе с дороговизной, благосостояние населения и "влияние на народный бюджет податей, налогов, платежей, повинностей"/149/, работу местных органов самоуправления, деятельность суда и администрации, положение народного образования, церковные дела, быт и настроение казачества.

Вторым требованием, предъявляемым к информации, была ее достоверность. В основу сообщений корреспонденты и сотрудники местных учреждений информационных служб должны были класть материал, полученный из первоисточников. Если информация вызывала сомнения, она должна была перепроверяться. Корреспондентам не следовало включать в донесения сведения, основанные на непроверенных слухах и полученные из вторых рук/150/. Отдел пропаганды требовал от своих сотрудников подтверждения сообщаемых сведений фактами, цифрами и документами/151/. Руководство РТА не рекомендовало использовать газетный материал в качестве источника, т.к. в газетах могли содержаться недостоверные сведения. Корреспондентам вменялось в обязанность освещать события только своего района и сообщать самую свежую информацию о местной жизни/152/. По заданию руководства региональные отделения и корреспонденты должны были проводить журналистские расследования.

Для получения информации корреспондентам и сотрудникам региональных отделений осведомительных учреждений следовало устанавливать контакты с редакциями газет, руководством политических партий и общественных движений, местными органами власти. "Корреспондент должен обладать связями в местной администрации, в земском и городском самоуправлении и поддерживать непрестанные сношения с местной печатью", —

отмечалось в общей инструкции корреспондентам РТА/153/. Сообщения корреспондентов должны были носить форму связанного рассказа, объективно отображающего события "без всякого освещения как личного, так и отражающего интересы той или иной группы лиц, прикосновенных или имеющих отношение к осмысливаемому событию"/154/. Отдел пропаганды требовал от своих местных отделений, корреспондентов, добровольных осведомителей, тайных агентов прикладывать к информационным телеграммам обзоры местной прессы/155/.

Особенности работы военных корреспондентов заключались в том, что они должны были в первую очередь информировать газеты о положении в армии и на фронтах. В этих целях им следовало собирать материал, касающийся деятельности военных учреждений и жизни красноармейцев. В инструкции корреспондентам литературно-издательского отдела ГлавПУРа от 14 октября 1919 г. отмечалось, что корреспондент должен собирать и посылать в отдел следующий материал. "а) Постановления и пожелания всевозможных армейских учреждений — пофронтов, поармов, пуфлотов, подивов, съездов, конференций и проч., поскольку они устанавливают формы, методы и содержание политико-просветительной работы и отражают в себе политическую жизнь и состояние частей армии и флота. б) Сведения, имеющие общеполитическое значение, о ходе работы в политическо-просветительных организациях Красной армии и флота. в) Сведения о настроениях широких красноармейских масс. г) Материалы, отражающие военный быт Красной армии и флота, как-то. рассказы, очерки, статьи, стихотворения, сценки, частушки, фотографии и т.д. д) Сведения о работе политодов и политпросветов среди гражданского населения прифронтовой полосы. е) Все издания местных политодов и политпросветов"/156/.

От советских корреспондентов требовалась постоянная информация о деятельности РКП/б/, так как ее политику необходимо было обстоятельно пропагандировать в газетах. Информация о деятельности партии большевиков должна была "включать в себя сведения о работе РКП (большевиков), ее роль в жизни данной местности, отношение к ней широких масс"/157/.

Важнейшим источником внутренней и международной информации во время революции и Гражданской войны являлось радио. Накануне революции в России работали Царскосельская и Ходынская радиостанции. Мощные радиостанции находились в Николаеве, Ташкенте и Чите. Станции меньшей мощности работали в Гельсингфорсе, Курске, Ревеле, Або, Петропавловск-на-Камчатке и в Петроградском военном порту.

Понимая огромное значение радио для манипулирования общественным мнением, как в России, так и за рубежом, Совнарком своим декретом в июле 1918 г. передал все радиостанции, находившиеся на территории

РСФСР, в распоряжение Наркомпочтеля. Началась организация советской государственной радиотехнической сети. Из крупных станций регулярно функционировали две. Одна — в Москве, другая — в Царском селе. В первое время после революции регулярная связь с границей осуществлялась через Царскосельскую радиостанцию. Ходынская станция использовалась для передачи циркулярных сообщений "Всем, всем...".

После переезда советского правительства в Москву Ходынская радиостанция превратилась в основной передающий центр. Среднемесячный обмен радиотелеграммами достигал 220 тыс. слов. В ночные часы передатчик использовался для сообщений на периферию новостей центральных газет. Днем с помощью станции поддерживалась связь с границей. Практически всю международную информацию советская Россия получала через радио. В 1919 г. в связи с ухудшением военного положения советской республики увеличилась нагрузка на Ходынскую станцию. Она работала по 17 часов в сутки. 30 июля 1919 г. Совет рабоче-крестьянской обороны принял постановление о срочном строительстве новой радиостанции в Москве на Шаболовской улице. 1 марта 1920 г. она вступила в строй. Радиус ее действия составлял 2000 км. Она обеспечивала международную связь РСФСР. В городах, расположенных в радиусе действия Ходынской радиостанции, организовывались приемные пункты на базе английского и французского радиотелеграфного имущества, полученного Россией в годы первой мировой войны. К лету 1918 г. приемные установки действовали в 75 пунктах РСФСР, в 1919 г. их число увеличилось до 81, в 1920 г. таких пунктов насчитывалось более 200. С помощью радио поддерживалась регулярная связь советского правительства с красным Туркестаном, откуда в первое время приходило 15 информационных сообщений в месяц/158/.

К середине 1918 г. удалось наладить постоянное использование радио в целях политической пропаганды. К осени 1918 г. во многих городах РСФСР можно было прочитать радиосообщения из Москвы. РОСТА регулярно посылало по радио информацию на места. В форме радиogramм передавались декреты, воззвания советского правительства, обращения, сводки, информационные материалы. Были приведены в действие передающие станции в Астрахани, Вологде и Саратове, обеспечена связь этих важных узловых пунктов с Москвой. Проводилось переустройство станций в Москве и Царском селе, а также приемного центра в Твери. Начиная с 1919 г., значительно расширялась тематика радиосообщений. Кроме общеполитической и экономической информации, в эфир шли также новости культуры. Для региональных советских газет радиосводки были во многих случаях основным материалом для печати.

Возможности радио для воздействия на российское общество и миро-

вое общественное мнение использовались антибольшевистскими режимами Система радиосвязи у белых режимов была достаточно мощной. По данным Н.Ф. Каткова, у Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и Миллера действовало более 30 радиостанций/159/. Наиболее разветвленной сеть радиостанций была у Колчака Отремонтированные интервентами станции во Владивостоке, Екатеринбурге, Омске, Челябинске и др. городах позволяли осуществлять перехват сообщений практически всех европейских станций/160/. По радио были установлены связи между регионами, занятыми белыми армиями. Достаточно регулярной была связь Омска с Временным правительством Северной области В Архангельск передавались информационные бюллетени РТА. Летом 1919 г из Омска в Архангельск было передано 56 бюллетеней/161/. Связь с Деникиным поддерживалась с помощью радиостанций по линии Омск-Гурьев-Петровск-Екатеринодар/162/.

Правительство Деникина также использовало радио для манипулирования общественным сознанием 11 января 1919 г. Деникин потребовал от Драгомирова организовать на радио передачи обо всех крупных современных событиях/163/. Выполняя распоряжение главнокомандующего, Драгомиров распорядился, чтобы отдел пропаганды регулярно поставлял агитационные материалы на радио, а командир радиодивизиона их передавал. Использовалась радиослужба на юге России и для приема и записи сообщений, передаваемых советским радио. Эта информация после цензурного просмотра передавалась в газеты Кроме того, зарубежную информацию отдел пропаганды получал из бюллетеней радиотелеграфного агентства Рускульта, которое было создано в 1919 г. в Одессе при издательстве "Русская культура". Помимо сводок для газет, агентство выпускало радиобюллетени для судов в Черном и Средиземном морях/164/.

Радиосвязь осуществлялась между штабом Деникина и командованием Северо-западной армией. Однако она была установлена поздно и использовалась недостаточно эффективно. Только 7 октября 1919 г. главная квартира Северо-западной армии получила через Николаевскую станцию первую радиотелеграмму из штаба ВСЮР/165/.

Радиообмен с границей на белом Юге России был сильно затруднен. Большевики успели вывезти значительную часть оборудования Николаевской радиостанции, и она плохо принимала сообщения из-за рубежа. Удалось принимать немецкое радио, но французские новости принимались плохо. Редактор газеты "Одесский листок" С.Ф. Штерн характеризовал радиообмен с границей следующим образом: "В 1919 г. французы так и не сумели приспособить сильную радиостанцию г. Николаева для нужд осведомления общества, и радиостанция эта все время почти бездействовала. Ни ростовское, ни ставропольское правительство не смогли добиться правиль-

ных сношений по радио с Западом и получения информации с Запада"/166/. Главной причиной неудач Штерн считал бюрократизм, который не позволял серьезно организовать работу Все делалось бюрократически бездарно и никаких результатов не давало. "В итоге ни антибольшевистский Юг не имел своевременно точных сведений о происходящем в Западной Европе, ни в центрах Западной Европы не знали о том, что делается в южной России", — констатировал он/167/.

Правительство Северной области поддерживало довольно оживленные радиоконтакты с белыми правительствами Юга России, Северо-запада и Сибири. 5 окт. 1919 г. Миллер телеграфировал Деникину и Юденичу, что с 10 октября "радиостанция Архангельска незатухающими колебаниями будет вызывать Николаев /Ревель/ ежедневно с 21 до 24 часов по четверть часа /в/ начале каждого часа длиной волны 3800 метров"/168/. Несколько позднее 15 октября 1919 г. Юденичу телеграфировали из Архангельска, что архангельская станция "вызывает ежедневно с 21 до 24 часов по четверть часа /в/ начале каждого часа Вашу радиостанцию незатухающей волной 3800 метров. С Омском мы работаем ежедневно с 2 ч. 30 мин. до 11 ч. 30 мин. по Гринвическому времени. Благоволите сообщить наиболее удобное время для работы с Вами. Наши позывы Б.Ж.Ф."/169/. Как признавался заведующий Арбюр в конце 1919 г., главными источниками их осведомления о событиях на Юге России служат сообщения Николаевской станции/170/. ВПСО для связи с белым Омском и получения международной информации использовало радиостанции английских и американских военных кораблей/171/.

Одним из основных видов информирования осведомительных агентств являлись печатные издания и архивные документы. Они служили сильным оружием в мифотворческой деятельности российских осведомительных служб. Среди печатных изданий важнейшими для деятельности информационных учреждений России были газетные издания. Осведомительные службы собирали и выписывали все доступные для них газеты и активно использовали их в своей работе. Собираение документальных материалов и печатных произведений входило в обязанности репортеров, агитаторов и корреспондентов российских информационных агентств. Так, в "Инструкции для корреспондентов при ревкомах Западного фронта от 7 июня 1920 г. подчеркивалось: "Необходимо собирать всякого рода печатные приказы и распоряжения польских властей, относящиеся к данной местности, их агитационные листовки, судебные дела, имеющие политический или общественный интерес, комплекты газет, издававшихся в период панщины и т.д"/172/. Произведения печати противоборствующей стороны доставались осведомительными учреждениями через органы контрразведки, с которыми агентства стремились поддерживать прочные контакты. Так, отдел пропаганды просил разведотдел штаба Кавказ-

ской армии высылать ему все советские и заграничные газеты, имеющиеся в его распоряжении/173/.

Заграничные отделения российских информационных служб выписывали и покупали периодические издания, книги и пересылали их в Россию. Американский корреспондент РОПД Зак собирал и переправлял в Омск американские газеты. Он подписывался на ведущие нью-йоркские общеполитические газеты, издания экономического и финансового направления, а также на всю американскую русскую прессу /174/. Зарубежные отделения отдела пропаганды регулярно отправляли в Россию собранную литературу. Архангельское бюро печати постоянно получало от своего главного корреспондента С.Н. Потоцкого скандинавские и немецкие русские эмигрантские газеты "Возрождение" (Копенгаген), "Северное утро" (Стокгольм), "Голос России" (Берлин)/175/.

Кроме этого, понимая, что документы служат убедительным пропагандистским средством и действенным оружием идейного воздействия на общество, все информационные агентства через свои печатные органы обращались к партиям, общественным организациям и населению с просьбой присылать им документальные материалы и печатные издания. В феврале 1919 г. в нескольких номерах "Вестника ВПСО" было опубликовано обращение Архангельского бюро печати ко всем общественным организациям Северной области, в котором содержалась просьба присылать постановления, протоколы заседаний, служебные записки и "вообще всякие документы и акты, имеющие общественное значение"/176/. Арбюр развернуло также большую работу по информационному обеспечению газет архивным и печатным материалом о деятельности большевиков и советской власти на территории Европейского Севера. В конце 1918 г. бюро печати сообщало, что оно организовало систематическую регистрацию материалов, относящихся к действиям большевиков и советов, и просило всех, у кого есть какие-либо материалы, присылать их в бюро/177/.

На полноту и достоверность информации, распространяемой агентствами, решающее влияние оказывала ее обработка. Переработка информации осуществлялась в соответствии с идеологическими установками правительства, которым осведомительные ведомства служили. Именно обработка информации являлась основой для мифотворчества осведомительных агентств.

Практически вся информация, поступающая в распоряжение информационных агентств, подвергалась сильному сокращению. В ряде случаев оно составляло половину, а то и две трети текста. Естественно, значительное количество информации терялось. Это хорошо видно на примере переработанного в январе 1919 г. сотрудниками Арбюр сообщения о положении в Румынии/178/. Заметка сокращена более чем на две трети, и значительная

часть содержания утеряна. Сокращения касались и нормативно-правовых документов. При их получении в агентствах они нередко перерабатывались в информационные заметки. В этом случае до читателей не доходила значительная часть положений юридических документов. Постановление ВПСО от 29 об оплате гербовым сбором документов от 29 января 1919 г. после обработки в Северном бюро печати превратилась в краткую информационную заметку/179/. Она, хотя и передает основное содержание данного документа, однако значительная часть информации, содержащейся в нем, утрачена.

Из приходившей информации снималось все то, что не соответствовало правительственным программам тех политических режимов, при которых действовали информационные учреждения, то, что компрометировало их политику и действия союзников как внутри страны, так и за рубежом. Так, фрагмент газетной заметки "Письма из Стокгольма" (ноябрь-декабрь 1918 г.), заинтересовавший сотрудников Арбюр, был сокращен наполовину/180/. Редакторы сняли из текста весь материал, касающийся германофильских настроений шведской прессы. Сделано это было, скорее всего, для того, чтобы не раздражать командование интервентов сообщениями о симпатиях к поверженной Германии в нейтральной Швеции.

При обработке информационных сообщений сотрудники информационных служб могли изменять отдельные фрагменты текста, причем эти изменения не всегда точно передавали содержание снятого фрагмента. Сотрудники Северного бюро печати при подготовке информационной заметки "Об ответе Чичерина", где рассматривался его ответ на предложение союзников о созыве мирной конференции на Принцевых островах, допустили изменение в тексте, которое искажало содержание предложений советского комиссара по иностранным делам странам Антанты/181/.

Важнейшим участком работы российских осведомительных ведомств являлось распространение полученной информации. Агентства стремились, как можно шире распространять полученные сведения. Через распространение информации осведомительные учреждения способствовали порождению и распространению политических мифов. В информационные бюллетени включались строго отобранные сообщения, которые помогали созданию системы взглядов, выражавших интересы господствующих политических сил. Российские осведомительные структуры снабжали редакции газет двумя видами материалов: аналитическими и информационными. Снабжением газет аналитическими материалами занимались пресс-бюро информационных учреждений. Их сотрудники писали статьи, обзоры или заказывали их у общественных, государственных, военных деятелей, литераторов, публицистов. Эти материалы рассылались по редакциям газет и составляли в ряде случаев

единственную возможность получить подобные материалы для своих изданий. С РОСТА сотрудничали ведущие деятели большевистской партии и советского государства: В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, С. Каменев, Н.И. Бухарин и др., а также многие партийные литераторы. Для отдела пропаганды писали многие известные государственные деятели деникинского режима, литераторы и журналисты: И. Бунин, С. Кречетов, Н. Наживин, И. Сургучев, кн. Е. Трубецкой, Е. Чириков и др. Их статьи печатались практически во всех газетах юга России.

Активно работало пресс-бюро РОПД. Специально для редактирования изданий пресс-бюро был приглашен опытный сотрудник "Уральской жизни" В.П. Чекин. Работа бюро проходила по трем направлениям. Оно снабжало литературным материалом газеты, выпускало собственное издание "Нашу газету" и другие популярные газетные издания, а также готовило к печати листовки и брошюры. За лето 1919 г. бюро разослало в 1862 газеты 51 статью. Это были статьи государственных деятелей Российской империи, политиков и публицистов колчаковского режима. Среди них были статьи Г. Вяткина, А. Греча, Н.П. Милюкова, К.П. Победоносцева, Н. Устрялова и др. Эти материалы были помещены в 232 газетах/182/. Таким образом, практически все колчаковские газеты помещали статьи пресс-бюро.

Другим видом рассылаемых газетам сведений были информационные сообщения, которые являлись главным видом распространяемых осведомительными службами материалов. В эти сообщения включалась информация, полученная от региональных отделений, зарубежных корпунктов и корреспондентов агентств.

Все аналитические и информационные сообщения группировались в бюллетени и по телеграфу или почтой распространялись по редакциям газет. Наибольший объем информационного материала для газет распространяло РОСТА. Объем ежедневного бюллетеня РОСТА составлял 50 страниц/183/. Вестники и бюллетени агентства давали для газет новости о событиях, происходивших в России и за рубежом. Хорошая работа агентства сыграла в годы Гражданской войны не последнюю роль в том, что советские газеты вели в целом эффективную пропаганду, достаточно успешно манипулировали общественным мнением и превосходили в этом газеты небольшевистских политических режимов.

Обеспечением монополии советских властей на информацию занималось также политуправление РВСР. Сообщения, полученные управлением, доводилась до сведения газет с помощью "Бюллетеней", которые содержали разнообразный информационный, статейный и инструкторский материал. "Бюллетени" издавались 1-2 раза в неделю тиражом 800 экз. К 1 января 1921 г. вышло 47 номеров общим тиражом 37600 экз./184/.

Основные мифологемы для газет антибольшевистской Сибири содержались в информационных бюллетенях осведомительных агентств, которые в основном передавались по телеграфу, т.к. огромные расстояния и слабо разветвленная сеть дорог не позволяли эффективно снабжать редакции газет другими средствами. Этой работе информационные учреждения белой Сибири придавали большое значение. К началу августа 1918 г. Информационное бюро Временного сибирского правительства выпустило свыше 100 номеров телеграфного бюллетеня, куда вошли сводки штаба, распоряжения правительства, сведения с мест и др.

Несколько позднее начали выходить "Известия РТА", которые делились на две категории, индексируемые литерой "А" и "В". "Известия РТА" категории "А" включали в себя сведения о деятельности Совета Министров и Верховного правителя, военные сводки, сообщения о важнейших событиях общественной, политической, экономической, финансовой и торговой жизни России и заграницы. В литер "В" включалась более подробная информация по тем же темам и обзоры русской, иностранной и советской печати.

Согласно условиям подписки на "Известия", все редакции газет, подписавшиеся на них, обязаны были бесплатно посылать в адрес РТА по два экземпляра своих изданий. При использовании в печати сообщений РТА ссылка на агентство была обязательной. Аналогичное правило распространялось на сведения зарубежных агентств, передаваемых через РТА. Чтобы заинтересовать газеты в приобретении "Известий", руководство РТА приняло решение, что газеты, не являющиеся подписчиками "Известий", могли пользоваться сообщениями РТА только по истечении 48 часов после их выхода.

Работа по составлению информационных бюллетеней активизировалась с момента создания Русского общества печатного дела. РБП решило начать работу с выяснения того, какую информацию газеты хотят получать и какие направления реорганизации его работы они считают первоочередными. 24 июня 1919 г. РТА разослало в редакции газет циркуляр с просьбой оценить работу агентства и указать на имеющиеся недостатки. В ответах высказывались пожелания печатать в бюллетенях больше фактического материала о положении на фронте, о ситуации в РСФСР и белом Юге России. Были пожелания уменьшить размеры обзоров прессы. Предлагалось не заполнять бюллетени сведениями, не имеющими общегосударственного значения.

Учитывая замечания редакций, РТА значительно расширило в бюллетенях информацию фактического характера. Были резко сокращены обзоры прессы. В бюллетени стали включаться лишь отклики русской и зарубежной печати о наиболее значительных событиях. Совсем отказаться от обзоров периодики РТА посчитало невозможным, т.к. они формировали общественное

мнение. С помощью материалов радиоперехвата, сообщений Владивостокского отделения, сводок французского радио РТА удавалось с достаточной полнотой информировать редакции газет о международных событиях и жизни в советской России. Так, за летний период бюро иностранной информации сумело издать 35 обзоров иностранной прессы. Ежедневно выходило по 3 обзора/185/. Материал для них брался преимущественно из американской, китайской и японской прессы. Сообщения прессы других стран использовались реже, так как они приходили в Омск со значительным опозданием.

Данные обзоры служили хорошим источником информации для сибирских газет. От своих иностранных корреспондентов Бюро получило 450 информационных телеграмм, которые были включены в информационные бюллетени и разосланы подписчикам/186/.

РТА не смогло расширить информацию о положении на фронте, т.к. военные власти разрешали публиковать только официальные сводки Осведверха. В связи с тем, что значительное количество газет из-за небольших размеров не могли использовать весь передаваемый РТА материал, агентство решило делить бюллетени на шесть бланков /групп/: общий, официальный, дополнительный, военный, экономический и обзор печати. Всего за летние месяцы 1919 г. было выпущено 840 экземпляров.

В течение июня, июля и августа 1919 г. РБП выпустила следующие бюллетени/187/

	Слова			Бюллетени		
	июнь	июль	август	июнь	июль	август
Бюллетени	63869	71136	86234	290	236	314
РТА						
Эконом. бланк	2432	7648	5528	6	22	23
Офиц. бланк	3133	4976	6292	22	25	25
Бланк для Дальнего Востока	11082	5137	4519	20	14	14
Бланк на Камчатку	3560	3303	3848	13	14	13
Радио для Архангельска	2403	7355	9695	7	27	22

Общий бланк предназначался для небольших газет и состоял из 1000-2000 слов. Он являлся сводкой наиболее существенных сообщений РТА. Для больших газет выпускался дополнительный бланк, включавший в себя 500-1500 слов и содержавший более подробную информацию о российской и заграничной жизни. Официальный бланк бюллетеня давал перечень постановлений Совета министров, указов и приказов Колчака. Военный бланк содержал подробности военных действий. Бюллетень с обзорами русской, советской и зарубежной прессы выпускался по мере накопления материала.

Систематически вести его не удавалось "из-за малозначительности статей сибирской прессы"/188/.

Отдельно передавался по телеграфу экономический бюллетень. Он появился позднее и имел целью обеспечить правительственные и торгово-промышленные круги достоверной и обширной информацией об экономическом состоянии Сибири. "Если в дореволюционное время правительство и торгово-промышленный класс нуждались в быстрой полной и точной информации с мест, характеризующей экономический момент, то такая информация в настоящее время является для всех совершенно необходимой", — отмечалось в отчете РТА/189/.

Экономический бюллетень составлялся на основе данных, присылаемых секретарями биржевых комитетов, и подразделялся на 8 частей: общую, транспортную, торгово-промышленную, сельскохозяйственную, биржевую, кооперативную, банковскую. Он был недостаточно полным, но в то же время имевшаяся в нем информация была полезна для правительственных и коммерческих структур. "Конечно, — признавалось в отчете РТА, — о полноте и авторитетности бюллетеня в теперешней его зачаточной стадии развития говорить не приходится, но ряд предпринятых мер... в самом ближайшем будущем позволит развернуть экономическую информацию до более широких размеров и придать ей систематический характер"/190/. С конца 1919 г. РТА составляло специальный бланк и через Омскую радиостанцию передавало его в северную область.

Отдел пропаганды в первую очередь снабжал информационными сводками газетные издания, поддерживающие правительство Деникина. Тем самым эти газеты становились более конкурентоспособными. В эти сводки включались сообщения о военных действиях, сведения, полученные от местных отделений, иностранных представительств, агитаторов, пропагандистов и обзоры российской и иностранной прессы.

Донской отдел осведомления перерабатывал собранные его местными отделениями данные в пропагандистские материалы и направлял в официозные донские газеты "Донские ведомости" и "Народная газета", откуда они перепечатывались другими газетными изданиями юга России. За апрель-октябрь 1919 г. было подготовлено более 100 таких заметок/191/. Полученные от ДОНТА сведения оформлялись отделом в виде бюллетеней и по телеграфу сообщались на места/192/. За тот же период было подготовлено 80 бюллетеней в 10-15 строк каждый/193/.

Северное бюро печати рассылало бюллетени с информацией потребителям во все доступные пункты Северной области. Учреждения и частные лица могли не менее 5 раз в месяц получить свежие номера бюллетеней. В экстренных случаях рассылались дополнительные номера. Цель бюллетеней

заклучалась в том, чтобы "кратко и ясно изложить перед читающим... ход событий, как за границей... так и в России" /194/.

4. Кадровый состав российской идеологической бюрократии

Характер деятельности отечественных информационных служб зависел от политических представлений, профессионального, образовательного и культурного уровня российской идеологической бюрократии. Для правильного понимания особенностей работы осведомительных агентств, необходим анализ их кадрового состава. Отличительной чертой РОСТА было наличие в его рядах большого количества коммунистов. Как отмечалось на 1-ом съезде работников агентства, 97% уездных корреспондентов РОСТА являются коммунистами/195/. Корреспондентами РОСТА являлись многие ответственные руководители партии, члены ВЦИК и СНК, работники губернских и уездных комитетов РКП/б/, комиссары Красной армии. Это придавало информации РОСТА больше тенденциозности, целеустремленности и наступательности.

Ряд старых русских журналистов также пошли работать в РОСТА. Среди них были Д.О. Заславский, бывший сотрудник газеты "Киевская мысль"/196/, бывший главный редактор газеты "День" Н.Р. Кугель/197/ и др. В институте журналистики при РОСТА читал лекции достаточно известный публицист и критик Р.Ф. Боцяловский/198/. Однако таких людей было немного, и они не оказывали решающего влияния на характер работы этого ведомства.

Чтобы сделать манипулирование общественным мнением более тонким, РОСТА активно привлекало к работе литературные силы. Сделать это было непросто, т.к. значительная часть гуманитарной интеллигенции отказывалась сотрудничать с большевиками. Однако РОСТА удалось привлечь к работе беллетристов, которые до революции сотрудничали в изданиях левого, в основном, большевистского направления. Многие из них откликнулись на призыв РОСТА и стали постоянными сотрудниками различных его отделов и изданий. Среди них были: В. Маяковский, Э. Багрицкий, В. Катаев, С. Городецкий, В. Лебедев-Кумач, М. Кольцов, К. Паустовский, Л. Зарницын, М. Ямщикова и др. Другие литераторы, хотя и не являлись сотрудниками РОСТА, но их произведения часто печатались в изданиях агентства. В их числе были: Д. Бедный, О. Брик, А. Покровский, П. Орешин, П. Арский, А. Скобелев-Неверов и др. На страницах АгитРОСТА выступали литературные критики А. Воронский и А. Февральский.

Однако недостаток опытных работников приводил к тому, что профессиональный состав сотрудников РОСТА был очень неровным. Среди отделений РОСТА своим сильным кадровым составом и активностью выделялись

Бакино-Кавказское, Калужское, Одесское, Петроградское, Сибирское, Уфимское отделения. Бурную деятельность развернуло Одесское отделение, где, помимо выпуска стенной газеты, одним из первых был налажен выпуск "Окон РОСТА", руководимых В. Катаевым. Возглавлял отделение поэт В. Нарбут. Первую пробу пера там получили И. Ильф, М. Кольцов, В. Петров. Бакино-Кавказским отделением РОСТА руководил С.Я. Богдатыев. Отделение имело связь со многими городами Закавказья. Печатная стенная газета "Кавказская коммуна" выходила в 1920 г. в Армавире, Баку, Ереване, Владикавказе, Нальчике, Сочи, Тифлисе. Кроме того, в Екатеринодаре издавалась стенная газета "КавРОСТА". Многие издания переводились на языки народов Кавказа. В отделении сотрудничали поэт С. Городецкий, скульптор С. Сергеев, азербайджанский художник Азин-заде и др.

Но такое положение было не везде. Ряд отделений РОСТА имел слабые кадры, и уровень их работы был низким. Так, на 1-ом съезде работников РОСТА очень невысоко была оценена деятельность отделений агентства в Туркестане. "Вся работа сосредоточена в Ташкенте, — отмечалось на съезде. — На местах положение печальное, работают два человека, которым приходится вести всю работу... Если Туркестан не будет иметь пять-шесть опытных работников для отделений на местах и несколько газетных техников, если Туркестанское отделение не будет снабжено материально, дальнейшая организационная работа РОСТА должна будет остановиться"/199/. Такая ситуация отрицательно отражалась на качестве информационно-агитационной работы РОСТА, что осложняло деятельность агентства по пропаганде идеологии большевизма.

В состав сотрудников информационных учреждений антибольшевистской России входили литераторы, журналисты, предприниматели, представители органов власти и местного самоуправления, учителя, священники, медики. О профессиональной структуре работников информационных учреждений белой Сибири в 1919 г. дает достаточно полное представление состав корреспондентов РТА. В их число входили журналисты, священнослужители, служащие государственных учреждений и местных органов самоуправления, работники учебных и медицинских учреждений, суда и прокуратуры. Архангельское бюро печати подбирало сотрудников местных отделений из среды духовенства, учителей, школьников старших классов и солдат. Просьбы о выделении людей оно направляло земским управам, руководству учебных заведений, командованию национального ополчения. Так, в Онежском уезде и.д. заведующего южным отделением Арбюр был назначен учитель, служащий земства бывший солдат-артиллерист, а заведующим северного отделения — аптекарь/200/. В центральных и региональных структурах отдела пропаганды, его агитационных отрядах добросовестно работало немало учителей, литераторов,

преподавателей вузов, военных, негодных к строевой службе. Отдел привлекал к агитационной работе представителей духовенства. Участие церковных деятелей в этой работе выражалось в составлении листовок, чтении лекций и пр. Наиболее активным участником агитационной работы отдела являлся митрополит Антоний /Храповицкий/.

В информационных учреждениях белых политических режимов работало значительное количество известных дореволюционных журналистов и литераторов, бежавших от большевиков. Особенно много их было на Юге России. Журналист А.И. Ксюнин при Деникине был начальником агитпоезда отдела пропаганды и редактировал газету "Призыв"/201/. Литераторы И.А. Бунин, С.А. Кречетов, И.Ф. Наживин, И.И. Сургучев, кн. Е. Трубецкой, Е.И. Чириков писали для изданий отдела. Литератор С.С. Чазов являлся редактором телеграфного агентства пресс-бюро/202/. Харьковский журналист В.Е. Татаринов с конца 1919 г. заведовал отделением Крымского пресс-бюро/203/. Участие известных беллетристов в деятельности информационных учреждений антибольшевистской России повышало уровень их работы.

Однако необходимость быстрого развития сети осведомительных учреждений, дефицит людей, невозможность руководителей ознакомиться с политическими и нравственными качествами привлекаемых работников делали состав служащих антибольшевистских информационных служб в политическом отношении — очень пестрым, а в профессиональном — очень неровным. В отличие от РОСТА, в этих агентствах были люди разных идейных убеждений. Это снижало наступательность агитационно-пропагандистской работы и нередко приводило к сложным конфликтным ситуациям внутри агентств. Так, после назначения начальником врангелевского отдела печати гражданского лица, Немировича-Данченко, его предшественник, полковник А. Мариушкин, сторонник других убеждений, отказался встретиться со своим преемником и сдать ему дела, а многие офицеры, сотрудники отдела, оставили работу. В связи с их уходом отдел стал испытывать кадровые трудности. Заменить ушедших офицеров было трудно т.к. подготовленных кадров в Крыму было недостаточно/204/. В деятельности отдела пропаганды были нередки случаи, когда корреспонденты и пропагандисты отдела вели агитацию, которая противоречила политической позиции Особого совещания. Характеризуя работу сотрудников отдела в Одессе, Деникину сообщали: "Дело передано в руки какого-то полковника... Полковник заявил, что он народный социалист и рекомендовал своим подчиненным проповедовать "директорию"/205/. Как ни старались руководители отдела пропаганды принимать на работу лиц кадетского мировоззрения, только 60% деникинских агитаторов, по свидетельству Каткова, занимали кадетские позиции/206/.

Другой недостаток кадрового состава антибольшевистских информа-

ционных агентств заключался в том, что многие из их сотрудников не имели опыта работы и были не способны заниматься агитационно-информационной деятельностью. Как отмечал инструктор РТА Ю.Л. Салин, основной недостаток местных кадров РТА заключался в отсутствии у них журналистских способностей и опыта осведомительной деятельности/207/. В штат отдела пропаганды затесалось достаточно много бездарных литераторов, не знающих жизни и ничего не умеющих делать маменькиных сынков и просто шарлатанов. Наживин характеризовал сотрудников отдела следующим образом: "Сотни газетных и журнальных работников, бежавших от большевиков, голодали, а пропаганда — в особенности в провинциальной глуши — была отдана в руки оставшихся не у дел спортсменов, отставных предводителей дворянства, чиновников казенной палаты, и даже милых дам, которым пара тысяч нисколько, конечно, не помешала"/208/. Управление юстиции при главнокомандующем ВСЮР отмечало в качестве одной из особенностей кадрового состава сотрудников отдела "неудачный подбор личного состава, как на высшие, так и на промежуточные должности"/209/.

Целые отделения по своему кадровому составу могли не соответствовать своему назначению, не пользовались доверием местных общественных кругов и, следовательно, не имели возможности собирать важную информацию. Так, личный состав сотрудников Закаспийского отделения Освага не соответствовал своему назначению и проваливал работу. Ревизоры отдела отмечали, что во главе его "поставлен бывший начальник жандармского отделения, арестовывавший хана Иомудского (видного туркменского политического деятеля), поэтому доверия к Освагу в таком составе в Закаспийской области быть не может"/210/.

Все это приводило к тому, что деятельность осведомительных учреждений антибольшевистских правительств не всегда давала возможность эффективно манипулировать общественным мнением и осуществлять монополию на информацию.

5. Содержание сообщений информационных агентств

Содержание газетной прессы во многом зависело от полноты и достоверности сведений, распространяемых российскими информационными службами. Эти сведения содержали в себе иллюзорную картину реальной жизни. Однако они несли в себе богатый фактический материал, дававший газетам достаточно разнообразную информацию. Ею широко пользовались газетные издания. На 1-ом съезде работников РОСТА отмечалось, что советская региональная пресса использует до 100% со-

общений, присылаемых агентством. Это свидетельствовало об их содержательности/211/.

Однако необходимо отметить, что среди распространяемых сообщений нередко встречались недостоверные, а порой и совершенно фантастические сообщения. Так, газета донского отдела осведомления газета "За неделю" (Новочеркасск) поместила информацию о взятии Юденичем Петрограда. В ней, в частности, говорилось: "Последнее английское радио сообщает: Кронштадт сдался. Войска генерала Юденича входят в Петроград... освобождению Петрограда много содействовали англичане, обеспечивая тыл армий генерала Юденича"/212/. Если в этой газетной заметке указывался источник, который мог содержать ошибку — английское радио, то следующее сообщение газеты по этому поводу было сплошным вымыслом сотрудников отдела. В нем говорится: "Советское радио передает, что во время занятия генералом/ Юденичем Петрограда бесследно исчез комиссар Зиновьев. Предполагают, что он попал в плен к Юденичу"/213/. Генерал Юденич Петрограда не брал и Зиновьев к нему в плен не попадал. Советское радио ничего подобного передать не могло. Причину распространения отделом осведомления такой информации можно объяснить только желанием донских пропагандистов поднять настроение жителей области сообщениями о мнимых победах над большевиками.

На собрание и распространение информационными агентствами новостей, на их достоверность оказывали негативное влияние противоречия, раздражающие правящие круги российских политических режимов и различные слои общества. Особенно это ощущалось на юге России в период правления Деникина. Очень мешали работе отдела пропаганды разногласия между Особым совещанием и правительствами казачьих областей, прежде всего Дона и Кубани. Осведомительные учреждения, созданные донским и кубанским правительствами, нередко препятствовали функционированию местных подразделений отдела. При этом они сами далеко не всегда имели достаточно сил и средств для успешного проведения информационно-агитационной работы.

Напряженно складывались отношения между отделом пропаганды и Донским отделом осведомления, что оказывало негативное влияние на функционирование газет, их финансовое и информационное обеспечение. Трения между двумя информационными учреждениями мешали полноценному сбору информации и распространению газетных изданий. Конфликты между ними нередко принимали резкие формы. В ноябре 1919 г. руководство отдела осведомления решительно заявило деникинскому правительству, что работники отдела пропаганды на территории Войска Донского берут взятки с помещиков за агитацию против земельного закона донского правительства/

214/. Подобные трения ослабляли работу отдела осведомления. Его деятельность была мало эффективной. Командование Донской армии отмечало "полное отсутствие какой-либо работы Донского отдела осведомления в местах удаленных от центра и железных дорог"/215/.

В очень тяжелых условиях проходила работа кубанского отделения отдела пропаганды. Его работа встречала резкое противодействие кубанских властей. Это значительно усложняло, а в ряде случаев делало невозможным его деятельность. Получать новости с Кубани отдел мог в очень ограниченном количестве. Дело дошло до того, что у отделения были отобраны помещения, и его сотрудники были выброшены на улицу. Краевое правительство считало "пребывание кубанского отделения в Екатеринодаре ненужным"/216/.

На полноту и достоверность собираемой информации влияли отношения между гражданскими и военными осведомительными учреждениями. Так, не удалось добиться согласованных действий между гражданскими и военными информационными агентствами белой Сибири. Информационные органы военного ведомства не согласовывали свою работу с Совещанием по делам печати и действовали самостоятельно. Анализируя работу информационных учреждений армии, товарищ главноуправляющего делами Верховного правительства и Совета министров Т.В. Бутов отмечал в записке заместителю председателя Совета министров С.М. Третьякову от 8 декабря 1919 г., что "хотя Совещание по делам печати должно было объединить и руководить информационной работой всех учреждений, тем не менее, информационные органы военного ведомства, пользуясь самостоятельными кредитами, вели свою работу самостоятельно, не согласуя ее с направлением и принципами, устанавливаемыми Совещанием по делам печати"/217/.

Подобные отношения ослабляли работу информационных структур. Это мешало им четко наладить информирование газетных изданий. Арнольдов вспоминал: "Офицеров было в Омске много, и офицеры брались за все. В частности, никак не удавалось наладить, как следует... агитацию и пропаганду, потому что этой работе ставили препоны всюду и везде штабные"/218/. Военные презирали гражданских журналистов, считали, что они ничего серьезного сделать не могут. Арнольдов отмечал: "С военными нам, профессиональным журналистам и информаторам, было трудно работать еще и потому, что это, в большинстве своем на верхах, были заслуженные генералы и солидные полковники, которые с молоком матери впитали пренебрежительное, если не презрительное отношение не только ко всем "штафиркам", но, прежде всего, ко всем, так называемым, "писакам"/219/. Эти отношения негативно отражались на агитационно-информационной работе и не позволяли придать ей стройный и наступательный характер. В этой путанице и неразберихе трудно было найти общую линию, добиться

единства действий, придать агитации и пропаганде ударный, а главное, срочный характер", — заключал Арнольдов/220/.

Натянутыми были отношения с армейскими осведомительными учреждениями у отдела пропаганды. Отдел встречал противодействие в воинских штабах: армейские чины отказывались содействовать сотрудникам отдела, не пускали их в воинские части. Военные считали, что содержание пропаганды отдела во многих случаях противоречит интересам офицерства. Непопулярность отдела пропаганды в военной среде усиливалась постоянно циркулирующими слухами о наличии среди его работников значительного количества офицеров, уклоняющихся от фронта. Попытка нормализовать положение путем создания особой части отдела при штабе главнокомандующего не увенчалась успехом. Она полностью подчинялась действиям военных властей, и руководители отдела пропаганды не могли оказывать заметного влияния на ее деятельность.

Эти конфликты сильно отражались на полноте и достоверности информации, собираемой правительственными осведомительными органами в армии, делали ее неполной и не всегда достоверной. Положение осложнялось тем, что оперативные сводки, присылаемые военным командованием в официальные информационные учреждения, не всегда отражали объективную картину происходящего и не отличались точностью. Так, историк-эмигрант Н. Трофимов, бывший офицер ВСЮР, используя при подготовке очерка о походе деникинской армии на Москву оперативные сводки штаба главнокомандующего ВСЮР, отмечал в 1926 г., что они совершенно не воспроизводили точную картину и хронологию событий.

В них отсутствовали наиболее важные события и наоборот подробно излагались малосущественные факты. "У меня сложилось впечатление, — писал Трофимов, — что у составителей отсутствовало понимание совершающихся событий"/221/. В силу данных недостатков на основании этих сводок нельзя представить себе логику боевых событий, и без дополнительных материалов невозможно восстановить даже общие контуры ряда операций. Как участник событий, Трофимов отмечал также наличие в сводках недостоверных и даже "фантастических эпизодов"/222/.

Одной из важнейших причин появления неполной и недостоверной газетной информации являлась плохая работа местных отделений и корреспондентов информационных ведомств. Требования, предъявляемые к качеству информации, далеко не всегда выполнялись, и это находило отражение на характере освещения новостей. Так, многие региональные отделения отдела пропаганды обходили молчанием очень важные вопросы местной политической жизни. Корреспонденты часто не могли отделить ключевые факты от малоинтересной информации. Большинство отделений и корреспондентов

отдела уделяли общественно значимым фактам в лучшем случае несколько строк. Редко от местных отделений поступали сообщения о функционировании политических партий/223/. Многие руководители отделений плохо составляли информационные сводки. Последние, чаще всего, представляли собой нагромождение голых фактов, которые из-за бессистемного изложения не давали общего представления о местной жизни. Обобщая содержание информационных сводок с мест, руководство отдела пропаганды отмечало, что присылаемые сводки "являют собой простое нагромождение голых фактов, часто мало интересных и, вследствие бессистемности их изложения, не дающих никакого общего представления о жизни района"/224/.

В некоторых случаях дело доходило до откровенных фальсификаций материала. Так, Руссаген под видом телеграфных известий распространял выдержки из полученных по почте иностранных газет. Составлены они были недоброкачественно, давали запоздалые сведения, а компиляции из газет составлялись зачастую без достаточного знания дела. Штерн описывает случай, когда известие о результатах парламентских выборов во Франции 1919 г. было передано этим агентством таким образом, что создалось впечатление победы консерваторов, что не соответствовало действительности/225/.

На достоверность сообщаемой газетам информации оказывало влияние качество работы телеграфа. Нередко сообщения передавались небрежно с большим количеством ошибок. В № 73 "Воли Сибири" была напечатана следующая заметка, полученная из омского телеграфного агентства: "Одесса, 5 сентября Следственные власти, производящие расследования, приходят к заключению, что причиной взрыва послужил подлог. Со всей энергией в полном соответствии с чаяниями и надеждами народа. Если мы в нашей работе оторвемся с чаяний народа, мы пропали на освобожденной будет созвано Учредительное собрание, а до тех пор будет сконструировано (да и на днях) временное правительство. Учредительное собрание вовсе на вековечно, все члены чувствуют необходимость новых переворотов всенародных но этого еще нельзя сделать пока оторваны"/226/. Газета опубликовала этот абсурд, чтобы показать качество передаваемых телеграфом сообщений. И таких примеров российские газеты приводили много.

При передаче сообщений информационных агентств могли быть допущены ошибки в именах, фамилиях, географических названиях. Слова могли передаваться с грамматическими ошибками, с пропусками предлогов и союзов. На 1-м съезде работников РОСТА приводился случай, когда в информации этого агентства упоминалось об открытии памятника в г. Орле. Все посчитали, что речь идет о губернском центре черноземной губернии. Однако речь шла о г. Орлове Вятской губ., название которого в сообщении было

искажено/227/. При передаче по радио статьи "Правды" во фразе о том, что война с Польшей не является националистической, была пропущена частица не, что извратило смысл фразы/228/.

В ряде случаев на достоверность информации могли оказать влияние трения между ведомствами, карьерные соображения. Арнольдов в своих воспоминаниях приводил случай, когда министерство иностранных дел подделало телеграмму РТА с изложением речи Верховного правителя в Челябинске, и в искаженном виде телеграмма была отправлена Колчаку. По мнению Арнольдова, это было сделано, чтобы доставить ему неприятности как начальнику Бюро иностранной информации РБП/229/.

При анализе полноты и достоверности сведений, передаваемых информационными учреждениями, необходимо учитывать, что нередко были случаи, когда редакции газет сами придумывали сообщения и печатали их в качестве информации осведомительных ведомств. В ряде случаев это принимало такие большие размеры, что вызывало резкие жалобы со стороны информационных агентств. В циркулярной телеграмме Информационного бюро Временного сибирского правительства "Ко всем нашим адресам" говорилось, что сообщения СТА нередко печатаются в газетах "без ссылок на источник, или вперемежку с известиями противоположными. Бывает и так, что СТА приписывают сведения ему не принадлежащие" Инфбюро просило всех больше "считаться с официальной информацией и не помещать непроверенных сведений"/230/.

Но были случаи, когда газеты необоснованно обвиняли информационные агентства в искажении сведений, хотя сами были повинны в этом. В ноябре 1918 г. в статье "Лиха беда — начало (Из практики ВТ)" омская газета "Заря" выдвинула обвинение в адрес Всероссийского телеграфного агентства в искажении телеграммы Н.В. Чайковского, из которой будто бы была выброшена часть текста. В подтверждении этого обвинения редакция ссылалась на сообщение, полученное, по ее словам, из достоверных источников. В ответном письме управляющий отделом печати Временного всероссийского правительства привел заверенный МИДом подлинный текст телеграммы Н.В. Чайковского, из которого было видно, что текст телеграммы агентством передан точно, и обвинение газеты безосновательно/231/.

6. Распространение газетной периодики

Изучение информационного процесса в Гражданскую войну не будет полным без рассмотрения проблем распространения газетной периодики. С одной стороны распространение газетной информации являлось основой для выработки стратегических решений правительственными структурами. С дру-

гой — распространение газетной прессы являлось заключительным звеном в осуществлении государственной монополии на информацию, когда властные структуры имели возможность ее распространять в собственной режиссуре.

Большое количество газетных изданий давало возможность осведомительным учреждениям заниматься распространением газетной информации в правительственных структурах в виде обзоров прессы с цитированием отдельных материалов, подборок газетных вырезок и составления исторических альбомов. Эта работа фактически делала информационные агентства одними из ключевых фигур в выработки политической стратегии правительственных органов. Основные функции по информационному обеспечению властных структур выполняли бюро вырезок осведомительных учреждений. Наибольший объем работ в этом направлении вело РОСТА. Бюро вырезок, окончательно организованное в марте 1919 г., подготовило по заказу советских и партийных учреждений к маю 1920 г. около 15 тыс. газетных вырезок. РОСТА обслуживало газетными вырезками ПУР РККА, МК РКП/б/, ЦК РКСМ, Госконтроль, ВСНХ, Наркомпрос, Главархив и др. учреждения/232/. Кроме обслуживания учреждений, бюро готовило вырезки для своего архива-библиотеки. Туда ежемесячно поступало около 15000 вырезок. На 1 апреля 1920 г. в архиве-библиотеке находилось 331540 вырезок. Они подразделялись на 10 тематических отделов, распределявшихся на подотделы, рубрики и подрубрики. Общее количество последних достигало 1800/233/.

Информационные службы антибольшевистских правительств Сибири, как правило, составляли обзоры трех типов: политические (ежедневные), ведомственные (еженедельные или выходившие 2 раза в неделю) и тематические (еженедельные). С конца ноября 1918 г. по октябрь 1919 г. было составлено 680 обзоров/234/. Основная масса их представляла политические обзоры, фиксирующие отношение общественности к правительственному курсу и основным событиям международной жизни. За тот же период было составлено 244 ведомственных обзора. Они касались профессиональных вопросов деятельности центральных правительственных учреждений белой Сибири. Больше всего было подготовлено обзоров для министерства земледелия (58), министерства финансов (48), министерства торговли и промышленности (34), министерства продовольствия и снабжения (33) и министерства иностранных дел (35)/235/.

Наибольший интерес представляют тематические обзоры, в которых нашли отражение основные события, происшедшие в Сибири после свержения советской власти в 1918 г. С конца 1918 по осень 1919 гг. бюро вырезок подготовило 25 альбомов о перевороте 18 ноября 1918 г., о деятельности органов колчаковского режима, о конференции на Принцевых островах и др. На основе, главным образом, материалов газет за июль-октябрь 1919 г. было

подготовлено свыше 7000 вырезок. Большинство из них делалось для штаба главнокомандующего (942 вырезки), министерства иностранных дел (863 вырезки) и министерства торговли и промышленности (614 вырезки)/236/.

Для деловых справок и исторических изысканий бюро готовило специальные альбомы газетно-журнальных вырезок по наиболее важным проблемам. К осени 1919 г. было составлено свыше 150 альбомов с 15 тыс. вырезок. Больше всего альбомов было составлено по следующим темам: восстановление российской государственности после большевистского правления (Временное сибирское правительство, Уфимское совещание, правительства Дальнего Востока), развитие науки и народного просвещения в годы революции и Гражданской войны (новая орфография, положение учителя, деятельность научных обществ по изучению России и Сибири), рабочий вопрос (развитие рабочего движения, биржи труда, страхование рабочих), национальный вопрос на территории России и деятельность судебных учреждений. Кроме этой проблематики, существовали альбомы, посвященные кооперации, финансовому положению Сибири и Дальнего Востока, международным проблемам/237/.

Газетную информацию для правительственных кругов деникинского режима распространял Отдел пропаганды, который готовил материалы, доступные, как говорилось в общих указаниях по информационным пунктам сети отдела, "более или менее широкому кругу правящих лиц" и дающих систематизированный материал, представляемый региональными учреждениями отдела пропаганды. Среди этих итоговых материалов были обзоры политических статей ведущих газет юга России и зарубежной прессы, а также обзоры газетно-журнальных изданий, выходивших на территории, контролируемой Добровольческой армией. Материалы российских газет использовались при составлении исторических справок. Газетная информация применялась также при составлении картограмм, которые имели широкое распространение на юге России. По признанию генерала Деникина, с этой работой отдел пропаганды справлялся хорошо и "оказывал своими хорошо составленными обзорами большую помощь правительству"/238/.

Сотрудники донского отдела осведомления всю собираемую информацию систематизировали по группам вопросов: настроение населения, деятельность властей, экономическое состояние области, культурно-просветительская жизнь в области и др. На основании этих сведений составлялись сводки по округам, которые направлялись членам донского правительства и командному составу донской армии. С апреля по октябрь 1919 г. было выпущено 105 таких сводок/239/. Кроме этих сводок, отдел осведомления готовил обзоры иностранных газет, газет юга России и РСФСР. За указанный выше период было выпущено более 30 обзоров/240/.

Специфика данной формы распространения газетной информации заключалась в том, что до правительств во многих случаях доходила мифическая картина социальной борьбы в России. Идеиную основу этой картины составляли те идейные установки, которыми определялись правила работы и возможности деятельности газетных изданий. Из-за этого руководящая элита политических режимов в ряде случаев не могла принимать решения, учитывая реальную обстановку. В данном случае правительственные органы становились заложниками своей собственной информационной политики, которую они сами навязывали российскому обществу.

Главная задача по распространению газет среди населения заключалась в идеологическом воздействии на политическое поведение людей. Осведомительные агентства, другие государственные учреждения, занимавшиеся экспедированием прессы, распространяли преимущественно или исключительно проправительственные издания, обеспечивая тем самым монополию на формирование общественного мнения. Наибольший объем газетных изданий в период революции и Гражданской войны распространялся на территории РСФСР, где была создана система органов по экспедированию периодической печати. Основным советским органом экспедирования прессы было Центральное агентство по снабжению и распространению произведений печати при ВЦИК (Центропечать) и его местные агентства и агитпункты.

Созданная в ноябре 1918 г. Центропечать являлась центральным органом экспедирования и распространения прессы и печатных произведений. Предшественником Центропечати было контрагентство ВЦИК, созданное в ноябре 1917 г., когда отряд матросов занял Петроградскую контору контрагентства Суворина, и оно перешло в подчинение советской власти. К концу 1918 г. было решено перестроить работу контрагентства и создать единый орган по распространению большевистской прессы. Была разработана инструкция по организации местных отделений контрагентства. На ее основе при местных губисполкомах создавались отделения контрагентства, через которые проходили все заказы на газеты. Все существовавшие ранее экспедиции произведений печати, газетно-книжные киоски, артели продавцов газет переходили в ведение губконтрагентств.

В состав Центропечати вошли уже существующие учреждения, ведающие снабжением и распространением печати: контрагентство ВЦИК, отдел распространения произведений печати издательства ВЦИК/241/. Общее руководство Центропечатью осуществлял В.Д. Бонч-Бруевич, а заведующим был назначен член ВЦИК журналист Б.Ф. Малкин. 1-го декабря 1918 г. Центропечать слилась с отделом распространения печати издательства ВЦИК. В 1918 г. и первой половине 1919 г. Центропечать фактически выполняла задачи и функции комиссариата по пропаганде и агитации. Она участвовала во всех агитационных кампаниях, которые были инициированы РКП/б/.

Придавая большое значение манипулированию общественным мнением, советское правительство делало все возможное, чтобы распределение газетной прессы осуществлялось без сбоев. В целях учета и рационального распределения изданий с мая 1919 г. декретом СНК Центропечати в центре и на местах начала брать на учет всю прессу. Для распределения газет в составе Центропечати создавалась особая комиссия из представителей НКВД, Центропечати и Политуправления РККА. Экспедиция Военного отдела издательства ВЦИК и все военные экспедиции, распределяющие прессу, в центре и на местах объединялись с экспедицией Центропечати. Для распределения литературы губернские и уездные исполкомы образовывали специальные комиссии в составе представителей местного исполкома, Центропечати и политотдела или военкома.

В 1919 г. на территории РСФСР действовало 65 губернских отделений, 570 уездных, около 2000 волостных агентств и 470 агитпунктов Центропечати на железнодорожных станциях. Губернские и уездные агентства Центропечати снабжали литературой партийные организации, советские учреждения, агитационные отделы военкоматов. Из газет главным образом доставлялась "Правда" и "Известия ВЦИК". При распределении литературы учитывались численность и степень грамотности населения, а также своеобразие политической ситуации.

Районные и волостные агентства Центропечати распространяли прессу по деревням. Сельским исполкомам и губкомам, избам-читальням рассылалась, в основном, "Беднота". До конца войны сохранялась обязательная рассылка "Бедноты" по одному экземпляру в каждую деревню или село. До мая 1920 г. подписной тираж "Правды" и "Известий ВЦИК" состоял из подписки от организаций, учреждений и частных лиц. Затем выписка газет по подписке была прекращена. С ноября 1920 г. единственными органами по приему подписки на местах стали агентства Центропечати, которые принимали подписку по строго установленным нормам. 12 мая 1919 г. постановлением ВЦИК газеты наравне с другой литературой приравнивались к срочным военным грузам, перевозка которых должна была производиться в первую очередь/242/.

Большая часть тиража советских, большевистских газет шла в армию. В целях упорядочения обеспечения армии литературой в декабре 1920 г. при Центропечати было организовано "Военное бюро Политуправления Реввоенсовета Республики", которое имело большие полномочия. За 2-ое полугодие 1919 г. в Красную армию и военные округа ежедневно отправлялось 520674 экземпляра газет для распространения среди красноармейцев и населения прифронтовой полосы. Из этого количества на "Бедноту" приходилось 383132 экз. "Правды" — 72673 экз., "Известий ВЦИК" — 40567, "Известий Нарком-

воена" — 10560 "Экономической жизни" — 1849/243/. В общем, с марта 1919 г. по февраль 1920 г. было отправлено: "Бедноты" — 109176000 экз., "Правды" — 21914910 экз., "Известий ВЦИК" — 11524550 экз. Всего за время с марта 1919 г. по февраль 1920 г. тираж газет для РККА составил 142515460 экз. Кроме того, армейские газеты ежедневно расходились тиражом в 250000 экз./244/. Газеты, издававшиеся армиями, дивизиями, полками и батальонами, распространялись через экспедиции политотделов. Советские газеты с помощью авиации, через отряды разведчиков и местных жителей распространялись в тылу белых армий. В целом, количество газет, ежедневно направляемых в Красную армию, достигало 2 млн. экз./245/. Газеты распространялись следующим образом. Армия отправляла газеты в дивизии, те — в бригады, а оттуда газеты доставлялись в полки и роты. На передовые позиции газеты доходили обычно на 4-5 дней/246/.

До весны 1919 г. распространением газетных изданий одновременно с информационной и пропагандистской деятельностью занималось РОСТА. В мае 1919 г. эти функции были переданы от него Центропечати. Распространял газетную прессу литературно-издательский отдел ГлавПУРа. До его создания распространением газет в Красной армии занимался, в частности, Военный отдел ВЦИК. Эта работа была возложена на его литературную комиссию. С ноября 1917 г. по 1 марта 1918 г. было разослано 1 млн. 234 тыс. экз. "Правды", 1 млн. 53 тыс. экз. — "Известий", 503 тыс. экз. — "Голоса трудового крестьянства", 10 тыс. экз. — "Вестника рабочего и крестьянского правительства", 54000 экз. газеты "Армия и флот"/247/.

В армии газеты распространялись политотделами, агитпросветами военкоматов. При распределении прессы приоритет отдавался газетам РКП(б). В первую очередь армия снабжалась массовыми газетными изданиями. В 1920 г. в Красной армии устанавливались следующие принципы распределения газет: одна коммунистическая газета должна была приходиться не менее чем на 5 чел./248/. Процентное соотношение высылаемых "серьезных газет" к "более популярным" было как 1:5/249/.

Упорядочению распространения газетной периодики РКП(б) способствовало совершенствование организационной структуры партийных органов. 25 июля 1918 г. ЦК разослал циркуляр, в котором ставился вопрос о необходимости создания при партийных комитетах секретариатов. В инструкции об организации секретариатов, разосланной 13 августа 1918 г., указывалось: "Секретариаты должны широко распространять партийную литературу и газеты, обязательно "Правду" и "Бедноту", организовывать подписку на центральные и местные газеты"/250/. ЦК рассылал на места "Правду", "Деревенскую правду" и др. газеты. Так, например, 6 декабря 1917 г. военной организации РСДРП(б) г. Николаевска Самарской губ. было выслано 200 экз. "Деревенс-

кой правды", 100 экз. "Солдатской правды", 100 экз. "Правды"/251/. В письме секретариата Тюменскому комитету РСДРП(б) от 22 дек. 1917 г. говорилось о высылке ему 50 экз. "Правды"/252/.

Для более эффективного распространения профессиональной прессы в составе редакционно-издательских отделов губернских профсоюзных комитетов и советов профсоюзов были созданы экспедиции. С целью улучшения доставки литературы 2-ой Всероссийский съезд профсоюзов в январе 1919 г. принял решение об объединении экспедиций отраслевых профсоюзов в одну экспедицию при ВЦСПС. Совпрофы и упробы предоставляли учреждениям Центропечати ведомости распределения газет по предприятиям. ФЗК также принимали непосредственное участие в распространении изданий. Однако, несмотря на принимаемые меры, распространение профсоюзной прессы шло трудно. Газетные издания доставлялись подписчикам с большим опозданием.

На территории антибольшевистских политических режимов не удалось создать систему учреждений по доставке периодической печати, и объем экспедирования прессы был намного меньше. Распространением периодических изданий занимались в основном информационные агентства. Агитаторы, пропагандисты, репортеры и местные отделения осведомительных органов выполняли функции распространителей прессы. В наибольшей степени эту работу удалось поставить в белой Сибири. Агитаторы и пропагандисты РОПД занимались также распространением газетных изданий. Но они распространяли не все газеты, а только те, которые издавались обществом или субсидировались правительством через общество. Из других газетных изданий агитаторы распространяли только те номера, в которых содержались материалы, популяризирующие политику колчаковского правительства. Эти материалы должны были пропагандировать пять главных тем, которые, по мнению руководителей РОПД могли объединить всех противников большевиков: "религия, нация, собственность, правовое государство и Учредительное собрание — в противоположность большевистским лозунгам: интернационализм, коммунизм, государство — рабочий союз и диктатура пролетариата"/253/.

Всего газеты вместе с другой литературой распространялись по 765 адресам/254/. Основными получателями материалов были управление Семиреченской областью, штаб 2-го Степного Сибирского корпуса, штаб Сибирской армии, штаб Уральского казачьего войска, Британская военная миссия, французский авиаотряд, МВД, штаб Хабаровского военного округа. Границами основного района распределения книжной пропагандистской литературы и прессы для РОПД являлся фронт, куда направлялось до 70% всей агитационных изданий/255/, а также территория, входившая в район Тобольска — Новониколаевска — Славгорода-Павлодара, Семиреченская обл., Красноярск и Иркутск.

Для распространения газетных изданий и других произведений печати региональными отделениями РБП привлекались кооперативные организации, биржи труда, отделения Осведверха, коменданты и начальники станций, редакции местных периодических изданий. Так, Новониколаевское отделение РОПД заключило договор с союзом кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, конторой Сибирских маслодельных артелей, Черепановским и Каменецким союзом потребительских обществ. 482 кооператива, входящих в состав этих объединений, согласились распространять агитационные издания/256/. Газеты распространялись также через Новониколаевскую старообрядческую общину, союз мелких торговцев, городские и земские больницы, биржи труда, комендантов и начальников станций/257/.

Для упорядочения работы по доставке газет циркуляром МВД от 16 апреля 1919 г. были созданы областные, губернские и уездные комиссии по распространению агитационной литературы, выпускаемой Высшим церковным управлением, правительственными информационными структурами, Осканверхом/258/. В состав комиссий входили начальники гарнизонов, представители земств и городских самоуправлений, епархиальных и приходских советов и казачьих управлений/259/. Совещание по делам печати выделило на содержание комиссий 200000 руб./260/.

Отдел пропаганды распространял только свои издания и прессу, пропагандирующую политику Особого совещания. Таким образом, газетная периодика этой направленности получала большие преимущества перед другими газетами. Редакции других газеты вынуждены были отказаться от подписки и распространять издания через розничную продажу. Это удорожало их стоимость, сокращало ареал их распространения и не позволяло конкурировать с проправительственной прессой/261/.

Распространением газетных изданий в белых армиях в основном занимались военные осведомительные учреждения. Но размах их работы был невелик. На территории антибольшевистской Сибири экспедирование прессы вели Осведверх, Осведвосток, Осведомительный отдел Сибирского казачества и различные фронтовые учреждения/262/.

Анализ доставки печати показывает, что практически вся печатная продукция оседала в городах или на железнодорожных станциях. До сел и деревень она доходила плохо, большие перебои наблюдались с распространением газет на фронте. Подобное положение приводило к тому, что политическим режимам часто не удавалось информировать общество по собственному сценарию. Это подрывало монополию властных структур на информацию и осложняло работу по манипулированию общественным сознанием. Распространение периодической печати на территории РСФСР вызывало большие нарекания у советских и партийных работников. Прежде всего, это

относилось к экспедированию газет в деревнях, где положение было хуже всего: крайне мало доходило литературы и газетных изданий. Руководитель отдела ЦК РКП(б) по работе в деревне В.И. Невский, выступая на 2-ом съезде Центропечати, отмечал, "что если взять распространение печатного слова в деревне, то здесь было очень много нареканий на плохую постановку работы"/263/.

Несмотря на большое количество газетных изданий, распространяемых в Красной армии, были случаи, когда на 60 красноармейцев приходилась одна газета. Экспедиция запаздывала с доставкой газет. В некоторых случаях органам ВЧК приходилось разбираться с вопросами плохой доставки газетных изданий в армию. Красноармеец М. Федулов отмечал в письме в московскую газету "Коммунар", что распространение красноармейских газет в армии налажено плохо. Он сам был раздатчиком газет. И находясь четыре месяца в распоряжении Западной армии, он только в конце четвертого месяца узнал о существовании армейской газеты "Красноармеец". Она не доходила до солдат и распространялась только среди аппарата политотделов/264/.

На территории небольшевистской России ситуация была схожей. Несмотря на все предпринимаемые действия, практически вся печатная продукция либо оседала в городах, либо распространялась на железнодорожных станциях. До сел и деревень она доходила редко. Органы власти на местах пытались обеспечить сельское население официальной информацией с помощью жестких административных мер. Например, в Енисейской губернии всем сельским старостам и председателям земских управ вменялось в обязанность за счет общественных сумм выписывать "Енисейский вестник". За неисполнение полагался штраф до 3 тысяч рублей или арест. Власти рассчитывали решить указанную проблему и таким путем: все органы печати, включая земские, обязаны были помещать распоряжения правительства. И, тем не менее, по свидетельству "Сибирской жизни", отсутствие информации оставалось одним из самых больших вопросов: фронт не знал о тыле, тыл о фронте, население о власти, а власть о населении/265/.

На белом Юге России доставка газетной прессы была также нерегулярной, газеты приходили с большим опозданием, а в сельскую местность в ряде случаев не доставлялись совсем. "Революция создала газеты — эфемериды, — вспоминал журналист С. Штерн, — новые периодические издания росли как грибы... район сбыта газет в период Гражданской войны все сужался — вследствие постепенного сокращения территории, не подвластной большевикам, — доставка газет, благодаря расстройству сообщений, становилась сугубо нерегулярной"/266/.

Большие недостатки в распространении газетной прессы среди населения являлись главной причиной, по которой идеологические концепции и

взгляды господствующих политических сил в России во многих случаях не смогли стать основной для формирования общественного сознания и не являлись мифологемами, на основании которых складывались политические мифы. Часто эти функции выполняли слухи, которые, хотя нередко возникали на основе газетных сообщений, но, как правило, не несли в себе идеологических установок господствующих политических сил, а выражали интересы и настроение масс. Наиболее влиятельная сибирская газета "Сибирская жизнь" констатировала, что читатели живут в "атмосфере разнообразных, неподдающихся проверке слухов"/267/.

Информационные агентства и органы по распространению печати обеспечивали монополию властных структур на информацию. Сообщения информационных служб являлись мифологемами, лежащими в основе газетных мифов. Распространение газетной информации агентствами делало их участниками выработки стратегических правительственных решений.

ГЛАВА 3 ЦЕНЗУРА ГАЗЕТ

1. Создание системы цензурного контроля над прессой

На характер манипулирования общественным мнением накладывала отпечаток цензура. Российские газеты были поставлены правительствами всех государственных образований под строгий цензурный контроль. Только в Дальневосточной республике он был гораздо мягче. Во время революции и Гражданской войны в России существовало два вида цензурного контроля: политический и военный. Они сосуществовали вместе и сферы их деятельности тесно переплетались. Необходимость политической цензуры вызывалась борьбой за власть, составляющей ключевое содержание общественной жизни того периода. Наличие военной цензуры объяснялось основной формой этой борьбы — гражданской войной. Цензурное законодательство и практика цензурного контроля, существовавшие в годы революции и Гражданской войны легли в основу последующей деятельности цензурного аппарата в СССР.

Острые формы социальной борьбы предопределили широкое распространение политической цензуры. В общественную жизнь России были возвращены многие нормы царского цензурного контроля. Советское руководство на протяжении всей Гражданской войны уделяло пристальное внимание цензурному надзору над прессой. Эта проблема постоянно находилась в поле зрения председателя СНК Ленина, который требовал от журналистов четкого выполнения цензурных правил. Когда в начале 1920 г. НКВД сообщил ему о факте разглашения нежелательной информации со стороны РОСТА, он немедленно обратился к руководству агентства с вопросом: "почему не послали на цензуру? кто виноват?"^{1/}.

С первых дней существования советской власти газеты попали под политическую опеку цензурных органов. Первым актом большевистского правительства, фактически введшим политическую цензуру, был декрет о пе-

чати от 27 октября (8 ноября) 1917 г. Он обязывал закрывать органы прессы, призывающие к открытому неповиновению новым властям^{2/}. Контролем над газетами занимались комиссариаты по делам печати, создававшиеся при ВРК и советах. В столице цензурный контроль осуществлял отдел печати и информации Петроградского ВРК во главе с В.А. Аванесовым. После упразднения ВРК его цензурные функции перешли к отделу печати Петросовета, которым руководил Н.Н. Кузьмин.

При обострении политической ситуации и ухудшении положения советской власти политический цензурный контроль усиливался. Ужесточению политической цензуры способствовало создание в декабре 1917 г. революционных трибуналов печати. Согласно декрета СНК от 28 января 1918 г., при них создавались следственные комиссии^{3/}. Революционные трибуналы печати существовали до мая 1918 г.

После левозерского мятежа в июле 1918 г. постановлениями Моссовета все органы печати должны были пройти перерегистрацию. Впредь до особого распоряжения временно прекращалась выдача удостоверений на право издания газет и журналов. Эти запреты не распространялись на периодические издания РКП(б) и советских учреждений. Данное постановление практически лишало возможности выхода газет меньшевистского направления.

Советская политическая цензура с первых шагов проявила те характерные особенности, которые определяли ее развитие вплоть до начала 90-х годов. Они заключались в том, что советская власть, во-первых, во многом переняла самодержавные цензурные правила, а, во-вторых, эти правила были направлены на сохранение власти одной партии — большевиков. В.Г. Короленко в опубликованном протесте против введения цензуры писал: "Я спрашиваю: по какому праву это сделано и в чьих интересах? Ответ ясен... водворилась худшая и самая унижительная из цензур, потому что она цензура партийная, во-первых, и самодержавная, во-вторых"^{4/}.

Российские антибольшевистские газеты проводили текстологическое сравнение советских декретов о печати с цензурными правилами царского правительства. Сравнительный анализ декрета о печати от 8 дек. 1917 г. с царскими цензурными правилами 1890 г., сделанный эсерской газетой "Труд", выявил много сходных моментов в их содержании.

"ДЕКРЕТ 8 ДЕК. 1917 Г.

1. Всякое периодическое издание (газета или журнал), по требованию комиссара по делам печати обязано в назначенный комиссаром срок опубликовать на своих страницах текст опровержения по поводу допущенного в данном издании

УСТАВ О ЦЕНЗУРЕ И ПЕЧАТИ. ИЗДАНИЕ 1890 Г.

Ст. Всякое повременное издание обязано поместить безотлагательно и безденежно, без всяких изменений и примечаний в тексте и без всяких возражений в том же самом номере сооб-

ложного или клеветнического сообщения или частичных искажений истины.

2. Для оплашения опровержения издание обязано предоставить места вдвое больше, чем его занимало опровергаемое сообщение.

3. Частные и должностные лица, общественные и правительственные учреждения, желающие обязать какое-либо издание поместить затрагивающее их интересы опровержение, могут делать это через посредство комиссара по делам печати, представляя в этих целях комиссару вырезку из издания опровергаемого сообщения и самый текст опровержения в двух экземплярах.

щенное ему от правительства официальное опровержение или исправление, обнародованное тем изданием известие.

Ст. 139. Если в повременном издании появится известие, касающееся частного лица, то издание сие не может отказать в принятии сообщенных ему тем лицом в ответ возражений и поправок. Возражение или поправка частного лица должны быть неотложно напечатаны тем же шрифтом, в том же отделе, как и первоначальное известие, и притом бесплатно, если занимают места не более, как вдвое против статьи, на которую служат ответом. Возражение или поправка должны быть подписаны защищающимся^{15/}.

Этим анализом газета хотела доказать, что большевики заимствовали правила политической цензуры из имперского законодательства.

Не только советский, но и антибольшевистские режимы восстанавливали дореволюционные цензурные порядки и даже ужесточали их. После установления на Украине власти гетмана Скоропадского, там были введены такие правила, которые, по мнению киевских газет, возвращали прессу к временам министра внутренних дел России кануна первой русской революции В.К. Плеве, когда цензурный комитет беспощадно душил печать. "С каждым днем круг вопросов, допускаемых к обсуждению в печати, становится все уже и уже, — подчеркивала "Киевская мысль", — и дошло до того, что нынче не допускается никакая критика не только правительства, не только его административных агентов, но и даже тех полуофициальных комиссий, которые назначаются для тех или иных подготовительных работ"^{16/}.

На востоке России руководители антибольшевистских государственных образований также устанавливали политический контроль над прессой. Газеты Дальнего Востока, Сибири и Урала после свержения советской власти попали под контроль Временного сибирского правительства. 18 июля 1918 г. административный отдел МВД Временного сибирского правительства разослал циркуляр, в котором призывал правительственных комиссаров усилить надзор над прессой. Необходимость ужесточения контроля в циркуляре объяснялась тем, что после свержения большевиков в газетах стали "помещаться статьи, явно призывающие к противодействию правительственной власти, даже к подготовке восстания против нее". В циркуляре говорилось о том, чтобы в целях контроля над прессой комиссары пересылали в МВД по одному экземпляру всех выходящих на территории губерний повременных изданий^{17/}.

Политический контроль над газетами устанавливался и на территории тех режимов, которые официально не издавали нормативных актов о политической цензуре. Так, Комуч не ввел политической цензуры, т. к. боялся упреков в ограничении свободы печати. Однако фактически политическая цензура им была введена. Руководство Комуча осуществляло политический контроль над газетами через инструктаж редакторов газет. Этот инструктаж происходил в форме конфиденциальных бесед. В ходе этих бесед редакторам подробно разъяснялось, какую проблематику им нельзя поднимать на страницах прессы под угрозой закрытия газет и ареста журналистов. Одну из таких бесед описал редактор уфимских "Отечественных ведомостей" известный русский журналист А.С. Белоруссов. Его и редакторов двух других уфимских газет вызвал для беседы управляющий ведомством внутренних дел Комуча П.Д. Климушкин.

Во время беседы он очертил журналистам тот круг вопросов, который не подлежал освещению в газетах. Характер этих вопросов заключался в недопустимости личных нападок на членов правительства, оспаривании идеи Учредительного собрания, критики ошибок правительства. Закончил встречу Климушкин следующими словами: "И вообще, чтобы не было критики. Теперь надо действовать, организовывать и объединять, а не критиковать"^{18/}. Белоруссов пишет, что после такого резюме он вспомнил цензурную политику царского правительства. И сравнение ее с действиями Комуча было не в пользу последнего. "Я снова вспомнил пятьдесят лет самодержавия, при котором наша оппозиционная печать только и занималась, что критикой правительства, правительства, которое, стесняя прессу, крутя ее в бараний рог, все-таки самого права критики не отрицало", — писал он^{19/}.

Политическая направленность цензурных запретов усиливалась практикой, которую применяли руководители политических режимов. Своими указами они вводили новые ограничения, которых не было в цензурном законодательстве. Так, члены Особого совещания часто указывали газетам, какие материалы социального и политического характера можно допускать к публикации, а какие нет. 14 декабря 1918 г. циркуляром генерала Драгомирова газетам юга России предписывалось не допускать выступлений против Донского командования. Этот запрет обосновывался необходимостью поддерживать хорошие отношения между Добровольческой армией и руководством Всевеликого войска Донского^{10/}.

Руководящие структуры российских партий также занимались политической цензурой газет. Особенно активно действовали ЦК РКП(б) и его региональные комитеты. ЦК большевиков осуществлял политическую цензуру над прессой на протяжении всего периода революции и Гражданской войны. Он строго выговаривал партийным комитетам, если на страницах их печат-

ных органов появлялись материалы, вредившие престижу коммунистической партии. В июле 1918 г. секретариат ЦК писал Уральскому областному комитету: "В газете "Уральский рабочий"... помещена статья Софронова "К порядку". ЦК считает недопустимым подобные выпады против линии ЦК, равно как против товарищей, поставленных партией на ответственные посты"/11/.

Функции политических цензоров исполняли также российские информационные агентства. Эту работу вели РОСТА, информационные учреждения антибольшевистских правительств Сибири, отдел пропаганды Особого совещания, Архангельское бюро печати и т.д. Вся информация, приходившая в РОСТА подвергалась цензурному контролю, прежде чем включалась в информационные бюллетени. С установлением на юге России власти Особого совещания цензурные функции осуществляли отдел пропаганды и его местные отделения. Согласно "Временному учреждению отдела пропаганды", он "в соответствии с принципом свободы печати" ведал делами о цензуре/12/. Информационный материал проходил многоступенчатую проверку. Сначала сведения, поступившие с мест, просматривал начальник регионального отделения. Затем материалы передавались в центральное ведомство и просматривались там. И только потом данные сведения попадали в информационные бюллетени. В инструкции отдела пропаганды говорилось, что каждый руководящий сотрудник регионального отделения отдела должен быть "ярым поборником и последователем идей Добармии"/13/. В нормативных документах о порядке работы отдела подчеркивалось, что "ежедневный телеграфный бюллетень... имеет своей целью через агентство сети информировать население в нужном нам духе, а потому носит тенденциозный характер"/14/.

На территории антибольшевистской Сибири политическую цензуру проводили информационные учреждения сибирских правительств. Отмечая характер информационного материала, отправляемого газетам, Инфбюро Временного сибирского правительства отмечало: "Накачивание заграничных и даже враждебных газет тенденциозным материалом имеет свою особую цель..., известная обработка общественного мнения и даже некоторая фальсификация его дает известный голос в дипломатической игре"/15/.

Бюро просматривало газеты и направляло в МВД материалы критического характера для принятия репрессивных мер. 2 сентября 1918 г. оно отправило туда две вырезки из газет "Сибирская жизнь" (Томск) и "Дело Сибири" (Омск) с резкими высказываниями в адрес местных властей. В первой содержалось утверждение, что указы МВД не дают "уверенности в том, что существующие органы исполняют лежащие на них обязанности"/16/. Во второй говорилось о том, что "военные положения продолжают действовать всюду, гражданские свободы, личная неприкосновенность весьма уреза-

ны. Естественно, что при таких условиях новая власть не могла приобрести авторитет демократической власти"/17/.

Цензурному контролю со стороны сибирских осведомительных учреждений подвергалась также информация, которая шла за рубеж. Этот контроль не отличался гибкостью. Официальный оптимизм во многих случаях бросался в глаза. Российский поверенный в делах России в Великобритании 23 августа 1919 г. сообщал в Омск, что тенденциозный характер информационных бюллетеней РТА может подорвать доверие английской общественности к ним. Лондонский Комитет освобождения России просил сибирские власти сообщать более объективную информацию. Он сам даст политическую оценку присланному материалу и отделит "конфиденциальное от надлежащего к опубликованию"/18/.

Руководители РБП строго контролировали деятельность своих зарубежных корреспондентов. В письме к Заку Клафтон и Устрялов неоднократно давали политическую оценку деятельности Русского информационного бюро в Нью-Йорке и писали о том, как лучше использовать поступающий из России материал. "Реклама Керенского не представляется с нашей точки зрения удобной ввиду позиции, занятой им в Европе, — сообщали они в одной из телеграмм. — Желательно более детальное освещение демократических задач омского правительства"/19/.

Исключительно соображениями политической цензуры объяснялась передача информационного обеспечения Омска от Русского информационного бюро в руки другой нью-йоркской русской эмигрантской организации — Комитета освобождения России. Политическая ориентация большинства сотрудников бюро и редакции его журнала "Борющаяся Россия" была эсеровской. Это не устраивало Российское правительство, и оно решило передать корреспондентскую работу в руки комитета, члены которого придерживались кадетской ориентации. "Что касается политической физиономии журнала / "Борющаяся Россия" — М.Л./, то нельзя не отметить, что преобладающее большинство его сотрудников... отстаивает платформу партии С.-р... с явно враждебной Российскому правительству тенденцией", — отмечалось в отзыве РБП о работе Русского информационного бюро/20/.

Кроме информационных органов, политический контроль над российской прессой осуществляли многие другие государственные учреждения. Прежде всего, это были органы внутренних дел. Информационные сообщения, приходившие из-за рубежа, в ряде случаев контролировали ведомства иностранных дел. Такая практика существовала в РСФСР, врангелевском Крыму и т.д. В советской России за иностранной информацией следил Отдел советской пропаганды ВЦИК при НКВД. Он составлял телеграммы, рассылаемые заграничным отделениям РОСТА, и передавал для российской печати материалы, полученные из-за рубежа/21/.

При местных органах власти почти всех российских политических режимов существовали информационные отделы, в функции которых входила политическая цензура. Например, информационные отделы при губернских комиссариатах белой Сибири должны были следить за газетами и доводить до сведения комиссаров факты нарушения правил о печати/22/.

Усилению политического контроля над российскими газетами способствовали действия цензуры интервенционистских войск. Командование интервентов стремилось установить свой контроль над российскими газетами. В начале сентября 1918 г. союзники ввели предварительную политическую цензуру на территории Северной области. Приказом главнокомандующего союзными войсками генерала Пуля ее осуществление было возложено на разведывательное отделение штаба французских войск и иностранного военного губернатора Архангельска подполковника Дюнопа.

Председатель Верховного управления Северной области М.В. Чайковский в обращении к старшине дипломатического корпуса, американскому послу Д. Френсису, решительно выступил против установления союзниками политической цензуры, т.к. ее принятие втягивало союзное военное командование во внутренние дела Северной области. "Не возражая ни единым словом против установления цензуры военной, необходимой для сохранения военной тайны, — писал он, — Верховное управление считает, однако, совершенно недопустимой цензуру политическую"/23/.

Политическая цензура, по мнению Чайковского, должна была осуществляться только властями Северной области. В руках союзников она, вместо того чтобы способствовать борьбе с большевиками, приняла "пристрастный и противоправительственный характер"/24/. Действительно, в газете "Голос Отечества", возникшей при содействии генерала Пуля, часто допускались злобные нападки на руководство Северной области.

На Дальнем Востоке командование интервенционистских сил также установило политический контроль над газетами. В ноябре 1918 г. политическая цензура была введена во Владивостоке. Цензуру на английском языке осуществляли американцы, на русском — чехи, на восточных языках — японцы/25/. Союзники следили за тем, чтобы на страницы газет не попадали сведения, критикующие их действия. Особенно старались американцы. Они делали все, чтобы в газетах постоянно печатались материалы, пропагандирующие американский образ жизни, рекламирующие американские товары, содержащие хвалебные оценки американской внешней политики.

Расширение масштабов Гражданской войны выдвинуло на первый план военную цензуру, которая во многом стала определять содержание газетных изданий. В основе военно-цензурных актов всех российских политических режимов лежали цензурные правила царского правительства от 20

июля 1914 г. и Временного правительства от 26 июля 1917 г. Поэтому основные положения военной цензуры российских режимов во многом были сходными. В РСФСР первые документы о военной цензуре появились летом 1918 г. В отношении оперативного управления штаба Высшего военного совета № 886 от 29 апреля 1918 г. "О порядке опубликования в печати информационных сведений по вопросам формирования и реорганизации новой армии и боевых действий войск", в приказе Наркомвоена № 341 от 8 мая 1918 г., в приказах московского окружного (областного) комиссариата № 233 от 16 июня 1918 г. и в др. документах подтверждалась недопустимость попадания в газеты сведений о количестве и качестве войск и вооружения, способах хранения и распределения оружия, передислокации войск и т.п.

Летом 1918 г. было создано военно-цензурное отделение оперативного отдела РВСР (ВЦО) и приняты нормативные документы, определявшие задачи военной цензуры в РСФСР и характер ее деятельности. 21 июня председателем РВСР Троцким было утверждено "Положение о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати повременной" и "Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру". Положение вводило предварительную цензуру для тех газет, где могли быть опубликованы сведения, составляющие военную тайну/26/. В условиях Гражданской войны подобные сведения имелись практически во всех газетах. Устанавливались сроки просмотра военными цензорами произведений печати и определялись меры наказания за несоблюдение правил. По положению, редакции могли предоставлять материал выборочно. Но в их интересах было представлять все, т.к. за просмотренный материал они не несли ответственности. Не подлежали надзору материалы, распространяемые Бюро печати СНК и ПТА.

Примерно в то же время была разработана "Инструкция военным цензорам"/27/. Согласно ей, до официальных сообщений запрещалось давать в газетах информацию о ходе военных действиях. Инструкция определяла объем допустимого информирования населения о ситуации на фронтах. В ней содержалось положение, которое ставило под цензурный контроль источники информирования газет. Особое внимание цензоры должны были уделять просмотру сообщений военных корреспондентов, доставляемых в редакции с оказией/28/. С созданием РОСТА в ВЦО появились структурные подразделения, наблюдавшие за материалами агентства. ВЦО, как центральный орган военной цензуры печати, само санкций по отношению к газетам-нарушителям не принимало, а передавало дела в Комиссариат по делам печати. В провинции цензурное наблюдение за газетными изданиями осуществляли военные цензоры, которые были назначены в конце лета-осенью 1918 г.

Новые цензурные условия были созданы для газеты РСФСР в конце 1918 г. 23 декабря приказом Реввоенсовета Республики вводились новое

положение о военной цензуре, "Перечень деяний и сведений, наносящих вред Российской Федеративной Советской Республике, а также не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных и иных сношений", "Перечень сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати" и инструкции военным цензорам, контролерам военной почтово-телеграфной цензуры, военно-цензурным установлениям/29/.

Согласно этим документам, военная цензура вводилась "на всем протяжении Республики"/30/. Контроль над газетными изданиями стали осуществлять военно-цензурные отделения при отделах военного контроля округов и военно-цензурные пункты при отделениях военного контроля губернских военкоматов. Руководил работой этих учреждений военно-цензурный отдел регистрационного управления РВСР. Гранки утренних газет должны были передаваться редакциями в военно-цензурные органы с 8 часов вечера до 2 часов ночи, вечерних — с 12 часов до 4 часов дня. Телеграммы РОСТА цензуре не подлежали/31/.

Для усиления контроля над печатью и почтово-телеграфными отправками в феврале 1919 г. в РВСР по инициативе Троцкого начала работу комиссия для пересмотра положения о военной цензуре под председательством Н.Н. Батурина. Результатом работы комиссии явилось создание нового положения о военной цензуре в РСФСР, перечня сведений, составляющих военную тайну, и штатного расписания военно-цензурных учреждений. Эти документы были введены в действие приказом РВСР № 1197/222 от 12 июля 1919 г., подписанным заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским, главкомом С.С. Каменевым и представителем РВСР Гусевым/32/.

Положение подтверждало устройство независимых от почтово-телеграфного контроля сети военно-цензурных отделений печати. Создавалось три группы отделений. Самые многочисленные, по 10 сотрудников, образовывались в городах, где выходило более 5 ежедневных газет и имелось отделение РОСТА. Отделения, состоящие из 6 человек, формировались в городах, где издавалось более одной газеты и имелись отделения РОСТА. В городах, имевших только одну газету, назначался один цензор. Цензурный контроль над печатью усиливался и через ужесточение цензурных ограничений на почте и телеграфе. По новому положению, под действие цензуры попадали источники информирования газет: материалы РОСТА и сообщения радио. Не подлежали контролю правительственная корреспонденция и корреспонденция, адресованная ЦК РКП/б/, ВЦИК, СНК, коллегиям наркоматов.

В целях упорядочения работы военных контролеров в августе 1919 г. были приняты дополнительные инструкции и правила о военной цензуре. Начальником отдела военной цензуры регистрационного управления полевого штаба РВСР Я. Грейером были утверждены инструкции начальникам

военно-цензурных отделений при почтово-телеграфных конторах, начальникам военно-цензурных отделений при РВС армий, начальникам военно-цензурных пунктов при полевых почтовых конторах, военным цензорам телеграфа, военным цензорам печати; правила для военных цензоров по просмотру почтовых отправок, для цензоров — руководителей военно-цензурных отделений и др. /33/.

Практически все они касались источников информирования газет. В инструкциях военным цензорам на почте и телеграфе четко определялся характер корреспонденций и телеграмм, подлежащих задержанию. Ужесточение цензуры печати сказалось в том, что, согласно инструкции, военным цензорам печати вменялось в обязанность контролировать выполнение редакциями газет цензурных запретов. Цензоры должны были регулярно просматривать газеты и составлять сводки зафиксированных нарушений. "Для проверки процензурованных и напечатанных сведений и в целях недопущения со стороны редакций нарушения существующих узаконений о военной цензуре, на обязанности военных цензоров лежит также и чистка всех выходящих в свет местных органов повременной печати"/34/.

В середине 1920 г. в связи с успешным наступлением польских войск и обострением Гражданской войны на юге России цензурный контроль был усилен. 15 июля коллегия по проведению военного положения при СТО выпустила циркуляр начальникам отделений военной цензуры и редакторам, чтобы те приняли дополнительные меры к сохранению военной тайны. Через несколько дней 19 июля 1920 г. был разослан циркуляр общего отделения военно-цензурного отдела РВСР об усилении контроля над выполнением правил военной цензуры.

В августе 1920 г. почтово-телеграфный контроль был передан ВЧК. За РВСР оставалось только цензура печати. Согласно вводимому "Положению о военной цензуре РСФСР" и штатов военно-цензурных установлений печати, центральным органом военной цензуры печати стало управление военной цензуры полевого штаба РВСР, в составе которого были отделения периодической печати и РОСТА. Его местными органами являлись отделения военной цензуры при областных (окружных) и губернских военкоматах и РВС армий, а также военно-цензурные пограничные пункты. В связи с усилением крестьянских мятежей и рабочих забастовок основное внимание стало уделяться тылу. При этом в местных учреждениях было увеличено число цензоров по печати. В окружных и областных отделениях их число было увеличено более чем вдвое (с 7 до 15 чел.). Впервые предусматривались специальные военно-цензурные отделения печати при РВС фронтов и военные цензоры при РВС армий. К концу 1920 г. сеть местных учреждений военной цензуры была покрыта вся территория РСФСР, кроме Туркестана.

Военная цензура была введена всеми антисоветскими политическими режимами. Первыми поставили газеты под контроль военной цензуры власти Всевеликого Войска Донского. 5 июня 1918 г. командованием Донской армии были введены в действие инструкции военным цензорам по контролю над газетами, по части телеграфных отправок; инструкции о старших цензорах и об ответственности за нарушение правил военной цензуры, а также перечень сведений, подлежащих задержанию военной цензурой в печати и телеграммах/35/. Согласно инструкциям, редакторы газет были обязаны предъявлять местным учреждениям военной цензуры гранки номеров утренних газет не позднее, чем за 5 часов до выпуска, и вечерних — не позднее, чем за 3 часа до выпуска/36/.

Информационные сообщения, поступающие в редакции по телеграфу, наравне с другими телеграммами, подвергались военному контролю. Делеши "двусмысленного содержания" подвергались исправлению или не пропускались совсем. Просматривались и сообщения информационных агентств. За невыполнение требований цензуры журналисты могли быть подвергнуты денежному взысканию в размере 500-1000 руб. или тюремному заключению до одного года. При повторном нарушении издание газет приостанавливалось/37/. Перечень сведений, подлежащих задержанию военной цензурой в печати и телеграммах, принятый Донскими властями, был гораздо короче перечня сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой, принятому в 1917 г. В нем содержалось всего 15 пунктов.

Обострение Гражданской войны сказалось на ужесточении донской военной цензуры. Приказ № 78 командующего Донской армией генерал-лейтенанта Денисова от 14 сент. 1918 г. усиливал цензурные ограничения. В приказе причина ужесточения цензуры объяснялась обстоятельствами военного времени необходимостью "предотвращения появления в газетах непроверенных и зачастую вымышленных сведений, касающихся боевых операций и военных вопросов"/38/.

Расширение масштабов войны и обострение социальных противоречий на Дону приводили к дальнейшему ужесточению военной цензуры. 30 сентября 1918 г. начальником штаба Донской армии генерал-майором Поляковым были утверждены "Дополнение к инструкции военным цензорам" и "Примерный текст сведений, подлежащих задержанию военной цензурой, согласно дополнению к инструкции военным цензорам в газетах"/39/. В начале октября произошло новое ужесточение цензурного контроля. Циркуляром контрразведывательного отделения Донской армии предписывалось по выходу номера обязательно проводить сличение выпущенного материала с тем материалом, который был представлен в цензуру, и строго фиксировать все нарушения. При этом цензорам напоминалось, что редакторы должны предо-

ставлять весь материал, включая объявления и выдержки из других газет, даже тех, которые прошли цензуру/40/. В то же время цензуре стали подвергаться источники информации газет. Начальник штаба Донской армии приказал цензурировать телеграммы и сообщения Украинского и Донского телеграфных агентств, если они ранее не прошли цензурного контроля/41/.

Одним из первых ввел у себя военную цензуру Комуч. Вскоре после создания военного управления Комуча были изданы обязательные постановления, которые запрещали газетам помещать без его разрешения сообщения, касающиеся расположения и передислокации войск, сведения о командном составе армии и служащих военных учреждений. "Всем периодическим изданиям на территории Всероссийского Учредительного собрания в видах охранения военной тайны... воспрещается помещать без разрешения военного ведомства нижеследующие сведения о месте расположения, передвижения, количестве, свойстве и вооружении войск Народной армии, чехословацких и казачьих; о ходе формирования воинских частей, о военных операциях, о командном составе войск и о новых назначениях и передвижениях лиц командного состава и военно-административных учреждений", — говорилось в цензурных постановлениях Комуча от 7 авг. 1918 г., подписанных полковником Галкиным/42/. Цензурный контроль был придирчивым и осуществлялся как цензорами печати, так и контролерами на почте и телеграфе. Он охватывал газетные материалы и телеграфные бюллетени и нередко приводил к задержке информации. Оренбургская газета "Рабочее утро" сообщала в Самаре в августе 1918 г., что местные газеты из-за цензурных проволочек получают новости со значительным опозданием/43/.

На территории антибольшевистской Сибири летом 1918 г. военную цензуру печати стали осуществлять военно-цензурное отделение при штабе армии, контрольное бюро при штабе Западносибирского округа и офицеры, проводившие почтово-телеграфный контроль на Главной омской телеграфной станции. Возглавляющий военное министерство генерал А.Н. Гришин-Алмазов через начальников штабов корпусов и гарнизонов передал всем редакторам газет "Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и распространению путем почтово-телеграфных сношений", которым они должны были руководствоваться при освещении политических событий. Он включал в себя чисто военные вопросы и не содержал ограничений политического толка. Этот документ практически полностью повторял "Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой" от 26 июля 1917 г. За исключением редакционных изменений, в нем был добавлен только один новый пункт, запрещавший газетам сообщать сведения о численности и намерении противника/44/.

Для упорядочения спорных вопросов, которые могли возникнуть в ходе реализации военно-цензурных запретов, временноуправляющий воен-

ным министерством Временного сибирского правительства генерал Менде предлагал усилить вмешательство военных властей в цензурный контроль. В записке управляющему делами Совета министров от 7 августа 1918 г. он советовал обязать редакторов газет помещать статьи и заметки только после их просмотра начальниками местных гарнизонов. Это, по мнению генерала, давало возможность не затруднять редакторов предоставлением на просмотр всего газетного материала и не обременять начальников гарнизонов просмотром всего газетного материала. Начальники гарнизонов могли потребовать на просмотр все материалы только в случае явного нарушения редакторами требований военной тайны/45/.

Однако военное руководство понимало, что избежать неразберихи и субъективности при цензурном контроле может только принятие закона о военной цензуре. Гришин-Алмазов писал, что из-за отсутствия законодательной базы организация военной цензуры печати "находится в хаотическом состоянии и может зависеть от взглядов того или другого местного начальника или организации"/46/.

Для урегулирования этого вопроса военное министерство послало в Совет министров проекты документов о введении военной цензуры, которые должны были стать основой деятельности газет. Среди этих документов были проекты временных правил о военной цензуре печати, о военном почтово-телеграфном контроле и "Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных сношений". В основу данных законопроектов легли "Временные правила о специальном военном почтово-телеграфном контроле и о специальной военной цензуре печати", принятые Временным правительством 26 июля 1917 г./47/.

Законодательно военная цензура для газет была введена Временным сибирским правительством 10 сентября 1918 г., когда Административный совет правительства подтвердил действие закона Временного правительства "с изменениями, вызываемыми обстоятельствами"/48/. На территории белой Сибири вводился предварительный цензурный контроль. Контролю военной цензуры не подлежала информация, сообщаемая для печати уполномоченными ведомствами. Для осуществления цензурной деятельности создавалась главная и местные военно-цензурные комиссии, вводились должности военных цензоров. Главная военно-цензурная комиссия состояла при военном министерстве в составе представителей МВД, МИД, военного и морского министерств.

На рассмотрение военной цензуры предоставлялся текстовый и изобразительный материал. Освобождались от цензуры "предназначенные к перепечатке статьи и сообщения из изданий, уже рассмотренных военной цензурой... а также издания законодательных и правительственных учреждений"/

49/. Произведения, подлежащие опубликованию в ежедневных газетах, представлялись для просмотра не позднее, чем за 2 часа до выпуска/50/.

Значительные изменения в положении газет произошли после прихода к власти адмирала Колчака. Стремясь, с одной стороны, оставить газеты под строгим цензурным контролем, а с другой, желая показать себя перед мировым общественным мнением приверженцем демократии, Колчак пошел на реформы. 30 ноября 1918 г. он подписал два приказа — № 57 и 59. Согласно этим документам, отменялась предварительная цензура прессы, за исключением театра военных действий. "Не желая стеснять печать в своевременном и полном осведомлении населения, — говорилось в приказе № 57, — приказываю... предварительную цензуру отменить, кроме театра военных действий"/51/. Отменив предварительную цензуру, Колчак усилил карательный цензурный контроль над газетами. Его стали осуществлять военно-цензурные учреждения или начальники гарнизонов. Военно-цензурные комиссии, созданные Административным советом Временного сибирского правительства в сентябре 1918 г., ликвидировались. За нарушение цензурных запретов номера газет конфисковывались. Представители русских военно-цензурных учреждений могли ходатайствовать перед начальником штаба верховного главнокомандующего о необходимости закрытия газетного издания до судебного разбирательства и об установлении предварительной цензуры для тех газет, на которые указывали местные военные власти.

Данные приказы содержали положения, которые могли заинтересовать редакции газет предоставлять материалы для предварительного контроля цензурным учреждениям и начальникам гарнизонов. За материалы, прошедшие предварительную цензуру и допущенные к печати, редакторы газет ответственности не несли. "Ответственность за сведения, предварительно представленные на просмотр военно-цензурным учреждениям или начальникам гарнизонов и ими к печати дозволенные, не может иметь места", — подчеркивалось в приказе № 57/52/.

Приказы № 57 и 59, хотя несколько упорядочили осуществление военного контроля над газетами, в целом не устранили недостатков, свойственных предварительной военной цензуре начала осени 1918 г. Цензурный контроль был очень жестким и многоступенчатым. Газетные материалы подвергались двойной и даже тройной проверке. Корреспондент РТА Ауэрбах в отчете писал, что его корреспонденции о действиях правительственных войск против красных партизан Кравченко и Щетинкина проходили двойное цензурирование, прежде чем попасть в штаб командующего войсками в Красноярске. Затем они направлялись в местные газеты, где местная цензура "просматривала эти телеграммы в третий раз при выходе номера"/53/.

Ухудшение положения на фронте сказалось на ужесточении цензурно-

го контроля. В марте 1919 г. было издано постановление совета министров Российского правительства об утверждении "Правил о наблюдении за типографиями, литографиями, металлографиями и другими заведениями, производящими или продающими принадлежности тиснения"/54/. Постановление ужесточало контроль за соблюдением требований руководящих документов о печати, за тем, чтобы в каждом газетном номере были указаны фамилии ответственного редактора и издателя, а также местонахождение типографии, где газета была напечатана. Правила предусматривали ответственность за нарушение этих предписаний от штрафа до ареста владельцев типографий на срок до 3 месяцев.

Позднее всех были взяты под цензурный контроль радиосообщения, особенно материалы советского радио. На радиостанции не распространялись полномочия Главного военного цензурно-контрольного комитета. Поэтому нередко были случаи появления в газетах сообщений большевистского радио без цензурного просмотра. Поэтому в январе 1919 г. радиостанциям Иркутска, Новониколаевска, Омска и Семипалатинска было дано указание отправлять материалы перехватов советского радио только в ставку и никому больше их не предоставлять/55/. Однако этот запрет не выполнялся. Сообщения советского радио редакции газет нередко получали прямо с радиостанций.

В октябре 1919 г. в условиях разгрома колчаковских войск РТА предложило использовать местные учреждения агентства для цензурного просмотра радиосообщений. Начальник Главного военного цензурно-контрольного бюро штаба Верховного главнокомандующего поддержал эту идею/56/. Как реализовывалась эта инициатива, сказать трудно. Но, скорее всего, эффективно использовать данное предложение колчаковское военное руководство не смогло. Фронт стремительно приближался к Омску, а у колчаковского командования было и без того много нерешенных проблем.

Главная особенность правил военной цензуры российских политических режимов заключалась в том, что в них, помимо чисто военных, содержались запрещения политического и социального толка. Причем по мере усиления Гражданской войны и обострения в связи с этим идеологической борьбы политические аспекты военной цензуры усиливались. Уже в "Инструкции военным цензорам", разработанной в РСФСР летом 1918 г., содержались добавления, которые позволяли задерживать материалы по политическим мотивам. В их число входили указания о нежелательности публикации сведений, "хотя и не расходящиеся с действительностью, но могущие угнетающе действовать на читателей". Под это ограничение можно было подвести любую политическую информацию или сообщение критического характера.

Резкое ухудшение военной и политической ситуации советской рес-

публики в конце 1918 г. заставило расширить в цензурных правилах объем политических запретов. В "Перечне деяний и сведений, наносящих вред Российской Федеративной Советской Республике .", в "Перечне сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати" и в инструкциях военным цензорам, контролерам военной почтово-телеграфной цензуры, военно-цензурным установлениям, которые были приняты в декабре 1918 г., подчеркивалась тесная связь военной и политической цензуры в условиях Гражданской войны. Это требовало от цензоров хорошей ориентации в текущей политике советского правительства, "для чего необходимо следить за всеми важнейшими проявлениями политической и экономической жизни страны, отражающейся в печати"/57/.

Исходя из этих принципиальных положений, перечни сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати, и распространению в почтово-телеграфных, международных и иных сношениях, были пополнены новыми положениями социального и политического характера, наиболее злободневными в то время. Перечень сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати, содержал в себе новые запретные темы для газет. Воспрещалось сообщать в прессе о продовольственных отрядах, о волнениях в Красной армии, об открытых крестьянских недовольствах и "других народных волнениях на почве мобилизации и недостатка продовольствия"/58/.

Новые правила привели к тому, что на практике военная цензура стала все больше приобретать политический характер. Во многих случаях материалы не допускались к печати только по политическим соображениям. Прежде всего, данные ограничения касались Красной армии. Практически любой критический материал мог быть признан нежелательным для печати и задерживаться военными контролерами. Так, была признана вредной статья "Тон красноармейцам", где говорилось об обращении чрезвычайного военного комиссара железных дорог Южного фронта Васильева с призывом к красноармейцам не вмешиваться в дела железнодорожных властей, не нарушать телеграфное сообщение, не использовать доски вагонов для топлива, что часто имело место/59/. В ней содержалась справедливая критика поведения красноармейцев. Именно этот критический социальный настрой и явился основанием для признания этой статьи нежелательной для публикации.

Наступление Деникина летом 1919 г. привело к включению в цензурные документы новых политических ограничений. Согласно цензурным инструкциям и правилам, принятым в РСФСР в августе 1919 г., помимо корреспонденций и телеграмм со сведениями, составляющими военную тайну, непонятного и условного обозначения, разведывательного и контрразведывательного характера, стали задерживаться материалы политического характера. Не пропускались корреспонденции и телеграммы, содержащие агитацию про-

тив советской власти, пропаганду против Гражданской войны, сообщения о массовом неподчинении населения мобилизации. Цензоры не должны были пропускать донесения с жалобами на бедственное положение в деревне, "если оно рисуется в явно сгущенных красках", со сведениями панического характера, с сообщениями о массовом дезертирстве из Красной армии и т.п./60/.

Военная цензура антисоветских политических режимов также эволюционировала в сторону большей политизированности. Эта политизированность усилилась, когда антибольшевистские силы начинали терпеть военные поражения, социальные и идеологические последствия которых надо было скрывать. "Дополнение к инструкции военным цензорам" и "Примерный текст сведений, подлежащих задержанию военной цензурой" от 30 сентября 1918 г. содержали ограничения, касающиеся только вопросов политической жизни. Новые цензурные правила были направлены на укрепление единоначальной власти атамана, ограничение критики Донского правительства, запрещение агитации левых партий и на стремлении создать в глазах общественности идеализированное представление о военной и общественной ситуации в Области Всевеликого войска Донского. Объективные данные о положении в области, по мнению авторов этих документов, "при систематическом и вдумчивом изучении противником дадут полную картину боевой готовности области, политики и намерений правительства, что в значительной степени облегчает достижение военного успеха неприятелем"/61/.

Вначале указанные документы объясняли ужесточение цензуры появлением в газетах секретных материалов военного толка, где раскрывались данные "о местонахождении, составе, численности, вооружении и формировании новых и реорганизации существующих войсковых частей"/62/. Но дальше по тексту было видно, что главная задача военной цензуры смещается совсем в другую плоскость. К запрещенной информации стали относиться "сведения о нравственном элементе в армии...", о тяжких случаях нарушения воинской дисциплины; сведения об успехе в войсках революционной пропаганды, если таковая имеет место, о степени доверия казаков к своим начальникам и прочее"/63/.

Из содержания данных цензурных документов видно, что главная задача военного контроля над прессой заключалась в политическом цензурном надзоре. "Опасность болтливой прессы, — подчеркивалось в "Дополнении...", — особенно возрастает в период дипломатических затруднений, когда... печатать в деле осведомительной службы приобретает огромное значение"/64/. Мотивы для задержания к публикации газетных статей, содержащихся в "Примерном тексте сведений...", носили исключительно социальный и политический характер. В их число входили: "общее направление статьи — антиправительственное", "недовольство предоставлением атаману всей пол-

ноты власти", "недовольство мероприятиями правительственной власти", "автор желает уравнивания в правах казаков и иногородних, что совершенно не соответствует времени и заслугам казачества", "оглашение этих сведений может вызвать излишние толки" и др./65/.

В приказах Колчака, принятых в ноябре 1918 г., также содержались ограничения политического характера. Для таких действий цензуре давали основания положения приказа № 57 о запрещении публикации материалов, возбуждающих одну часть населения против другой, и "злонамеренных" слухов о русской армии, союзных и чехословацких войск. В Иркутске по распоряжению военных властей была закрыта кооперативная газета "Дело". Закрыта она была после того, как цензор посчитал, что в ней опубликованы статьи германофильского направления. Объяснения редактора газеты В.И. Анисимова с указанием на необоснованность подобных обвинений были признаны неубедительными/66/.

Острое политическое противостояние, обострение социальных противоречий в годы Гражданской войны приводили к тому, что даже, если в цензурных правилах российских государственных образований не содержалось социальных и политических ограничений, на практике военный контроль все равно принимал политический характер. В цензурных правилах, принятых Временным сибирским правительством в сентябре 1918 г., не содержалось ограничений политического толка. Однако на практике военный контроль над газетами там сразу принял политический характер. "На Урале военная цензура превратилась в общеполитическую предварительную дореформенную цензуру", — писала челябинская газета "Власть народа"/67/. Не разрешалось помещать материалы, подрывающие авторитет верховной власти, состоящие из "злонамеренных слухов", касающихся русской армии, союзных и чехословацких войск, призывов, возбуждающих одну часть населения против другой или подстрекающих к вооруженным выступлениям и стачкам"/68/. За нарушение цензурных запретов номера газет конфисковывались.

Политический характер цензурных военных запретов был причиной расплывчатости допустимых норм, так как четко определить границы политических цензурных ограничений было практически невозможно. Расплывчатость формулировок была характерна для цензурных правил всех российских политических режимов. Так, по советскому цензурному положению 1919 г., в задачи цензуры включалось "ограждение военных интересов обороны РСФСР". В условиях военных действий под эту формулировку можно было подвести практически любой газетный материал, имеющий даже не критический, а объективистский характер. В донских цензурных правилах также появилось положение, дающее возможность не допускать к печати практически любую информацию. В этих правилах говорилось: "Военным цензорам вменяется в

обязанность не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы не предусмотренных правилами... но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов Всевеликого войска Донского"/69/. Подобное правило давало цензорам практически неограниченные возможности для запрещения материалов к печати.

2. Цензурные запреты и особенности осуществления надзора за прессой

Одна из характерных черт деятельности российской цензуры в годы Гражданской войны заключалась в том, что на местах ее осуществляли ведомства, которые не должны были этим заниматься. Так, например, в РСФСР, помимо местных отделений ОБЦ, цензурой занимались особые отделы РККА и органы ВЧК. В апреле 1919 г. особый отдел 2-й армии издал приказ о подчинении ему всей военной цензуры армии/70/. Урегулировать данную проблему не удавалось на протяжении всей войны. 8 июня 1920 г. Наркомпочтел разослал циркуляр, в котором требовал от своих местных учреждений не давать материалы "для просмотра никаким другим учреждениям, кроме отделений военной цензуры, подчиненных отделу военной цензуры Реввоенсовета Республики"/71/. Самые различные ведомства стремились поставить под свой контроль газеты Украинской державы. "Помимо цензуры, печатью заведует или хочет заведовать целый ряд других учреждений, — писала "Киевская мысль". — К печати предъявляют требования с разных сторон и имели места случаи, когда эти требования друг другу противоречили" /72/.

В связи с расплывчатостью формулировок цензурных правил и усилением политического характера военной цензуры многие проблемы, связанные с освещением на страницах газет российской действительности, приходилось решать неофициальным способом, т.к. их содержание выходило за рамки официальных цензурных предписаний. Для антисоветских политических режимов это, прежде всего, касалось информации о положении в советской России. Самые нейтральные сведения об успехах советской власти в экономической, культурной и др. областях внутренней и внешней политики, или сообщения о некотором ослаблении большевистского террора даже при антисоветских комментариях меняли общественное мнение в пользу советского режима. Данная тенденция усиливалась в ходе отступления белых войск. Военные ведомства ощущали ее сильнее других правительственных структур. Так, главный штаб колчаковских войск своим циркуляром командующим войсками Иркутского, Омского и Приморского военных округов обязал военачальников

переговорить в редакторами газет о нежелательности подобных сообщений. Сделать это надо было "в форме частной беседы или служебного разговора в зависимости от личных отношений и местной обстановки"/73/.

Публикация информации из РСФСР и, особенно документов советской власти, вызывала большие трудности и достаточно длительные дискуссии в идеологических ведомствах антибольшевистских правительств. Эти дискуссии были связаны с выяснением политических последствий появления подобных материалов в газетах. Так, длительное согласование вызвала проблема опубликования в денкинской прессе инструкции иностранным коммунистам, принятой на закрытом заседании в Кремле 21 марта 1919 г. Содержание его касалось деятельности коммунистов зарубежных стран по дестабилизации политического положения в капиталистических странах и колониях в целях ускорения революционного взрыва/74/. Отдел пропаганды считал, что данный документ представлял большой интерес. Однако его публикация нежелательна "в виду тех соображений, что этим будет дана всем большевикам, даже рядовым, подробная программа их действий"/75/.

Расплывчатость допустимых норм военной цензуры являлись основанием для произвола цензоров. Это было характерно для всех политических режимов. В начале августа 1918 г. командир Уральской дивизии без всякого обоснования велел приостановить издание челябинской газеты Союза кредитных товариществ "Власть народа", а позднее вообще лишил кооператоров права выпускать газету. Редакции удалось выяснить, что причинами таких действий явился ряд не понравившихся цензору статей. "Протестуем против грубого невиданного насилия в освобожденной от большевизма России", — писали в жалобе военному министру члены правления Союза кредитных товариществ и сотрудники редакции газеты/76/. На гетманской Украине местная администрация могла предъявлять прессе требования и претензии, не считаясь ни с какими правовыми нормами, "по своему усмотрению карать или миловать"/77/. А харьковский губернский староста распространил на репортеров ответственность за политическое направление газет/78/.

Произвол цензоров ставил в тяжелое положение редакторов газет. Они не всегда могли ориентироваться, какие материалы можно публиковать. Редактор газеты "Власть народа" Маевский докладывал министру внутренних дел Временного Всероссийского правительства, что цензоры снимают статьи, защищающие авторитет властей и выступающие против забастовок. "Цензура... вычеркивает телеграммы Сибирского правительственного телеграфного агентства, перепечатки сибирских цензурированных газет", — писал он/79/.

Цензурное законодательство на протяжении всей Гражданской войны не устранило произвола цензоров. Так, в белой Сибири иркутские газеты печатали то, что не разрешали в забайкальских и наоборот. Те материалы,

которые пропускали в дальневосточных газетах, запрещали в уральских. Даже в одном и том городе одни газеты печатали материалы, которые не пропускались в других. Иркутская газета "Наше дело" из-за цензурных запретов не могла публиковать даже сообщения управляющего Иркутской губернией и начальника иркутской уездной милиции, которые свободно печатала другая иркутская газета "Свободный край"/80/. Редакторы газет "Сибирь" А.И. Иванов и "Дело" В.А. Анисимов военными властями были отданы под суд за то, что перепечатали в своих газетах информацию из красноярской газеты "Воля Сибири" об аресте в Омске министра Крутовского и убийстве члена краевого комитета партии эсеров А.Е. Новоселова/81/.

Произвол цензоров обострял отношения между военными и гражданскими органами власти. В письме управляющего Енисейской губернией Троцкого министру внутренних дел Временного Всероссийского правительства от 10 октября 1919 г. говорилось, что при цензурировании официального печатного органа управления губернией газеты "Енисейский вестник" (Красноярск) были подвергнуты изъятию его корреспонденции с информацией из Минусинского уезда, а также официальные сообщения, перепечатанные из других газет, в том числе из официального "Правительственного вестника". На этот протест был получен ответ с резолюцией командующего войсками Енисейской губернии генерала Марковского, который фактически проигнорировал жалобу управляющего губернией. В резолюции говорилось: "Цензуру продолжать в виду особого положения в Енисейской губернии"/82/.

Характерной особенностью цензурного контроля над газетами были строгие формы наказаний нарушителей. Так, постановлением Черноморского военного губернатора от 24 ноября 1918 г. сотрудник газеты "Кубанский край" И.Ф. Давыдов был арестован и выслан из Черноморской губернии за публикацию в газете статьи "Бесприютный край" ("Кубанский край". 1918 г. 1 ноября), где он сравнивал карательные меры командования Добровольческой армии с деятельностью большевиков/83/.

Любая критическая информация, в особенности касающаяся военных властей, приводила к репрессиям. В начале ноября 1918 г. газета "Ишимский край" перепечатала из газеты "Понедельник" заметку "Тюкалинск" с резкой критикой военной администрации этого города. В ней, в частности, говорилось: "Политика репрессий перешла здесь всякие пределы. То, что обыватели Тюкалинска и его уезда не видели при самодержавии Николая и диктатуре Ленина, суждено им пережить теперь"/84/. Все факты, указанные в газете, были достоверными. Это подтвердил тобольский губернский комиссар в письме министру внутренних дел от 12 ноября 1918 г. Однако, вместо того, чтобы расследовать деятельность тюкалинской военной администрации, командир 2-го Степного сибирского корпуса запретил издание газеты.

Цензурный произвол в большей степени ощущали на себе оппозиционные газеты. Цензоры просматривали их особенно тщательно, придирались к каждой мелочи. Советские цензурные органы сделали невозможным существование на территории РСФСР несоветских газетных изданий. Цензурные органы антибольшевистских правительств сделали объектами основных нападков оппозиционные издания. Так, в белой Сибири земская газета "Знамя народоправства" /Камышлов/, публикующая антиколчаковские статьи, была поставлена в такие условия, что вынуждена была публично заявить о своем возможном закрытии, т.к. военная цензура создала для редакции невыносимые условия/85/. Даже газета ставки Колчака "Русская армия" была наказана за допущенные ею "политические отклонения от руководящих взглядов Российского правительства" /86/.

Жесткость цензурного контроля над газетами усиливалась вмешательством спецслужб в надзор за прессой. Органы контрразведки Донской армии работали в тесном контакте с цензурными учреждениями и оказывали большое влияние на ужесточение цензурных запретов. 21 октября 1918 г. контрразведывательное отделение штаба Донской армии вошло в органы военной цензуры с требованием пропускать в печать сообщения о ходе военных действий, составленные только на основании официальных сводок штабов армий и сообщений Донского телеграфного агентства с указанием источника информации. Сообщения Украинского телеграфного агентства и частных информационных агентств контрразведка требовала к печати не допускать/87/.

Контрразведывательные органы на Дону внимательно следили за тем, чтобы на страницах газет не было пробелов, вызванных действиями цензуры. Недопустимость пробелов контрразведка объясняла возможностью появления на этой почве общественного недовольства. "Пробелы читатели истолковывают не в пользу военной цензуры, — говорилось в отношении помощника начальника контрразведывательного отделения штаба Донской армии по части военной цензуры старшему военному цензору в станции Нижне-Чирской от 21 октября 1918 г., — и на этой почве создаются нежелательные слухи и догадки"/88/.

Наиболее жесткая и придиристая цензура осуществлялась в 1920 г. в Крыму, контролируемом войсками барона Врангеля. Это объяснялось политическим и военным положением его режима. Оно было очень непрочным. Подобная ситуация требовала строгого контроля за общественным мнением и дозированным распределением информации. Действия военной цензуры определялись "Временным положением о цензуре" и "Перечнем сведений и изображений, не подлежащих оглашению"/89/. Они были утверждены 1 мая 1920 г. Согласно этим документам, цензурный контроль осуществляли военное-цензурное отделение при отделе печати, управление 2-го генерал-квартир-

мейстера и военные цензоры по делам печати. Редакции газет обязаны были предоставлять гранки для просмотра, изучение которых должно было быть закончено не позднее, чем за 2 часа до выхода номера. Действию военной цензуры не подлежали только правительственные газеты.

Перечень сведений, не подлежащих оглашению, был очень коротким и состоял всего из 8 пунктов: об устройстве, составе и численности сухопутных и морских сил армии и флота, о состоянии крепостей, портов, морских баз, о снабжении, вооружении, снаряжении частей армии и флота, о боевых качествах судов, о сооружении стратегических железных дорог, о боевом расписании армии и флота.

Однако даже в таком коротком перечне содержались положения, которые позволяли не допускать к печати любые материалы политического характера. В перечне говорилось, что не подлежат оглашению "всякие другие сведения и соображения, как военного, так и общего характера, могущие по своему содержанию повредить вооруженной борьбе с противником"/90/. В условиях войны под это положение можно было подвести любой критический материал, касающийся действий армии и гражданских властей.

Другое положение перечня позволяло цензорам еще более активно задерживать материалы, предназначенные для печати. Данное положение относилось к сведениям, не подлежащим оглашению, "всякого рода статьи и заметки по общим вопросам, могущие оказать разлагающее влияние на население, а равно всякого рода неправильные и преднамеренные тенденциозные сообщения, имеющие явно провокационный характер"/91/. Данное положение давало возможность не допускать к публикации любой материал, непонравившийся цензору.

Кроме того, для ужесточения цензурного контроля начальник гражданского управления С.Д. Тверской разослал военным цензорам циркуляр, где категорически запрещал допускать в печати любую критику врангелевской администрации/92/. Помимо этого, было издано большое количество цензурных нормативных документов, которые ставили под контроль практически каждую газетную строку. Часто не разрешалась не только критика приказов Врангеля и других высших военачальников, но и объективное разъяснение их содержания.

Статьи и заметки, касающиеся деятельности учреждений врангелевского режима, цензоры направляли на просмотр начальникам этих учреждений. Чтобы читатели не знали о действиях цензуры, редакциям газет запрещалось оставлять пробелы на газетных полосах. "Правящие круги входили в самую технику печатания газеты, дабы читатель никоим образом не мог догадаться о тех манипуляциях, которые произведены над газетой", — вспоминал крымский журналист Г. Раковский/93/. По оценке редакций крымских

газет, цензура была "усилена до степени тех строгостей, при которых не остается и намек на независимость мысли"/94/. Дело дошло до того, что к печати не была допущена заметка Кривошеина на том основании, что она "подрывает существующий государственный порядок"/95/.

Руководители редакций пытались протестовать против цензурных притеснений, но безуспешно. В середине сентября 1920 г. начальник гражданского управления Тверской вызвал редакторов газет для обсуждения положения печати. Все редактора указали на тяжелые условия цензуры. Однако Тверской твердо заявил, что изменить цензурные правила в настоящее время не представляется возможным/96/.

Врангель знал о действиях цензуры и о том тяжелом положении, в котором находились крымские газеты. Всю вину он возлагал на цензоров и на традиции деникинского отдела пропаганды, от которых, по его мнению, новые власти никак не могли отделаться/97/. В официальных беседах он даже высказывал мнение о необходимости смягчения цензурных ограничений. Но на практике цензурные ограничения оставались очень жесткими. Немирович-Данченко вспоминал, что он ставил перед Врангелем вопрос о необходимости смягчения цензуры. "Необходимо смягчить цензурные стеснения, заметил я. Честная печать никогда не позволит множиться в своем органе грязи и сплетням, — писал позднее о своей беседе с Врангелем Немирович-Данченко. — Необходимо бороться лишь с бесчестной печатью и запрещать 1/ разглашение военной тайны, 2/ порнографию, 3/ кощунство, 4/ погромную агитацию"/98/. И хотя Врангель ответил Немировичу-Данченко, что в принципе ничего против такой постановки цензуры не имеет, последний сразу после этого разговора был отстранен от должности начальника отдела печати.

Цензурный произвол усиливался придирчивой цензурой командования интервенционистских сил. Приамурская "Народная газета" несколько раз закрывалась из-за конфликтов с командованием интервентов. 21 августа 1918 г. она была закрыта за непредоставление материалов для цензуры чехословацкому коменданту города. 15 февраля следующего года ее закрыли до особого распоряжения за передовую статью по поводу инцидента, имевшего место при задержании японцами рабочих главных Никольских мастерских/99/. На территории северной области союзники контролировали даже орган Временного правительства Северной области — газету "Вестник ВПСО". Тридцать пятый номер газеты за 1918 г. не вышел в свет из-за отказа редакции снять несколько статей, запрещенных к публикации военной цензурой интервентов/100/.

Против газет, которые неодобрительно отзывались о политике стран-интервентов, о присутствии иностранных войск в России, применялись самые суровые меры воздействия юридического и силового, далеко не всегда за-

конного, толка. Большой общественный резонанс на белом Дальнем востоке России получили действия американцев против владивостокской газеты "Голос Приморья". 28 августа 1919 г. в ней был помещен фельетон "Янки", высмеивающий американцев. На следующий день начальник международной милиции Владивостока Г. Джонсон с солдатами ворвался в редакцию газеты и пытался арестовать главного редактора. Вечером того же дня после сильного нажима американского командования военный комендант владивостокской крепости вынужден был подписать распоряжение о закрытии "Голоса Приморья"/101/.

Русские власти, полностью зависимые от военной и экономической помощи интервентов не могли, а в ряде случаев и не хотели, осложнять отношения с союзниками по этому поводу. Они, как правило, не допускали в печать материалы, которые могли произвести на командование союзников неблагоприятное впечатление. Газеты, допускавшие публикацию подобных материалов, строго наказывались. Когда летом 1920 г. представители США и Франции высказали Врангелю свое недовольство по поводу публикации в газете "Русская правда" антисемитских статей, он немедленно закрыл газету и наказал цензора. Свои действия он мотивировал тем, что "при господствующих на Западе демократических влияниях и полной политической зависимости нас от западноевропейских стран, приходилось быть особенно осторожным" /102/.

Однако при ослаблении напряженности на фронтах в целях более успешного манипулирования общественным мнением и для упорядочения взаимоотношений между прессой и цензурными учреждениями военная цензура смягчалась. Но это, практически, относилось только к советскому режиму, который одерживал победы над своими противниками. Так, в условиях победоносного наступления Красной армии на Восточном фронте 10 октября 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП/б/ был рассмотрен вопрос о пересмотре положения о военной цензуре. В результате обсуждения было принято решение об упразднении предварительной военной цензуры и о предоставлении цензурных функций ответственным редакторам газет. Было также решено, что заведующий военной цензурой будет только контролировать и инструктировать печать. Для лучшего осведомления газет Оргбюро предложило РВСР созывать пресс-конференции, информируя журналистов о военном положении/103/.

С октября 1919 г. в РВСР была учреждена должность информатора печати и начались еженедельные встречи редакторов газет с главнокомандующим вооруженными силами РСФСР С.С. Каменевым. 12 декабря 1919 г. был утвержден приказ РВСР № 2118/ 4355 об освещении боевой жизни Красной армии/104/. Приказом разрешалась в некоторых случаях публикация

военных сведений с указанием номеров воинских частей, мест боев, фамилий командиров, количества захваченных Красной армией пленных и трофеев и т.п.

Однако эти сообщения стали появляться не сразу и далеко не во всех газетах. Одна из причин этого заключалась в том, что РОСТА не всегда могло определить, о каких армиях идет речь в телеграммах. "Редакторы РОСТА — Л.М/, получая телеграммы с обозначением полевых контор, — писал в рапорте начальник отдела военной цензуры РВСР Батурин Троцкому 4 февраля 1920 г., — и, не имея дислокации, нередко сами не могли расшифровать корреспонденцию, определить, о какой армии идет речь"/105/.

Другая причина крылась в страхе редакторов газет перед наказанием за нарушение цензурных запретов. Многие требовали письменного разрешения на указание этих сведений. Батурин в том же рапорте писал: "Редакция "Вечерних известий"... ни за что не хотела отказаться от "энских" армий, опасаясь ответственности за непривычные обозначения. Не действовали и мои уверения по телефону в том, что ответственность берет на себя В.Ц. Согласились на том, что я должен прислать редакции особую бумагу, что и было исполнено" /106/.

Содержание цензурных запретов охватывало практически все стороны жизни России. Без разрешения военных ведомств запрещалась публикация информации военного содержания о расположении и передвижении, количестве, свойстве и вооружении войск, о ходе формирования воинских частей, о военных операциях, о командном составе армии, о новых назначениях командиров т.п.

Из сведений политического и социального характера не подлежали оглашению в основном материалы четырех видов: 1) сообщения, ставящие под сомнение целевые установки политических режимов; 2) информация, критикующая действия властных структур; 3) материалы, освещающие массовые неповиновения властям; 4) сведения, дискредитирующие личности политических и военных руководителей.

Так, газеты, выпускавшиеся на территории Кубанского краевого правительства, подлежали закрытию за помещение в них статей, призывающих к насилию и гражданской войне, к изменению установившегося в крае политического строя, а также содержащих в себе оскорбительные суждения в отношении высших органов власти Кубани, Добровольческой армии и др. антибольшевистских режимов/107/.

Цензура Области Войска Донского стремилась не пропускать в газеты материалы, поднимающие проблемы демократического развития России, освещавшие революционные события в Западной Европе, ставившие под сомнение сословные права казачества, критикующие действия союзников дон-

ских казаков. 27 ноября 1918 г. военно-цензурное отделение штаба Донской армии издало циркуляр, в котором указывало, что грубой ошибкой цензоров была публикация в газете "Хопер" /N 24/ статей "Что нужно для могущества и возрождения России?" и "Под угрозой"/108/. В первой из них подчеркивалась необходимость введения в России парламентского правления и демократических свобод, "где народные представители и будут решать все вопросы"/109/. Во второй — говорилось о недопустимости реставрации монархических порядков, которые являлись источником новых социальных потрясений, "как это было после Великой революции во Франции"/110/. Эти статьи были признаны недопустимыми для опубликования, так как, по мнению руководства отделения, носили "узкопартийный агитационный характер"/111/.

Кроме того, в донских газетах запрещалось публиковать материалы, критикующие действия кубанской краевой власти. Одна из крупнейших газет юга России "Вечернее время" (Ростов-н/Дону) была закрыта за публикацию статьи известного журналиста А.Л. Ксюнина, содержащую резкие высказывания в адрес кубанской власти/112/. Не помогло даже заступничество генерала А.М. Драгомирова. Он пытался защитить газету, так как статья была написана по заказу отдела пропаганды и развивала взгляды Особого совещания на характер Гражданской войны/113/. При этом донские власти не допускали в газеты материалы, содержащие информацию о действиях цензуры, так как они могли вызвать "излишние толки в обществе"/114/.

Одна из важнейших задач деникинской цензуры заключалась в желании вывести из поля критики высших должностных лиц военной и гражданской администрации. 28 декабря 1918 г. циркуляром того же Драгомирова до сведения ведущих газет белого Юга России было доведено распоряжение Деникина о запрещении публиковать статьи, направленные против "начальствующих лиц и всех частей Русской армии"/115/. Цензурные правила белой Сибири также не разрешали помещать материалы, подрывающие авторитет верховной власти/116/.

Содержание цензурных запретов всех политических режимов России практически лишало газеты возможности независимой оценки событий. Любое самостоятельное освещение ситуации могло быть расценено цензорами как извращенное и вымышленное, создающее "почву для недовольства правительственной властью"/117/.

3. Влияние цензурных запретов на содержание газет

Российским политическим режимам с помощью цензурных запретов не удалось добиться полного контроля над газетами и информацией.

Цензурные запреты соблюдались далеко не всегда, запрещенная информация достаточно часто попадала на страницы газетных изданий. В газетах появлялись сведения о номерах, названиях, местах дислокации и передвижении воинских частей, об их снабжении, обеспечении и санитарном состоянии, о деятельности предприятий, работающих на оборону, о техническом состоянии телеграфа, о работе транспорта и т.д. Нередко в газетах появлялась политическая информация, не противоречащая цензурным правилам, "но оглашение коих в данный момент нежелательно"/118/.

Особенно часты были случаи указания номеров и названий воинских частей и соединений. Даже в московских газетах номера воинских частей и соединений указывались достаточно часто. Особенно этим грешила "Беднота"/119/. Нередко в ней можно встретить подобные приветствия: "Мы, красноармейцы 2 батальона 79 стрелкового полка, шлем свое товарищеское спасибо рабочим Москвы за присланные подарки"/120/. Налицо нарушение правил о запрещении указывать номера воинских частей и соединений. В другой московской газете "Клич трудовых казаков" в январе 1919 г. была напечатана статья "Привет рабочим Петроградского Выборгского района от революционного полка титовцев", где в нарушение "Перечня сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати" от 23 декабря 1918 г., было указано название полка — Первый трудовой донской революционный полк/121/.

Среди наболевших проблем России в годы Гражданской войны были ситуация на производстве, движение на железных дорогах, работа телеграфа, строительство новых судов. Эта информация повсеместно была запрещена для печати. Однако эти сведения можно встретить в газетах любого российского политического режима. Так, в московской газете "Коммунар" в статье "Работники нужны на Ижевских и Воткинских заводах" отмечалось: "Возвращенные советской республике, благодаря победам Красной армии, Ижевский и Воткинский заводы теперь в печальном состоянии. Из 28 тыс. чел., работающих на Ижевском заводе, осталось 13 тыс. чел., а на Воткинском — из прежних 7117 рабочих осталось только 3 тыс. человек. В особенности сказывается на положении заводов уход вместе с отступившими белогвардейцами почти всего технического персонала. На Воткинском заводе из 68 чел. технического персонала осталось 9 чел., служащих на заводе до восстания было более 500 чел., осталось 224 чел."/122/. Все эти данные были запрещены к печати.

На страницы газет просачивались сведения о состоянии военных крепостей, портов, судов морского и речного флота, что категорически запрещалось всеми цензурными правилами. Например, в советской газете "Окарь" в статье "Постройка новых судов" перечислялось количество холодильных тепловодных судов и барж, которые предполагалось построить или приспособить

бить для рейсов Астрахань-Петроград и Астрахань-Москва/123/. Подобная информация была запрещена к печати, т.к. содержала сведения "о производстве всякого рода работ... на судах флота"/124/.

Повсеместно была запрещена цензурой информация о разрухе на железнодорожном транспорте, о большой нехватке паровозов и топлива. Однако подобная информация часто встречается на страницах российских газет. 10 января 1919 г. в московской газете "Экономическая жизнь" была помещена статья об остром дефиците мазута на Рязано-Уральской железной дороге. В ней говорилось: "Катастрофическим представляется положение Рязано-Уральской ж. д. ...Запасы мазута, на которой составлявшие на 1 декабря 1,8 млн. пудов "без мертвого запаса", понизились к 22 декабря до 1,2 млн. пудов при суточном расходе за последнее время в 6000 пудов"/125/. Такое перечисление запасов топлива на железных дорогах запрещалось цензурными правилами. Не допускались к печати сведения о состоянии и характере использования телеграфной сети, но и они нередко печатались в газетах. Так в советской газете "Коммунар" от 28 января 1919 г. в сообщении "Телеграф на фронте" указывалось на нехватку телеграфных проводов. При этом подчеркивалось, что военные штабы часто "пользуются телеграфной связью без надлежащего разрешения, и в размерах, превышающих действительную надобность, нередко в ущерб для других штабов армии и войсковых частей"/126/.

Много писали газеты о судебных расследованиях, связанных со шпионажем, хотя эта информация запрещалась к публикации цензурными правилами практически всех государственных образований России. Советские цензурные правила запрещали публиковать сообщения о деятельности большевистских агитаторов в Западной Европе. Тем не менее, в московской газете "Вечерние известия" от 10 января 1919 г. в статье "В Московском революционном трибунале дело о германских шпионах" рассказывалось о предстоящем суде над двумя германскими шпионами. А в номере газеты "Окарь" 20 января 1919 г. была помещена заметка под заглавием "В Австро-Венгрии". В ней говорилось, что в Вене находится 22 большевистских агитатора/127/.

Несмотря на самые строгие запреты, редакции газет помещали материалы, критикующие действия или наоборот бездействие властей, их неспособность осуществлять эффективное руководство. В донских антибольшевистских газетах публиковались материалы, остро критикующие региональные власти и освещающие действия карательных отрядов. В печать даже прошла статья, содержащая достаточно резкую критику на предоставление слишком большой власти донскому атаману. Эта статья появилась, несмотря на то, что цензура казачьего Дона не пропускала в печать критику атамана. В статье говорилось, что атаман должен быть "ответственен перед народным

представительством, как носителем всей полноты верховной власти"/128/.

Нарушения цензурных правил, в первую очередь, объясняются противоречиями между задачами прессы и характером цензурного контроля, носившего политический или военно-политический характер. Под действие цензуры попадали практически все темы, актуальные для освещения в газетах: экономическая деятельность, социальное положение различных слоев населения, политика властей, общественные выступления, идеология. В этих условиях любую объективистскую информацию, любой критический материал, написанный на реальных фактах, можно было считать неподлежащим оглашению. Но с другой стороны, этот материал необходимо было публиковать. Без этого манипулировать общественным мнением было невозможно, т.к. газетные сообщения потеряли бы правдоподобность. Критический материал с негативными оценками, с раскрытием причин неудач правительственной политики обязательно должен был присутствовать на страницах газет и делать пропаганду более убедительной и действенной. Поэтому военные контролеры в ряде случаев пропускали подобные материалы, если они были в целом политически выдержанными.

Позднее многие из них признавались нежелательными для публикации. Так, большевистская "Правда" 4 января 1919 г. опубликовала заметку "Позор", осуждающую недостойное поведение красноармейцев, занятых игрой в карты, в ходе которой проигрывались вещи, которые зачастую продавались "тем, у кого они были реквизированы"/129/. Эта заметка, носившая просоветскую направленность, была признана цензором вредной. Согласно его мнению, крайне "нежелательно... опубликование таких сведений, которые рисуют с отрицательной стороны нашу Красную армию и могут вызвать у публики нежелательные выводы"/130/.

В том же номере "Правды" была напечатана заметка "На заводе поставщика", в которой автор пытался показать тяжелое положение рабочих на военном предприятии и рост влияния левых эсеров в рабочей среде. В статье с тревогой говорилось о том, что положение надо срочно исправлять. Тем не менее, ее публикация была признана ошибочной, т.к. она рисовала "как бы бездействие советской власти, что недопустимо к печатанию"/131/.

Одной из главных причин публикации в газетах запрещенных цензурой сведений являлись противоречия между различными политическими и социальными силами внутри российских государственных образований. Каждая из конфликтующих сторон стремилась доказать свою правоту и создать себе опору в обществе. Для этого в газетах помещались статьи, дискредитирующие действия оппонентов, разоблачающие их общественный имидж. Такая ситуация была особенно характерна для белого Юга России в отношениях между денikinской администрацией и казачьими правительствами. Донс-

кие и Кубанские газеты публиковали немало материалов, критикующих политику Добровольческой армии и Особого совещания. Причем, резкость выступлений не только не уступала, но в ряде случаев превосходила критику Деникина в советских газетах.

Так, Кубанское краевое правительство не допускало установление деникинской цензуры над своим печатным органом газетой "Вольная Кубань". Это обстоятельство позволило появиться на страницах газеты летом 1919 г. письму читателя Васильева, в котором он крайне резко отзывался об антинародном характере деникинской политики. "Нас упрекают, — писал он, — что мы не желаем участвовать в общегосударственных повинностях. Но мы не желаем участвовать в строительстве такого государственного аппарата, в котором опять будут загон, кнуты"/132/. В заметке содержалась мысль, что основная масса населения черноморского побережья не верит политике Деникина. "Правда, мы читаем речи, произносимые генералом Деникиным то в одном, то в другом месте, — подчеркивал Васильев, — ...но и речи и обращения мы рассматриваем по тем формам и методам управления, от которых на наших собственных спинах появились уже сиво-багровые полосы"/133/. Подобного рода материал появиться в подцензурной деникинской газете не мог.

На востоке России атаман Г.М. Семенов, соперничая с Колчаком, проводил свою политику контроля над прессой. Это, в частности, выражалось в том, что приказы Колчака не пропускались в газеты востока Сибири. Информация с критическими замечаниями в адрес самого Семенова также не допускалась к печати. Инспектор РТА сообщал руководству РОПД, что сообщения, "содержащие в себе указания на безобразия и пьянство в тылу, а также на настоятельную необходимость востоку принять участие в борьбе с большевизмом, не пропускаются"/134/. В то же время забайкальские газеты помещали материалы, резко и не всегда обоснованно критикующие действия Колчака.

Особенно часто недозволенная информация попадала на страницы газет накануне падения политического режима, когда противоречия и трения между общественными силами значительно обострялись, властные структуры были деморализованы, а цензурный контроль ослабевал. В этих условиях журналисты, не боясь наказаний, стремились проанализировать причины поражений, ошибки политических и военных руководителей. В начале 1920 г. в газете "Вольная Кубань" была опубликована статья "Задача власти", в которой подвергались резкой критике Особое совещание, политика кадетов и военные власти. В поражениях антибольшевистских сил были прямо обвинены кадеты. "Кадеты и кадетствующие... развели в тылу армии целую систему кумовства... подсиживания, низких интриг, — говорилось в газете. — Они не

смущались тем, что за все это кровью своей и добром своим расплачивались армия и чуждое им население России"/135/. Такая резкая критика на страницах газеты, во многом объясняется разгромом антибольшевистских сил на юге России и дезорганизацией деникинского государственного аппарата и аппарата кубанского правительства.

В то же время на страницах "Вольной Кубани" были опубликованы выдержки из выступления Ленина на съезде мусульман-коммунистов. В них говорилось, что победа над Деникиным это — " блестящая страница в истории революции народов"/136/. И об этом писалось не в большевистской прессе, а в газете, которая издавалась на территории, контролируемой деникинской армией, хотя уже разбитой и спешно отступающей.

Другая причина, по которой цензура не смогла добиться своих целей, крылась в слабости и недолговечности некоторых политических режимов, которые не смогли или не успели сформировать органы цензурного контроля. Так, на территории Украинской державы в Харькове цензура сначала была введена, однако потом ее отменили, а в Екатеринославе ее не вводили совсем.

Кроме этого, недозволенные сведения появлялись в газетах в связи с плохой работой и слабой подготовкой служащих военной цензуры. Начальник военной цензуры РВСР Н. Батурин отмечал, что главной причиной многих недостатков в работе военной цензуры является "неудовлетворительный состав служащих"/137/. В частности, большой скандал вызвало появление в шестнадцатом номере "Известий Народного комиссариата по военным делам" двух статей ("Всеобщуч на местах" и "Московская губерния"), которые, по мнению советского цензурного начальства, никак нельзя было допускать к публикации/138/. Подготовка цензоров была зачастую такой слабой, что их обоснования не допускать материалы к печати были ошибочными и не выдерживали никакой критики. Как нарушение военно-цензурных правил, была расценена военными контролерами публикация в "Известиях ВЦИК" приказа РВС Южного фронта о боевых успехах летчиков царицынского отряда и о награждении их наградами. Согласно указанию военного цензора, данное свидетельство не подлежало опубликованию на основании п.23 "Перечня тем, запрещенных к печати". Но эта публикация не попадала под действие этого пункта. Его содержание касалось сведений о "крупных потерях в личном и материальном составе армии и флота, о фамилиях выбывших из строя командных лиц с указанием номера, наименования части, а также о числе мест, заготовленных в разных пунктах для эвакуации лиц"/139/. Подобной информации в материале "Известий ВЦИК" не было. В целом публикация не содержала запрещенных цензурой сведений. Дефицит военных цензоров приводил к тому, что военный контроль в ряде случаях передавался редакциям

самих газет, как это было сделано начальником Приволжского отделения военной цензуры Ф. Мидиным в отношении газеты "Красный воин"/140/.

Кроме того, появление в газетах запрещенных цензурой материалов объяснялось тем, что некоторые редакции своевольноничали. Они не представляли своих материалов в органы военного контроля или не подчинялись требованиям военной цензуры и публиковали статьи и информационные заметки, недопущенные к печати. 27 января 1919 г. "Газета печатников" поместила две статьи, запрещенные военными контролерами. 12 янв. 1919 г. в "Известиях Народного комиссариата по военным делам" появился материал, который был запрещен цензурой/141/.

Это касалось даже законодательных актов. Газеты печатали законы, указы, приказы и другие нормативно-правовые документы, минуя цензурные учреждения. Такое положение в ряде случаев принимало довольно широкие размеры и вызывало резкую реакцию властей. В 1920 г. во врагелевском Крыму распространение такой практики привело к изданию 20 мая специального циркуляра, который строго указывал всем органам военных управлений не передавать журналистам официальные сведения, а присылать их в правительственный отдел печати/142/.

Зачастую нарушение цензурных правил допускали официальные правительственные печатные органы, которые, пользуясь своим привилегированным положением, помещали задержанный цензурой материал. В записке заведующего ВЦО Мутафина в СНК от 3 августа 1918 г. подчеркивалось, что если небольшевистская пресса под угрозой наказаний выполняет цензурные запреты, то официальные советские издания не всегда/143/. Причем, эта практика носила достаточно широкое распространение. Советские военные контролеры часто жаловались на то, что редакции советских и большевистских газет крайне тяжело заставить подчиняться военной цензуре.

Недозволенные сведения попадали на страницы газет и из-за нарушения цензурных порядков информационными учреждениями, которые передавали редакциям запрещенные материалы. Некоторые из этих фактов приобретали скандальную окраску и становились предметом специального рассмотрения высших должностных лиц. К числу наиболее распространенных нарушений относилась публикация информации правительственных структур без согласования с их руководителями. В конце января 1920 г. в московской газете "Вечерние известия" было напечатано интервью сотрудника НКВД В.П. Затонского. Данный материал не был завизирован Г.В. Чичериным и содержал сведения, нежелательные для разглашения. Чичерин довел этот факт до сведения председателя правительства. Ленин велел П.М. Керженцеву расследовать эпизод и наказать виновных/144/.

Похожая ситуация сложилась на белом Юге России осенью 1918 г. В

ноябре РУСТА распространило информацию об отказе командования Доброй армии передавать иностранное вооружение на Дон, пока руководство области не признает главнокомандующим Деникина. Председатель Особого совещания Драгомиров строго указал руководителю агентства А.Ю. Геровскому, что агентство, "состоящее под покровительством Добровольческой/ армии, не имеет права... рассылать телеграммы, касающиеся высшего командования Добровольческой/ армии без просмотра мною или начальником штаба армии"/145/.

Цензурные запреты были причиной появления в газетах недостоверных сведений. Деятельность цензуры приводила к тому, что корреспонденты газет и информационных агентств привыкали врать "самым отчаянным образом"/146/. Об этом, касаясь корреспондентов РОСТА, говорила на 2 съезде работников этой организации журналист Пилацкая. Она отмечала, что корреспонденты освещают события таким образом, чтобы их материалы пропусклись цензурой и публиковались в газетах. Ради этого они не брезгают ложными сведениями. Такое явление приняло массовый характер. "Все эти телеграммы о горящих желанием нести гужевую повинность, о том, что крестьянская молодежь рвется на фронт, — заведомо ложные и принимают прямо-таки массовое явление", — подчеркивалось на съезде работников РОСТА/147/.

Такая же тенденция наблюдалась в газетах антибольшевистских государственных образований, где неоднократно встречались сообщения о взятии Петрограда, об арестах или убийствах руководителей советского государства, о несуществующих крестьянских и рабочих мятежах в РСФСР. И.М. Калинин, военный прокурор Донской армии и начальник военно-судной части штаба Донского корпуса, вспоминал, как в белом Ростове один его знакомый петроградский журналист показал ему свою заметку, в которой сообщал, что в петроградской мечети организован склад свинины. На возражения Калинина по поводу того, что теперь в голодном Петрограде "свинины днем с огнем не разыщешь", последовал ответ: "Много ты, прокурор, понимаешь. Черкесы-то, кабардинцы, нешто не мусульмане. Разве не схватятся они за клинки, когда прочтут такую вещь. Цель прессы знаешь? Агитация!"/148/. И подобных сообщений было много. "Отважные газеты, — писал И.М. Калинин, — очень часто захватывали в плен или задерживали в тылу то Коллонтай, то мать Троицкого с громадным количеством агитационной литературы"/149/.

Проверить подобные сведения редакторы газет не могли. Но они знали, что такую информацию цензура пропустит. Во многом они были правы. В условиях политической нестабильности, хозяйственного развала и социальной незащищенности люди становились легковерными и во многом доверяли подобным небылицам, в глубине души надеясь на скорое окончание

войны и лишений. "При тогдашнем изумительном легковереи, при быстром переходе от одного настроения к другому, от полного отчаяния к беспредельному оптимизму и наоборот, — отмечал Калинин, — многим и впрямь начало казаться, что участь Москвы решена, и песня большевиков спета"/ 150/.

Революция и Гражданская война определяли своеобразие цензурного контроля над российскими газетами. Но осуществить полный контроль над газетной прессой российские цензурные органы не смогли. Это обстоятельство во многом не дало возможности газетной прессе оказать решающего влияния на трансформацию общественного менталитета.

ГЛАВА 4 СОСТАВ И СОДЕРЖАНИЕ ГАЗЕТ- НОЙ ПЕЧАТИ

1. Состав материалов газетной периодики

Основным результатом воздействия газетной информации на общество было закрепление в сознании масс политических установок господствующих политических сил, что накладывало отпечаток на состав и содержание газетных материалов. Состав материалов российских газет включал в себя все жанры газетной публицистики: статьи и заметки, корреспонденции, обзоры, комментарии, газетную информацию, очерки, репортажи, фельетоны, а также произведения беллетристики, в основном рассказы и стихотворения. Представлены были в газетах сообщения собственных и специальных корреспондентов газет. Такой широкий спектр публикуемых материалов способствовал более действенной мифологизации общественного сознания. Значительное преобладание имели информационные материалы. Через них газеты восполняли информационный голод общества и канализировали политическое поведение людей. На первой странице газет, как правило, помещалась передовица. Фельетон, рассказ или очерк обычно занимали "подвал" газетной страницы. В "шапку", кроме названия газеты, как правило, выносились объявления о работе редакции и условиях подписки. Большое число газетных материалов были анонимными или подписывались псевдонимами.

Среди основных отделов и рубрик газет выделялись: официальный и неофициальный отделы, а также отдел объявлений. В официальном отделе манипулирование коллективным сознанием осуществлялось через публикации законодательных актов и других нормативно-правовых документов. Там печатались законы, распоряжения, постановления, приказы и декреты центральных и региональных властей, органов местного самоуправления (земств,

городских дум и т.д.), правительственных учреждений, военного командования, руководства политических партий и общественных объединений, правлений кооперативов, оперативные сводки штабов, резолюции собраний биржевых комитетов, торгово-промышленных кругов, союзов предпринимателей.

Данный раздел занимал особенно много места в официальных газетных изданиях. Ему могли отводиться целые полосы, а в ряде случаев почти весь номер. В этом разделе публиковались указы Колчака, приказы Врангеля, Деникина, Юденича и Миллера, декреты, подписанные Калинин, Лениным и Свердловым. В военных газетах данный отдел был заполнен оперативными сводками с фронтов и приказами военного командования. В партийных газетных изданиях в данном отделе, в первую очередь, помещались резолюции и постановления партийных съездов и конференций, а также решения других руководящих органов партий. В большевистских газетах публиковались решения съездов РКП(б) и ЦК партии, распоряжения региональных и местных комитетов большевиков. В газетной периодике кадетов, меньшевиков, эсеров и других небольшевистских партий и организаций, издающейся за пределами РСФСР, помещались нормативные материалы центральных и региональных органов этих объединений.

Особенно много официальных документов публиковали региональные советы в первые месяцы существования советской власти. Страницы их изданий были заполнены декретами, распоряжениями, постановлениями и др. официальными актами. Значительное количество среди них было узковедомственных, второстепенных, малозначительных. Нередко это шло в ущерб публикации статей, местной хроники, заметок корреспондентов, писем читателей.

В целях усиления воздействия идеологических стереотипов на коллективное сознание редакции газет публиковали большое количество статей и выступлений руководителей политических режимов и лидеров общественных сил, что являлось одной из характерных черт газетных изданий периода Гражданской войны. В газетах печатались заметки, интервью, доклады Ленина, Троцкого, Калинина, Деникина, Колчака, Юденича, Миллера, Чайковского, Пепеляева, атамана Семенова, генералов Богаевского, Сахарова, Шкуро, атамана Краснова и т.д. По подсчетам А.А. Гончарова, из 196 статей, речей, проектов постановлений и декретов, написанных и произнесенных Лениным с 25 окт. 1917 по июль 1918 гг., 102 были опубликованы в центральной и местной прессе/1/.

При передаче текста этих материалов редакторы газет часто использовали такие формы их подачи, которые упрощали понимание прочитанного и заостряли политическую направленность. Эти формы широко применялись в массовых изданиях. В популярных газетах статьи и выступления глав

политических режимов печатались в сокращении или в редакционном изложении. Наиболее распространенным приемом популяризации являлась разбивка текста на разделы под крупными заголовками. Эти заголовки привлекали внимание читателей к основному содержанию раздела. Использовались также публикация текста работ отдельными частями, которые получали свои смысловые заголовки. Широкое распространение получила такая форма популяризации, как набор заголовков крупным шрифтом. Применялся также вводный пересказ основных идей публикуемой работы. При этом передача текста указанных материалов была не всегда точной, а новый заголовок мог не соответствовать характеру материала. Так, 30 мая в № 51 московской газеты "Беднота" была опубликована информация, озаглавленная "Ленин к рабочим Петрограда"/2/. Читая заголовок, можно подумать, что мы имеем дело с текстом ленинской работы. Однако это не соответствует действительности. В газете помещена выдержка из "Обращения к питерским рабочим об организации продовольственных отрядов", которое за подписью Ленина и наркома продовольствия А.Д. Цюрупы было передано в Петроград и 22 мая опубликовано в органе Петроградского комитета большевиков, газете "Петроградская правда", а несколько позднее — в "Известиях ВЦИК" и других газетах/3/. Ленин писал только дополнение к обращению, которое, по его просьбе, было включено в состав последнего при окончательном редактировании/4/. В "Бедноте" был опубликован отрывок из этого обращения, где ленинского текста нет.

Самыми большими разделами неофициальных отделов газет являлись три: "Телеграммы", "Из газет" ("Из иностранных газет", "Из местных газет", "Обзор газет", "Отклики печати" и др.) и "Радио" ("Большевистское радио", "Сообщение радио" и др.). Телеграммы российских и иностранных информационных агентств, сообщения радиоперехвата, а также перепечатки и обзоры отечественной и иностранной прессы составляли основу газетных полос. Кроме указанных разделов, данные материалы включались практически во все другие рубрики, встречавшиеся на газетных страницах. К концу 1920 г. 10% газетных изданий РСФСР содержали только информационный материал/5/.

В целях более тонкого манипулирования общественным сознанием редакции газет нередко пользовались материалами своих политических и военных оппонентов. Эсеровские и меньшевистские издания использовали сообщения кадетских газет. Кадетская газетная периодика нередко ссылалась на периодику мелкобуржуазных партий, газеты проденикинской ориентации часто публиковали выдержки из казачьих официозов. Советские газеты часто перепечатывали сообщения белых газет и пользовались материалами белогвардейских радиостанций, а белые газеты постоянно печатали информацию из советской периодики и советского радио. На страницах российских

газет нередко встречаются такие рубрики и заголовки, как: "Из белых газет", "Большевистская сводка (радиоперехват)", "Из перехваченного большевистского радио", "Отовсюду (радиоперехват телеграмм РОСТА)" и др.

Подобная практика в то время носила всеобщий характер. Ее распространение во многом объяснялось слабой корреспондентской сетью газет и широким использованием сводок информационных агентств. Практически в каждом газетном издании встречаются перепечатанные статьи, интервью, очерки, информационные сообщения. Центральные газеты перепечатывали местную хронику из региональной прессы, местная пресса активно использовала статейный и очерковый материал центральных изданий. Региональные партийные издания интенсивно перепечатывали передовицы печатных органов своих центральных учреждений. Так, редакции местных большевистских газет перепечатывали из центральных газет статьи Бухарина, Ленина, Мануильского, Милютина, Троцкого, Ярославского и др. Местная газетная периодика меньшевиков в 1918 г. наполнена перепечатками из петроградской "Новой жизни". В частности, по всей России перепечатывалась серия статей Горького "Несвоевременные мысли". Данные материалы составляли основу для подготовки статей региональными партийными лидерами всех политических направлений.

Если редакции газет перепечатывали материал из издания иной политической ориентации, то способ передачи текста имел свои особенности. Подход к перепечатываемым материалам иной политической направленности был предвзятым и его перепечатка должна была подчеркнуть политические позиции нового газетного органа. Поэтому текст передавался со значительными купюрами, которые никак не оговаривались. В него вносились изменения, которые должны были изменить его политическую ориентированность. К текстам перепечатываемых материалов добавлялись комментарии, дезавуировавшие, опровергавшие или искажавшие содержание передаваемого документа. Так, летом 1919 г. в "Вестнике Временного правительства Северной области" была напечатана информация о том, что, несмотря на мощное давление красных, Деникин "нанес большевикам ряд сокрушительных ударов и широко раздвинул свой фронт"/6/.

Данная публикация представляет собой перепечатку заметки из "Известий Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов"/7/. Однако в "Вестнике ВПСО" по умолчанию передана только часть текста. В опущенном фрагменте говорилось о противоречиях между командованием Добармии и кубанским правительством, о брожении среди солдат деникинского войска, о распространении большевизма на белом Юге России и о том, что, несмотря на военные успехи, Добармия оказывается в социальной изоляции. Если бы текст заметки был передан полностью, успехи Деникина выглядели бы менее убедительно.

При перепечатке текст передавался не всегда точно, выходные данные газеты, откуда перепечатывался материал, часто не указывались. Так, при выборочном сравнении московской "Бедноты" с белыми крестьянскими газетами нами было выявлено 35 перепечаток из этого московского издания. Из них в 20 случаях выходные данные не указывались. Перепечатка колчаковской "Русью" (Омск) заметки из "Бедноты" о необходимости борьбы с дезертирством заканчивалась словами: "Нарушителей дезертиров (подчеркнуто мною — Л.М.) под суд!"/8/. Этих слов в данной заметке нет. Скорее всего, эти слова сотрудники редакции "Руси" дописали сами, несуразно переделав название заметки опубликованной в том же номере "Бедноты". Заметка называлась: "Нарушителей декретов (подчеркнуто мною — Л.М.) под суд!" и была помещена на другой странице номера/9/.

Желая усилить идеологическое воздействие на читателей, редакции газет шли на фальсификации. Они сами придумывали тексты и выдавали их за перепечатки из газет противоборствующего лагеря. Установить подлог в тех условиях, как правило, возможности не было. Так, омская газета "Крестьянский вестник", желая дискредитировать органы советской власти, напечатала на своих страницах выдержку из "Бедноты", где говорилось: "За пьянство и безобразия почти весь Шацкий исполком и вся ком. ячейка Токаревской волости были арестованы"/10/. Однако подобного сообщения в "Бедноте" нет.

Феноменом культуры того времени являются письма читателей, опубликованные в газетной периодике. Они представляют собой один из самых оригинальных жанров российских газет того периода. Особенно много их было в массовых газетах. Без заметок сельских и военных корреспондентов не обходился ни один номер газет этого типа. Особый интерес в этом плане представляют читательские заметки на страницах советских газет "Беднота" и "Голос трудового крестьянства", изданий, опубликовавших наибольшее количество этих заметок. Всего на страницах "Бедноты", по нашим подсчетам, было опубликовано около 6000 крестьянских писем. Больше всего их было помещено в 1919 г. — приблизительно, 65% от общего числа. В каждом номере газеты печаталось примерно 13-15 заметок селькоров и военкоров. Читательские письма, опубликованные в "Бедноте", представлены, в основном, четырьмя губерниями — Владимирской, Московской, Рязанской, Тверской. Значительное количество опубликованных писем приходило из воинских частей, военных училищ и госпиталей. Содержание крестьянских писем, опубликованных в "Бедноте", охватывало проблемы агитационно-просветительской работы на селе, социальной борьбы в деревне, помощи крестьян Красной

армии, деятельности советов, большевистских и комсомольских ячеек среди крестьян.

"Голос трудового крестьянства" выходил с конца 1917 г. по май 1919 г. включительно. До июля 1918 г. газета носила левозсеровскую направленность. С начала 1918 г. она была официальной газетой Крестьянской секции ВЦИК. После разгрома мятежа левых эсеров она стала большевистской и с осени того же года стала органом Наркомзема. В этом качестве она просуществовала до своего закрытия. До июля 1918 г. редакция, в основном, публиковала указы сельских и волостных крестьянских сходо́в. Читательских писем было мало. С переходом газеты в руки большевиков положение изменилось. Всего, по нашим подсчетам, в "Голосе трудового крестьянства" было напечатано около 3000 заметок. В среднем, в каждом номере газеты помещалось по 11-12 заметок. Больше всего заметок приходилось на Вятскую и Тверскую губернии. Тематика сельскохозяйственных заметок в "Голосе трудового крестьянства" была примерно такая же, как и в "Бедноте". Но "Голос" уделял больше внимание экономической жизни на селе, крестьянской психологии, положению женщин в деревне.

Авторами большинства писем в "Бедноту" были красноармейцы, представители советского, партийного и комсомольского актива деревни. Большинство из них были грамотными людьми и писали сами. Но во многих случаях крестьянские и красноармейские корреспонденции, представляли собой записку, сделанную вместо безграмотного автора его грамотным односельчанином. Письма, как правило, были написаны неразборчиво и крайне безграмотно. Нередко они писались простым карандашом и читались с большим трудом.

Для печати редакция отбирала только те письма, которые лучше всего могли пропагандировать политику РКП(б). Во многих случаях текст сокращался. Это практически никогда не отмечалось и не оговаривалось. Из-за малограмотности подавляющего большинства сельских и красноармейских корреспондентов и в целях усиления идеологической направленности крестьянских писем при их расшифровке и подготовке к печати они подвергались сильному редактированию. Текст мог измениться до неузнаваемости. Сотрудники отдела крестьянских писем "Бедноты" перекраивали предложения, целые фразы и фрагменты. При этом работники редакции стремились сохранять особенности стиля автора. В ходе этой работы в ряде случаев работники редакции могли настолько вольно трактовать текст, что получалась не одна, а несколько редакций одного письма. Летом 1918 г. в редакцию "Бедноты" пришло письмо из деревни. Сотрудники редакции значительно переделали его текст и на страницах "Бедноты" и "Правды" появились два варианта текста этой корреспонденции:

"Беднота"

Пришла к нам пшеничная мука. Кулаки, до тех пор рычавшие, стали к нам подлаживаться — Видите ли, товарищи, заговорили они — нам то же нужна мука. Время то сами знаете какое запасов нет. Уж вы, будьте милостивы — А вы прежде нам ваши хлебные запасы покажите. Мы проверим, излишек отдадим кому следует, а тогда и вам дадим. Не тут то было. Не до пшеничной муки кулакам стало, испугались "реквизиций" и домой убежали. Теперь на нас сердятся и все пугают слухами ложными"/11/.

"Правда"

Пришла нам пшеничная мука. Вот кулаки и давай подделываться: "И нам нужно" Тут мы им сказали: "Прежде давайте ваш хлеб проверим, излишек отдадим, кому нужно. А тогда и вам. Поругались кулаки и разошлись по домам. Теперь все страшат разными слухами" /12/.

Приемы и методы, выработанные редакцией "Бедноты" при подготовке читательских писем к публикации, активно использовались другими популярными советскими газетами.

Чтобы сделать агитацию и пропаганду на страницах газеты более действенной, редакции "Бедноты" стремилась проверять достоверность информации заметок внештатных корреспондентов. Так, редактор "Бедноты" В.А. Карпинский 30 мая 1919 г. через газету обратился с открытым письмом в ЦК РКП(б), где писал о намерении редакции начать с помощью следственной комиссии при революционном трибунале собственную проверку критических сигналов в письмах читателей. Он объяснял это решение тем, что письма, посылаемые в учреждения для проверки, остаются без ответа/13/. Но такую возможность имели только центральные газеты РКП(б). Другие центральные и основная часть региональных газетных изданий не располагали возможностями для проведения подобных проверок.

Поэтому информация читательских заметок требует основательной проверки. Она далеко не вся достоверна. В одних случаях авторы досконально не знали то, о чем писали. В других — зачастую писали со слов третьих лиц, которые сообщали недостоверные сведения. Но главная причина появления в читательских письмах недостоверной информации заключалась в том, что страницы газет были отражением острейшей социальной борьбы, развернувшейся в России, и нередко использовались для того, чтобы дискредитировать органы власти, скомпрометировать общественных деятелей, оклеветать соседа. Редакции, не имея возможности проверить достоверность сообщаемых фактов, печатали материалы в том виде, в каком они приходили. В документах НКВД нами были обнаружены сохранившиеся результаты ряда проверок, проведенные наркоматом по сигналам газет. Ни один из них не подтвердился/14/.

Третьим крупным разделом российских газет являлся отдел объявляе-

ний. Он мог занимать до половины газетной площади. В нем печатались рекламные объявления, объявления о купле-продаже, извещения о собраниях кооперативов, конференциях политических партий, рабочих собраниях. В данном разделе помещались финансовые отчеты кооперативов и объявления о приеме на работу. Особенно большим этот раздел был в сибирских кооперативных газетах после свержения там советской власти в середине 1918 г. Крупным по объему был данный раздел у кадетских газетных изданий. В некоторых газетах кадет рекламные полосы начинали и завершали номер. Что касается газет РСФСР, то после выхода декрета о государственной монополии на объявления, они публиковались в основном в большевистских изданиях и касались деятельности советских и партийных органов. В конце 1920 г. объявления печатали около 40 изданий РСФСР/15/.

2. Мифотворчество и информационный потенциал газетной прессы

Анализ содержания российских газет показывает, что оно носило мифопроизводящий характер. Газетная пресса в той социальной обстановке служила стимулятором создания мифов, где соединились подлинные чаяния народных масс и эмоционально окрашенное нереальное представление о действительности. Основное содержание этого мифа заключалось в ожидании окончания войны и возвращения мирной жизни. Основная цель газетного мифотворчества заключалась в пропаганде стратегических задач и тактических лозунгов партий и общественных движений, которые ангажировали издания. Наибольшую активность в этом направлении вели большевики. Последним нужно было оправдать свой насильственный захват власти, завоевать доверие общества для сохранения своей советской формы правления, при которой фактическая власть концентрировалась бы в руках большевистской номенклатуры.

Главная задача большевистских газет заключалась в пропаганде коммунистических принципов. И сами газеты этого не скрывали. "С момента же установления диктатуры пролетариата проповедь коммунизма становится государственной задачей", — писали "Известия Воронежского губкома РКП(б)/16/. Большевистской и пробольшевистской газетной прессе необходимо было доказать утверждение о том, что "коммунизм — спасение человечества"/17/. Кроме того, большевистские издания стремились создать миф о преобразующей силе Октябрьской революции и прогрессивной деятельности советского правительства. Советские газеты утверждали, что главное их содержание — это правда "доподлинной, проснувшейся классовой революции, правда народного восстания, которое началось... в психологии народа, чем и создается доподлинное преображение всей социальной действительности"/18/.

С целью привлечения на свою сторону новых слоев общества в тяжелейших условиях Гражданской войны большевистские газеты создавали миф о том, что Октябрьская революция принесла народам "оливковую ветвь мира" и освобождение от эксплуатации. Заговорческий захват власти они обосновывали в качестве единственно возможного пути к освобождению. Советскую форму правления пробольшевистские газеты пропагандировали как наиболее демократическую, как "воплощение народной правды"/19/.

Составной частью большевистского мифа являлась идея мировой революции. Эту идею, по мнению большевистских публицистов, поддерживали "все многомиллионные массы крестьян и рабочих советской России", а вооруженную помощь Красной армии ждут трудящиеся западных стран. Во время советско-польской войны 1920 г. редактор "Известий ВЦИК" Стеклов убеждал читателей, что польские "рабочие и крестьяне ненавидят своих панов и буржуев и сочувствуют советской России"/20/. К концу 1920 г. в связи с общей разрухой и поражением РСФСР от поляков данный миф претерпел изменения, которые во многом определили характер советской внешней политики на долгие годы. Большевистские газеты начали утверждать, что советская власть стремится к мирным отношениям со всеми странами, но идея мировой революции с повестки дня не снимается, а победа социализма над капитализмом неизбежна.

Для полного оформления социалистического мифа большевистские газеты стремились изображать коммунистов людьми, пользующимися большим доверием общества. Это должно было создать иллюзию доверия населения России к политике РКП(б). Особенно активно этот миф внедрялся в 1920 г., когда политика большевиков стала вызывать активное противодействие среди рабочих и крестьян, а ее продолжение уже нельзя было оправдать военной необходимостью. В этих условиях советские газеты с восторгом писали "о том доверии, которым наша партия пользуется среди широких масс, зачастую беспартийных"/21/.

Ответственность за развязывание Гражданской войны большевистские журналисты взваливали на своих противников. В этом мифе большевики хотели перед лицом российского общества и мировой общественности снять с себя ответственность за начало братоубийственной бойни. Всероссийский размах войны они объясняли стремлением многомиллионных народных масс выступить в защиту своих прав "для одоления своих классовых врагов"/22/. Военные противники советской власти изображались большевистскими газетами в виде бандитов, против которых активно борется весь народ и в тылу которых "уже поднимаются одно за другим восстания"/23/.

Лидеры социал-реформистских партий согласно режиссуре этого мифа, также рисовались яркими врагами рабоче-крестьянского населения. Их про-

граммы объявлялись антинародными, а политика клеймилась как "преступление против рабочего класса"/24/. Для объяснения причин антибольшевистских выступлений советскими публицистами был придуман миф о подстрекательской роли врагов новой власти и несознательности масс, "которые не понимают сущность дела"/25/.

Пропагандируя успехи советского строя, большевистские газеты списывали экономические провалы и социальный кризис на своих военных и политических противников, поддерживая в сознании масс миф о правильности их экономической и социальной политики "А виною всему Деникин, и Колчак, и другие наследники буржуазии, идущие на нас походом", — объясняла причины тяжелейшего экономического положения РСФСР газета "Беднота"/26/. Провалы в борьбе со спекуляцией большевистские газеты объясняли пережитками буржуазного сознания общества, которые не позволяют справиться с ней. Одолеть спекуляцию, согласно советскому мифу, будет невозможно до победы "коммунистических принципов во всеобщем сознании" /27/.

Формируя коммунистический миф, большевистские газеты представляли советскую власть, как политический режим, активно преодолевающий негативные явления, вызывающие недоверие к нему со стороны рабочих и крестьян. При этом речь шла о характерных чертах большевистского правления, которые являлись его неотъемлемой частью, и без которых он существовать не мог. Уже в 1919 г. в острой форме начала проявляться такая характерная черта советского режима, как бюрократизм. Уже тогда он представлял собой достаточно большую угрозу для советской власти. Советский строй так и не смог избавиться от него, и именно бюрократизм во многом предопределил стагнацию и крах советской системы. Большевистские газеты в Гражданскую войну много писали о необходимости борьбы с этим злом.

Испытанным средством борьбы с бюрократизмом является демократия. Однако пойти на расширение демократии большевики не могли. Поэтому партийные публицисты предложили популистское средство, которое внешне выглядело очень эффектно, однако не могло справиться с бюрократизмом и сократить материальный и социальный разрыв между партийно-государственным чиновничеством и массой. Это предложение являлось очередным мифом. Большевистские газеты предлагали выдвинутых на советско-партийную работу передовых рабочих время от времени возвращать обратно на завод, чтобы они не потеряли связь с массами. "Назад, на заводы передовых рабочих — вот задача дня, — призывала петроградская "Красная газета"/28/.

При создании мифов главная задача газетных изданий антибольшевистского направления состояла в том, чтобы доказать временный характер победы большевиков. Газеты убеждали читателей, что большевики скоро

будут свергнуты и будет построена великая Россия на "началах истинной свободы"/29/. Будущее у России есть, пытались убедить российское общество эти газеты, и народы мира после свержения большевиков будут с завистью смотреть на расцвет России, которой удалось выжить благодаря усилиям всех патриотических сил страны/30/.

В этой картине основная роль отводилась мифологеме о скором падении советского строя. Подтверждение этому искали всюду: в военной ситуации, в положении внутри РСФСР, в выступлениях большевистских лидеров. Гибель советского режима антибольшевистские газеты очень хотели видеть сразу после победы большевиков осенью 1917 г. и писали о том, "что успех большевизма временный и очень, очень эфемерный"/31/. Однако эти заверения оказались мифичны. Успех большевиков оказался значительно более долговременным и прочным. Вся информация в антибольшевистских газетах подбиралась и подавалась таким образом, чтобы у читателей создавалось впечатление, что "пусть медленно, пусть не так, как мы того хотели бы, пусть нанося порой удары своим противникам, но большевизм катится все ниже и ниже по наклонной плоскости, на которую он поставлен самой своей сущностью"/32/.

Победа большевиков в этом мифологическом сценарии преподносилась как удачная операция германских спецслужб, которые сумели подкупить русских интеллигентов, а тем, в свою очередь, удалось мобилизовать низы общества на выступления. И они сумели совершить революцию. При таком сюжете не оставалось места законам развития общества и закономерности революционных событий в России. "Поднявшийся вверх с российского дня отстой... захватил в свои руки власть и стал распорядителем судьбами огромного отсталого государства", — характеризовала победу советской власти крупнейшая кадетская сибирская газета "Сибирская жизнь" /33/.

В мифической картине о скорой гибели большевиков особое внимание отводилось образу Ленина. Его политический портрет рисовался в виде бредового фанатика, который реализует политику террора, а "сам живет хорошо, ест сладко, пьет тонкие вина, ездит в царском автомобиле"/34/. В советском руководстве все беспрекословно выполняют его распоряжения и "взрывами восторга и нечеловеческого рыдания приветствуют каждый его декрет"/35/. Этот человек, по мнению авторов данного мифического портрета, был возведен на власть, для того, чтобы ослабить Россию с целью подчинения ее немецкой власти. И он "с фанатизмом сумасшедшего принял за исполнение своего сатанинского плана"/36/. Именно такой далекий от действительности образ председателя Совнаркома подавался читателям многими антисоветскими газетами.

Для того чтобы мифическая картина гибели советской России выгля-

дела более убедительно, белые журналисты ссылались на положения статей, докладов и выступлений руководителей советской власти. В них пытались найти подтверждения скорого краха Советов. Причем, сами работы не печатались, а в ряде случаев даже не указывалось их название. Читатели не имели возможности проверить эти сообщения, и вынуждены были верить журналистам на слово. В середине 1919 г. екатеринбургские "Отечественные ведомости" нашли в последних речах Ленина, настроения, якобы, указывающие на скорый конец большевиков. Редакторы подчеркивали, что если в выступлениях такого фанатично верящего в торжество большевистских идей человека, как Ленин, чувствуются настроения безнадежности и неизбежности краха большевизма, значит положение большевиков действительно катастрофическое. Таких настроений в статьях и выступлениях Ленина этого периода не было. Но екатеринбургские газетчики хотели убедить публику, что они есть. "Если даже эта одержимая маниакальная голова видит, что дело большевизма в нашем отечестве плохо и день ото дня хуже, значит положение его, в самом деле, ужасно, и ему как нельзя более пристали смертные муки", — убеждали читателей "Отечественные ведомости"/37/.

Одним из главных мест в этом публицистическом антисоветском мифическом "романе" занимала глава о дискредитации Красной армии. В белых газетах всегда подчеркивалась ее невысокая боеспособность, недисциплинированность, слабое техническое оснащение и т.п. Это далеко не всегда соответствовало действительности. Однако чем больше было успехов у Красной армии, тем активнее белые газеты обсуждали эту тему. "Большевики прекрасно понимают, что Красная армия еле-еле держится", — подчеркивала архангельская газета "Русский Север" в январе 1920 г., когда в падении Северной области уже никто не сомневался/38/.

Наступления белых армий вызывали на страницах антибольшевистской прессы победные реляции и ожидания скорого конца советского строя, хотя боевая обстановка могла не соответствовать победным бравадам. В формировании мифа о победах белых армий большую роль сыграло желание антибольшевистских лидеров пополнить свои военные силы солдатами и военным снаряжением интервентов. Эти надежды усилил Парижский мирный договор 1919 г. Псковская газета "Новая Россия освобождаемая" уверяла читателей, что после заключения договора из "демобилизуемых французских, английских, американских и даже германских армий хлынут к нам волной, если только мы пожелаем, десятки тысяч добровольцев, офицеров и солдат, вооруженных последним словом техники"/39/. Добровольцы "хлынуть" на территорию России не могли, так как уже тогда было ясно, что иностранные солдаты не хотят воевать в России за чуждые им интересы.

Даже отступления белых армий в этой мифической картине подава-

лись как предвестники будущих побед. Их отход читателям предлагалось рассматривать как хитроумный маневр для сохранения армии. "Колчак отступает, не теряя живой силы своей армии... На фронте у Деникина явление для них /большевиков — Л.М./ не более утешительное: они пленными потеряли в 3 раза больше, чем Деникин... И Троцкий чувствует близкую гибель", — писала архангельская газета "Отечество", когда и деникинские и колчаковские войска были уже разгромлены/40/. В подобных мифических образах, которые создавали белые газеты, наступления Красной армии рисовались в красках будущих поражений, чтобы легче было успокоить читателей и вселить в них хоть какую-то надежду на победу. "Большевистское радио сообщает, что армия Колчака, уклоняясь от боя, отходит на восток. Большевики против своего обыкновения не гогочут. И они понимают, что, отвлекая их на восток, Колчак увеличивает расстояние между ними и Москвой", — так объясняла причины поражения колчаковских войск "Отечество"/41/. Когда положение белых армий становилось критическим, для подтверждения мифа о победе придумывались самые невероятные истории. Писали о том, что красноармейцы используют наркотики перед атакой, что Красная армия голодает, что она "задавится своими "победами" и комиссарское царство рухнет и обратится в прах"/42/. Многие обыватели готовы были поверить и в это, чтобы сохранить надежды на лучшее. Эти надежды стремились подпитывать журналисты.

Составной частью сценария белого газетного мифотворчества являлось утверждение о том, что массы населения приветствуют антибольшевистские режимы и в большинстве своем не приемлют советский строй. Особенно это проявлялось во время наступления белых армий, когда положение большевиков было тяжелым, и желанная победа казалась близкой. Тот же сценарий сохранялся в этом мифе во время разгрома белых армий для поддержания надежд общества на силу погибающих режимов. В ходе начавшегося отступления деникинских армий новочеркасская газета "Донские ведомости" пыталась заронить в сознание читателей веру в то, что население тех регионов, "которые с их громадным населением захвачены большевиками, собираются сбросить с себя иго поработителей. Эти народы выражают свою волю, приветствуя Деникина и Колчака"/43/. В это время население России уже разуверилось в Колчаке и не приветствовало Деникина. Ждать скорой ликвидации большевизма в России не приходилось.

Даже тогда, когда положение белых режимов становилось отчаянным, данный сценарий мифа сохранялся, но при этом появлялись новые мотивы, связанные с ожиданием чуда. В дни полного краха Северо-Западной области России белые газеты края с надеждой обреченных ждали неожиданного появления таких личностей, как Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский, Мар-

фа Посадница, и других героев русской истории, которые встанут во главе антибольшевистской армии и поведут ее на Москву. "И глубоко верю я в то, что свершится... чудо... господин Великий Новгород и Псков, в пьяном разгуле кровавого большевизма нетерпеливо прислушиваются, не ударит ли в вечевой колокол, не потребует ли вольных новгородских и псковских людей... на мощный проспект против тирании московской", — уверял общественность редактор нарвской газеты "Приневский край"/44/.

Читая газеты, российское общество далеко не всегда могло объективно судить о подлинных политических событиях и видных политических фигурах той эпохи. И большевистские, и антибольшевистские газетные издания, выполняя волю своих хозяев и идеологических руководителей, пытались создать на своих страницах иллюзорные представления о действиях тех правительств и тех политических сил, которые данные издания ангажировали. Это должно было способствовать укреплению доверия населения к властным и политическим структурам. Особое внимание этой проблеме уделяли большевистские власти, которым необходимо было идеологическое прикрытие политики государственного террора. В целом большевикам многое удалось. Их деятельность способствовала тому, что население тех регионов, где советская власть просуществовала короткий период времени с конца 1917 г. до начала 1918 г. (Дальний Восток, Сибирь, Европейский север и др.), в конце 1919-нач. 1920 гг. предпочло военным тяготам, хозяйственному хаосу, недалеко-видной и во многом реставрационной политике белых диктатур установление советского правления.

Журналисты белых газет признавали, что большевистская газетная периодика успешно создает на своих страницах мифические образы политической действительности. В апреле 1919 г. иркутские журналисты получили несколько номеров московских газет "Правды" и "Известий ВЦИК". Профессионально просмотрев их, они писали, что их большевистским коллегам удалось создать впечатление, что жизнь в советской России "с внешней стороны течет как будто бы нормальным порядком"/45/.

Антисоветские публицисты признавали, что большевистское мифотворчество цельнее, законченнее и по-своему логичнее. Большевики знают, что борьба беспощадная "за торжество идей известного порядка" начата. И она идет не на жизнь, а на смерть. И в этой идеологической борьбе "проявление их энергии и изобретательности — изумительно" Они хорошие агитаторы, умеют использовать для пропаганды любой подходящий случай и "великолепно понимают психологию простого, темного народа". Их агитационная литература составлена хлестко, популярно и даже захватывающе "для аудитории известного уровня"/46/. Это способствует большевизации масс. Мифотворчество антибольшевистских газет, по мнению белых публицистов, велось

хуже. Люди, которые занимались этим, были зачастую дилетантами. По признанию многих антибольшевистских газет, дело по мифотворчеству в белом тылу и на фронте находилось в "состоянии паралича"/47/.

Мифотворчество на страницах газетной прессы сопровождалось наклеиванием ярлыков, грубым оскорбительным тоном. Таким образом газеты стремились привлечь внимание читателей и убедить их в правоте своей позиции. Особенно этим отличались издания большевиков. Создавая миф, газеты очень часто выдавали желаемое за действительное, подчеркивая тем самым неизбежность того, к чему они призывали. "Нападение белогвардейской Польши на советскую Россию неизбежно закончится полным поработением первой и победой второй", — прогнозировал редактор "Известий ВЦИК" Стеклов/48/. Этого не произошло. Советская Россия потерпела серьезное поражение. Однако "Известия" стремились к тому, чтобы у их читателей не возникло ни тени сомнения в победе советских войск.

Задачи создателей газетных мифов можно было считать выполненными, если мифами удавалось заменить реальные знания. Для этого на страницах газет выстраивались вымышленные причинно-следственные связи между событиями. В целях их создания в газетном мифотворчестве активно использовались упрощенное и искаженное толкование событий. Так, большевистская "Беднота", характеризующая действия белогвардейских войск, отмечала: "Только надежда пограбить власть и двигала вперед белогвардейские банды ...мамаевы налеты Мамонтова и Шкуро, дикий разбой деникинцев.. привели к тому, что все население вплоть до кулаков и мелких буржуев, разграблялось долгожданными "спасателями"/49/. Данное утверждение искажает цели и задачи белого движения, к чему и стремилась газета. Действительно, отряды Шкуро и Мамонтова были повинны в грабежах и насилиях над гражданским населением. Однако в основе действий белых армий лежали совершенно иные цели.

Для усиления вымышленного представления о политической действительности газетами в ряде случаев использовались откровенно недостоверные сведения. Так, в "Вестнике ВПСО" прошла следующая информация: "Перехваченное большевистское радио сообщает, что города Ярославль и Муром предоставлены в полное распоряжение большевистских китайских войск за то, что они не согласились уплатить по требованию от них комиссарами контрибуции"/50/. Эта информация недостоверна. Советское радио не могло передать подобную информацию. Однако это сообщение было напечатано. Оно еще раз подчеркивало нестабильность советского режима и усиливающееся сопротивление общества большевизму.

По этой же причине, для формирования новой легенды о скором падении советского правительства в гатчинской белой газете "Приневский

край" была помещена информация о крупных победах генерала Деникина на Южном фронте и занятии им Тулы, что не соответствовало действительности, но бравурный тон сообщения помогал газете создать эту легенду. "Город Тула занят нашими доблестными войсками... — говорилось в нем, — Наступление большевиков... совершенно ликвидировано. Большая армия рассеяна и сдалась в плен. Добровольческая армия идет вперед к Москве, не встречая сопротивления со стороны большевиков"/51/. В этой информации все неправда. Тулу Деникин не взял, Красная армия разбита не была, белые потерпели поражение.

Работники газет сами знали о том, что они передают неверную информацию. Но они делали это, т.к. эта информация могла быть использована как эффективный пропагандистский прием, могла увлечь читательскую аудиторию и повлиять на ее поведение. Для антибольшевистских газет в 1919 г. такой "выигрышной" информацией являлись, в частности, сообщения о взятии Петрограда. Белые газетные издания по несколько раз сообщали о его падении. Когда эта информация не подтверждалась, газеты объясняли это читателям тем, что данное сообщение было недалеко от истины, и только непредвиденные обстоятельства не позволили взять колыбель революции. "Если Петроград, после целого ряда сообщений о его "падении" вновь оказался в советских руках, — это вовсе не означает, что все эти сообщения были лишены какого-то ни было основания, — писала екатеринбургская газета "Отечественные ведомости". — По-видимому... был момент, когда судьба "красной столицы" зависела целиком и единственно от генерала Юденича и действующих вместе с ним военачальников"/52/. И чтобы развеять сомнения читателей в том, что перед ними вскоре не появится очередная газетная "утка", газета уверяла, что можно питать "вполне основательные надежды" на скорое взятие Петрограда/53/.

Однако чаще всего газетные легенды соединяли действительность с вымыслом, что давало возможность более успешно формировать в общественном сознании идеологические установки. При яркой словесно-эмоциональной окраске оглашаемой легенды, при тесном сочетании правды и вымысла, подлинных интересов народа и ожидания политического чуда газетные мифы создавали мироощущение, имеющее стойкость предрассудка. Так, самарская газета "Наш день" летом 1918 г. поместила на своих страницах заметку следующего содержания. "С гидрой большевизма покончено, — торжественно провозглашалось в ней. — Это чудовище, лишенное своих жизненных органов, хоть и раскрывает пасть, но уже никому не страшно... Большевизм умирает — Россия возрождается... Но здоровому или вернее выздоравливающему организму все же грозят микробы другой болезни. Болезнь не такая смертельная, как большевизм, но как инфлуэнца, не вылеченная вов-

ремя, грозящая осложниться и перейти в тиф, а поэтому требуется принятия экстренных мер для борьбы с нею. Эта болезнь — спекуляция. Рядом с поклонниками не национального "интернационализма" без роду и племени, воспитанными на немецких отбросах, вскормленных на картофельной шелухе германского социализма, так нахально и злобно посмеявшегося над русским, ползет, пресмыкается и жалит другой гад — спекуляция. Ею занимаются тоже люди, которым не дорога Россия. Люди, которым нужна Россия постольку, поскольку они могут нажать на ней капитал, не все ли равно каким предательски-гнусным путем"/54/.

В этой заметке соединено все, что должно способствовать созданию мифологического сознания. Здесь есть и полуправда и полумиф, и желание убедить читателей в скором падении большевизма, и навешивание ярлыка на большевиков как немецких шпионов, и указание на действительную опасность для выживания общества в условиях войны — спекуляцию.

Но, активно занимаясь мифотворчеством, российские газеты выполняли информационную и просветительскую функции, давая объективные знания, и анализируя текущие события. Выполнение этих функций было необходимо для решения основной задачи газетной периодики по манипулированию общественным мнением. Журналисты понимали, что выполнить свою главную задачу они смогут, давая правдоподобную и на первый взгляд объективную картину происходящих процессов. Выполнение этой задачи было возможным только на основе достоверных фактов. При выполнении этих условий газеты могли рассчитывать, что им удастся контролировать и направлять поведение людей по заранее определенному плану.

Российские журналисты (и белые, и красные) понимали, что для успешной мифологизации общественного мнения освещение событий должно иметь твердую фактическую базу. Оперировать недомолвками, намеками и полунамеками без указания на факты недопустимо, так как это вызывает недоверие читателей. Екатеринбургские "Отечественные ведомости" подчеркивали, что, если "у газеты имеются серьезные и точные фактические данные...", она должна указать их и дать им... оценку, памятуя при этом, что факты имеют значение не столько сами по себе, сколько в зависимости от обстоятельств их породивших и в связи с последствиями, которые могут возникнуть из них"/55/.

Явное отсутствие объективности при освещении событий и недостоверная фактическая основа нередко приводили к тому, что общество переставало верить газетным сообщениям и воспринимало их как газетные "утки". Это создавало "в психологии народной массы настроение полного недоверия ко всем известиям, появляющимся на столбцах газет"/56/. Более того, недоверие к газетным сообщениям приводило к тому, что газетную информацию

население начинало воспринимать с точностью до наоборот. "И неудивительно, что обществу, которое стосковалось по истинным открытым сведениям, ничего не остается делать, как строить свои выводы на данных Вральманов, только перевертывая их положения ногами вверх", — анализировала настроения читателей читинская газета "Наш путь"/57/. При таком психологическом настрое манипулировать общественным мнением было очень трудно пропаганда не проникала в сознание читателей

В этих информационных условиях люди начинали активно верить слухам и жить в их атмосфере. В условиях революции и войны, материальной неустроенности, социальной дезориентированности и постоянного страха люди доверяли слухам во многих случаях потому, что больше верить было некому и нечему. Опасность слухов усугублялась еще и тем, что они распространялись гораздо быстрее, чем газеты, когда "ни один наиболее усовершенствованный информационный аппарат не был в состоянии доставить... столько сенсационных известий"/58/.

Большим доверием пользовались сообщения от, так называемого, "верного человека", которые содержали самую противоречивую информацию. От этого в сознании людей получался информационный "фантастический сумбур, который еще глубоко поражает и разлагает народное сознание"/59/. В подобных информационных условиях, при раскаленной общественной атмосфере население еще больше не доверяло газетным сообщениям. На основе переплетения слухов и газетной информации в сознании людей рождались мифы, которые самым решительным образом отличались от газетных. В ряде случаев чтению газет люди предпочитали помощь хиромантов, надеясь узнать у них "не о будущем — а о настоящем и прошедшем"/60/.

При этом слухи нередко целенаправленно фабриковались и распространялись политическими и военными противниками. В этом случае слухи и формировавшиеся под их влиянием мифы приобретали определенное идеологическое звучание и сильно влияли на развитие политической, социальной ситуации и ход военных действий. Цель распространения слухов, по мнению томской "Сибирской жизни", заключалась в том, чтобы "создать паническое настроение в тылу, заставить этот тыл заразить своим страхом фронт, и тогда отпраздновать легко доставшуюся, подготовленную по всем правилам новейшей тактики и стратегии победу"/61/.

В этих условиях властным структурам и господствующим политическим силам манипулировать общественным мнением становилось крайне сложно, а в ряде случаев и невозможно. Положение усугублялось военными поражениями, и связанным с ними усилением экономических тягот, когда у обывателей формировалось убеждение в ложности всех газетных сообщений о расстройстве политической, экономической и военной жизни в противобор-

ствующем лагере. Именно так произошло в Сибири во время разгрома Колчака, когда значительная часть населения поверила, "что "твердая" рука и решительная власть Ленина и Троцкого преодолевает все препятствия и непоколебимо идет к цели"/62/. И хотя осуществление большевистской цели не прельщало население этого региона, оно чувствовало "некоторое умирение перед совдепской властью"/63/.

Интересы достижения победы в борьбе за влияние на массы заинтересовывали руководство политических режимов и органы политических партий в том, чтобы газеты обязательно выполняли свои информационные функции и обеспечивали общество избыточной информацией. Манипулирование и массированное воздействие на политическое поведение общества осуществлялось на основе широкого освещения действительности и было связано с конкретными проблемами текущей политики. Поэтому содержание российских газет охватывало все стороны экономической, политической и духовной жизни России, а также основные события международного положения.

Газетные издания стремились освещать внутреннюю ситуацию в стране и показать читателям международное положение. В газетах присутствовали рубрики: "Вести о России", "Внутренние известия", "По России", "Русская жизнь" и т.п. Если это были советские газеты, то эти рубрики дополнялись такими, как: "По советской России", "В советской России", "Из советской России" и т.д. Во всех газетах под рубриками: "За границей", "Около мира", "Славянские дела", "Россия и союзники", "За рубежом", "Вокруг света", публиковалась международная информация. Те части мира, где происходили главные события, газеты выделяли отдельными рубриками: "В Англии", "В Германии", "Во Франции", "Китай", "В Японии", "Мирные переговоры с Финляндией" и т.д.

В региональных газетах к уже перечисленным рубрикам добавлялись разделы, где помещалась достаточно подробная информация о местной жизни. Среди наиболее часто встречающихся рубрик следует отметить: "Городская жизнь", "Местная жизнь", "По губернии", "По нашему краю", "По нашему уезду", "По области", "Свободный край", "Хроника" /имелась в виду местная хроника — Л.М./ и т.д. Но практически во всей региональной газетной прессе содержалась информация о положении в других регионах России. В советской газете "Вятская правда" под рубрикой "На Дальнем Востоке" освещалась ситуация в Дальневосточной республике. В Ставропольской (Самарская губерния — Л.М./ газете "Коммунист-(большевик)" существовала рубрика "Вести из Сибири". В колчаковских и денкиных газетах публиковалась информация о положении в Северной и Северо-Западной областях России. А в газетах Северной и Северо-Западной областей можно было прочесть о положении на белом Юге и востоке России.

В официальных изданиях много места уделялось деятельности центральных правительственных учреждений и региональных органов власти, работе местных органов самоуправления. Этой тематике были посвящены рубрики: "В министерствах", "По ведомствам", "В земстве" и др.

В целях актуализации агитации и пропаганды в газетах более подробное освещение получало положение в тех регионах, где разворачивались основные события революции и Гражданской войны. Так, во время антисоветского выступления на Дону под руководством атамана Каледина в советских газетах наиболее крупной была рубрика "На Дону". В ходе наступления Деникина в 1919 г. сибирские газеты постоянно информировали читателей о положении в этой части России под рубриками: "На Юге России", "На Украине", "На Кубани" и т.д. В условиях войны внимание общества было приковано, прежде всего, к ходу сражений. Поэтому газеты обращали первостепенное внимание на положение в армии и ход боевых действий, на успехи своих союзников и неудачи противников. Эта тематика освещалась в рубриках: "Борьба с большевизмом", "Борьба с белой Польшей и Врангелем", "В армии", "Вести с фронта", "Военный день", "Военный обзор", "Жизнь красноармейца", "Красная армия", "На Красном фронте", "На наших фронтах", "На Северо-западном фронте", "На Южном фронте", "Солдатская жизнь" и др.

Военными газетами постоянно велись отделы о внутренней и международной жизни, боевой и политической подготовке войск, о пропаганде военных и политических знаний. Военная газетная печать содержала обширную информацию о солдатской жизни, о культурно-просветительской работе в армии, о хозяйстве и снабжении воинских частей, о быте солдат, о деятельности особых отделов и трибуналов. В армейских газетах могло насчитываться более 20 отделов и рубрик. Они затрагивали не только военные сюжеты, но и много писали о положении в деревне и об аграрно-крестьянской политике. Создавались специальные крестьянские рубрики и приложения. Это объяснялось тем, что основу красной и белых армий составляли крестьяне, которым было чрезвычайно интересно положение деревни.

Неофициальный отдел печатных органов политических партий, общественных организаций, профсоюзов и кооперативов дополнялся разделами о деятельности этих объединений. Разделы могли называться: "Партийная жизнь", "Кооперативное дело", "Профессиональное движение". Для этой разновидности газет, а также для массовых газетных изданий всех российских политических режимов характерны рубрики, посвященные положению отдельных классов и социальных групп России. Для большевистских, меньшевистских и профсоюзных газет постоянной была рубрика "Рабочая жизнь". В ней систематически публиковались данные об экономическом положении рабочих, приводились конкретные факты о деятельности профессиональных организа-

ций. Эсеровские и крестьянские газеты издавались с рубриками "Крестьянская жизнь", "Как живет в новой деревне?" и т.д. Немногочисленные комсомольские газеты советской России имели специальные молодежные рубрики: "Как живет молодежь губернии?", "Как организовать союз молодежи?", "Молодежь и коммунизм", "Молодежь за границей" и т.п.

Содержание стенных газет РОСТА было более злободневным, чем содержание других видов газетной прессы РСФСР. В конце 1920 г. 67% из них вели на своих страницах агитационные кампании, тогда как среди газет видов этот процент равнялся 43. 68% стенных газет помещали злободневные статьи. Процент злободневных статей в остальных изданиях был равен 59. Однако стенные газеты РОСТА были бедны местным материалом. Почти 60% из них не помещали местный материал/64/.

Для удовлетворения интереса населения в информации о положении в противоборствующих лагерях редакции газет стремились показать политическую обстановку в лагере своих противников. В советских газетах повсеместно печаталась информация о положении на территории, занятой белыми армиями. В газетных изданиях небольшевистских политических режимов говорилось о положении в РСФСР. В большевистских газетах повсеместно была распространена рубрика "В стане контрреволюции". В газетах небольшевистских политических режимов о положении в РСФСР говорили в разделах: "В Совдепии", "В России у большевиков", "Вести из Москвы" и т.д. Подобная информация имела место во всей газетной прессе того времени. Можно сказать, что в России, разорванной на части политической непримиримостью и фронтами Гражданской войны, единственно, что оставалось более или менее единым — это информационное пространство. Основным источником информации о событиях в разных уголках России являлись газеты.

Журналисты показывали все стороны не только политической, но и экономической, а также духовной жизни общества. В газетах довольно часто встречаются материалы под рубриками: "Литература и искусство", "Наука и литература", "Сельское хозяйство", "Театр", "Театр и искусство", "Театр и музыка", "Финансы", "Биржа", "Финансы и промышленность", "Хозяйство" и т.д.

Журналисты пытались понять не только что происходило, но и почему совершались события, какие ценностные ориентиры и установки заставляли государственных и политических лидеров принимать политические решения, и в силу каких причин российское общество их признавало или отвергало. Пытаясь всесторонне осветить события, газеты дозировали информацию, чтобы проводить идейные принципы тех общественных сил, от лица которых они выступали. Проправительственная газетная пресса, печатные органы

партий и организаций больше писали о положительных фактах в деятельности властных и партийных структур, полнее освещали те стороны и явления действительности, которые подтверждали правоту государственных решений и партийных программ. Оппозиционные газеты больше обращали внимания на то, что их политические оппоненты и военные противники пытались затушевать, показывали их слабые стороны, теоретическую, идейную и практическую несостоятельность. При этом обе стороны стремились обосновать свои позиции, провести анализ фактов. Этим объясняется то, что российские газеты часто и охотно печатали на своих страницах лучших отечественных публицистов, обществоведов, философов, историков, деятелей культуры и т.д.

Эта кажущаяся объективность достигалась не всеми газетами. Но к ней стремились все издания. Интересное наблюдение в данном случае сделал известный врангелевский журналист Н.Верховский, летом 1920 г., проанализировав содержание номеров "Известий" Украинского ЦИК. Севастопольский журналист пришел к выводу, что позитивных материалов о выполнении украинскими крестьянами продразверстки на страницах "Известий" примерно столько же, сколько и материалов об уклонении от ее выполнения. Верховский подчеркивал, что в каждом номере газеты он встречал "красную" и "черную" доски. В первой рубрике шли славословия по адресу властей, подчинившихся требованиям государственной разверстки. Во второй — содержалась критика тех регионов, которые не выполняли разверстку. "Красная доска" была, "если не короче, то уж никак не длиннее "черной"/65/. Таким образом "Известия ВУЦИК" создавали у читателей видимость объективной информации. На самом деле, редакция "Известий" сильно занижала процент недовольных продразверсткой крестьян. По газете их получалось около половины. На самом деле недовольство было практически поголовным.

Давая правдоподобную картину действительности, газеты проводили в жизнь политические позиции своих учредителей, используя разнообразные формы печатной агитации и пропаганды. Они стремились руководить читательской аудиторией, подсказывали ей ответы на актуальные политические проблемы, предлагали свои правила политического поведения, указывали врагов и союзников. Основной смысл газетной пропаганды заключался в том, чтобы представить неудачи и поражения своих политических противников в качестве характерных черт их стратегии и политики, а свои собственные — как случайные ошибки, "что у них это результат всей правительственной системы, а у нас — следствие недобросовестных поступков отдельных лиц"/66/. Во-вторых, формы подачи материалов в газетах должны были создавать у читателей мнение, что у противников успехов гораздо меньше, а неудач вдесятеро больше, что "если мы сделали ошибку и частично поколебали свое положение, то положение врага не только колеблется, но потряса-

ется до глубины"/67/. Эта агитация должна была способствовать формированию мнений, отвечающих идеологическим целям учредителей и хозяев газет.

3. История Октябрьской революции и советской власти на страницах газет

Самое пристальное внимание российской прессы было приковано к анализу причин успешного захвата власти большевиками, функционированию большевистского режима и его военным победам. В газетной печати подробно освещался ход Октябрьской революции. Достаточно обстоятельно объяснялись причины распространения большевизма в России. Главную причину успеха большевиков газеты видели в социально-политических противоречиях российского общества. Большевизм имел для своего распространения глубокие корни, кроющиеся в особенностях исторического развития России. Корни его победы, по мнению газет, надо было искать в "социальном и политическом угнетении народных, трудящихся масс"/68/.

Нищее забитое население России потеряло надежду улучшить свое положение в рамках существующих общественных отношений. Оно стремилось к переделу собственности. Среднего класса, который страхует общество от этого шага, в России не было. Неимущие массы России в значительной массе "не приобрели здоровое инстинктивное чувство частной собственности"/69/. Потеряна была и вера в труд, как в основу личного благосостояния. Народы России не прошли той цивилизационной эволюции, "которая в западных странах совершалась в течение 19 века"/70/.

Царизм не смог обеспечить для народа, условий на "достойное человеческое существование", которое создает необходимые материальные условия свободы"/71/. Война сделала невыносимыми условия существования народных масс и до предела обострила социально-экономические и политические противоречия. Доведенные до отчаяния люди поверили агитации большевиков, которые обещали быстрое избавление от всех тягот. "Россия... и Европа оказались буквально придавленными тяжестью последствий войны, и бунтарский большевизм, при этих условиях есть ни что иное, как конвульсивные движения живого существа, на которое обрушилась непомерно тяжелая глыба", — анализировала причины победы большевиков Владивостокская газета "Эхо"/72/.

Революционные события 1917 г., распад российской государственности объективно способствовали победе большевистских сил. Русская революция представляла собой общественный регресс, разрушение политической и хозяйственной, духовной жизни общества. "Это есть разрушение, сгнивание, разорение", — писал И.А. Ильин/73/. Она несла вражду, недоверие, безответ-

ственность, "примитивную гнусность", "дьявольскую эксплуатацию "человеческой наивности"/74/. Произвол масс и властей становился всеобщим и безграничным, "произвол, подминает массы террором и развертывает свою волю"/75/. Революция вела к развалу российской государственности, усиливала разложение общества. Оно не выдержало испытание революцией. Это разложение привело к тому, что все темные, погромные, шкурные антиобщественные интересы и инстинкты масс выплыли наружу и стали определять развитие страны. В первую очередь, это было связано с настроениями солдат, которые были застрельщиками многих революционных начинаний. Революция, по мысли масс, "несет им освобождение от обязанностей". На самом деле она несет осуждение страны, физическое утомление народа, "культурное разорение и одичание". Государство и общество рушится в "пустоту анархического нигилизма"/76/.

Социал-реформистские партии, находившиеся у власти в 1917 г., не смогли решить насущных проблем общества, не сумели добиться доверия масс. Социал-реформистские партии своей деятельностью дискредитировали демократические политические платформы. Народ разуверился в их программах и поверил большевикам. "Но разве и до большевиков другие политические партии не приложили своих неумелых рук к темному народу и не довели его до восприятия большевизма? — задавала риторический вопрос газета "Наш день"/77/. Антибольшевистские газеты признавали, что попытка направить развитие России в 1917 г. по демократическому пути окончилась неудачей. Противоречия в развитии страны не позволили этого сделать. Наследие самодержавия и война, "запутанный клубок социальных противоречий создали для демократии неодолимые препятствия"/78/. Журналисты отмечали, что большевикам удалось захватить власть не потому что они были сильны, а потому что другие политические силы оказались слабее. Пролетарские массы под влиянием растущей нужды, угрожающей безработицы, опираясь на штыки солдат, ищущих мира во что бы то ни стало, попытались с помощью большевистской революции добиться полного осуществления своих чаяний и идеалов "вопреки воле значительных и экономически сильных слоев народа, вопреки основным историческим законам"/79/. Но, как отмечал Бердяев, это был закономерный итог развития русской революции, так как "в революциях неотвратимо господство якобинцев или большевиков"/80/.

Одной из причин победы большевиков, по мнению газет, являлось отсутствие в стране гражданского общества, политического воспитания и ответственности. Царизм не позволял населению России участвовать в политической жизни, и народ привык, что все сделают за него. В течение веков в русском народе воспитывалась покорность судьбе. Это воспитание лишило народ самостоятельности, и приучило его равнодушно относиться к тому, что

делает власть. Приход к власти большевиков явился "следствием дикого взрыва темных, подсознательных сил, накопленных веками физического и духовного рабства"/81/. Эта культурная отсталость была одной из причин, по которой большевикам удалось развязать Гражданскую войну. У народа не хватило политической прозорливости и культурности противостоять разрушительной экономической и социальной политике советской власти, которая довела страну до войны и разорения: "Посмотрите, с каким проклятым и варварским усердием в течение полутора лет русский народ разрушал свою... культуру, промышленность, торговлю, наконец, свое государство и армию, — подчеркивала газета "Наш день"/82/.

На успех большевиков сыграл религиозный менталитет общества: прочно устоявшееся в народном сознании представление, "что Небесный Иерусалим вдруг сойдет на русскую землю"/83/. В этом ожидании сказались традиционная вера русского человека в царство справедливости и социального блага. На победу большевистской идеологии оказали влияние и царистские иллюзии, которые были укоренены в народных представлениях. Если раньше русский мужик всех благ ждал от царя, то теперь он всего необходимого ожидал "от фиктивного существа, именуемого социализмом"/84/.

Победе большевиков способствовал популизм их пропаганды. Газеты отмечали, что большевики пришли к власти на пике своей популярности. Общество воспринимало их как демократическую партию. И хотя стратегическая цель большевиков о построении социализма была непонятна для большинства населения России, многое из того, о чем говорили лидеры РСДРП(б), импонировало людям. Все это обеспечило победу большевиков на выборах в советы. Большевики обещали быстрое выполнение основных требований народа, с которыми последний выступал в 1917 г., когда крестьяне требовали земли, а солдаты — мира, когда рабочие выступали за введение восьмичасового рабочего дня и повышение заработной платы, когда угнетенные народы восприняли торжество революции, как начало нового самостоятельного развития. Большевики уверяли, что все это выполнят, и эти заверения "сопровождались обещаниями... прекратить ощущавшиеся уже и тогда недостатки в необходимейшем"/85/.

Антисоветские публицисты отмечали, что победа большевистских сил не означала реализации в России социалистических идей. В отсталой России реализовать социалистические принципы было невозможно. И никто их не собирался реализовывать. Массы были чужды социализму, им нужны были социальные реформы. А большевистским лидерам надо было любой ценой закрепиться у власти. Действия большевистских руководителей и народных масс были реакционными и противообщественными, так как нарушали "все основные условия общественной жизни — собственность, функции управле-

ния, международные обязательства, суд, все основные права личности"/86/. Эти действия усиливали анархическое разложение страны и подготавливали будущие бедствия общества.

Большевики взвинчивали погромные, разрушительные, корыстолюбивые настроения масс, для того чтобы раздробить общество, натравить одни социальные слои на другие и установить авторитарный режим. Для этого большевистские вожди стремились к освящению "низменно-корыстных мотивов моральным пафосом благородства и бескорыстия... через прививку идейного яда социализма"/87/. Народные массы, доведенные до отчаяния, не смогли разобраться в мотивах большевистских лидеров, все идейные народные ценности оказались разрушенными и не давали ответов на суровые вопросы современности. В сознании широких народных масс наступил хаос. "Так разбивались все доступные пониманию народных масс связи, которые поддерживали в душе народа живое сознание единства родины, — писала "Пермская земская жизнь". — Широкие народные массы перестали чувствовать свою непосредственную связь с единым отечеством"/88/.

Сразу же после захвата власти большевиками газеты точно отметили характерную особенность Октябрьской революции. Они писали, что октябрьский переворот — это мелкобуржуазный солдатский бунт, где ненависть мелкобуржуазных слоев к капиталистической буржуазии слилась с пролетарским протестом. Оправу большевистского переворота составляла солдатская масса. Эта мелкобуржуазная стихия поглотила рабочую массу и окончательно обезличила ее. Такое положение сказалось в упрощении идеологии, в вульгаризации социалистической мысли, в примитивной бунтарской тактике, в крайней некультурности и чисто солдатской грубости этого движения. Таким образом, захват власти большевиками — это "плод реакционного бунтарства, а не революционной борьбы"/89/. Развитие революционного движения в 1917 г. вело к хаосу, который, по словам Бердяева, напоминал "революционный маразм", выразившийся в продолжающемся развале страны"/90/.

По мнению антибольшевистских газет, успехи большевиков в 1917 г. были мало связаны с коммунистической идеологией. Большевизм являлся чисто русской формой радикального общественного протеста и представлял собой "сплав из социальной деморализации и утопизма"/91/. Это было явление политического вырождения, болезненного состояния общества, желающего сразу же получить все, что может дать власть, не считаясь с реальными возможностями и общественной целесообразностью. Большевистские настроения выражали максимализм общественных притязаний.

Анализ газетами первых декретов большевиков о войне и мире подтверждал эту оценку. Декреты о мире и земле в том виде, в каком они были опубликованы, предлагали чисто популистские меры, которые невозможно

было реализовать с пользой для общества. Газеты отмечали, что на основе декрета о земле "вместо общественного всенародного владения осуществляется самый худший вид частной собственности — собственность захватчиков"/92/ и что "никакого общего почетного и четкого мира на демократических условиях" большевики заключить не смогут/93/. Страны Антанты не станут заключать такой мир с Германией. И большевистской России придется заключать сепаратный мир с немцами.

Большевистская и антисоветская газетная пресса широко освещала политику советского правительства и достаточно полно рассказывала о мероприятиях новой власти. Антибольшевистские газетные издания отмечали, что в результате большевистского переворота в России была установлена партийная диктатура, которая могла держаться только на основе полного свертывания демократических свобод. Публицисты показывали, как большевики уничтожали демократические свободы, представительные учреждения, цивилизованный суд. В антибольшевистских газетах говорилось о том, что руководство страной в центре и на местах перешло к партийным комитетам. Советы сохранялись только как ширма для всевластия большевиков. "Советы на местах являются лишь слепыми исполнителями предписаний сверху. Съезды советов и ЦИК оказались... придатками, не пользующимися никакими правами и не располагающими никакой властью", — анализировала содержание советской власти Владивостокская газета "Эхо"/94/. Советская пресса не скрывала, что в РСФСР создана большевистская диктатура, и в советах присутствует только одна партия. Однако она объясняла это тем, что в эпоху революционной борьбы и Гражданской войны иначе и быть не может. Большевистские газеты открыто писали, что террор лежит в основе советской государственной политики. Они объясняли это необходимостью защиты рабочих и крестьян от классовых врагов. "Революционная эпоха требует исключительных мер", — писали "Известия ВЦИК" в конце 1917 г./95/.

Антибольшевистская пресса предупреждала: террор большевиков будет усиливаться, по мере того, как слои населения, которые поверили большевикам, будут лишать их поддержки. Чем больше большевики будут видеть образующуюся вокруг них пустоту и враждебное отношение, тем более они будут пытаться насилием преодолеть неизбежное, объективными условиями вызванное недоверие и враждебное отношение к ним. Прежде всего, по мнению газет, это относилось к крестьянству, которое должно было отойти от большевиков после получения земли. "В самом деле, предоставляя деревню самой себе, большевики прекрасно знают, что после войны и раздела земель (в "социализацию" они, конечно, и сами не верят) крестьяне очень скоро потеряют интерес к общей политике, — писал меньшевистский публицист В. Горев/96/. Антисоветские газеты подчеркивали, что большевики осознают

шаткость своего положения. Поэтому они боятся Учредительного собрания, где будет представлено большинство населения страны и которое почти наверняка лишит большевиков власти. Анализируя политику большевиков, многие мелкобуржуазные и либеральные газеты писали, что политика большевиков не оставляет сомнения в том, что Учредительное собрание не будет иметь реальной сил и его большевики разгонят. Такое же мнение разделяла значительная часть населения. "У многих граждан возникает сомнение, стоит ли голосовать и идти на выборы, — отмечал кадетский "Московский листок"/97/.

Белая пресса подчеркивала, что большевики установили диктаторский режим. Большевики объявили себя носителями и знатоками народного права, а народ должен им беспрекословно повиноваться, так как только они, якобы, заботятся о его благополучии. Но это не так. Газетные публицисты отмечали, что любая диктатура в своем существе превращается в произвол над значительными социальными группами, над обществом в целом. "Россия в достаточной степени познакомилась с двумя видами абсолютизма — плутократией и охлократией, — писало Владивостокское "Эхо". — Ни диктатура, руководимая Распутиным, ни квази-пролетарская диктатура, болтающаяся на привязи у кучки бюрократов, уже не может представлять из себя желательной формы государственного строя"/98/.

Газеты показывали, что большевики, хотя и пришли к власти при поддержке рабочих, в ходе Гражданской войны превратились в партию партийных бюрократов, оторванных от народа. "В советской России диктатура пролетариата давным-давно выродилась в диктатуру над пролетариатом. Уродливые формы политического и социального строительства обусловили возникновение нового "правящего класса", новой бюрократии, опирающейся на чрезвычайные комиссии и войска "специального назначения", — характеризовал положение в РСФСР владивостокский журналист К. Самарин/99/. Воплощением большевистской диктатуры являлись органы ВЧК, они вместе с партийными комитетами и ревкомами обладали неограниченной властью. Антисоветская газетная пресса писала, что в советской России происходил сильный отрыв в уровне жизни и психологии между советскими чиновниками и основной массой населения. Новое советское чиновничество начало превращаться в привилегированную касту. Оно жило значительно лучше основной массы народа и проблемы народной жизни интересовали его только с точки зрения их собственного благополучия. Чиновничество — это "коммунистическая" буржуазия", — подчеркивалось в антисоветских газетах/100/.

Газеты показывали, что новый советский чиновник происходит из профессиональных революционеров. Профессиональный революционер в ходе подпольной борьбы превращается в вора, убийцу, демагога и лжеца. Революционер использует все средства для революции. В белых перчатках делать

революцию невозможно. Она дает ему власть, почести и преуспевание. Его личная карьера связана с успехом революции. В большевиках "революция открыто показала свое лицо: она есть система откровенной уголовщины". Новый строй, который создают советские чиновники, есть, как писал Ильин, "химический план осчастливления... система порабощения и высасывания масс в руках новой социальной элиты"/101/.

Добившись власти, профессиональные революционеры меньше всего думали о благосостоянии общества. Они стремились остаться при полученной власти и богатстве. Для этого ими создавалась новая социальная элита — номенклатура, куда они включали самих себя. Их государственная политика была направлена на сохранение своего собственного благополучия. Это можно было сделать, только формируя тоталитарное государство и "созидавая на почве всеобщего нищенства и унижения новое неравенство, — но, конечно, уже в их собственную пользу"/102/.

Антибольшевистская газетная пресса подчеркивала, что в результате установления власти большевиков массы были фактически отстранены от участия в управлении. Большевики объявили себя носителями народного права, народ не пользовался никакими реальными правами и выдвигался "исключительно в качестве декоративного оформления"/103/. Газеты отмечали, что, не принимая никакого участия в управлении, рабочие и крестьянские массы поставлены в бесправное унижительное положение. Большевистские газеты видели опасность бюрократизации советской общественной жизни. Они постоянно искали и методы борьбы с этим явлением, "лекарство против бюрократизма"/104/.

Но, вместе с тем, большевики боялись вводить в советской России демократические формы организации общества, что является лучшим средством против бюрократизма. Они понимали, что демократия лишит их власти. Поэтому к понятию "демократия" в большевистской печати обязательно добавлялся эпитет "пролетарская", что фактически лишало это понятие демократического смысла и имело целью сохранить власть коммунистической партии. Максимум, что предлагали партийные публицисты, это введение определенных норм демократической жизни внутри РКП(б), но с оговоркой, что эти нормы должны сочетаться "с сохранением полного единства в коммунистической партии"/105/. Данная оговорка обеспечивала всецелое большевистской номенклатуре.

Большевистская газетная пресса точно показала изменения, которые произошли с партией большевиков за время, когда она была у власти с окт. 1917 г. по 1920 г. включительно. За это время в ходе войны произошла милитаризация большевистской партии, ее организационных структур, менталитета и политической культуры. Коммунисты стали мыслить образами воен-

ных кампаний. Неудачи и срывы стали списываться на предателей и провокаторов. Большеви́стская идеология была враждебна любой другой системе идей, что вело к интеллектуальной самоизоляции большевиков. Либеральные и социал-реформистские газеты точно предсказывали будущее развитие большевистского режима. Среди возможного развития страны в случае победы большевиков газеты называли установление диктаторского режима и общественных порядков, "которые закрепят недемократическое устройство... с возвращением народных масс к их бесправному состоянию"/106/. Развитие СССР подтвердило прогноз российских газет. Сталинский диктаторский режим установил в стране тоталитарное правление, а народы страны сделал бесправными.

Однако белые газеты, критикуя советский режим, отмечали, что советские руководители действуют целю, решительно и по-своему логично. Они знают, что борьба за "торжество идей известного порядка" начата и не боятся идти до конца, дерзко поднимая "адское знамя террора и смерти"/107/. С точки зрения искусства политической и военной борьбы они превосходят своих противников. В частности, отмечалось, что действия большевиков в наибольшей степени позволяют обеспечить армию всем необходимым и тем самым поддержать ее боеспособность. Ряд газет считало это направление деятельности советской власти образцовым, чего не было у других политических режимов России и чего не хватало Российской империи в годы первой мировой войны. "Все для армии — когда-то любимый лозунг наших плакатов и, увы, только плакатов, никем иным как советской властью претворен в жизнь", — давал высокую оценку военной политики советской власти сибирский кадет И.А. Соколов/108/.

Достаточно высоко отзывались белые газеты о главном действующем лице большевиков — Ленине. Журналисты справедливо отмечали в его выступлениях и действиях маниакальную "оцепененность общей всепоглощающей бредовой идеи — о мировой пролетарской революции", но в тоже время подчеркивали ясность его мысли, трезвость его оценок, хорошее знание реального положения дел. В газетах неоднократно пророчески подчеркивалось, что ленинское наследие станет ценным источником по истории данной эпохи и будет приковывать внимание историков, желающих глубоко разобраться в этом периоде отечественной истории. "Многие из ленинских речей со временем остановят на себе... внимание историка, желающего разгадать эту чрезвычайно характерную, мрачно-загадочную фигуру российского Сен-Жюста", — писали екатеринбургские "Отечественные ведомости"/109/.

Анализируя на конкретных примерах экономические реформы большевистского правительства, российские газеты показывали, что большевистская экономическая политика вела к усилению хозяйственного кризиса. Пре-

одолеть кризис, доставшийся от Временного правительства, советские власти не могли. Попытки реорганизовать промышленность на социалистических началах внесли хаос в финансовое обращение и производство. Преодолеть этот кризис в советской России практически невозможно, считали публицисты антисоветского лагеря, т.к. большевики решили организовать хозяйственную жизнь "на основах противоестественных и антисоциальных"/110/. В России начали воплощаться западноевропейские теоретические концепции. "Социализм нетерпеливых вышел из научной лаборатории на мировую арену политической жизни, воплотил свою теоретическую концепцию в действительность", — отмечала газета "Юг России"/111/. Публицисты с тревогой отмечали, что проводимый эксперимент уже дорого обошелся России, но может обойтись еще дороже. Антисоветские газеты подчеркивали, что экспериментирование в аграрной сфере привели к обострению продовольственного кризиса и усилению голода. На нищенском пайке сидели Москва и Петроград, голодала провинция. И все это делалось "под видом "социализации" и "углубления революции", а шло все всплывавшим наверх подонкам общества"/112/.

Социально-экономическую политику "военного коммунизма" российская газетная пресса достаточно быстро определила как российскую модель немецкого военного социализма. Эта модель создавалась советской властью в условиях полного огосударствления промышленности и продовольственной диктатуры, ожесточенной классовой борьбы с коммунистической идеологической подоплекой. Большевики "сделали попытку заменить русский империализм злейшим германским", — отмечала газета "Наш путь"/113/.

Характеризуя советскую экономику, журналисты белой прессы сразу заметили одну важную деталь нового хозяйственного механизма, без которой он существовать не мог. Это — "черный рынок", который создавали бестоварье и спекуляция и который был нужен всем: и производителям и потребителям. Поэтому советская власть с ним не могла справиться, ибо "гони природу в дверь, — она войдет через окно"/114/. Публицисты, характеризуя развитие советской экономики, подчеркивали что, "черный рынок" давал возможность выживания для многих жителей РСФСР. Основные продукты питания и предметы первой необходимости они приобретали на "черном рынке".

Сами большевистские газеты достаточно точно характеризовали результаты советских экономических реформ, и их оценки не отличались от характеристик антисоветских публицистов. Как писалось в советских газетах, каждый "сознательный рабочий не должен зажимивать глаза, глядя на хаос, царящий сейчас в продовольственном, транспортном, распределительном деле, а должен тщательно разобраться в ходе экономической революции"/115/.

Хозяйственные реформы большевиков, согласно мнению советских журналистов, сопровождались "исключительной по своей силе разрухой во всех областях жизни"/116/. Переход предприятий под рабочий контроль и национализация банков привели к общему развалу промышленности.

Фабрично-заводские комитеты руководили промышленностью из рук вон плохо. Предприятия закрывались, рабочие от голода бежали из городов. "Почти все самые крупные заводы начали останавливаться... Производительность труда упала ниже, чем когда-либо раньше", — констатировала петроградская "Красная газета"/117/. Советские газеты не могли скрывать, что тыл разъедает спекуляция и воровство, а это сильно вредит политике правительства и является причиной многих антисоветских выступлений. Но газеты объясняли причины широкого размаха этих явлений не специфическими особенностями советского строя и хозяйственной политикой Совнаркома, а деятельностью "темных дельцов, примазавшихся к делу социалистического строительства"/118/. Главными виновниками хозяйственного кризиса большевистские газеты называли белогвардейцев, фабрикантов и помещиков.

Обострение экономического кризиса больно ударило по благополучию и социальному положению рабочих, от имени которых выступали большевики. Анализируя социальную политику советской власти, меньшевистские газеты показывали, что установление рабочего контроля на предприятиях привели к остановке предприятий и росту безработицы. Положение рабочего класса при большевиках начало сильно ухудшаться. Рост доходов "съедался" инфляцией, а повышение заработной платы создавало "только пустую иллюзию богатства и довольства"/119/. Общее ухудшение экономической ситуации отразилось на социальном положении крестьянства. В результате аграрной политики советов крестьянство начало отходить от большевиков, так как аграрная политика советской власти его не устраивала. Отбирая продовольствие, советы не давали крестьянам необходимых товаров. "Со своей точки зрения крестьяне рассуждали... совершенно правильно. — Если бы, взамен излишков нашего хозяйства, коммуна действительно давала бы нам соль, табак, мануфактуру — дело было бы иное. Но, если у нас только отбирают, а взамен дают только обещания, то с какой же радости мы будем трудиться?" — передавал настроения крестьян публицист Н.Верховский/120/.

В газетах достаточно подробно рассматривалась история введения принудительного регулирования закупок продовольствия. Политика внеэкономического регулирования аграрных отношений началась с 1914 г., когда царское правительство столкнулось с трудностями по заготовке продуктов, которые нельзя было решить эмиссионным способом. Поэтому основным инструментом борьбы с экономическим развалом в сельском хозяйстве стало государственное принудительное регулирование хозяйственных отноше-

ний. В 1915-1916 гг. последовал ряд мероприятий по ограничению рынка, организации планового снабжения и ужесточению контроля над ценообразованием. В частности, была введена обязательная поставка хлеба в казну, согласно погубернской, поуездной и поволостной разверстке. Временное правительство весной 1917 г. ввело государственную торговую монополию на хлеб. Однако она не дала реальных результатов, поскольку сохранившийся в нетронутом виде рынок промышленных товаров делал привлекательным для владельцев хлеба саботаж государственных заготовок. Большевики после провала попыток организации товарообмена между городом и деревней в условиях ожесточенной Гражданской войны и разрухи ввели продразверстку. Большевистские газеты признавали, что продразверстка вызывает недовольство крестьян и является причиной многих антисоветских мятежей. Крестьяне выполняли ее крайне неохотно и предпочитали "сплавлять продукты на "вольный" рынок по спекулятивной цене"/121/. Но другого способа решить продовольственную проблему советские газеты не видели.

Особое неприятие у крестьянства вызывало строительство сельскохозяйственных коммун. Причины этого неприятия заключались в том, что коллективные хозяйства снабжались орудиями производства, рабочим скотом и семенами за счет крестьян. Таким образом, коммуны ставились в привилегированное положение перед крестьянами. При этом хозяйственная деятельность и рентабельность коммун находились на низком уровне. Коммунары жили за счет того, что советская власть давала им как сторонникам и проводникам своей политики на селе. Это возмущало крестьян. Они видели в коммунарах дармоедов, которые живут за их счет. Сами коммунары проявляли "очень мало склонности перейти от загребания жара чужими руками к собственному продуктивному труду"/122/.

Антибольшевистские газеты отмечали, при наличии диктатуры любого класса не может дать национального сплочения и национального единства. При диктатуре, в какую бы форму она ни вылилась, подавляющая часть национальных усилий будет направлена не на созидательную работу, а на борьбу с диктаторской группой. Таким образом, большевистская социальная политика объективно означала развязывание Гражданской войны в России — "величайшее преступление большевиков"/123/.

Основную часть населения России — крестьянство — Советская власть ставила в подчиненное зависимое положение по отношению к рабочим. Меньшевистские газетные издания писали, что крестьянству большевики не доверяют и ставят его в неравноправное положение. Оно не обладает равными с рабочими правами. Таким образом, подчеркивали журналисты, в "трудовой семье социалистической республики есть любимцы и пасынки революции"/124/. Сами большевики понимали, что они не выражают инте-

ресы большинства, и что если крестьянство получит равные с пролетариатом права, они лишаться власти. В конце 1920 г. в ходе дискуссии о профсоюзах газета "Правда" писала: "Решающим фактом для нас является то, что пролетариат правит в стране с "крестьянским большинством"/125/.

Ухудшение экономической ситуации и тяжелое материальное положение рабочих и крестьян являлись источниками социальных конфликтов внутри советской республики. На страницах антисоветских изданий постоянно печаталась информация о мятежах и забастовках рабочих, которые подавлялись вооруженной силой. Однако рабочие выступления продолжались. "Этот способ, по-видимому, надолго обосновался в России и нужно приложить много труда, чтобы на его месте утвердить народоправство и нормальные методы государственного строительства", — отмечала Владивостокская газета "Эхо"/126/.

Тяжелое подчиненное положение крестьянства сильнее всего дестабилизировало положение в РСФСР. Советские и антибольшевистские газеты показывали, что в 1920 г. после побед большевиков на фронтах Гражданской войны против советской власти началось мощное крестьянское движение. Это привело к новому витку Гражданской войны. Главной причиной антисоветских восстаний была подрастерка, осуществление которой приводило к произволу и террору над крестьянами. Крестьяне в это время стали самыми непримиримыми врагами советской власти. В очерке, опубликованном в 1920 г. в севастопольской газете "Юг России", подчеркивалось, что "непримиримее других в своем отношении к коммуне — крестьяне"/127/. Но в то же время газеты отмечали, что крестьянские мятежи не могут свергнуть советскую власть, и "сломить ее армию повстанцы не могут"/128/. В этом журналисты видели проявление главной слабости крестьянского движения.

Советские и антибольшевистские газетные издания достаточно подробно писали о национальной политике большевиков. Стремясь привлечь массы к своей политике, большевики преобразовали Россию в федеративную республику и стали осуществлять на практике свою национальную программу права наций на самоопределение вплоть до полного отделения и образования самостоятельного государства. Этим правом воспользовался ряд народов, во многом для того, чтобы избежать у себя повторения большевистского переворота. В ходе Гражданской войны этот процесс усилился. Главным побудительным мотивом подобных стремлений было желание быстрее окончить у себя военные действия и начать мирную жизнь. В результате этой политики новые национально-государственные образования стремились приобрести "права гражданства не только внутри страны, но и вне"/129/.

Однако, как хорошо видно из газет, большевистское руководство использовало этот лозунг прежде всего для укрепления своей власти и победы

в войне. Советское руководство предоставляло независимость тем регионам, где антибольшевистские силы оказывались сильнее Советов. Тем самым раскалывался единый антибольшевистский фронт и значительно ослаблялись позиции сторонников единой и неделимой России. Параллельно в этих регионах усиливалась подрывная работа, направленная на дестабилизацию политической и социальной ситуации и создания благоприятных условий для победы большевистских сил и их союзников. В тех национальных регионах, где побеждали большевистские или пробольшевистские силы, народам силой навязывались советские авторитарные порядки, и ни о каком праве выхода речи быть не могло.

Такая политика большевиков была наглядно продемонстрирована во взаимоотношениях с автономным казахским национальным государственным образованием Алаш-Орда, созданным летом 1918 г. Весной 1919 г. после крупных поражений антибольшевистских сил на Восточном фронте руководители Алаш-Орды прибыли в Москву для переговоров о переходе на сторону советской власти при сохранении своей национальной автономной парламентской государственности в составе РСФСР. Руководил этой делегацией видный казахский общественный деятель А. Байтурсынов.

Это была вторая попытка казахских либералов утвердить казахскую автономию в составе РСФСР. Первая попытка была предпринята весной 1918 г. и окончилась провалом. После этой неудачи летом 1918 г. советская власть на территории Казахстана была свергнута, и создано государство Алаш-Орда. Его руководители стремились найти поддержку своей национально-государственной идее у белых правительств востока России. Однако эти правительства не поддержали идею автономного национального строительства в период войны и откладывали решение данной проблемы до победы над большевиками и созыва Всероссийского Учредительного собрания. В 1919 г. после разгрома антибольшевистских сил на востоке России казахские автономисты снова предприняли попытку спасти либеральную казахскую автономию.

В Москве Байтурсынов в печатном органе Наркомнаца газете "Жизнь национальностей" выступил со статьей, которую во многом можно считать базовой для перехода правительства Алаш-Орды на сторону большевиков/130/. Она должна была служить публичной гарантией верности казахских руководителей советской власти. В ней содержались достаточно подобострастные отзывы о советском правительстве и допускались резкие и, по сути, неверные выпады в адрес Колчака и сибирских антибольшевистских властей. Байтурсынов с пафосом пишет, что, прибыв в центральную Россию, он увидел "государственный порядок во всем" и политику соответствующую "провозглашенным в декларации прав народов России началам". Опираясь на эти

впечатления, он "от чистого сердца" стремился убедить своих единомышленников, "что, предпочитая советскую власть колчаковской, мы не ошиблись"/131/.

Характеризуя политику колчаковского Российского правительства, автор пишет, что ее содержание заключалось в возрождении России "в том самом виде, в каком она была до Октябрьской революции"/132/. Это совершенно неверно. Политика антибольшевистских сил Сибири не предусматривала реставрации царских порядков. Выводы статьи должны были вселить веру в казахское общество, что будет созван общекзахский съезд, на котором казахский народ "согласно объявленной советской властью декларации прав народов России" свободно решит свою судьбу.

В статье содержалось утверждение о неприемлемости для казахов большевистских порядков. Ссылаясь на отсталость казахского общества, автор делает вывод, что "киргизский народ еще не ощущал особенной нужды в социалистическом строительстве" и о социалистическом учении не слышал/133/. При этом Байтурсынов отмечал существование у казахов своего национального "своеобразного социализма и коммунизма, вызванных жизненными условиями". Видимо, таким образом он хотел убедить советское правительство не распространять большевистские эксперименты на Казахстан.

Однако и вторая попытка договориться с большевиками для казахских лидеров окончилась неудачей. Ничего иного ждать было нельзя. Не могли большевики оставить парламентскую государственность на советской территории. Намерение руководителей Алаш-Орды предотвратить или хотя бы задержать распространение на Казахстан большевистских порядков сразу же были пресечены руководством Наркомнаца. Спустя две недели в той же газете появилась статья, которая фактически была официальным ответом руководства наркомата на предложения алашординцев/134/. Она явно показывала стремление его руководителей утвердить большевистскую диктатуру в Казахстане. В ней, в частности, говорилось, что казахский народ "более восприимчив к идеям социализма, нежели какой-либо другой"/135/. Явный намек на скорое проведение в регионе большевистской политики. Это означало конец идее казахской парламентской автономии. Алаш-Орда была окончательно ликвидирована в марте 1920 г. постановлением Киргизского ревкома.

Газетная печать достаточно подробно освещала международную деятельность советской власти. Внешнеполитическая концепция большевиков неоднократно разъяснялась на страницах советских газет. Это — мировая революция и установление большевистского режима в других странах и на других континентах. Об этом открыто говорилось со страниц советских газет во время советско-польской войны 1920 г. "Известия ВЦИК" писали о надвигающейся "в соседних странах социальной революции"/136/. Антисоветские

газеты подчеркивали, что без нагнетания военной напряженности большевистский режим существовать не может, так как его экономическая и социальная политика неэффективны и губительны для общества. Существовать он может, только вовлекая в свою орбиту другие страны и народы, так как "успешные войны открывают перспективы насаждать в Европе большевизм силой оружия"/137/. Поэтому власть большевиков представляет угрозу миру и человечеству.

Особенно подробно в прессе разбирались мирные переговоры в Бресте. Большевистские и противобольшевистские газеты внимательно следили за ходом сепаратных советско-германских мирных переговоров. Они подробно освещали их ход, позиции сторон, условия соглашений и результаты. Газеты отмечали, что Брестский мир был грабительским, унижительным, не соответствующим первоначальным заверениям большевиков о заключении справедливого демократического мирного договора. Однако он давал возможность большевикам сохранить власть. "От могущественной необъятной России остались только жалкие клочки", — писала самарская газета "Наш день"/138/. Международное значение происходящих в России событий, по мнению белых российских журналистов, заключалось в том, что они наглядно показали, к чему может привести большевистский эксперимент. "Россия своею кровью, бессмысленными жертвами мучеников спасает Европу от большевизма", — отмечала газета "Приневский край"/139/.

Учитывая то, что захват большевиками власти в России являлся закономерным явлением, многие антибольшевистские газеты высказывали мнение о невозможности свергнуть их военным путем. Для того чтобы победить большевизм, необходимо уничтожить причины его породившие и среди них главные — нищету и отчаяние российского народа. "Ликвидировать большевизм — значит, уничтожить причины, обуславливающие его возникновение и развитие", — делала вывод газета "Эхо"/140/. В то время добиться этого было невозможно, следовательно, победа большевиков неизбежна, делали вывод многие газетные публицисты. И они были правы.

4. Газеты об антибольшевистском движении

Кроме анализа советской власти, газетная пресса широко освещала деятельность российских антисоветских политических режимов. Пресса всех направлений следила за ходом борьбы между ними и большевиками. Журналисты подчеркивали, что надежды антибольшевистских сил, в основном, были связаны с Учредительным собранием. В нем антибольшевистские силы видели возможность вывести страну из кризиса. Газеты отмечали, что вокруг

идеи Учредительного собрания можно было объединить народ для решения ближайших задач возрождения российской государственности, "организуя направляющую и регулирующую силу общественного мнения"/141/.

В газетной публицистике констатировалось, что достаточно большая часть русского общества понимала значение парламентаризма и демократических основ организации политической жизни, как условий, гармонизирующих общественные интересы. Тем самым обеспечивалась политическая стабильность, когда "воля каждого отдельного гражданина, организованного во влиятельные общественные союзы, непосредственно направляет правотворчество представительного учреждения"/142/. Однако белые газеты предупреждали, что добиться возрождения российской государственности через Учредительное собрание будет очень трудным делом. Основная сложность заключалась в разобщенности антибольшевистских сил, представители которых были представлены "во вновь формирующихся органах гражданской и военной власти"/143/.

Большевистские и антисоветские газетные издания подробно разбирали сущностные характеристики антибольшевистских режимов. Они анализировали модели их государственного устройства, рассматривали их социально-экономический базис, политико-административное и институциональное строительство. Газетные издания подчеркивали, что белые диктатуры не были приняты русским обществом и не выполнили своих функций по его консолидации для ликвидации большевизма. Газеты отмечали, что антибольшевистские режимы сочетали в себе половинчатость принимаемых решений, дряблость воли, боязливое топтание на одном месте, когда события требовали быстрого и смелого вмешательства. Все это проходило "красной нитью" через все перипетии борьбы"/144/.

Вся газетная периодика отмечала, что эти режимы разъедало политиканство, которое делало невозможным победу над большевиками. Антибольшевистские власти не смогли победить традиционный недуг российской политической системы — бюрократизм. Чиновничий аппарат белых режимов состоял из "бездарных бюрократов или дядюшкиных племянников, выписанных из-за границы"/145/. Этот аппарат работал плохо. Характерными явлениями в работе этого аппарата были канцелярщина и волокита. Это было особенно недопустимо во время войны. С таким уровнем работы государственного аппарата и кадровым составом чиновников белые государственные образования не смогли наладить работу тыла, обеспечить выполнение военных задач и доказать, что они умеют это делать лучше большевиков.

Антибольшевистские режимы разъедались политическими и социальными противоречиями. Вместо укрепления государственной власти в целях общей победы над большевиками конфликтующие стороны дискредитировали и шель-

мовали друг друга, вместо четкого выяснения стратегических приоритетов занимались амбициозным критиканством, вместо дружной государственной работы демонстрировали разгул политических страстей и интриг. "В результате получается то, что мы все еще толчемся в первоначальной стадии нашего государственно-правового строительства, тогда как враги наши подходят к последней стадии", — писали "Донские ведомости"/146/.

И большевистские и антибольшевистские газетные издания, анализируя политику белых правительств, отмечали, что они были не в состоянии учитывать настроения общества, а их политические устремления были далеки от народных. "Особенно больным моментом является разобщенность руководителей административно-политической жизни от общественного мнения", — подчеркивало "Тобольское народное слово"/147/. Более того, антибольшевистские режимы фактически начали реставрировать старые дореволюционные порядки, которые для общества были неприемлемы. Это еще больше усиливало раскол между антибольшевистскими властями и общественностью.

Газетная пресса неоднократно обращала внимание на то, что во внутренней политике антибольшевистских режимов далеко не всегда обоснованно используется террор. Белые правительства, армейское командование часто осуществляли политику террора в качестве акта мести против тех, кого они считали своими противниками. "Теперь, когда, казалось бы..., нужно построить новую государственность на основании закона и права, на основании уважения к гражданам и их правам, — переодетый в новый мундир охальник по-прежнему "в ус и рыло хлещет старого Гаврилу", сажает кого попало в катажку, а там для вразумления пускает в ход нагайку", — писали "Отечественные ведомости"/148/. В число врагов включались целые слои населения, нации, политические партии: рабочие, партии социал-реформистов, евреи, украинские самостийники, казачьи сепаратисты и др.

Эта ненависть в ряде случаев стала определять политику властей. Как правило, акты произвольного террора являлись противозаконными явлениями с точки зрения правовых норм, существовавших в законодательстве белых правительств. Однако самоуправство администраторов, офицеров и казачьих атаманов сходило им с рук. Белый террор усиливался по мере наступления Красной армии. Неудачи на фронте, вместо того чтобы сплотить защитников белого дела, приводили к обострению террора. Отступление белых войск проходило при отсутствии дисциплины и сопровождалось грабежами и насилием. Положение мирного населения было ужасным. Такое состояние окончательно подрывало доверие общества к антибольшевистским силам. "Нам неоднократно приходилось доказывать ту... мысль, что правительство будет сильным лишь при доверии к нему широких масс населения", — с горечью отмечала газета "Наш Урал"/149/.

Одно из основных мест в российских газетах отводилось колчаковскому перевороту 18 ноября 1918 г. Как и большевистский октябрьский переворот, омский переворот подвергался тщательному анализу. Оценка его не была однозначной. Пресса монархического и кадетского толка видели в нем желание объединить все антисоветские силы и возродить российскую государственность. Для большевистской периодики он являлся показателем контрреволюционности антисоветского лагеря. Социалистические мелкобуржуазные издания считали, что этот переворот расколол демократические ряды, ослабил антисоветские силы, и осложнил борьбу с советами. "На смену сплочения и объединения отдельных элементов русской общественности наступил снова хаос, снова посеяны партийные ссоры и внутреннее беспокойство", — писало "Тобольское народное слово"/150/.

Анализируя внутреннюю политику антисоветского лагеря, журналисты не могли пройти мимо рассмотрения деятельности социалистических и либеральных политических партий России. Российские газеты отмечали, что раскол общества отразился на деятельности политических партий и общественных движений. Необходимость долгое время работать в нелегальных условиях привели к тому, что они оторвались от народа, стали решать общественные проблемы без учета его мнения, погрязнув "в узости партийных программ, кружковых и личных интересов"/151/.

Такое положение привело к тому, что партии и общественные группировки, вместо того чтобы проанализировать ход революции и Гражданской войны, исследовать причины этих трагических процессов и искать средства для вывода России из кризиса, стали выяснять отношения друг с другом с помощью публичного навешивания ярлыков и взаимного огульного охаивания. Журналисты отмечали, что подобного рода политические контакты углубляли противоречия, усиливали Гражданскую войну и не могли явиться "надежным фундаментом... для созидательной работы в области национальной, политической, социальной, экономической и всякой другой"/152/. Политическая непримиримость, классовый и социальный эгоизм без учета общенациональных интересов в конечно счете обращались против тех социальных сил, интересы которых они представляли.

Газетная публицистика дает достаточно полное представление о характере и деятельности основных политических партий России. Она раскрывала положение буржуазных и мелкобуржуазных партий на разных этапах Гражданской войны, их взаимоотношения и программно-тактические установки. В газетах имеются материалы о положении и численности партийных организаций, информация о партийных съездах, совещаниях, о работе лидеров и идеологов партийных объединений. Оценивая деятельность своих политических оппонентов, журналисты часто давали обстоятельные оценки и мет-

кие характеристики эволюции различных партий и общественных движений. Так, большевистские газеты и печатные издания социалистических партий оценивали кадетов, как консервативную партию, которая не имеет опоры в массах. "Партия народной свободы не имеет почвы в широких кругах населения и, кроме того, в настоящее время эта партия стала консервативной", — констатировало "Тобольское народное слово"/153/.

Содержание практически всех кадетских изданий было подчинено одной цели — созданию государственной власти в соответствии с их партийной программой. С этих позиций одни газеты выступали резко, требовательно, другие — умеренно, выжидательно. Одновременно вся кадетская печать публиковала много статей с теоретическим оправданием белых диктатур как единственно возможной на данный момент формой правления. Так, красноярская газета "Свободная Сибирь" в статье "Великий диктатор" прославляла диктатуру Джорджа Вашингтона, которая в свое время, по мнению журналистов газеты, спасла США/154/.

Мелкобуржуазные и большевистские газеты стремились дать ответ на вопрос, почему партия кадетов не смогла возглавить белое движение. Главную причину этой неудачи газетные публицисты находили в том, что боязнь размаха революции привели конституционных демократов к идее установления военной диктатуры. На практике это приводило к реставрации дореволюционных порядков, с чем большинство населения смириться не могло. "Ожидать от кадетской партии истинного демократизма — все равно, что ждать от козла молока", — критиковала кадетов сибирская газета "Прибайкальская жизнь"/155/. Оппозиционная к кадетам газетная печать показывала, что кадетские лидеры не смогли создать эффективной антибольшевистской государственности. Реализуемые кадетские программы не приносили социальной стабильности, военных и экономических успехов.

Российские газеты неоднократно писали об идейной и организационной слабости российского либерального движения. Основным его недостаток они видели в том, что его идеологемы не могли увлечь общество. Оно было плохо знакомо с либеральными ценностями, и еще не осознало их значения для разрешения социальных вопросов. В условиях острой военно-политической борьбы основная масса населения не хотела эти ценности защищать.

Организационная слабость российского либерализма заключалась в его неопытности, в отсутствии лидеров, способных вызвать доверие общественности. Российские либералы в царское время сами выступали против действий властей и существовавших политических порядков. Выступали они, по меткому наблюдению Франка, как "отчасти культурные и государственно-просвещенные социалисты", отчасти как полусоциалисты, "усматривающие идеал в половине отрицательной программы социализма. Но несогласные на

полное его осуществление"/156/. Поэтому либералы не могли выступить в роли организаторов общества для борьбы с разрушительными действиями социалистов-большевиков. "Мы знаем... что столь несносный вашему сердцу либерализм таким влиянием не пользуется, — отвечала на критику социал-реформистов кадетская "Современная Пермь"/157/.

При этом либералы нередко пропагандировали такие взгляды на будущее российского общества, которые осуществить после Февральской революции и созыва Учредительного собрания было очень сложно и чревато крупными социальными потрясениями. Кадетские публицисты неоднократно высказывали мысли о необходимости ограничения демократических свобод после свержения большевиков. Исходя из того, что российское общество не доросло до широкой демократии, они ставили под сомнение полезность для государства полновластного Учредительного собрания, демократической республики, свободной прессы. "Но самое важное для нас в настоящее время — это определить тот размер демократизма, какой могла бы безболезненно принять в свое устройство будущая Россия, безвредно для своей внутренней жизни и внешней безопасности", — отмечалось в передовице "Современной Перми"/158/. Подобные позиции заставляли читателей сомневаться в последовательном демократизме либералов, что ослабляло их позиции в борьбе за общественные симпатии.

Оценивая политическую ситуацию в России, газеты социал-реформистских партий пропагандировали программу так называемого "третьего" пути, который мог, по их мнению, вывести страну из кризиса. Эсеровские и проэсеровские газетные издания пропагандировали необходимость введения в России демократических порядков. Они предупреждали, что большевистские экономические эксперименты приведут страну к краху. Эсеры претендовали на руководящее положение в руководстве страной, так как победили на выборах в Учредительное собрание. Пресса их политических противников, напротив, отмечала, что партия социалистов-революционеров не может говорить от имени большинства населения страны, крестьянства, так как не стала подлинно крестьянской партией. "Этого... на деле нет", — писал "Русский Север"/159/. Газеты отмечали: несмотря на то, что эсеры организовали первое сопротивление большевикам при Кумуче, они не смогли соединить действия партии с крестьянским движением. В связи со стратегическими просчетами и бездарностью лидеров партия понесла поражение и оказалась в политическом тупике.

По материалам газет можно составить себе представление о меньшевистских организациях России. В прессе содержался интересный фактический материал о состоянии меньшевистских организаций, их численном и социальном составе, о решениях их партийных съездов. Большое внимание

меньшевистские газеты уделяли пропаганде своей партийной программы, основные положения которой сводились к введению государственного регулирования промышленности, восстановлению капиталистических форм управления экономикой, прекращению Гражданской войны, возобновлению работы Учредительного собрания/160/.

Газетная публицистика политических противников меньшевиков писала о том, что меньшевики не смогли возглавить рабочее движение и оказать достойное сопротивление большевистскому влиянию. Кадеты и монархисты упрекали меньшевиков и эсеров в том, что они преувеличивали значение демократических форм и методов борьбы с большевиками. Эта слабость проявлялась в выборах в земские и городские органы самоуправления. Вместо того чтобы бросить все силы на борьбу с большевиками, меньшевики и эсеры тратили их на предвыборную борьбу. При этом участниками предвыборных баталий было хорошо известно, что выборы проходят при очень низкой активности избирателей. В редких городах Сибири количество проголосовавших жителей насчитывало 30% от общего количества избирателей. Во многих случаях на избирательные участки приходило всего несколько сотен человек/161/.

Кроме того, меньшевики и эсеры зачастую преувеличивали революционные возможности крестьянства. Лидеры меньшевиков и эсеров считали, что крестьяне поняли свое положение и сознательно ведут борьбу против большевиков. "Оно /крестьянство — Л.М./ заявляет там свое право на великодержавность в стране, на свою власть", — писала "Пермская земская неделя"/162/. Такая оценка крестьянских настроений была ошибочной. В ходе борьбы с большевиками крестьяне не стали самостоятельной политической силой и, в конце концов, поддержали большевиков.

Говоря о консерваторах и монархистах, российская газетная периодика отмечала, что крайне правые ничему не научились, и их единственное желание заключалось в восстановление старых порядков. Дореволюционные монархические силы были слабыми политическими организациями без своей идейной концепции и самостоятельных взглядов. Своей единственной задачей они видели "славословие, слепое повиновение, угождение, предупредительность" в адрес властей/163/. Во многом поэтому монархическая идеология не получила широкого распространения. Монархические идеи не пользовались широкой поддержкой общества. Пресса монархистов и консерваторов была слабой, а агитация мало убедительной. "Создается бульварного типа печать с монархическим содержанием", — ехидно замечала Владивостокская газета "Эхо"/164/.

Союз с консерваторами не мог усилить другие политические силы. Консервативное течение не воспринималось населением как политическая

сила, сохраняющая лучшие традиции общества. Общество связывало консерватизм с антинародной самодержавной политикой и погромными действиями черносотенных организаций. Этим российский консерватизм был сильно скомпрометирован. Российское общество интуитивно осознавало, что "смена политически красного черносотенства восстановлением того же черносотенства политически черного оттенка была продолжением кризиса государственности и развала жизни"/165/. Общественность не желала такого развития событий.

Российская антибольшевистская пресса много места уделяла проблемам создания и деятельности единого антибольшевистского фронта. Анализ газет свидетельствует, что единого антибольшевистского фронта в годы Гражданской войны создать не удалось. Большевики, кадеты, эсеры и другие антибольшевистские партии сильно конфликтовали друг с другом, и между ними наблюдались большие разногласия. Все это не давало возможности объединиться и сплоченно противостоять большевикам. Кадетская печать обвиняла меньшевиков и эсеров в том, что они в 1917 г. фактически развалили страну и способствовали приходу большевиков к власти. Их политика была бездарной и не отвечала интересам России. Они — неудачники, банкроты. Кадетская критика политики социал-реформистских партий очень напоминала оценку правления меньшевиков и эсеров, данную Бердяевым. Он писал, что присутствие русской социалистической интеллигенции у власти было явлением "трагикомического бессилия"/166/.

Во время Гражданской войны, подчеркивали кадетские издания, действия социал-реформистов раскалывали антибольшевистский фронт. По мнению кадетской прессы, в то время необходимо было насаждать единоличное правление. Главное внимание надо было уделить военному противостоянию большевикам, а не развитию демократических начал в обществе. Публицисты кадетской "Современной Перми" писали о том, что в условиях борьбы с большевиками необходимо "строить государство, но не общество "критически-мыслящих" личностей"/167/.

Социал-реформистские партии, в свою очередь, обвиняли местных кадетов в стремлении узурпировать власть и реставрировать старые самодержавные порядки. Большевикско-эсеровская пресса стремилась убедить читателей, что кадетская программа направлена на удовлетворение запросов буржуазных слоев общества и не учитывает интересы широких народных масс. Главные цели кадетской политики, по мнению меньшевистских журналистов, заключались в борьбе с "демократией во имя реставрации, во имя торжества цензовых элементов"/168/.

Большевистская и эсеровская части антибольшевистского фронта также были расколоты. В отношениях между ними сказывался недостаток парламентского опыта, длительное пребывание в подполье, местничество. Этой

проблеме меньшевикско-эсеровские газеты уделяли большое внимание. Так, в ходе подготовки к выборам в Пермское губернское земство местные эсеры потребовали для себя половину мест в предвыборном списке от социалистических партий и неприкосновенность их кандидатов. В тоже время кандидаты, выставленные другими партиями, должны были подвергаться тщательному обсуждению. Екатеринбургская газета "Горный край" так прокомментировала это решение пермских эсеров. "Нельзя ставить имена правоверных на суд беспартийных, — с большой долей сарказма и горечи писала она, — среди которых могут оказаться и нечестивые, и наоборот: необходимо профильтровать беспартийных, дабы устранить нечестивых"/169/.

Газетная пресса не могла пройти мимо экономической политики белых режимов. И большевистские и антисоветские газеты отмечали, что эффективной экономической политики антисоветские государственные образования выработать не смогли. Это приводило к тому, что хозяйственный кризис при этих режимах усиливался. "Омское правительство больше чем за полгода своего существования ровно ничего не сделало для борьбы с разрухой", — подчеркивала читинская газета "Наш путь"/170/. Газеты Северной области отмечали плачевное хозяйственное состояние области и неумение правительства края справиться с хозяйственными трудностями. "Наша близорукая политика ведет нас... к очень печальным последствиям", — отмечала газета "Русский Север"/171/.

Отменив продразверстку, антибольшевистские правительства не смогли наладить работу эффективного продовольственного аппарата и снабдить продовольствием города и армию. Разруха, продовольственные затруднения, дезорганизация тыла, холод, воровство, спекуляция, административный произвол делали жизнь людей невыносимой. Доверие к антибольшевистским правительствам сильно падало, что подрывало боеспособность армии и способствовало росту просоветских настроений и симпатий. "Но разруха и дезорганизация в тылу... поколебали наши успехи, — писала "Вольная Кубань". — В тылу жизнь приняла ужасающие уродливые формы. Спекуляция, хищение... дезертирство — все это переплелось в чудовишный клубок"/172/.

Одной из самых болезненных проблем внутренней жизни антибольшевистских режимов была спекуляция. Против нее руководители белых правительств не нашли средств защиты. Эта проблема приобрела политический характер, она сильно дискредитировала антибольшевистские силы. Спекуляция "есть не только обыкновенное преступление, но преступление с политической преступной целью", отмечала семипалатинская газета "Новое слово"/173/.

На страницах российской прессы самых разных политических направлений нашлось обстоятельное освещение социальной политики антибольшевистских российских государственных образований. Много внимания газетные

издания уделяли рабочему вопросу. С одной стороны, на страницах газет печатались статьи и заметки о готовившихся проектах законов по рабочему вопросу, а с другой — материалы об усилении эксплуатации рабочих, уменьшении заработной платы, увеличении продолжительности рабочего дня, локаутах. Журналисты признавали, что неудачное разрешение белыми диктатурами рабочего вопроса во многом предопределило их поражение. Они показывали, что антибольшевистские политические режимы не смогли улучшить положение рабочих. Война, провалы белых правительств в стремлении наладить хозяйственную жизнь привели к ухудшению их материального благополучия. Антисоветские правительства пытались поднять жизненный уровень рабочих, но все прибавки к зарплате обесценивались инфляцией, "и когда акт прибавки совершится, она уже является запоздалой, недостаточной"/174/. Антисоветскими правительствами не было выработано рабочее законодательство, которое эффективно регулировало бы трудовые конфликты и направляло разрешение возникающих проблем в цивилизованное русло. "У нас в России до сих пор нет рабочего законодательства, нет определенных юридических норм, регулирующих взаимоотношение труда и капитала и защищающих интересы рабочего-производителя от всеобщей эксплуатации", — с сожалением констатировали журналисты читинского "Нашего пути"/175/.

Положение усугублялось тем, что фактическая реставрация имперских порядков лишала рабочих социальных завоеваний февральской революции. Любые попытки рабочих отстаивать свои права пресекались по обвинению в большевизме и стремлению к восстанию. Российские бизнесмены не умели, а в ряде случаев и не хотели проводить соглашательско-реформистскую политику. "Предприниматели никак не могли отрешиться от взглядов на рабочего "как на безгласного раба, должного жить исключительно по воле хозяев, — писала газета "Наш путь"/176/.

Белые власти видели в рабочих потенциальных союзников большевиков. Свергнув советскую власть, они стали проводить по отношению к рабочим политику жесткого террора. Каждый рабочий был под подозрением, и даже профсоюзы, руководимые меньшевиками и эсерами, существовали на полулегальном положении. Забастовки беспощадно подавлялись. Все это вызывало недовольство рабочих, которые "получив большевистское восстание, не желают расставаться с "диктатурой пролетариата"/177/. Среди рабочих росло недоверие, а во многих случаях и злоба по отношению к антисоветским властям, усиливались симпатии к советской власти. Следствием этого являлись рост рабочих выступлений на территории белых режимов. Газеты достаточно подробно регистрировали многие значительные массовые выступления рабочих, а также давали немало материала о действиях властей по ликвидации забастовок. Подчас газеты являются

единственным источником по истории стачечного движения на территории белой России.

Столь же широко газеты показывали решение антисоветскими режимами крестьянского вопроса. И большевистские и антибольшевистские издания подробно анализировали аграрное законодательство всех антисоветских государственных образований и подчеркивали, что на подконтрольных им территориях шла реставрация старых царских порядков. Это означало фактическое возвращение помещикам земель, захваченных крестьянами в 1917-1918 гг. Вместе со старыми порядками возвращались и сами помещики. Они, несмотря на декларации белых правительств о необходимости укрепления средних и мелких хозяйств, проводили на местах антикрестьянскую политику. Это вело к подрыву доверия крестьянства к антибольшевистским правительственным программам. Так, в "Вольной Кубани" отмечалось, что "крестьяне... конечно, никогда не поверят, что крупный... помещик будет защищать их интересы, а не свои собственные"/178/. Такую политику газеты считали гибельной для борьбы с большевиками. Проводя ее, белые правительства усиливали недовольство крестьян, и сами приближали победу большевиков.

Недовольство крестьян усиливалось из-за того, что на занятых территориях белые стали проводить мероприятия, напоминающие большевистскую продрозверстку. Они начали реквизиции, стремясь выкачать у крестьян как можно больше продовольствия. Тем самым они восстановили против себя крестьянство. При этом солдаты, офицеры, казацкие командиры часто выходили из-под контроля гражданских властей и занимались грабежом. Это приводило к росту крестьянских мятежей, которые жестоко подавлялись. Российская газетная печать достаточно полно освещала историю крестьянских восстаний. Газетные сообщения дают представления о многих крестьянских восстаниях, их направленности, степени организованности и массовости. Главная особенность крестьянских восстаний в годы Гражданской войны заключалась в том, что российское крестьянство воевало против всех политических режимов.

Крестьянские мятежи оказывали нередко решающее воздействие на ход боевых действий. Отряды "зеленых" и дезертиров, примыкали то к одной, то к другой военной силе, которая благодаря этому и одерживала победы. Крестьянские повстанческие отряды и целые партизанские армии действовали в тылу и у белых, и у красных. Причина такого положения заключалась в том, что ни один политический режим не смог удовлетворить интересы этого ведущего социального слоя России. Севастопольская газета "Юг России" отмечала летом 1920 г., что ни одна из властей России "не разрешила коренного вопроса о земле и не дала настоящего правопорядка, основанного на свободном труде"/179/.

Немало писали российские газеты о положении солдат в белых армиях и об отношении офицерского корпуса к рядовому составу. Объективно рассказать о положении солдат в армии было сложно, так как цензурные правила фактически запрещали подобную информацию. Но, несмотря на это, в печать проникали сведения о том, что отношение к солдатам со стороны офицеров было жестоким. Солдаты белых армий не чувствовали себя граждански и социально защищенными. Их унижали, обкрадывали, на фронте они испытывали голод, острый недостаток обмундирования и предметов первой необходимости. Часто применялись телесные наказания. "Спросите раненных, спросите фронт... давно ли они видели сахар и ощущали его вкус. Увы, ответ будет самым плачевным", — подчеркивала "Вольная Кубань"/180/. Такое отношение вызывало недовольство солдат, многочисленными были дезертирство и случаи перехода солдат белых армий на сторону красных. Эти явления многократно усиливались в связи с военными поражениями белых.

Газетная пресса очень много места отводила проблеме распада России и обсуждению вопросов будущего территориального и национально-территориального устройства страны. Большинство антисоветских газет считали необходимым сохранить целостность страны, и многие видели эту возможность в демократическом устройстве страны, когда все проблемы будут решаться с учетом интересов малых наций и национальностей России. "Опасен ли этот инородческий сепаратизм России? — спрашивали журналисты читинского "Нашего пути". — Демократической нет, всякой другой — да"/181/.

И большевистские и антибольшевистские газеты достаточно объективно показывали причины распада Российской империи. Они считали, что причина этого процесса лежала в наследии, оставленном самодержавием. Несовершенство государственного управления, политика властей, не позволяющая малым народам России развивать свою культуру и свободно пользоваться родным языком и религией, были причинами национальной вражды и сепаратистских стремлений. Ослабление России в результате войны и революции усилили эти настроения и не дали "возможности установить разумной и дальновидной окраинной политики"/182/. Другая важнейшая причина распада страны, по мнению большинства газет, заключалась в специфике функционирования российских политических партий. Долгая работа на нелегальном положении в условиях постоянных репрессий и преследований властей привела к выработке у партийных функционеров антигосударственных позиций, которые они усиленно пропагандировали. Эта ненависть "к определенному государственному режиму переносилась вообще на всякий государственный строй и влекла за собою отрицательное отношение... к целостности... России"/183/.

По поводу будущего устройства России газетная периодика была во многом единодушна. Журналисты в своем большинстве понимали, что возвращение к имперской национальной политике невозможно. В качестве предложений высказывались мнения о федеративном устройстве России. Причем, речь шла не только о национальной, но и о территориальной автономии с региональными законодательными органами власти. На этом особенно настаивала газетная периодика казачьих областей. Федеративное устройство должно было лучше учитывать интересы регионов, территориальные, хозяйственные особенности краев, поднять социальную активность населения. Журналисты объясняли преимущества федеративного устройства тем, что в случае очередного государственного переворота ослабление центральной власти не так тяжело отразится на регионах и позволит избежать "анархии и братоубийственной войны"/184/.

Анализируя региональную политику белых режимов, и большевистские и антибольшевистские газеты особенно выделяли отношения правительств белых режимов с руководством казачьих областей. Эти отношения были сложные и показывали наличие больших противоречий среди участников антибольшевистского лагеря. В казачьих районах была сильна власть атаманов, которые во многих случаях не подчинялись единому управлению. Так, власть Колчака не простиралась дальше Иркутска. На востоке Сибири диктатором был атаман Семенов, который представлял собой наиболее одиозный пример, так называемой, атаманщины. Кроме Семенова, отряды атамана Анненкова контролировали семипалатинский край, части атамана Калмыкова — хабаровский, атаман Дутов — оренбургский. Из-за личных амбиций и политической недальновидности они нередко игнорировали распоряжения Верховного правителя, чем ослабляли антибольшевистское сопротивление на востоке России. Атаманы "думают больше о своих личных интересах, чем об интересах своей родины, в то время, когда соединенные силы всей страны необходимы для борьбы с большевиками", — писало "Тобольское народное слово"/185/.

Для большевистских газет эти противоречия в антисоветском лагере являлись показателем скорого разложения и разгрома белого лагеря. Антисоветская пресса давала неоднозначные оценки противостоянию белых правительств и казачьих властей. Ее главное внимание было приковано к югу России, где отношения командования Добровольческой армии с казачьими правительствами были чрезвычайно важны для военной победы. На страницах белой прессы нашли подробное отражение разногласия между командованием Добровольческой армии и казаками. Командование Доброй армии стремилось к воссозданию единой России, что не во всем соответствовало интересам казаков. "Добровольческая армия поставила себе задачей воссоз-

дание единой великодержавной России. Отсюда — ропот центробежных сил и местных больных самолюбий", — писали газеты/186/.

Однако отношение к этой проблеме было разное. Кубанские, терские и отчасти донские казачьи газеты настаивали на немедленном предоставлении казакам федеративных прав и политической самостоятельности. Они мотивировали это тем, что исторически жили в условиях самобытности. Как писали казачьи журналисты, казаки искони были демократами. Их военный строй, внутренние порядки, весь уклад жизни были пропитаны демократическими идеями. Но при царском режиме их свободы в значительной степени ограничивались, и возможности создать свою казачью государственность у них не было. Теперь они стремились осуществить ее во что бы то ни стало. Кроме того, как считала казачья газетная пресса, казаки заслужили это активной борьбой с большевиками. Созданием территориальных автономий, которые казаки готовы были защищать до последней капли крови, антибольшевистские силы на Юге России еще больше укрепятся. Их укрепление будет способствовать быстрой победе над советской властью и возрождению единой России. Газета "Вольная Кубань" писала, что казакам "до очевидно-сти ясна задача государственного строительства снизу вверх, от крепких самостоятельных частей, к еще более крепкому единому целому"/187/.

Газетные издания, представляющие интересы Особого совещания отмечали реалистичность политики Деникина по отношению к сепаратистской политике казачьих правительств. Они не отрицали необходимость будущего федеративного устройства России. Но, при этом, отмечали, что в настоящее время главная задача заключается в победе над большевиками. В такой ответственный момент необходимы концентрация сил и централизация руководства. "И в такой момент, требующий сосредоточения всех усилий на фронте, кажутся странными все препирательства о конституционных гарантиях, об ответственности перед парламентом того или другого министра и о праве главнокомандующего приостанавливать постановления законодательного собрания, направленные во вред основной задаче, задаче обороны", — оправдывал деникинский журналист Н. Чебышев деятельность деникинского руководства/188/. Проденикинские газеты убеждали читателей, что областной сепаратизм, политическая борьба за федеративное устройство государства играет на руку красным и не способствует военным победам.

Наряду с освещением национального и территориального сепаратизма на страницах антибольшевистской прессы поднимались вопросы русской национальной идеи. Нельзя сказать, что эта проблема обсуждалась широко, но ее присутствие заметно, особенно в армейских газетах. Активно разбиралась эта тема в прессе врангелевского Крыма. В антисоветской периодике русская идея нашла свое выражение в русской националистической идеологии.

Русский национализм понимался как российский национальный патриотизм, который "слабого делает сильным и непобедимым"/189/. Публицисты националистического толка отмечали, что русское общество слишком мало ценит свою родину, свое искусство, свое национальное достоинство. Причину этого газеты видели в слабом воспитании русского национального чувства в дореволюционной России. Авторы подчеркивали, что русский национализм не имеет ничего общего с черносотенством.

Газетные публицисты, пропагандирующие национализм, считали, что он должен стать единой идеологией всего антибольшевистского движения. На его основе необходимо сплотить антисоветские силы. По мнению этих публицистов, только такая идеология могла объединить народ в борьбе с большевизмом, сплотить массы в "единое и мощное целое"/190/. В этом отношении газеты националистического толка заимствовали опыт большевиков по созданию общего идеологического базиса общества. Политическими центрами антибольшевистских сил должны были стать "русские национальные ячейки" в виде местных национальных общин или землячеств. Армия также должна была быть политизирована, а солдаты получить право вступать в эти ячейки. Таким образом сторонники русского национального порядка стремились преодолеть политическую и организационную разобщенность антибольшевистского движения. Тут они также перенимали большевистский опыт. Журналисты открыто писали о заимствовании советского опыта, когда подчеркивали, что в большевистской идеологии коммунизм "прекрасно уживается с беспримерным национализмом и идеей святой Руси"/190/.

Русский национальный порядок виделся публицистам народным, демократическим, цивилизованным общественным устройством, функционирующим на основе частной собственности. Он пропагандировался как гегемония "культурного миродержания". В основе этого порядка, по мнению газет, лежала концепция "высшей организованности общежития и человеческого совершенства". Русский национальный порядок должен был позволить гармонично соединить для блага России западные и восточные традиции, взять все лучшее из Америки и Азии и "превратить мертвый скелет географической государственности в живое и пышное тело национальной культуры"/191/.

Национальное устройство России представлялось в качестве бесклассового, бессословного, социально однородного общества, где нет ни бедных, ни богатых. Есть только русский народ "во всей его органической цельности". Ему отводилась главенствующая роль в государстве. Учредительное собрание, по мнению публицистов националистического толка, после победы над большевиками должно было, прежде всего, позаботиться "о сохранении и восстановлении русской нации, единой неделимой и по-прежнему великой России"/192/.

При этом газетные публицисты утверждали, что сохранение единой России необходимо "для блага многих мелких народов" В едином большом государстве им будет лучше, чем в обособленных малых. Обособление несет этим государствам нищету, социальную нестабильность и международную зависимость Их развитие будет тяжелым и трудным "без России дорогой"/193/

Стремясь убедить малые народы России сохранить единство страны, журналисты националистического толка вместе с тем, допускали оскорбительные высказывания в адрес последних. На страницах газет помещались резкие и не всегда обоснованные выступления против стремления народов бывшей Российской империи к национальному самоопределению и образованию национальной государственности. Писалось, что нерусские народы во многом способствовали разложению русского общества, краху российской государственности и распаду России. Ссылались на наличие в революционном движении большого количества представителей нерусского населения, в первую очередь евреев. Причину этого явления авторы националистического толка видели в упадке русского национального "чести и достоинства"/194/. В размышлениях газетных публицистов этого направления видны черты, нашедшие свое воплощение в политике итальянских фашистов и немецких национал-социалистов. Исторический опыт показал, что словесная риторика о демократической социально ориентированной националистической политике на практике превращается в человеконенавистническую, агрессивную государственную практическую деятельность. В конечном счете, это приносит несчастье и унижение тому народу, ради которого националистическая концепция создается.

Российские газеты по-разному освещали деятельность интервентов. До осени 1918 г проблема военного участия иностранных держав в российских делах главным образом переплеталась с германским вопросом. Большевики в то время воспринимались практически всеми политическими силами в качестве союзников Германии. После окончания первой мировой войны основное внимание газет было приковано к участию стран Антанты в российских делах. Большинство антибольшевистских газет положительно оценивали их деятельность, считая, что помощь интервентов в экономическом возрождении страны очень существенна и что без них победа над большевиками будет невозможна. Особенно хвалили чехов, выступление которых весной 1918 г. привело к свержению советской власти на большей части территории России и которые, как писали белые газеты, "открыли новую страницу в нашей новой пореволюционной истории"/195/. Российские публицисты призывали правительства западноевропейских стран, США и Японии усилить военное вмешательство в Россию против большевиков.

Большевистская газетная пресса занимала другую позицию. В ней

отмечалось, что участие интервентов имеет цель помочь контрреволюционным силам свергнуть советскую власть и создать в России режим, полностью зависимый от западного капитала. Главный смысл интервенции большевики определяли как "раздел России" и "хищничество за счет русского народа"/196/. Советские газеты писали, что большевики противопоставили "империалистической интервенции" пролетарскую солидарность, которая выражалась в участии иностранных воинов-интернационалистов в гражданской войне на стороне советской власти. Участие в Красной армии большого количества венгерских, китайских, корейских, чешских, сербских добровольцев рассматривалось советскими газетами как признание идеалов большевистской революции и один из этапов подготовки мировой революции.

Не только советские, но и ряд антибольшевистских газет занимали достаточно критическую позицию по отношению к участию интервенционистских войск в гражданской войне. Одни издания считали, что в случае разгрома большевиков, союзники не должны принимать участие в занятии Москвы. Это надлежало сделать только русским частям. В противном случае российское общество может воспринять это событие как иностранное порабощение. Национальное самосознание будет оскорблено, а это в свою очередь может служить идеологическим основанием для нового большевистского мятежа. Занятие Москвы интервентами "окончательно... довело бы до высшего обострения национальное чувство, — но это было бы чувство не государственного сознания, а чувство нового и горшего мстительного бунта"/197/.

Другие издания занимали более решительные позиции. Газеты этой ориентации писали, что политика западных держав не имеет ничего общего с возрождением России. Сильная Россия не нужна западным странам. Анализируя действия командования интервентов, они указывали на то, что отряды союзников не проявляют активности в борьбе с Красной армией, а в основном действуют в тылу. Командование союзнических войск захватывает российскую собственность и не дает возможности русским властям пользоваться ей. Более того, интервенты претендовали на "прямое вмешательство во внутренние дела /России — Л.М./, при чем приемами не стеснялись"/198/.

Одной из наиболее крупных тем в антибольшевистских газетах была культурная политика антибольшевистских режимов. Антисоветские правительства со страниц белой прессы выступали в роли защитников русской культуры от варварских действий большевиков. Одна из самых больных проблем России начала XX века заключалась в недостатке образования и культуры у народа. Причины этого были понятны российскому обществу, и объяснялись, прежде всего, полуфеодальным самодержавным политическим строем. В период глобального переустройства государственности и Гражданской войны антибольшевистские правительства пытались, насколько это было возможно, под-

держат культурный и образовательный уровень населения, разъяснить сущность большевистской власти и ее угрозу для благополучия общества. Поэтому эта проблематика являлась актуальной и освещалась в газетах.

Большое место в освещении этой темы занимало положение книги в современной жизни российского общества. Газеты отмечали, что, несмотря на тяготы военного времени, интерес к книге не только сохранился, но и увеличился. Читали приключенческую литературу, интересовались философскими сочинениями, пользовалась спросом русская и зарубежная классика. Читатели из малообразованных слоев общества предпочитали книги религиозного характера и сказки "в прозе, в стихах, с картинками, без картинок"/199/. В те годы именно в сказке многие пытались на время найти забвение от трудностей жизни, так как сказка, по выражению Ильина, есть жизненная философия народа, "изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме/200/. На страницах антибольшевистских газет помещались материалы о русских писателях, по истории русской и мировой литературы, о литературных жанрах/201/.

Газеты призывали органы самоуправления, местную интеллигенцию сделать все, чтобы удовлетворить тягу людей к книге. Кооперативы, банки, промышленные предприятия призывались покупать книги и передавать их в лазареты, воинские части, библиотеки, так как книги исчезают "с окон и полок магазинов, из темной лавки-конуры букиниста, из обращения между читателями"/202/. Во многих городах страны были проведены "Дни книги". Они проводились под контролем и при содействии властей. Активную роль в проведении "Дней книги" играли союзы библиотекарей. В ходе их проведения собиралась учебная, художественная, справочная литература, ноты, письменные принадлежности. Так, 27 и 28 апреля в Перми с успехом были проведены "Дни книги", организованные Союзом городов и Союзом библиотекарей. Городские власти выделили для этой цели транспорт/203/. В ходе проведения этой книжной кампании было собрано много книжных изданий, бумаги и письменных принадлежностей.

Место книги в обществе было тесно связано с деятельностью библиотек. Газеты белой России уделяли этой теме большое внимание. Особенно много места отводили библиотечной тематике антисоветские издания Сибири. По мысли сибирских публицистов библиотеки становились центрами культурной жизни региона. Они являлись также центрами внешкольного образования на местах. При них открывались краеведческие и художественные музеи, кружки народного театра и изящных искусств, самообразования, культурно-просветительские, спортивные. Библиотеки организовывали специальные чтения, знакомящие малограмотные слои населения с общественной, социальной и культурной жизнью общества, историей и естественными наука-

ми. Они выполняли не только просветительские, но и учебно-методические функции. С этой целью при них создавались музеи наглядных пособий, где хранились таблицы, карты, диаграммы, диапозитивы с проекторами, киноаппараты с учебными фильмами.

Все газетные издания белой Сибири отмечали, что ведущую роль в просвещении населения края играли библиотеки земств и органов городского самоуправления, создаваемые при поддержке кооперативов. Городские думы и земские управы стремились создать библиотеки во всех населенных пунктах, подконтрольных противобольшевистской администрации. Уездная библиотечная сеть состояла из центральных уездных, районных, местных библиотек. Деятельностью земских библиотек руководили уездные отделы внешкольного образования земских управ, выделявшие большие суммы на развитие библиотечной сети и ее функционирование. В местах компактного проживания малых народов формировались библиотечные собрания на национальных языках. Земства налаживали библиотечное дело, опираясь на помощь и содействие общественности.

Журналисты подчеркивали, что самой трудной задачей являлась организация библиотек в сельской местности, население которой в подавляющем большинстве было неграмотно. Если на местах сформировать книжные собрания было невозможно, то создавались избы-читальни с небольшим газетным фондом. Там устраивались лекции и выдавались книги из передвижных библиотек. Эта работа имела чрезвычайно большое значение, так как крестьяне составляли костяк белой и красной армий. И от того, за какой политической силой они пойдут, зависел успех вооруженной борьбы. "Необходимо наши... библиотеки снабдить книгами с содержанием более близким и понятным для деревни", — писала газета "Голос Приморья"/204/.

В газетной прессе белой Сибири постоянно проводилась мысль, что большую помощь в организации городских публичных библиотек и обслуживании читателей оказывают университетские, железнодорожные библиотеки, а также библиотеки Русского географического общества и культурно-просветительских организаций. Богатые библиотечные собрания имели Западно-Сибирское, Восточно-Сибирское, Приамурское, Якутское отделения Русского географического общества и его подотделы: Семипалатинский, Алтайский, Красноярский, Владивостокский, Троицко-Савский и Читинский. Так, подотдел Русского географического общества в Семипалатинске имел научную библиотеку в 10 тысяч томов/205/.

Большими библиотеками владели Восточно-русское культурно-просветительное общество в Уфе, Хабаровское военно-просветительное общество, Хабаровский народный университет, народные дома. Алтайское художественное общество имело хорошую художественную библиотеку. Интересными биб-

лиотечными собраниями располагали Пермский научный музей, Общество русских ориенталистов в Харбине, Пермский научно-промышленный музей, Уральское общество любителей естествознания и др.

Газеты с удовлетворением отмечали, что организовывались библиотечные курсы для подготовки и переподготовки библиотечных кадров, сильно поредевших от мобилизаций. В Приморье летом 1919 г. Народный университет Владивостока принял решение организовать курсы библиотечного дела. Курсы предполагались по следующей программе: 1/ библиотечное дело. введение, история и современное состояние библиотеки, 2/ техника библиотечного дела: теория и практические занятия (осмотр библиотек, библиотечная выставка и пр.), 3/ библиография, практическая и теоретическая, 4/ библиотечное дело за границей, 5/ детские библиотеки, 6/ русская литература и история в связи с библиографией. Курсы были рассчитаны на 4-6 недель. Деньги планировалось достать у местных органов самоуправления, кооперативов и общественных организаций/206/.

Российские газеты очень обстоятельно анализировали причины поражения антисоветских сил. Различные аспекты этой большой проблемы обсуждали и большевистские и антибольшевистские издания. Но наиболее обстоятельный и беспощадный анализ давала именно антисоветская периодика. Газеты выделяли в качестве основной причины поражения белых отсутствие у их политических и идеологических лидеров общественных концепций, способных привлечь на свою сторону большую часть населения России. Антисоветские газетные издания с горечью признавали, что многие антибольшевистские программные положения массам малопонятны. "И чем дальше затягивается борьба /с большевизмом — М.Л./, тем яснее становится несостоятельность многих представлений, с которыми мы вступали в эту борьбу", — писал П.Б. Струве в южнорусской газете "Великая Россия"/207/.

Антибольшевистские газетные публицисты пытались проанализировать, почему политика белых правительств не устраивала общество. По их мнению, политика антибольшевистских сил не вызывала доверия у населения, не создавала надежду на будущее. Во многом из-за своей неопределенности. Народ считал, что его опять могут обмануть. Эти настроения были особенно характерны для крестьян. Значительную часть российской деревни пугало то, что белые правительства не устанавливают "определенного образа правления, а откладывают решение этого вопроса до Учредительного собрания — опять, де, жди"/208/.

Как одну из важнейших причин краха белого дела газетная периодика выделяла слабую социальную и национальную политику антибольшевистских правительств, срывы в экономических преобразованиях, произвол и террор. Властные структуры антибольшевистских режимов действовали неэффектив-

но. Управленческий аппарат не показывал образцы общественной порядочности и самодисциплины. Злоупотребления властными полномочиями были обыденным явлением антибольшевистской государственности. Все это "убивало в зародыше симпатии местного населения.."/209/.

Недоверие населения к властям препятствовало объединению общества вокруг властных структур и активизации общественной самодеятельности. Практически во всех газетах белого востока России был опубликован приказ Колчака, где он вынужден был признать, что широкое распространение получили "самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции, чинимые представителями власти.."/210/. Подобные действия администрации антибольшевистских государственных образований нередко превращали их сторонников в противников. Те общественные круги, которые сначала ожидали свержения советской власти, начинали объединяться против белых правительств и ожидать прихода Красной армии. Такое положение играло на руку большевикам.

Трагедия белого движения была в том, что оно осталось замкнутым, почти исключительно офицерским. Оно начиналось как движение группы людей, готовых пожертвовать жизнью ради возрождения России. "Это не была армия ни с какой стороны, — писала газета "Приневский край". — Это была группа людей, объединенных одною идеею, одною великою святою верою в светлое будущее"/211/. Несмотря на первоначальные военные и политические успехи, белое дело не сумело стать общенациональным движением, объединяющим все антибольшевистские силы. Оно осталось движением, лишенным широкой социальной базы, и не сумело установить отношений с политическими партиями крупной буржуазии и социал-реформистскими партийными объединениями, с либеральной и социалистической интеллигенцией. Все это сильно подорвало веру русского общества в то, что белое дело — это "борьба за правое дело"/212/.

Белые идеологи, считали, что армия превыше всего и должна стоять вне политики. Они рассчитывали, что, мобилизуя крестьянское население и отдавая приказы, они сумеют с успехом вести войну. В этом заключалась их кардинальная ошибка. В гражданской войне солдаты должны четко осознавать, за что они борются, а идеологи и руководители белых рассчитывали на слепое повиновение мобилизованных солдат. Руководство антибольшевистских политических режимов ставило на первое место интересы армии. Воссоздание представительных институтов считалось делом преждевременным. Деникин, Колчак, Юденич, оказались марионетками в руках генералитета. Так, газета "Вольная Кубань" отмечала, что окружение генерала Деникина делало все, "чтобы идея национального возрождения России была затаскана в грязь вместе с именем руководителя борьбы с большевизмом"/213/.

Газетные публицисты признавали, что население России нередко само противилось объединению. Отдельные слои населения, сотни тысяч людей думали не о благе и будущем страны, а о собственном благополучии и удовлетворении собственных интересов. "Классовый и индивидуальный эгоизм продолжает разрушать наш тыл", — отмечал публицист газеты "Киевлянин"/214/. Помещики стремились вернуть свои земли, промышленники — предприятия, казачество, в первую очередь, думало о своих привилегиях и сохранении своих земель и т.д. Победа большевиков — это показатель кризиса российского общества, которое оказалось неспособным к сопротивлению большевистскому эксперименту. Сказалась и усталость людей от войны и революции. Противобольшевистские газеты прогнозировали, что Гражданская война и поражение белых сил будут иметь чрезвычайно тяжелые последствия для российской общественности. И они оказались правы. К концу 1920 г. Россия представляла собой общество обезглавленных масс, где были уничтожены многие независимые общественные институты, и где население было лишено возможности защищать свою самостоятельность.

Неготовность общества к самоорганизации, недостаток в нем гражданственности, по мнению газетных публицистов, выражались в том, что общество в то переломное время оказалось неспособным к самоограничению. В массах быстро развилось нетерпение, разочарование, озлобление. Различные слои общества не понимали необходимости уважать права других. Война и разруха усилили апатию общества. Оно плохо верило политикам и не стремилось объединиться вокруг антибольшевистских правительств.

Одним из основных показателей неспособности общества защитить самого себя, явилось отношение к армии. Армейские проблемы не встречали необходимого понимания, армия не получала от общества нужной поддержки. Газеты постоянно писали о том, что предпринимательские круги неохотно снабжали армию средствами, с большим нежеланием жертвовали деньги на армейские нужды. Публицист павлодарской газеты "Голос степи" писал, что деятельность предпринимательских кругов направлена не на борьбу за "осуществление национально-государственных задач, а на... охрану интересов имущего класса"/215/. Распространенным явлением в белых армиях было дезертирство, когда "длинные вереницы совершенно молодых и здоровых людей тянутся в глубокий тыл, гонимые безотчетным и слепым чувством страха"/216/. По словам Бердяева, борьба с большевиками выявила, что "сам народ не хочет у нас чистого народовластия и не способен к нему на данном уровне развития"/217/. Такое состояние общества не позволяло эффективно противостоять большевикам.

Создаваясь и функционируя в условиях идеологизации всех сторон жизни общества, российская газетная пресса была основой глобального

манипулирования общественным мнением со стороны властных структур и ведущих политических сил страны в годы революции и Гражданской войны. Несмотря на то, что содержание газет было подчинено созданию политических мифов и легенд, они выполнили свои информационные и просветительские функции. На их страницах получили широкое отражение события революции и Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Мишуриис А.Л. Ленин и развитие печати советского государства. М., 1970. С.5.
2. Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность. Пг., 1922; Быстрянский В.А. Газеты в буржуазном и пролетарском государстве. Пг., 1921; Вардин И. (Мгеладзе). Советская печать М., 1924, С.Ингулова Партия и печать". М., 1928; П.М. Керженцев. Наша печать. М., 1925; Лебедев Д. Шесть лет московской печати. 1917-1923. Очерк истории московской печати со дня Октябрьской революции по настоящее время. М., 1924; Луначарский А.В. Задачи пролетарской печати. М., 1924, Урицкий С.Б. Наши итоги. Тринадцать лет красной печати. М.-Л., 1925 и др.
3. Урицкий С.Б. Указ. соч. С.65.
4. Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революции и Гражданская война на Дальнем Востоке. М.-Х., 1933.
5. Рейхберг Г.Е. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). М., 1940.
6. Гончаров А.А. Развитие местной партийной и советской периодической печати в период триумфального шествия советской власти (25 октября 1917 г.-февр. 1918 г.)// Вестник МГУ. Серия журналистика. 1966. N 5. с.49-61; Его же. Большевистские партийные и советские газеты периода триумфального шествия советской власти и начала Гражданской войны. 25 окт. 1917 — июль 1918. Дис... канд. ист. наук. М., 1969 и др.
7. Варецкий Б.И. У истоков советской печати. М., 1985; Бережной А.Ф. Ленин — создатель печати нового типа. Л., 1971; Круглов А.А. Ленин и становление советской прессы. М., 1973; Кузнецов И.В., Мишуриис А.Л. История партийной и советской журналистики. М., 1979; Кузнецов И.В.,

Шумаков А.В. Большевистская печать г. Москвы. М., 1968; Ленин и советская культура. Государственная деятельность В.И.Ленина в области культурного строительства (окт. 1917-лето 1918 гг.). М., 1960); Мишуриис А.Л. В.И.Ленин и развитие печати Советского государства. МГ., 1970; Его же. Печать, рожденная Октябрем. М., 1968; Морозов Б.М. Партия и средства массовой информации М., 1982, Р.П. Овсепян. Советская многонациональная печать. М., 1968; Он же. История советской журналистики. М., 1989; Он же. Партийная и советская журналистика в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920) и др.

8. Варнавский И.А. Партийное строительство красноармейской печати восточного фронта в годы Гражданской войны (1918-1919 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1974; Колычев В.Г. Партийно-политическая работа в Красной армии в годы Гражданской войны. 1918-1920. М., 1979; Кучирь А.Г. Большевистские военные газеты — боевой помощник Коммунистической партии в создании Красной армии. Дис... канд. ист. наук. Л., 1986; советская военная печать. (Исторический очерк). М., 1960; Сургай Ю.П. Большевистская печать в борьбе за слом старой армии и создание вооруженных сил социалистической революции (март 1917-март 1918 гг.). Одесса, 1979 и др.
9. Варецкий Б.И. Зарождение, формирование и роль комсомольско-молодежной печати в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны. М., 1970; Воронина В.Н. Становление советской вечерней газеты как типа издания (1918-1925 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1974; Ганичев В.Н. Система комсомольской печати СССР и ее роль в революционном воспитании подрастающего поколения (1918-1925 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1971; Он же. Молодежная печать: история, теория, практика. М., 1976; Он же. Боевой опыт комсомольской печати. 1917-1925. М., 1973; Машуков Т.И. Молодежная газета как тип периодического издания. Дисс... канд. ист. наук. М., 1974; Федоренко В.А. Периодическая печать советских профсоюзов и ее роль в борьбе партии за осуществление ленинской национальной политики (1917-1925 гг.). М., 1972 и др.
10. Кузнецова Э.И. Партийно-советская печать Дальнего Востока в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Дис... канд. ист. наук. М., 1970; Корнилов Е.А. Советская печать Дона и Северного Кавказа 1917-1925. Историческая типология. Ростов-н/Д., 1984; Кузнецов И.В., Шумаков А.В. Партийно-советская печать Москвы (1917-1945). М., 1980; Куликов К.К. Печать советской Камчатки. 1918-1958 гг. Петропавловск-Камчатский, 1958; Очерки истории партийно-советской печати

- Воронежской области, 1918-1945. Воронеж, 1978; Ракотушин Н.Ф. Периодическая печать Среднего Поволжья в первый год пролетарской диктатуры. Дис... канд. ист. наук. Куйбышев, 1983; Шумаков А.В. Партийно-советская печать г. Москвы. История. Типология. Эффективность печатного слова (1917-1945 гг.). М., 1987 и др.
11. Автайкин И.Е. Газетный и журнальный мир Мордовии. Ист.-библ. очерк Саранск, 1978; Боровик А.Н. Партийно-советская пресса как источник изучения проблем партийного строительства на Украине (1918-1920 гг.). Дис... канд. ист. наук. Киев, 1987; Насыров Т.М. Октябрь и печать Татарии 1917-1920 гг. Казань, 1975; Петров К. Возникновение чувашской журналистики. Чебоксары, 1983; Потапов П.Ф. История мордовской журналистики (1917-1934 гг.). Саранск, 1994; Романов А.С. Роль партийно-советской печати Калмыкии в борьбе за защиту советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства (1918-1929 гг.). Дис... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1973; Сергеев М.Т. Возникновение и развитие печати Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1971; Солдатенко В.Ф. Большевицкая пресса Украины в 1917-1918 гг.: Историко-библиографический обзор. Киев, 1979 и др.
  12. Будников В.П. Большевицкая партийная периодическая печать в период подготовки и проведения Октябрьской революции (март 1917-февраль 1918 гг.). М., 1968; Балуев Б.П. В.И. Ленин в борьбе против русской буржуазной и оппортунистической прессы. М., 1968; Гончаров А.А. Борьба советской власти с буржуазной и мелкобуржуазной печатью// Вестник МГУ. 1968. Вып.4. С.13-22; Окорочков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970; Приставкин В.А. Московские большевики в борьбе за ликвидацию контрреволюционной печати в 1917-1918 гг.// Труды Горьковского инж.-строит. ин-та им. В.П.Чкалова. 1970. Вып.53. С.86-95 и др.
  13. Волгин А.П. Буржуазная пресса и подготовка военной диктатуры Колчака// Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Сб. статей. Томск, 19184. С.108-109; Его же. К характеристике периодической печати сибиря как источника по истории колчаковщины// Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С.64-75; Его же. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина. Дис... канд. ист. наук. Томск, 1990; Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 — март 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы. Автореф. дис... д-ра. ист. наук. Томск, 1995; Никитин А.Н. Источники по истории Гражданской войны в Сибири и их использование в советской исторической литературе. Дис... д-ра ист. наук. М., 1992; Семенова Н.М. Периодическая печать как источник по истории "демократической" контрреволюции. Дис... канд. ист. наук. Томск, 1977; Ее же. Профсоюзная печать Томской губернии как источник по истории рабочего движения в Сибири в период "демократической" контрреволюции в 1918 г.// История СССР и история КПСС Томск, 1972. Вып.3. С.44-45; Ее же. Периодическая печать Сибири как источник по истории по профсоюзного движения в томской губернии в период "демократической" контрреволюции// Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып.2. С.79-95; Ее же. Положение сибирской печати в период "демократической" контрреволюции// Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири (1905-1920 гг.). Сб. статей. Томск, 1982. С.278-286; Ее же. Печать об отношении крестьянства к социально-экономической политике Временного сибирского правительства// Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С.137-145 и др.
  14. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики М., 1996.
  15. Там же. С.34.
  16. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917-май 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1995.
  17. Криворотов А.В. Буржуазная печать Сибири в период революции 1917 г. Томск, 1994.
  18. Горяева А.Ю. Становление советской тотальной цензуры//Вестник Моск. ун-та. Журналистика. N 10. 1992. N 2. С.32-40; Горяева Т.М. Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 20-30-х годов)//История СССР. 1990. N 4. С.112-122; Ее же. Советская политическая цензура (История, деятельность, структура)// Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры. Минск-М., 1995; Жирков Г.В. История советской цензуры: Материалы к лекционному курсу по истории журналистики России XX века, спецкурсам, спецсеминарам по истории цензуры. СПб., 1994 и др.
  19. Горяева Т.М. Журналистика и цензура (По материалам советского радиовещания 20-30-х годов)//История СССР.1990. N 4. С.112.
  20. Горяева Т.М. Советская политическая цензура (История, деятельность, структура)// Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры. Минск-М., 1995. С.16.
  21. Венков А.В. Антибольшевистское движение на юге России. Дисс... д.и.н. Ростов-н/Д., 1996; Его же. Антибольшевистское движение на юге России на начальном этапе Гражданской войны. Ростов-н/Д., 1995; Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. М., 1993; Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов. белое дело России и германская интервенция в 1917-1920 гг. Волгоград. 1997; Гражданов

- Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград, 1997; Дерябин А. Белые армии в гражданской войне. М., 1994; Зимина В.Д. Белое движение в годы Гражданской войны. Волгоград, 1995; Ее же. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997; Интервенция на Северо-Западе России. 1917-1920 гг. СПб., 1995; Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995; Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993; Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995; Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917-1920 гг. Дисс... д.и.н. Ярославль, 1995; Его же. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990; Его же. Украина в 1918 году: Гетман П.П.Ско-ропадский. Ярославль, 1993 и др.
22. Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов... С.25.
  23. Там же.
  24. Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность... С.434.
  25. Там же. С.435.
  26. Рыбников В.В., Слободин В.П. Указ. соч. С.11.
  27. Головин Н.Н. Российская контрреволюция Ч.1-5, кн. 1-12. Париж, 1937; Милуков П.Н. Россия на переломе. Т.1-2. Париж, 1927 и др.
  28. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917. Изд. 2-ое. Париж, 1984; Его же. "Красный террор" в России. 1918-1923. М., 1990; Его же. Трагедия адмирала Колчака. Ч.1-2. Белград, 1930-1931 и др.
  29. От автора// Мельгунов С.П. "Красный террор" в России. 1918-1923. Берлин, 1924. С.Х11.
  30. Фельштинский Ю. Большевики и левые эсеры, окт. 1917 — июль 1918 гг. На пути к однопартийной диктатуре. М., 1985.
  31. Карр Э. Большевицкая революция 1917-1923. Т.1-2. М., 1990; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879-1929. История и личность. М., 1991; Dacy D. The White Russian Movement. Rh. D. Thesis, 1972; Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. The First Year of Volunteer Army. Werkely, 1971; Kenez P. Civil War in South Russia, 1919-1920: The Defeat of the Whites. Werkely, 1977; Lincoln B. Red Victory: A History of the Russian civil War. N.Y., 1989; Luckett R. The White generals. An Account of the White Movement and the Russian. Harlow, 1971; Mewdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987; Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917-1921. Princeton, 1974; Stewart Y. The White Armies of Russia: A chronicle of Counter-

- Revolution and Allied Intevention. N.Y., 1933 и др.
32. ГАРФ. Ф.16, 148, 176, 439, 446, 1700, 3695, 4910; РГВА. Ф.1, 7, 9, 221, 25853, 39450, 39457, 39465, 39499, 39597, 39720 и др.
  33. Там же. Ф. Ф.19, 391, 440, 952, 4626, 4686 и др.
  34. РГАСПИ. Ф.17.
  35. Алексеев Н.Н. Из воспоминаний// Архив русской революции (далее — АРР). М., 1991. Т.17. С.170-255; Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935; Валентинов А.А. Крымская эпопея (По дневникам участников и по документам)// АРР. М., 1991. Т.5. С.5-100; Вержбицкий Н.К. Записки старого журналиста. М., 1961; Врангель П.Н. Воспоминания. Ч.2. М., 1992; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918-1920 (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т.2; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т.4; Калинин И.М. Русская Вандея. М.-Л., 1926; Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. М., 1969; Лебедев Н.А. Смольный, Москва, Россия (1918-1921 гг.): Записки журналиста. М., 1974; Литовский О.С. Из прошлого советской печати// Литовский О.С. Так и было. М., 1958; Лукомский А.С. Из воспоминаний// АРР. М., 1991. Т.5. С.81-160; Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922; Оболенский В. Крым при Врангеле// Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С.367-448; Раковский Г. Конец белых// Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С.399-448; Соколов К.Н. Кубанское действо// АРР. М., 1993. Т.18. С.237-253; Его же. Правление генерала Деникина. София, 1921; Штерн С. В огне Гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Берлин, 1922 и др.
  36. РЦХИДНИ. Ф.584. Оп.1; РГАЛИ. Ф.17, 374, 377, 455, 1059, 1367, 1370, 2261, 2560; Отдел рукописей Института мировой литературы (далее — ОР ИМЛИ), Ф. 22, 353, 470; Отдел рукописей Государственного литературного музея (далее — ОР ГЛМ). Ф.24, 117 и др.

ГЛАВА 1

1. Гончаров А.А. Партийно-советская периодическая печать от У11 до У111 съезда РКП (б)... С.10.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия М., 1983. С.440.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же. С.440-441.

6. Там же.
7. Там же. С.440.
8. Газеты советской России. М., 1921. С.38.
9. Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. С указанием изданий в 1918 году. Томск, 1919. с.19-20.
10. Семенова Н.В. Периодическая печать Сибири как источник по истории демократической контрреволюции. Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1977. С.209-217.
11. ГА РФ. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.18-23об.
12. Кузнецова Э.И. Партийно-советская печать Дальнего Востока в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Дис... канд. ист. наук. М., 1970. С.100.
13. ГА РФ. Ф.148. Оп.6. Д.79. Л.29об-30, 30об-31, 34об-35, 36об-37.
14. Кузнецова Э.И. Указ. соч. С.100.
15. Матвеев З.Н. Периодическая печать на дальнем Востоке в период революции 1917-1922 гг. Владивосток, 1923. С.10-11.
16. Воронова Е.Е. Региональная газета "Приазовский край" 1891-1917 гг. Историко-типологическое исследование. Ростов-н/Дону, 1994. С.160.
17. Оболенский В. Крым при Врангеле//Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С.384.
18. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)-РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1967. Т.3. С.66.
19. Протоколы ЦК РСДРП(б). авг. 1917 — февр. 1918. М., 1954. С.166.
20. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)... М., 1957. Т.2. С.87.
21. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты периода триумфального шествия советской власти и начала Гражданской войны (25 октября 1917 г. — июль 1918 г.). Дис. ...канд. ист. наук. М., 1968. С.42.
22. "Известия ВЦИК". 1918. 28 июля.
23. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты... С.62.
24. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.24. Л.19.
25. Там же. Д.26. Л.10.
26. Там же. Д.27. Л.1.
27. Там же. Д.24. Л.42.
28. Там же. Д.31. Л.41.
29. Там же. Д.24. Л.44.
30. Там же. Ф.1700. Оп.5. Д.63. Л.27-27,об.
31. Энгельгардт Б. Контрреволюция// "Диалог". 1996. N 5-6. С.93.
32. Редакция. Объединение печати// "Таврический голос" (Симферополь). 1920. 2(15) июля.

33. Там же.
34. Оболенский В. Крым при Врангеле// Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С.385.
35. Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С.34-35.
36. Оболенский В. Указ. соч. С.384.
37. Горн В./Л/. Гражданская война на Северо-западе России. Берлин, 1923. С.21.
38. ГАРФ. Ф.16. Оп.1. Д.100. Л.27-27об.
39. Раковский Г. Конец белых// Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С.439.
40. Предварительная цензура// "Отечественные ведомости" (Екатеринодар). 1919. 31 мая.
41. Там же.
42. Там же.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.53.
44. "Правда". 1917. 27 окт.
45. Декреты советской власти. Т.1. М., 1957. С.24-25.
46. Гончаров А.А. Борьба советской власти с контрреволюционной буржуазной и мелкобуржуазной печатью (25 окт. 1917 — июль 1918 гг.)// "Вестник МГУ". Серия 10. Журналистика. 1969. N 4. С.16.
47. Окорочков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С.312.
48. Там же. С.316.
49. "Известия ВЦИК". 1918. 9 июля.
50. Окорочков А.З. Указ. соч. С.311.
51. Декреты советской власти. Т.1. М., 1957. С.55.
52. Гончаров А.А. Борьба советской власти с контрреволюционной буржуазной и мелкобуржуазной печатью... С.22.
53. Окорочков А.З. Указ. соч. С.325.
54. У111 Всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. М., 1920. С.19.
55. Косых Е.Н. Советская власть и оппозиционная периодика Сибири (ноябрь 1917 — май 1918 гг.)// Культура философия и история. Томск, 1994. С.64.
56. Там же. С.156.
57. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917-май 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1974. С.147.
58. Ган Ан. (Гутман А.). Россия и большевизм. Ч.1. 1914-1920. Шанхай, 1921. С.248.
59. Никитин А.Н. Источники по истории Гражданской войны и их использо-

- вание в советской исторической литературе. Дис. ...д-ра ист. наук. М., 1992. С.208.
60. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. (1918-1920). Пекин, 1921. Т.1. Ч.1. С.170.
  61. Адрианов А.В. Указ. соч. С.23-24.
  62. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.79. Л.76.
  63. Адрианов А.В. С.24.
  64. Кузнецова Э.И. Указ. соч. С.272.
  65. Штерн С. В огне Гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Берлин, 1922. С.120-121.
  66. Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С.440.
  67. Там же.
  68. Там же. С.440-441.
  69. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.24. Л.35об.
  70. Там же. Л.35.
  71. Кучирь А.Г. Большевистские военные газеты — боевой помощник коммунистической партии в создании красной армии (Окт. 1917 июль 1918 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. Л. 1986. С.42.
  72. Там же.
  73. Там же. С.71.
  74. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С.99.
  75. Там же.
  76. Там же.
  77. Там же.
  78. Там же.
  79. Варнавский И.А. Партийное руководство красноармейской печатью Восточного фронта в годы Гражданской войны (1918-1919 гг.). М., 1974. С.54.
  80. Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР... С.99.
  81. Варнавский И.А. Указ соч. С.64.
  82. Морозов П.М. Организация политической работы в массах в годы Гражданской войны (1919-1920 гг.)// "Ученые записки московского областного педагогического института им. Н.К.Крупской. Т.95. Вып.8. М., 1961.
  83. Ознобишин Д. Красноармейские газеты на фронтах Гражданской войны/ / "Пропагандист и агитатор РККА". 1939. N 8. С.22.
  84. Советская военная печать (исторический очерк). М., 1986. С. 86.
  85. Брыляков Н.А. Российское телеграфное... М., 1976. С.53.

86. Энгельгардт Б. Контрреволюция// "Диалог". 1996. N 5-6. С.93.
87. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты... С.96.
88. Там же. С.97.
89. Гражданская война и иностранная военная интервенция... С.94.
90. Там же. С.440.
91. Там же. С.278.
92. Ляхов Н.А. Известия Новониколаевского совета рабочих и солдатских депутатов и большевиков Новониколаевска// X1 научная сессия Новосибирского пед. ин-та. Исторические науки. Вып.1. Новосибирск, 1967. С.14.
93. Энгельгардт Б. Указ. соч. С.93..
94. "Дело рабочего". 1918. 15 сент.
95. "Воля Сибири". 1918. 7 авг.
96. Федоренко В.А. Периодическая печать советских профсоюзов и ее роль в борьбе коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики (1917-1925 гг.) Л., 1977. С.24-25.
97. Там же. С.28, 62.
98. Там же. С.65.
99. Там же.
100. Там же. С.67.
101. Там же. С.68.
102. Никитин А.Н. Периодическая печать Сибири как источник изучения организаторской и идеологической деятельности большевиков в годы Гражданской войны// Организаторская и идеологическая деятельность большевиков Сибири в период борьбы против царизма и капитализма. Омск, 1987. С.145.
103. Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1976. С.124.
104. ГАРФ. Ф.4626. Оп.1. Д.135. Л.24-24об.
105. Ларьков Н.С. Борьба коммунистической партии с мелкобуржуазной стихией и эсеро-анархистским влиянием в партизанском движении в Сибири (1918-1920 гг.). Дис... канд. ист. наук. Томск, 1980. С.111.
106. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.25. Л.77.
107. Там же. Л.2.
108. Там же. Д.24. Л.27.
109. Газеты советской России... С.58.
110. Издательское дело в первые годы Советской власти (1917-1922 гг.). М., 1972. С.48.
111. Инструкция для редакций красноармейских газет// "Политработник". 1920. N 2. С.16.

112. ГАРФ. Ф.418. Оп.6. Д.47. Л.34.
113. Вардин И. (Мгеладзе). Советская печать. М., 1924. С.131.
114. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты... С.98.
115. Там же.
116. Издательское дело в первые годы Советской власти (1917-1922 гг.) М., 1972. С.39.
117. Ознобишин Д. Красноармейские газеты на фронтах Гражданской войны// "Пропагандист и агитатор РККА". 1939, N 8, С. 21.
118. О пропаганде произведений В.И.Ленина в годы Гражданской войны// Научные труды по истории КПСС. Республиканский научный сборник. Киев, 1983. (Вып. 125). С.69-70.
119. Ознобишин Д. Красноармейские газеты на фронтах... С.21.
120. Хлебцевич Е.И. Опыт библиотечной работы на фронте// Советская библиография. Сб.3. 1935. С.16.
121. Варнавский И.А. Партийное руководство красноармейской печатью... С.63-64.
122. Федоренко В.А. Указ. соч. С.65.
123. Там же. С.66.
124. Никитин А.Н. Источники по истории Гражданской войны в Сибири и их использование в советской литературе. М., 1982. С.265.
125. Семенова Н.В. Периодическая печать Сибири как источник по истории демократической контрреволюции. Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1977. С.22.
126. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.79. Л.30,об-31.
127. Там же. Л.29,об-30.
128. Там же. Л.130,об-131.
129. Там же. Л.51,об-52.
130. Там же. Л.63, 69,об-70, 74,об-75.
131. Там же. Л.29,об-30, 34,об-35, 47,об-48, 74,об-75.
132. Там же. Л.52,об-53, 53,об-54, 99.
133. Там же. Л.47,об-48, 74,об-75, и т.д.
134. Там же. Л.34,-35, 36,об-37, 66,об-67, 74,об-75.
135. Там же. Л.33. 50,об-51, 60,об-61 и т.д.
136. Редакция. Объединение печати// "Таврический голос" (Симферополь). 1920. 2(15) июля.
137. Косых Е.Н. Советская власть и оппозиционная периодика Сибири (ноябрь 1917 — май 1918 гг.)// Культура философия и история. Томск, 1994. С.65.
138. Там же.
139. Там же.

140. Издательское дело в первые годы Советской власти (1917-1922 гг.). М., 1972. С.27.
141. Газеты Советской России. (По сведениям на 1 января 1921 г.). М., 1921. С.53.
142. Семенова Н.В. Периодическая печать Сибири как источник по истории демократической контрреволюции. Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1977. С.22.
143. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.47. Л.38.
144. Газеты советской России. (По сведениям на 1 января 1921 г.) М., 1921. С.58.
145. Адрианов А.В. Указ. соч. С.20.
146. Там же. С.21.
147. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 9. С.36.
148. Там же. N 3. С.37.
149. Там же. N 2. С.35.
150. Кучирь А.Г. Указ. соч. С.74.
151. Бережной А.Ф., Смирнов С.В. Бойцы революции. Сотрудники большевистской печати. Л., 1977. С.105, 149, 150, 224, 232.
152. Там же. С.197.
153. Там же. С.250.
154. Кузнецова Э.И. Из истории периодической печати ДВР// Вопросы истории партийных организаций дальнего Востока. Хабаровск, 1968. С.122.
155. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)-РКП(б). Т.3. М., 1967. С.34-36.
156. Там же. С.64.
157. Там же. С.127.
158. Кузнецова Э.И. Из истории периодической печати ДВР...С.109-110.
159. Там же. С.213.
160. Там же. С.134.
161. Пролетарские писатели. Антология пролетарской литературы. М., 1928. С.104.
162. Бережной А.Ф., Смирнов С.В. Указ. соч. С.178.
163. Там же. С.13, 296-297, 317, 396-397, 403, 447, 498-499, 566-567, 600-601.
164. Там же. С.237.
165. Варецкий Б.И. У истоков советской печати. М., 1985. С.105.
166. Там же.
167. Там же.
168. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты...С.124.
169. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 4. С.18.

170. Там же. N 2. С.27.
171. Там же. N 3. С.32.
172. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 7-8. С.24.
173. Там же. N 4. С.18; "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 5. с.38.
174. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 7-8. С.25.
175. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 1. С.38.
176. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 2. с.34.
177. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 9. С.23.
178. "Новая русская книга" (Берлин). 1923. N 5-6. С.50.
179. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 9. С.25.
180. Там же. N 2. С.22.
181. Там же. N 1. С.24; N 3. С.31.
182. Бурлюк Д. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919-1920 гг.)// "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 2. С.47.
183. Там же.
184. Арнольдов Л.В. Указ. соч. С.223-224.
185. Там же. С.241.
186. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 4. С.15.
187. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 3. С.37.
188. "Знамя революции" (Томск). 1921. 26 авг.).
189. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 1. С.27.
190. Там же. N 2. С.27.
191. Там же. N 4. С.21.
192. Там же. N 1. С.27.
193. Там же. N 2. С.25.
194. Там же. С.24.
195. Там же. N 1. С.28.
196. Там же. N 4. С.17-18; "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 9. С.36.
197. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 3. С.28.
198. Там же. N 2. С.22.
199. Там же. N 4. С.18.
200. Там же. N 4. С.24; N 5. С.24; N 7-8. С.23.
201. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 6. С.31.
202. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 6. С.32.
203. Там же.
204. Немирович-Данченко Г.В. Указ. соч. С.35-36.
205. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.428-429.
206. Сосновский Л. О борьбе с голодом и "крестовом походе"// "Правда". 1918. 20 июня.
207. Карпинский В.А. Владимир Ильич Ленин — вождь, товарищ и человек//

- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти тт. Изд. 3-е. М., 1984. С.282.
208. ГАРФ. Ф.130. Оп.2. Д.1142. Л.65.
209. РГАЛИ. Ф.2460. Оп.2. Д.19. Л.115.
210. Каравашкова С.В. Рабселькоровское движение в первые годы советской власти. М., 1967. С.10.
211. Шейнин М. Рабочие корреспонденты. М.-Л., 1923. С.15.
212. "Правда". 1920. 3 дек.
213. Всем комитетам бедноты и коммуна// "Беднота". 1918. 1-3 нояб.
214. Грандов М.С. Тов. Ленин у корреспондентов "Бедноты"// "Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. N 1. с.6.
215. Инструкция для редакций красноармейских газет// "Политработник". 1920. N 2. С. 15.
216. Рабочие и крестьяне, пишите сами рабоче-крестьянские книжки// "Беднота". 1919. 23 июля.
217. РЦХИДНИ. Ф.584. Оп.1. Д.18. Л.275-276; 283.
218. Серафимович А. Кружковое занятие рабкоров// Собр. соч. Т.3. М., 1980. С.361.
219. ГАРФ. Ф.391. Оп.1. Д.9. Л.18.
220. Там же.
221. Там же.
222. Л.В. Е-в /Евдокимов/. Печать и война// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1919. 7 мая.
223. Там же.
224. "Известия ВЦИК". 1918. 27 февр.
225. ГАРФ. Ф.176. Оп.14. Д.18. Л.8.
226. Там же. Ф.148. Оп.6. Д.83. Л.22.
227. Там же. Л.11.
228. Михеева Г.В. История русской библиографии 1917-1921 гг. СПб., 1992. С. 350-351.
229. Там же. С.110.
230. Список поврежденных изданий за 1917 г. Пг., 1919. Ч.1. Еврейская периодическая печать в 1917 и 1918 гг. Пг., 1920.
231. ГАРФ. Ф.176. Оп.14. Д.18. Л.8.
232. Там же. Л.10,об.
233. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.83. Л.11,об.
234. Там же. Л.12.
235. Там же. Л.23.
236. Там же. Л.1,об.
237. Там же.

238. Там же.
239. Об учреждении Временного бюро книжной палаты и краевых ее отделений// "Правительственный вестник" (Омск). 1919. 5 июня.
240. Мартынов И.Ф. Начало государственной библиографии в советской России в 1919-1920 гг.// "Советская библиография". 1966. N 6. с.56-57.
241. "Вестник Временного правительства Северной области" (Архангельск). 1920. 15 февр.
242. ГАРФ. Ф.6390. Оп.1. Д.28. Л.1.
243. Горн В. Гражданская война на северо-западе России. Берлин, 1923. С.257.
244. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.56. Л.8.
245. Там же. Л.19.
246. Там же.
247. Бюро печати// "Вестник ВУСО". 1918. 30 авг.
248. ГАРФ. Ф.19. Оп.1. Д.2. Л.75.
249. Библиотечный отдел РОСТА (Доклад заведующей библиотекой т. Зиглин)// Первый съезд работников РОСТА. Материалы к съезду. 1920. 20 мая. N 2. с.3.
250. "Беднота". 1918. 10 мая.
251. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)-РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1968. Т.3. С.66.
252. Там же. М., 1970. Т.5. С.23.
253. Инструкция для редакций красноармейских газет// "Политработник". 1920. N 2. С.16.
254. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.83. Л.11.
255. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.72.
256. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 9. С.18; "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 3. С.38.
257. Михеева Г.В. История русской библиографии 1917-1921 гг. СПб., 1992. С.364
258. Адрианов А.В. Указ. соч.
259. Михеева Г.В. Указ. соч. С.33.
260. ГАРФ. Ф.176. Оп.14. Д.18. Л.11.
261. Л.В. Е-в /Евдокимов/. Печать и война// "Вольная Кубань". 1919. 7 мая.

ГЛАВА 2

1. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты периода триумфального шествия советской власти и начала Гражданской войны (25 октября 1917 г. — июль 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С.42.

2. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 3. С.31.
3. ГАРФ. Ф.4886. Оп.1. Д.30. Л.2-2,об.
4. Приказ Революционного Военного Совета Республики об учреждении литературно-издательского отдела политического управления РВСР от 25 окт. 1919 г.// Отчет о деятельности литературно-издательского отдела политического управления Революционного Военного Совета Республики от 1 июня 1919 по 1 июня 1920 гг. М., 1920. С.36-37.
5. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Сб. док. М., 1957. Т.2. С.288.
6. ГАРФ. Ф. 952. Оп.1. Д.6. Л.1.
7. Там же. Оп.3. Д.210. Л.54.
8. Там же. Оп.1. Д.6. Л.1.
9. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 9 авг. С.2.
10. ГАРФ. Ф.952. Оп.2. Д.1. Л.43,об.
11. Там же. Д.2. Л.2.
12. Там же. Оп.1. Д.34. Л.13.
13. Там же. Ф.4910. Оп.1. Д.3. Л.5.
14. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.33-35.
15. Там же. Ф.148. Оп.6. Д.23. Л.1.
16. Там же. Оп.6. Д.23. Л.3.
17. Там же. Ф.4910. Оп.1. Д.1. Л.26.
18. Там же. Ф.439. Оп.1. Д.1. Л.1,об.
19. Там же. Д.4. Л.2.
20. Там же. Л.1,об.
21. Там же. Д.25. Д.21. Л.4,об.
22. Там же. Ф.440. Оп.1. Д.116. Л.13.
23. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 2. С.29.
24. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.233.
25. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 7-8. С.24.
26. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.114-115.
27. "Вольная Кубань". 1919. 13 авг.
28. Фалеев З. В народ// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1919. 11 июля.
29. Валентинов А.А. Крымская эпопея (по дневникам участников и документам)// Архив русской революции (в дальнейшем — АРР). В 22-х тт. М., 1995. Кн.5. С.7.
30. Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С.90-92.
31. Алексеев Н.Н. Из воспоминаний// АРР. В 22-х тт. М., 1995. Т.17. С.246.
32. Немирович-Данченко Г.В. Указ соч. С.43.

33. ГАРФ. Ф.19. Оп.1. Д.2. Л.62.
34. "Вестник ВУСО". (Архангельск). 1918. 27 сент.
35. ГАРФ. Ф.17. Оп.2. Д.72. Л.1.
36. Там же.
37. Там же. Л.4,5.
38. Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства Северной области. 1919. N 6. С.8. Ст.290.
39. ГАРФ. Ф.3695. Оп.1. Д.217.50.
40. Постановление Временного правительства Северной области о Северном правительственном Бюро печати// Вестник Временного правительства Северной области (Архангельск). 1920.31 янв.
41. Там же.
42. ГАРФ. Ф.4910. Оп.1. Д.11. Л.9,об.
43. Там же. Ф.176. Оп.9. Д.1. Л.197.
44. Там же. Л.9.
45. Там же. Ф.4910. Оп.1. Д.11. Л.9,об.
46. Там же.
47. Там же. Л.10.
48. Там же.
49. Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай. 1935. С.217.
50. ГАРФ. Ф.4910. Оп.1. Д.11. Л.14.
51. Там же. Л.12, об.
52. Там же.
53. Там же. Л.14.
54. Там же. Ф.4626. Оп.1. Д.19. Л.103.
55. Там же. Л. 104.
56. Там же.
57. "Заря" (Омск). 1919. 3 июня.
58. Там же. 4 июня.
59. Кузнецова Э.И. Партийно-советская печать Дальнего Востока в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Дисс... к.и.н. М., 1970. С.164.
60. Там же.
61. Там же.
62. Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в советской России /1917-1920 гг./ М., 1990. С.122.
63. Там же. С.39.
64. Там же. С.33.
65. Там же. С.134.

66. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.35. Л.1-1,об.
67. Брыляков Н.А. Российское телеграфное... М., 1976. С.53.
68. Там же. С.54.
69. Краткий очерк деятельности литиздата с окт. 1919 по июнь 1920 гг.// Отчет о деятельности литературно-издательского отдела политического управления Революционного военного совета Западного фронта с окт. 1919 по апр. 1920 гг. Б.м., 1921. С.7.
70. О политической работе в Красной армии (положение, инструкции, схемы, штаты и т.п.). Киев, 1919. С.115.
71. Приказ N 450 командующего Западным фронтом от 10 марта 1920 г.// Там же. С.57-58.
72. Приказ N 1188 командующего армиями Западного фронта от 7 июня 1920 г.//Там же. С.50.
73. О политической работе в Красной армии (положение, инструкции, схемы, штаты и т.п.). Киев, 1919. С.57.
74. Там же.
75. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.98-98,об.
76. Там же. Ф.4626. Оп.1. Д.24. Л.40-46.
77. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.97.
78. Там же. Ф.1561. Оп.1. Д.2. Л.66об.
79. Там же. Ф.439. Оп.1. Д.25. Л.225.
80. Там же.
81. Там же. Ф.440. Оп.1. Д.35. Л.2,7.
82. Там же. Л.4.
83. Парфенов Н.Н. Газеты и листовки на Северном фронте (1918-1920 гг.)// Журналистика и жизнь. Сборник статей кафедры журналистики. Вып. 1У. Л., 1967. С.136.
84. ГАРФ. Ф.19. Оп.1. Д.45. Л.13.
85. Там же. Л.13,об.
86. Там же.
87. Там же. Л.13.
88. Там же Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.97.
89. Там же. Ф.4626. Оп.1. Д.28. Л.4,об.
90. Там же. Оп.1. Д.28. Л.33.
91. Там же. Ф.439. Оп.1. Д.25. Л.200; Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. С.114.
92. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.116. Л.1,об.
93. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.9. Л.421.
94. Там же. Оп.3. Д.210. Л.1.
95. Там же. Д.148. Л.6.

96. Там же.
97. Там же. Ф.4626. Оп.1. Д.19. Л.11,об.
98. Там же. Ф.952. Оп.3. Д.148. Л.27.
99. Там же. Ф.4626. Оп.1. Д.49. Л.26.
100. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 2. С.24, 26-27.
101. Краткий отчет о деятельности заграничных отделений РБП... С.192.
102. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.37.
103. Там же. Оп.3. Д.148. Л.2,об.
104. Краткий отчет о деятельности заграничных отделений РБП... С.195.
105. Там же.
106. Там же.
107. Там же. С.197.
108. Там же.
109. Там же. С.195-196.
110. Там же.
111. Там же. С.195.
112. Краткий отчет о деятельности заграничных отделений РБП... С.196.
113. Там же. С.196.
114. Там же. С.193.
115. Краткий отчет о деятельности заграничных отделений РБП... С.193.
116. ГАРФ. Ф.4626. Оп.2. Д.6. Л.24.
117. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.93-93,об.
118. Там же. Оп.3. Д.165. Л.10.
119. Там же. Оп.1. Д.6. Л.6,об.
120. РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.73. Л.107.
121. ГАРФ. Ф.952. Оп.3. Д.148. Л.4.
122. Там же. Д.210. Л.54,об.
123. Там же. Ф.446. Оп.2. Д.112. Л.7.
124. Там же. Л.6.
125. Там же. Ф.439. Оп.1. Д.25. Л.193.
126. Там же. Л.228.127.
127. Там же. Ф.440. Оп.1. Д.37. Л.6;
128. Там же. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.249; Ф.5851. Оп.1. Д.2. Л.227.
129. Там же. Ф.446. Оп.2. Д.119. Л.33.
130. Там же. Л.32.
131. Там же. Ф.3695. Оп.1. Д.216. Л.37.
132. Там же.
133. Иностраный отдел РОСТА /Ино-РОСТА/ (Доклад заведующего отделом тов. Брагинского)// Первый Всероссийский съезд работников РОСТА. Материалы к съезду. 1920. 20 мая. N 2. С.1.

134. Декреты советской власти. Т.4. М., 1968. С.145.
135. Там же.
136. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.116. Л.4-11.
137. Там же. Л.19-19,об.
138. Там же. Л.13-18.
139. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.489. Л.17-22.
140. Там же.
141. Там же. Л.7-9.
142. Там же. Ф.4626. Оп.2. Д.3. Л.8-14.
143. Инструкция корреспондентам литературно-издательского отдела политического управления Революционного Военного совета Республики// Отчет о деятельности литературно-издательского отдела политического управления Революционного Военного совета Республики... С.63.
144. Инструкция для корреспондентов при рескомах// Отчет о деятельности литературно-издательского отдела политического управления Революционного военного совета Западного фронта... С.51-52.
145. Инструкция военным корреспондентам Западного фронта// Там же.
146. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.77. Л.1,об.
147. Инструкция для корреспондентов при ревкомах// Отчет о деятельности литературно-издательского отдела политического управления Революционного военного совета Западного фронта... С.51-52.
148. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.116. Л.4.
149. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.489. Л.8,об.
150. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.489. Л.19.
151. Там же. Ф.440. Оп.1. Д.119. Л.4,об.
152. Там же. Ф.4626. Оп.2. Д.3. Л.10,об.
153. Там же. Л.11.
154. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.489. Л.20.
155. Там же. Ф.440. Оп.1. Д.116. Л.16.
156. Там же. Ф. 19. Оп.1. Д.2. Л.25.
157. От редакции// "Вестник ВПСО". (Архангельск). 1918. 2 окт.
158. Нурманова З.А. Возникновение и развитие информационной службы республик Средней Азии /1917-1924 гг./ Дисс... к.и.н. М., 1975. С.71.
159. Катков И.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918-1920 годов. Л., 1977. С.20.
160. РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.73. Л.129-130.
161. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.97,об.
162. РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.73. Л.64.
163. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.121. Л.16.
164. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 9. С.26.

165. Установление телеграфной связи между Деникиным и Юденичем// "Общее дело". (Париж). 1919. 21 окт.
166. Штерн С. В огне Гражданской войны. Берлин, 1922. С.110.
167. Там же.
168. ГАРФ. Ф.17. Оп.1. Д.47. Л.33.
169. Там же. Л.37.
170. Там же. Ф.19. Оп.1. Д.39. Л.12,об.
171. РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.73. Л.57.
172. Инструкция для корреспондентов при ревкомах// Отчет о деятельности литературно-издательского отдела политического управления Революционного военного совета Западного фронта... С.51-52.
173. РГВА. Ф.39720. Оп.1. Д.68. Л.88.
174. ГАРФ. Ф.4626. Оп.2. Д.6. Л.43.
175. Там же Ф. 19. Оп.1. Д.39. Л.22.
176. От бюро печати.// "Вестник ВПСО". (Архангельск). 1919. 25 февр.
177. Там же. 1918. 3 дек.
178. Там же. Ф.19. Оп.1. Д.30. Л.15.
179. Там же. Л.144.
180. Там же. Л.12.
181. Там же. Ф.19. Оп.1. Д.30. Л.147.
182. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.508. Л.2,об.
183. Брыляков Н.А. Указ. соч. С.28.
184. Отчет о деятельности литературно-издательского отдела политического управления революционного Военного Совета Республики с 1 июня 1919 по 1 июня 1920 гг. М., 1920. С.46.
185. ГАРФ. Оп.3. Д.148. Л.3.
186. Там же. Л.4.
187. Там же. Оп.1. Д.6. Л.97,об.
188. Там же. Д.7. Л.6.
189. Там же. Д.6. Л.95,об.
190. Там же. Л.96.
191. Там же. Ф.440. Оп.1. Д.35. Л.13.
192. Там же. Л.4.
193. Там же.
194. От бюро печати при Временном правительстве Северной области// "Возвращение" (Архангельск). 1919. 25 янв.
195. ГАРФ. Ф.391. Оп.1. Д.9. Л.211.
196. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 2. С.37.
197. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 1. С.24.
198. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 6. С.3.

199. ГАРФ. Ф.391. Оп.1. Д.9. Л.310.
200. Там же. Ф.19. Оп.1. Д.9. Л.241.
201. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 2. С.26.
202. "Новая русская книга" (Берлин). 1922. N 11-12. С.40.
203. "Русская книга" (Берлин). 1921. N 7-8. С.27.
204. Немирович-Данченко Г.В. Указ соч. С.34.
205. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.57.
206. Катков Н.Ф. Указ. соч. С.23.
207. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.7. Л.12,об.
208. Наживин И. Записки о революции. Вена, 1921. С.277.
209. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.202.
210. Там же. Л.542.
211. Там же. Ф.391. Оп.1. Д.9. Л.241.
212. Освобождение Петрограда// "За неделю" (Новочеркасск). 1919. 17 окт.
213. Бык бычку на веревочке// Там же.
214. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.561.
215. РГВА. Ф.39540. Оп.1. Д.64. Л.4,об.
216. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.264.
217. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.6. Л.69.
218. Арнольдов Л.В. Указ. соч. С.274.
219. Там же. С.275.
220. Там же.
221. РГВА. Ф.40238. Оп.2. Д.38. Л.1.
222. Там же. Л.1,об.
223. Бык бычку на веревочке// "За неделю" (Новочеркасск). 1919. 17 окт.
224. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.116. Л.15.
225. Штерн С. В огне Гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Берлин, 1922. С.112.
226. "Свободная Сибирь" (Красноярск). 1918. 10 окт.
227. ГАРФ. Ф.391. Оп.1. Д.9. Л.152.
228. Там же. Л.58.
229. Арнольдов Л.В. Указ. соч. С.164.
230. ГАРФ. Ф.4886. Оп.1. Д.2. Л.1-2.
231. Там же. Ф.952. Оп.3. Л.221. Л.44.
232. Бюро вырезок РОСТА (Доклад заведующего бюро вырезок т. Гурко)// Первый Всероссийский съезд работников РОСТА. Материалы к съезду. 1920. 20 мая. N 2. С.1.
233. Там же.
234. ГАРФ. Ф.952. Оп.3. Д.131. Л.3.
235. Там же.

236. Там же.
237. Там же.
238. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5-ти тт. Берлин, 1925. Т.4. С.232.
239. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.35. Л.3.
240. Там же.
241. ГАРФ. Ф.440. Оп.1. Д.35. Л.3.
242. Голомб Э.Г., Фингерит Е.М. Распространение печати в дореволюционной России и в Советском Союзе. М., 1967. С.82.
243. Хлебцевич Е.И. Опыт библиотечной работы на фронте// "Советская библиография". Сб.3. 1935. С.16.
244. Там же.
245. Там же.
246. Ознобишин Д. Красноармейские газеты на фронтах Гражданской войны// "Пропагандист и агитатор РККА". 1939. С.21.
247. Бахтурина Г.И. Издательская деятельность советов// Книга. Исследования и материалы. Сб. XL. М., 1980. С.92.
248. О политической работе в Красной армии (положение, инструкции, схемы, штаты и т.п.). Киев, 1919. С.42.
249. Там же. С.43.
250. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Сб. док. М., 1957. Т.4. С.20.
251. Там же. Т.2. С.78.
252. Там же. Т.2. С.121.
253. ГАРФ. Ф.952. Оп.1. Д.507. Л.10.
254. Там же. Д.9. Л.421.
255. Там же. Ф.4626. Оп.1. Д.9. Л.420.
256. ГАРФ. Ф.4910. Оп.1. Д.11. Л.10.
257. Там же.
258. Там же. Ф.148. Оп.6. Д.12. Л.4.
259. Там же. Л.1-1об.
260. Там же. Л.8.
261. Штерн С. В огне Гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Берлин, 1922. С.122.
262. ГАРФ. Ф.4910. Оп.1. Д.3. Л.5.
263. Невский В.И. Работа в деревне и Центропечать. Доклад на 2-ом съезде Центропечати. М., 1920. С.14.
264. Федупов М. (Красноармеец 8-й стрелковой дивизии). О красноармейских газетах// "Коммунар". (Москва), 1919. 16 мая.
265. "Сибирская жизнь" (Томск). 1919. 23 авг.

266. Штерн С. В огне Гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Берлин, 1922. С.122.
267. Соколов И.А. О советской России// "Сибирская жизнь" (Томск). 1919. 25 июня.

ГЛАВА 3

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. С.406.
2. Декрет СНК о печати// Издательское дело в первые годы советской власти (1917-1922). М., 1972. С.11-12.
3. Декрет СНК о Революционном трибунале печати// Там же. С.17-18.
4. Протест В.Г. Короленко// "Киевская мысль". 1917. 8 нояб.
5. Декрет от 8 дек. 1917 г.// "Труд" (Москва). 1917. 9 дек.
6. Записка комитета по защите свободы печати// "Киевская мысль". 1918. 12 июля.
7. ГАРФ. Ф.1700. Оп.7. Д.5. Л.3-3,об.
8. Белоруссов А.С. Демократические превосходства и печать// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1918. 20 нояб.
9. Там же.
10. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.119. Л.86.
11. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)-РКП(б)... М., 1967. Т.3. С.66.
12. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.7,об.
13. Там же. Ф.444. Оп.1. Д.5. Л.3,об.
14. Там же. Ф.440. Оп.1. Д.116. Л.2,об.
15. Там же. Ф.952. Оп.1. Д.35. Л.1.
16. Создание сибирской армии// "Сибирская жизнь". (Томск), 1918. 1 сент.
17. Омск. 1 сентября// "Дело Сибири". (Омск), 1918. 1 сент.
18. ГАРФ. Ф.4626. Оп.2. Д.71. Л.2.
19. Там же. Д.5. Л.50-50,об.
20. Там же. Л.52.
21. Декреты советской власти. Т.4. М., 1968. С.145.
22. ГАРФ. Ф.148. Оп.6. Д.1. Л.1,об.
23. Интервенция на Севере в документах. М., 1933. С.20.
24. Там же.
25. "Голос народа" (Томск). 1918. 3 нояб.
26. ГАРФ. Ф.130. Оп.2. Д.976. Л.11-12.
27. Там же. Л.13-14.
28. Там же. Л.13,об.
29. О военной цензуре (Положение, приказ революционного военного сове-

- та)// Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Гл.1. 1918. N 97. Ст.987. С.1244-1245; РГВА. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.65-66.
30. Там же. С.1244.
  31. РГВА. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.65.
  32. РГВА. Л.69-70.
  33. Там же. Л.45-58.
  34. Там же. Л.58.
  35. РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.343. Л.7-9.
  36. Там же. Л.8-8,об.
  37. Там же. Л.9.
  38. Там же. Л.7.
  39. Там же. Д.336, Л.29-29,об., 34-34,об.; Д.343. Л.47-47,об.
  40. Там же. Л.46.
  41. Там же. Д.336. Л.45.
  42. Там же. Д.119. Л.25.
  43. Опять цензура// "Наш дом" (Самара). 1918. 21 авг.
  44. ГАРФ. Ф.176. Оп.6. Д.98. Л.5.
  45. Там же. Ф.148. Оп.6. Д.4. Л.14.
  46. Там же. Ф.176. Оп.6. Д.98. Л.1,об.
  47. О специальной военной цензуре// Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел 1. 1917. N 199. с.1230.
  48. ГАРФ. Ф.176. Оп.5. Д.1745. Л.20-20,об.
  49. Там же. Ф.148. Оп.6. Д.4. Л.30.
  50. Там же. Л.30,об.
  51. ГАРФ. Ф.1700. Оп.5. Д.65. Л.15.
  52. Там же. Л.15-15,об.
  53. На Минусинском фронте (сообщение сотрудника И.К. Ауэрбаха)// "Сибирские огни". 1933. N 3-4. С.205.
  54. Там же. Ф.148. Оп.6. Д.41. Л.3-4,об.
  55. РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.74. Л.4,об.
  56. Там же. Л.131.
  57. РГВА. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.65.
  58. Там же. Л.64,об.
  59. Тон красноармейцам// "Воля и думы железнодорожника". 1919. 27 янв.
  60. РГВА. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.45,об.
  61. РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.343. Л.47,об.
  62. Там же. Л.47.
  63. Там же.
  64. Там же.

65. Там же. Л.55.
66. Из области печати// "Сибирская жизнь" (Томск). 1919. 16 янв.
67. Информация// "Власть народа" (Челябинск). 1918. 17 окт.
68. ГАРФ. Ф.1700. Оп.5. Д.65. Л.80.
69. РГВА. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.69-70.
70. РГВА. Ф.25889. Оп.1. Д.35. Л.263.
71. Сборник постановлений и распоряжений по Народному комиссариату почт и телеграфов. 1920. N 9. С.34.
72. Все о том же// "Киевская мысль". 1918. 30 июля.
73. РГВА. Ф.39446. Оп.1. Д.51. Л.1,об.
74. РГВА. Ф.40238. Оп.1. Д.30. Л.5-5,об.
75. Там же. Л.4.
76. ГАРФ. Ф.1700. Оп.7. Д.5. Л.34-34,об.
77. Все о том же// "Киевская мысль". 1918. 30 июля.
78. Харьковский администратор// "Киевская мысль". 1918 22 июня.
79. ГАРФ. Ф.1700. Оп.7. Д.5. Л.85.
80. К положению печати// "Дальневосточное обозрение" (Владивосток). 1919. 25 июня.
81. (Информация)// "Новая Сибирь" (Иркутск). 1919. 11 февр.
82. ГАРФ. Ф.176. Оп.5. Д.24. Л.77,об.
83. Там же. Ф.446. Оп.2. Д.119. Л.76-76,об.
84. ГАРФ. Ф.1700. Оп.7. Д.5. Л.100.
85. "Знамя народоправства" (Камышлов). 1919. 12 янв.
86. ГАРФ. Ф.176. Оп.1. Д.109. Л.98.
87. РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.343. Л.61.
88. Там же. Л.60,об.
89. РГВА. Ф.39528. Оп.1. Д.2. Л.2-3.
90. Там же. Л.3.
91. Там же.
92. Немирович-Данченко Г.В. Указ. соч. С.88.
93. Раковский Г. Конец белых// Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С.440.
94. Печать// "Вечернее время" (Севастополь). 1920. 4 июля.
95. Раковский Г. Указ. соч. С.441.
96. Положение печати// "Время" (Севастополь). 1920. 13 сент.
97. Раковский Г. Указ. соч. С.441.
98. Немирович-Данченко Г.В. Указ. соч. С.90.
99. "Слово народа" (Никольск-Уссурийский). 1919. 18 февр.
100. К сведению// "Вестник ВУСО" (Архангельск). 1918. 27 сент.
101. "Голос Родины" (Владивосток). 1919. 6 сент.
102. Врангель Н.П. Воспоминания. В 2-х ч. М., 1992. Ч.2. С.217.

103. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.9. Л.54, 61, 63, 67.
104. Реввоенсовет республики (1928-1924 гг.): Протоколы постановления: В 3-х т. М., Т.1. С.702, 770, 807.
105. РГВА. Ф.33987. Оп.2. Д.113. Л.186,об.
106. Там же. Л.187.
107. ГАРФ. Ф.439. Оп.1. Д.37. Л.1.
108. РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.343. Л.92-92,об.
109. Там же. Л.92.
110. Там же.
111. Там же. Л.92,об.
112. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.122. Л.46.
113. Там же. Л.168,об.
114. РГВА. Ф.39457. Оп.2. Д.336. Л.39.
115. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.119. Л.111.
116. Там же. Ф.1700. Оп.5. Д.65. Л.80.
117. РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д. 343. Л.47-47,об.
118. Там же.
119. Там же. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.65.
120. Рваться в бой. Приветствие съезду рабочих и крестьянок// "Беднота" (Москва). 1919. 30 янв.
121. Щербатов. Дело у нас одно// "Беднота" (Москва). 12 авг.
122. Привет рабочим Петрограда// "Клич трудовых казаков" (Москва). 1919. 10 янв.
123. Работники нужны на Ижевских и Воткинских заводах// "Коммунар" (Москва). 1919. 5 янв.
124. Постройка новых судов// "Окарь" (Москва). 1919. 5 янв.
125. РГВА. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.63,об.
126. "Экономическая жизнь" (Москва). 1919. 10 янв.
127. Телеграф на фронте// "Коммунар" (Москва). 1919. 28 янв.
128. В московском революционном трибунале// "Вечерние известия" (Москва). 1919. 10 янв., В Австро-Венгрии "Окарь" (Москва). 1919. 20 янв.
129. РГВА. Ф.39457. Оп.2. Д.336. Л.34.
130. Позор// "Правда" (Москва). 1919. 4 янв.
131. РГВА. Ф.25883. Оп.3. Д.1561. Л.75.
132. Там же.
133. Васильев В. Черноморское побережье. Письмо// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1919. 21 июля.
134. Там же.
135. Там же. Ф.952. Оп.3. Д.24. Л.30.
136. Задача власти// Там же. 1920. 4 янв.

137. Заявление// Там же. 20 янв.
138. РГВА Ф.33987. Оп.2. Д.11. Л.3, 185.
139. Там же. Ф.25883. Оп.3. Д.1561. Л.77,об.
140. Там же. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.64.
141. Там же. Ф.25889. Оп.5. Д.35. Л.261,об.
142. Там же. Ф.25. Оп.7. Д.3. Л.72,об., 77,об.
143. ГАРФ. Ф.356. Оп.1. Д.70. Л.6.
144. Там же. Ф.130. Оп.2. Д.976. Л.8.
145. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. С.126.
146. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.119. Л.66.
147. Там же. Ф.391. Оп.1. Д.9. Л.148.
148. Там же. Л.169.
149. Калинин И.М. Русская Вандея. М.-Л., 1926. С.224.
150. Там же.

ГЛАВА 4

1. Гончаров А.А. Большевистские партийные и советские газеты... С.42/.
2. Ленин к рабочим Петрограда// "Беднота" (Москва). 1918. 14 окт.
3. Обращение к питерским рабочим об организации продовольственных отрядов// "Петроградская правда". 1918. 22 мая; "Известия ВЦИК". 1918. 29 мая.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.612.
5. Газеты советской России... С.58.
6. В царстве Деникина// "Вестник ВПСО" (Архангельск). 1919. 24 июля.
7. В царстве Деникина// "Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов". 1919. 10 июня/.
8. "Русь" (Омск). 1919. 23 июня.
9. "Беднота". (Москва), 1919. N 355.
10. Последние известия// "Приневский край" (Гатчина). 1919. 25 окт.
11. Великов Н. Реквизиции испугались// "Беднота". М., 1918. 30 июня.
12. Сосновский Л. О борьбе с голодом и "крестовом походе" // "Правда". 1918. 20 июня.
13. "Беднота". 1919. 30 мая.
14. ГАРФ. Ф.393. Оп.11. Д.66. Л.22-23; Д.77. Л.200-201.
15. Газеты Советской России... С.58.
16. Против кустарничества и распыления сил. (Об агит.-проп. работе)// "Известия Воронежского губкома РКП(б)". 1920. 30 авг./
17. "Красный Север" (Вологда). 1919. 1 мая/.

18. Спиридонова М. О политической борьбе// "Знамя труда" (Галич). 1917. 19 нояб.
19. Там же.
20. Стеклов Ю. Палка о двух концах// "Известия ВЦИК". 1920. 22 апр.
21. Стеклов Ю. Держите связь с массой// "Известия ВЦИК". 1920. 26 июня
22. О войне внешней и войне внутренней// "Известия ВЦИК". 1917. 24 дек.
23. Карпинский В. Не ждать, а действовать// "Беднота" (Москва). 1919 14 окт.
24. Твердовский. Новая авантюра левых эсеров// "Красная газета" (Петроград). 1919. 15 февр.
25. Вещямур. Пора за дело// "Знамя труда" (Галич). 1917. 24 нояб.
26. Кирип Н. О мануфактуре, соли и пр.// "Беднота" (Москва). 1919. 26 дек.
27. Стеклов Ю. Фронт и тыл// "Известия ВЦИК". 1920. 27 июня.
28. Назад по заводам// "Красная газета" (Петроград). 1919. 3 апр.
29. Почему ты не доброволец?// "Приневский край" (Гатчина). 1919. 2 нояб.
30. Там же.
31. Одним оружием// "Труд" (Москва). 1917. 10 нояб.
32. По наклонной плоскости// "Сибирская жизнь" (Томск). 1919. 29 июля.
33. Годовщина освобождения// "Сибирская жизнь" (Томск). 1919 31 мая.
34. Владимир Ильич Ленин// "Приневский край" (Гатчина). 1919. 25 окт.
35. Там же.
36. Там же.
37. Предсмертное/ "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 19 июля.
38. Архангельск 21 января// "Русский Север" (Архангельск). 1920. 21 янв.
39. Их смертный приговор// "Новая Россия освобождаемая" (Псков). 1919. 29 июня.
40. Архангельск, 2 декабря// "Отечество" (Архангельск). 1919. 2 дек.
41. Н-й. Большевики чуют// "Отечество" (Архангельск). 1919. 10 июля.
42. Поделом// "Приневский край" (Нарва). 1919. 5 дек.
43. Д. Вы должны выбрать// "Донские ведомости". (Новочеркасск). 1919. 9 (22) нояб.
44. Нарва 5-го декабря// "Приневский край" (Нарва). 1919. 5 дек.
45. Советская Россия// "Эхо" (Владивосток). 1919. 4 апр.
46. Васильев М. Белое и красное// "За Родину!" (Семипалатинск). 1919. 24 окт.
47. В. Руадзе. Пропаганда// "Вечернее слово" (Севастополь). 1920. 23 июня.
48. Стеклов Ю. Нужно новое усилие// "Известия ВЦИК". 1919 6 июня.
49. Карпинский В. Прогнали насквозь// "Беднота" (Москва). 1919. 19 дек.
50. В советской России// "Вестник ВПСО". (Архангельск), 1919. 10 сент.

51. Последние известия// "Приневский край" (Гатчина). 1919. 25 окт.
52. Петроград// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 28 мая.
53. Там же.
54. Война и спекуляция// "Наш день" (Самара). 1918. 30 июля.
55. -С-. Политика и политиканство (Письмо из Омска)// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 5 июня.
56. Печать и жизни// "Наш путь" (Чита). 1919. 27 июня.
57. У. Информационная комедия// "Наш путь" (Чита). 1919. 25 февр.
58. Неделя о слухах// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 7 июня.
59. Печать и жизни// "Наш путь" (Чита). 1919. 27 июня.
60. Печать// "Сибирская жизнь" (Томск). 1919. 23 авг.
61. Слухи// Там же. 26 июля.
62. У них// Там же. 4 июля.
63. Там же.
64. Газеты Советской России... С.58.
65. Верховский Н. Путь на север. Очерки крестьянских настроений 2// "Юг России" (Севастополь). 1920. 25 июня.
66. Калинин И.М. Русская Вандея. М.-Л., 1926, С.291.
67. О гражданской войне// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 15 (2) июня.
68. Чита, 7 февраля// "Наш путь" (Чита). 1919. 7 февр.
69. Ильин И.А. Собр. соч. М., 2001. С.116.
70. Бенедиктов М. Кровавая страница// "Юг России" (Севастополь). 1920. 6 нояб.
71. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование// Сочинения. М., 1995. С.323.
72. Хлеб вместо пушек// "Эхо" (Владивосток). 1919. 2 апр.
73. Ильин И.А. Собр. соч. М., 2001. С.105.
74. "Отечественные ведомости" по поводу годовщины революции// "Сибирские стрелки" (Пермь). 1919. 14 марта.
75. Ильин И.А. Собр. соч. М., 2001. С.108.
76. Бурнакин А. Одинокие// "Вечернее слово" (Севастополь). 1920. 8 авг.
77. А-въ. Восточные навыки// "Наш день" (Самара). 1918. 20 июля.
78. Орел, 31 декабря// "Дело социал-демократа" (Орел). 1917. 31 дек.
79. Там же.
80. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1999. С.26.
81. Печорский Л. Каинова печать// "Голос народа" (Томск). 1918. 6 нояб.
82. А-въ. Восточные навыки// "Наш день" (Самара). 1918. 20 июля.
83. Бердяев Н.А. Оздоровление России// Духовные основы русской революции. Париж, 1990. С.182.

84. Там же.
85. Слово//*"Сибирская жизнь"* (Томск). 1919. 31 авг.
86. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции// *Из глубины*. М., 1991. С. 41.
87. Франк С.Л. *De Profundis*// *Из глубины*. М., 1990. С 309.
88. Единая великая Россия// *"Пермская земская неделя"*. 1919. 9 апр. N 11. Ст.6.
89. В.П. Революционеры или реакционеры?// *"Дело социал-демократа"* (Орел). 1917. 16 нояб.
90. Бердяев Н.А. Была ли в России революция?// *Духовные основы русской революции*. Париж, 1990. С.105.
91. Ильин И.А. Собр. соч. М., 2001. С.146.
92. Опять насилие// *"Труд"* (М). 1917. 28 нояб.
93. Перемирие и мир//*"Московский листок"*. 1917. 5 дек.
94. Приемы борьбы// *"Эхо"* (Владивосток). 1919. 11 апр.
95. Кто применял террор?//*"Известия ВЦИК"* (Москва). 1917. 31 дек.
96. Горев Б. Демократическая республика или республика советов//*"Дело социал-демократа"* (Орел). 1917. 9 дек.
97. Учредительное собрание и штыки//*"Московский листок"*. 1917. 19 нояб.
98. Правый большевизм// *"Эхо"* (Владивосток). 1919. 4 апр.
99. Самарин К. Положение рабочего класса// *"Эхо"* (Владивосток). 1919. 3 мая/.
100. Трояновский А. Коммунисты за работой//*"Всегда вперед!"* (Москва). 1919. 22 февр.
101. Ильин И.А. Собр. соч. М., 2001. С.124.
102. Там же. С.208.
103. Приемы борьбы// *"Эхо"* (Владивосток). 1919. 11 апр.
104. От редакции//*"Правда"* (Москва). 1920. 26 дек.
105. Там же.
106. Ю.Д. Контрреволюция//*"Дело социал-демократа"* (Орел). 1917. 24 дек.
107. Васильев М. Белое и красное// *"За Родину!"* (Семипалатинск). 1919. 24 окт./.
108. Соколов И.А. Советская Россия// *"Сибирская жизнь"* (Томск). 1919. 25 июня.
109. Предсмертное//*"Отечественные ведомости"* (Екатеринбург). 1919. 19 июля.
110. Ильин И.А. Собр. соч. М., 2001. С.147.
111. Бенедиктов М. Кризис социализма//*"Юг России"* (Севастополь). 1920. 27 авг. (9 сент.).
112. Костромской. Что нам дали большевики//*"Наш день"* (Самара). 1918. 8 сент.
113. А-въ. Восточные окраины//*"Наш путь"* (Самара). 1918. 15 июля.
114. Гнесин Л. *"Предпраздничные"* мотивы//*"Дело социал-демократа"* (Орел). 1917. 24 дек.
115. Анненский М. Ход нашей экономической революции//*"Красная газета"* (Петроград). 1919. 1 апр.
116. Там же.
117. Там же.
118. Стеклов Ю. Фронт и тыл//*"Известия ВЦИК"*. 1920. 27 июня.
119. Костромской. Что нам дали большевики//*"Наш день"* (Самара). 1918. 8 сент.
120. Верховский Н. Путь на север. Очерки крестьянских настроений// *"Юг России"* (Севастополь). 1920. 25 июня.
121. Грандов М. Не милостыня, а долг//*"Беднота"* (Москва). 1919. 13 нояб.
122. Верховский Н. Путь на север. Очерки крестьянских настроений 2// *"Юг России"* (Севастополь). 1920. 25 июня.
123. Должанский С. Преступления большевиков//*"Труд"* (Москва). 1917. 17 нояб.
124. Да здравствует власть советов! Да здравствует равноправное трудовое крестьянство!//*"Голос трудового крестьянства"* (Москва). 1918. 16 июля.
125. От редакции//*"Правда"* (Москва). 1920. 26 дек.
126. Приемы борьбы// *"Эхо"* (Владивосток). 1919. 11 апр.
127. В советской России. (Рассказ бежавшего из плена). *"Юг России"* (Севастополь). 1920. 10 (23). июля.
128. К-въ. Повстанчество в гражданской войне// *"Юг России"* (Севастополь). 1920. 10 (23) июля.
129. Рождественский С. Обратный процесс// *"Голос народа"* (Томск). 1919. 3 дек.
130. Байтурсинов А. Революция и киргизы// *"Жизнь национальностей"* (Москва). 1919. 3 авг.
131. Там же.
132. Там же.
133. Там же.
134. Букинич А. Коммунизм и киргизы// *"Жизнь национальностей"* (Москва). 1919 17 авг.).
135. Там же.
136. Барский С. Объединенная Польша//*"Известия ВЦИК"*. 1920. 24 окт.
137. Н. Увлекаемые роком// *"Южные ведомости"* (Симферополь). 1920. 12 авг.
138. Костромской. Что нам дали большевики//*"Наш день"* (Самара). 1918. 8 сент.

- сент.
139. Почему ты не доброволец?// "Приневский край" (Гатчина). 1919. 2 нояб.
  140. Хлеб вместо пушек// "Эхо" (Владивосток). 1919. 2 апр.
  141. Общественное мнение// "Отечественные ведомости". 1919. (Екатеринбург). 1919. 23(10) февр.
  142. Союзники// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1919 18 апр.
  143. Омский блок// "Тобольское народное слово". 1919. 12(25) февр.
  144. Новиков В. Застарелая болезнь// "Вестник Верховного круга". 1919. 24 дек.
  145. Архангельск, 4 дек.// "Отечество" (Архангельск). 1919. 4 дек.
  146. П. Мар- У них и у нас// "Донские ведомости". 1919. 5 (18) нояб.
  147. Омский блок// "Тобольское народное слово". 1919. 12(25) февр.
  148. Старое в новом// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 27(14) февр.
  149. Единение с обществом// "Тобольское народное слово". 1919. 12(20) июля.
  150. Америк. журналист о ситуации в Сибири /из статьи корреспондента "Нью-Йорк геральд" Бернштейна, опубликованной в "Джанатан Адвертайсер"// "Тобольское народное слово". 1919. 3(16) янв.
  151. Архангельск 25 января// "Русский север". (Архангельск), 1919. 25 янв.
  152. Самарин К. Национальные и классовые интересы// "Эхо" (Владивосток). 1919. 4 мая.
  153. А.А. Партия еще не рожденная// "Тобольское народное слово". 1919. 7(20) марта.
  154. Великий диктатор// "Свободная Сибирь". 1918. 9 авг.
  155. Джинджик. Партия трансформистов// "Прибайкальская жизнь" (Верхнеудинск). 1919. 16 мая.
  156. Франк С.Л. De Profundis// Из глубины. М., 1991. С.311-312.
  157. Иванов В. Либерализм и социал-демократия// "Современная Пермь". 1919. 13 мая.
  158. Пермь, 1 мая// "Современная Пермь". 1919. 1 мая.
  159. Архангельск 25 января// "Русский север". (Архангельск), 1919. 25 янв.
  160. "Алтайский луч". 1918. 18 апр.
  161. А.Ш. К урнам// "Народная мысль" (Пермь) 1919. 19 июня N 4. С.2.
  162. Якубович П. Итоги прошлого, задачи настоящего. (К празднованию годовщины февральской революции в Перми)// "Пермская земская неделя" 1919. 16 марта N 3. С.5.
  163. Полторацкий Н. Монархия и республика в восприятии И.А. Ильина// Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 2001. С.499.
  164. Там и здесь// "Эхо" (Владивосток). 1919. 19 мая.

165. Франк С.Л. De Profundis// Из глубины. М., 1991. С.315.
166. Бердяев Н.А. Власть и психология интеллигенции// Духовные основы русской революции". Париж, 1990. С.205.
167. Иванов В. Либерализм и демократия// "Современная Пермь". 1919. 13 мая.
168. Корзлинский Н. Пенкосниматели// "Народная мысль" (Пермь). 1919. 7 июня.
169. Четыринский И. Пермские силуэты// "Горный край" (Екатеринбург). 1919. 30 апр.
170. Чита, 13 февраля// "Наш путь" (Чита). 1919. 13 февр.
171. З. Экономический хаос// "Русский Север" (Архангельск). 1920. 18 янв.
172. Верховный круг// "Вольная Кубань". (Екатеринодар), 1919. 29 дек.
173. А.М. Спекуляция или политическое преступление и о принятии мер против нее// "Новое слово" (Семипалатинск). 1919. 28 мая.
174. Чита, 12 августа// "Наш путь". 1919. 12 авг.
175. К разрешению рабочего вопроса// "Наш путь" (Чита). 1919. 1 авг.
176. Там же.
177. А-в. Прямой путь// "Наш день" (Самара). 1918. 8 июля.
178. Предательство в тылу// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1919. 10 июля.
179. К-в. Повстанчество в гражданской войне// "Юг России" (Севастополь). 1920. 10 (23) июля.
180. Кому в Екатеринодаре жить хорошо? О бюрократизме и казнокрадстве// "Вольная Кубань". (Екатеринодар), 1919. 12 июля.
181. Откуда инородческий сепаратизм?// "Наш путь" (Чита). 1919. 11 июля.
182. А-в. Самособирание// "Наш путь" (Самара). 1918. 13 июля.
183. Архангельск 18 января// "Русский Север" (Архангельск). 1920. 18 февр.
184. И. Р-Й. Земля, федерация и централизм// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1919. 20 июля.
185. Генерал Нокс и Семенов// "Тобольское народное слово". 1919. 2(16). апр.
186. "Вольная Кубань". Екатеринодар, 1918. 6 сент.
187. Казаки-федералисты// "Вольная Кубань". (Екатеринодар), 1919. 29 мая.
188. Чебышев Н. Гарантированное конституцией бессилие власти// "Великая Россия". 1920. 26 (9) янв./.
189. Бурнакин А. Сила патриотизма// "Вечернее слово" (Севастополь). 1920. 12 авг.
190. И.Ф. Национальная борьба// "За Родину!" (Семипалатинск). 1919. 12 окт.
191. Бурнакин А. Предвестие о России// "Вечернее слово" (Севастополь). 1920. 15 июля/.

192. Бурнакин А. Национальная демократия// "Вечернее слово" (Севастополь). 1920. 13 июля.
193. Я-ли. Национальное Учредительное собрание// "За Родину!" (Семипалатинск). 1919. 10 авг.
194. Суворин Бор. День за днем// "Время Бор. Суворина" (Симферополь). 1920. 1920. 10 сент.
195. Я-ли. Национальные проблемы// "За Родину!" (Семипалатинск). 1919. 14 авг.
196. Годовщина Чехословацкого выступления// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 25 мая.
197. А.Ц. Между двумя стульями// "Красная газета" (Петроград). 1919. 7 марта.
198. Велики соблазн// "Отечественные ведомости" (Екатеринбург). 1919. 6 июля.
199. Чита, 19 января// "Наш путь" (Чита). 1919. 19 янв.
200. Какими книгами интересуются раненые// "Сибирские стрелки" (Пермь)/ 1919. 27 апр.
201. Ильин И.А. Духовный смысл сказки// Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М., 1993. С.240.
202. Notabene. М.М. Сперанский (Годовщина смерти)// "Новое слово" (Семипалатинск). 1919. 4 марта; Notabene. Гоголь// "Новое слово" (Семипалатинск). 1919. 6 марта; Notabene. Н.С. Лесков (Годовщина смерти)// "Новое слово" (Семипалатинск). 1919. 6,7 марта.
203. Гамаюн. Книга// "За Родину!" (Семипалатинск). 1919. 19 окт.
204. Ко "Дню книги"// "Сибирские стрелки" (Пермь). 1919. 17 апр.
205. Без книг — "Голос Приморья" (Владивосток). 1919. 1 февр.
206. Библиотека географического подотдела// "Новое слово" (Семипалатинск). 1919. 22 марта.
207. Курсы библиотекведения народного университета// "Голос Приморья" (Владивосток). 1919. 22 июня.
208. Струве П.Б. Трудный момент// "Великая Россия" (Ростов-н/Д.). 1919. 6 (19) дек.
209. А. Деятельность губернского земства по осведомлению населения// "Освобождение России" (Пермь). 1919. 3 июня.
210. Без комментариев// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1920. 8 янв.
211. Приказ N 275 6 мая 1919// "Наша газета" (Ижевск). 1919. 20 мая.
212. Нарва 5-го декабря// "Приневский край" (Нарва). 1919. 5 дек.
213. Екатеринодар. 19-го января 1920 г.// "Вольная Кубань" (Екатеринодар). 1920. 19 янв.
214. К моменту// Там же. 9 янв.
215. Т.Ч. Тыловая сводка// "Киевлянин". 1919. 20 нояб.
216. Александров А. Патриотизм имущего класса// "Голос степи" (Павлодар). 1919. 30 марта.
217. Куда и зачем бегут?// "Наша жизнь" (Ижевск). 1919. 6 июня.
218. Бердяев Н.А. Оздоровление России// Духовные основы русской революции. Париж, 1990. С.248.